

**НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ:
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
RUSSIAN JOURNAL
OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

Научный журнал

Том 19 № 1 ■ 2025 ■ Vol.19 No. 1

Учредитель:

Частное учреждение образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия»
Издается с декабря 2007 г. Выходит четыре раза в год.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Включен в Базу данных ВИНТИ РАН, ежегодно подающую сведения в мировую справочную систему по периодическим изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» о реферировании журнала в Реферативном журнале ВИНТИ РАН.

Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00557 от 03.04.2017 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Омской области.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161.

Ссылки на журнал при цитировании обязательны.

Цена свободная.

Главный редактор: А. Э. Еремеев
доктор филологических наук, профессор
Выпускающий редактор: О. В. Попова,
кандидат филологических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь: Т. М. Днепроvская
Редактор, корректор: Д. К. Сaitмамeтoвa
Компьютерная верстка: Т. М. Днепроvская

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.

Founder:

Private Establishment an Educational Institution of Higher Education "Omsk Humanitarian Academy".

First published: December 2007. Publication timeframe: 4 times per year.

The journal is included in the system of the Russian Science Citation Index.

The journal is indexed in the List of Russian peer-reviewed scientific journals where the main scientific results of dissertations for the degrees of Doctor and Candidate of Sciences should be published.

It is included in the VINITI Database RAS; the database annually submits information to "Ulrich's Periodicals Directory" that the journal is regularly reviewed in the VINITI RAS reference journal.

The registration certificate PI No. TU55-00557 dated 04/03/2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in Omsk Region.

Subscription index in the "Russian Print Media" catalog 43161.

If you cite the journal, reference it correctly.

Free market price.

Chief Editor: A. E. Eremeev,
Doctor of Philology, Professor
Managing editor: O. V. Popova
Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor
Editor, executive secretary: T. M. Dneprovskaya
Editor, Proof-reader: D. K. Saitmametova
Desktop Publishing: T. M. Dneprovskaya

Manuscripts are subjected to the editorial processing. The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.

ISSN 1998-5320 DOI 10.57015/issn1998-5320

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Адрес редакции и издателя: 644105, Омская область, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

Тел./факс 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omg.a.su>

Подписано в печать 24.03.2025. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 22,15.

Печ. л. 31,0.

Дата выхода в свет 31.03.2025.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ № 31.

Полиграфический центр издательства ОмГА.

644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а

© Омская гуманитарная академия, 2025

The cover is designed with a photograph of Calliope, a sculpture by Augustin Pageout (c. 1763).

Editorial office and publishing house address: 644105, Omsk region, Omsk, st. 4th Chelyuskintsev, 2a.

Tel./fax 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omg.a.su>

Passed for printing 3/24/2025. Format 60×84/8. Published page(s) 22.15. Printer's sheets 31,0.

Release date 3/31/2025.

Printing is 500 copies. (1st plant 1–100). Order No. 31.

Printing Center of OmHA Publishing House.

644105, Omsk, st. 4th Chelyuskintsev, 2a.

© Omsk Humanitarian Academy, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Еремеев Александр Эммануилович, д-р филол. наук, профессор, ректор Омской гуманитарной академии (Омск, Россия)

Заместители главного редактора

Иссерс Оксана Сергеевна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Лопанова Елена Валентиновна, д-р пед. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Патласов Олег Юрьевич, д-р экон. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Члены редколлегии

Акелькина Елена Алексеевна, д-р филол. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Апенько Светлана Николаевна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Беляев Виктор Иванович, д-р экон. наук, профессор. Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Бережнова Елена Викторовна, д-р пед. наук, профессор. Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, д-р филол. наук, профессор. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Викторович Владимир Александрович, д-р филол. наук, профессор. Государственный социально-гуманитарный университет (Коломна, Россия)

Далингер Виктор Алексеевич, д-р пед. наук, профессор. Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Дворядкина Елена Борисовна, д-р экон. наук, профессор. Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Донских Олег Альбертович, д-р филос. наук, профессор. Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Евдокимов Владимир Анатольевич, д-р полит. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Катаев Владимир Борисович, д-р филол. наук, профессор. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук, профессор. Омская гуманитарная академия (Омск, Россия)

Лебедева Ольга Борисовна, д-р филол. наук, профессор. Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Лозовский Борис Николаевич, д-р филол. наук, профессор. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Роберт Ирэна Веньяминовна, академик РАО, д-р пед. наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия)

Ромм Татьяна Александровна, д-р пед. наук, профессор. Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Сериков Владислав Владиславович, член-корреспондент РАО, д-р пед. наук, профессор. Институт стратегии развития образования РАО (Москва, Россия)

Смолин Олег Николаевич, академик РАО, д-р филос. наук, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ (Москва, Россия)

Фоменко Наталья Михайловна, д-р экон. наук, доцент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (Москва, Россия)

Шумакова Оксана Викторовна, д-р экон. наук, профессор. Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина (Омск, Россия)

Члены международного совета

Ашрапов Баходурджон Пулотович, канд. филол. наук. Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Бисваас Паримал Чандра, Ph.D., кандидат технических наук, профессор. Университет Адамас (Калькутта, Индия)

Ван Лиэ, Dr. Habil. Philol., профессор. Пекинский университет иностранных языков (Пекин, Китай)

Досанова Сая Сабировна, д-р пед. наук, профессор. Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова (Кокшетау, Республика Казахстан)

Кожей Славомир, д-р пед. наук, профессор. Университет Яна Кохановского в Кельце (Кельце, Польша)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, д-р пед. наук, профессор. Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Республика Казахстан)

Торхова Анна Васильевна, д-р пед. наук, профессор. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск, Республика Беларусь)

Ушаков Денис Сергеевич, д-р экон. наук, профессор. Университет Суан Сунандха Раджабхат (Бангкок, Таиланд)

Чимпоеш Драгош, д-р экон. наук, профессор. Государственный аграрный университет (Кишинев, Молдова)

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Alexander E. Ereemeev, Dr. Sc. (Philology), Professor, Rector of the Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Deputy Chief Editors

Oksana S. Issers, Dr. Sc. (Philology), Professor. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Elena V. Lopanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Oleg Yu. Patlasov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Editorial Staff

Elena A. Akelkina, Dr. Sc. (Philology), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Svetlana N. Apen'ko, Dr. Sc. (Economics), Professor. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Viktor I. Belyaev, Dr. Sc. (Economics), Professor. Altai State University (Barnaul, Russia)

Elena V. Berezhnova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Larisa O. Butakova, Dr. Sc. (Philology), Professor (Omsk, Russia)

Vladimir A. Viktorovich, Dr. Sc. (Philology), Professor. State University for Social Sciences and Humanities (Kolomna, Moscow Region, Russia)

Victor A. Dalinger, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Elena B. Dvoryadkina, Dr. Sc. (Economics), Professor, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

Oleg A. Donskih, Dr. Sc. (Philosophy), Professor. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)

Vladimir A. Evdokimov, Dr. Sc. (Political Science), Professor. Omsk Humanitarian Academy (Omsk, Russia)

Vladimir B. Kataev, Dr. Sc. (Philology), Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Gennadiy V. Kosyakov, Dr. Sc. (Philology), Omsk Humanitarian Academy Professor (Omsk, Russia)

Olga B. Lebedeva, Dr. Sc. (Philology), Professor. Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Boris N. Lozovsky, Dr. Sc. (Philology), Professor. Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Irena V. Robert, Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Tatyana A. Romm, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

Vladislav V. Serikov, Dr. Sc. (Pedagogy), Corresponding Member of RAO, Professor. Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Oleg N. Smolin, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Philosophy) First Deputy Chairman of the Education Committee of the State Duma of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Natalya M. Fomenko, Dr. Sc. (Economics), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)

Oksana V. Shumakova, Dr. Sc. (Economics), Professor. Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin (Omsk, Russia)

Members of the International Council

Bahodurjon P. Ashrapov, Cand. Sc. (Philology). Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov (Khujand, Republic of Tajikistan)

Parimal Chandra Biswas, Cand. Sc. (Engineering), Ph. D., Professor. Adamas University (Kolkata, India)

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor. Beijing University of Foreign Languages (Beijing, China)

Saya S. Dosanova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Abay Myrzakhetov Kokshetau University (Kokshetau, Republic of Kazakhstan)

Slavomir Koziej, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Jan Kochanowski University in Kielce (Kielce, Poland)

Aigerim N. Kosherbayeva, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Anna V. Torkhova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Republic of Belarus)

Denis S. Ushakov, Dr. Sc. (Economics), Professor. Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand)

Dragos Cimpoiu, Dr. Sc. (Economics), Professor. State Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Филологические науки

Philological Sciences

Нури Джаннат
За гранью традиций: роль образа Ольги в трансформации женственности в романе Ивана Гончарова «Обломов»

9

Nure Jannat
Beyond Tradition: Olga's Role in Transforming Femininity in Ivan Goncharov's Oblomov

Лу Чэнь
Амбивалентность характера как способ построения персонажей в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него»

21

Lu Chen
Character ambivalence as a method of character construction in A. Salnikov's novel "The Petrovs in and around the flu"

К. В. Синегубова, А. А. Аксёнова
Удивление читателя и принцип палимпсеста в стихотворении Л. Лосева «To Columbo»

35

K. V. Sinegubova, A. A. Aksenova
The reader's amazement and the principle of palimpsest in L. Losev's poem "To Columbo"

Н. Е. Ерофеева
Особенности хронотопа в лирическом романе-хронике Ф. Флэгг «Когда я отправлюсь на небеса»

43

N. E. Erofeeva
Features of the chronotope in F. Flagg's lyrical novel-chronicle "Can't wait to get to heaven"

Е. Н. Белая
Репрезентация концепта надежды в русской языковой картине мира

56

E. N. Belaya
Representation of the concept "hope" in the Russian language world picture

Т. С. Хрипля
Современный медицинский дискурс КНР: актуальные вопросы и направления исследования

66

T. S. Khriplia
Contemporary medical discourse in China: current issues and research directions

Педагогические науки

Pedagogical Sciences

Н. О. Омарова
Проблемы социализации человека в цифровом обществе

83

N. O. Omarova
Problems of human socialization in a digital society

Н. В. Герова
Модульный подход к построению образовательных программ в аспекте подготовки студентов инженерных специальностей

94

N. V. Gerova
Modular approach to the construction of educational programs in terms of engineering students training

И. В. Куламихина
Профессионально значимые ценности будущих ветеринарных врачей как фактор успешного овладения профессией

103

I. V. Kulamikhina
Professionally significant values of future veterinarians as a factor for successful mastery of the profession

К. А. Менлакаева, Н. В. Абрамовских
Методологические основания профессиональной подготовки
будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста

114

K. A. Menlakaeva, N. V. Abramovskikh
Methodological grounds for the professional training
of future teachers to develop financial literacy in children
of primary school age

Н. С. Ковалёва, О. Н. Сметанина
Развитие экологически ответственного поведения
у будущих учителей начальных классов

123

N. S. Kovaleva, O. N. Smetanina
Ecological responsibility development
of future primary school teachers

О. О. Шаламова
Модель базовых общепрофессиональных
компетенций психолога

132

O. O. Shalamova
The model of a psychologist's
fundamental general professional competencies

В. Г. Пинигин
Мотивационный компонент в системе допустимого риска
у подростков: психолого-педагогическая трактовка проблемы

142

V. G. Pinigin
The motivational component in the system of acceptable risk in
adolescents: psychological and pedagogical interpretation of the problem

Ю. В. Мурзин, А. А. Фоменко, М. С. Расин
Оценка деятельности спортивного клуба в высшем учебном
заведении на этапе становления

153

Yu. V. Murzin, A. A. Fomenko, M. S. Rasin
Evaluation of the sports club activities in a higher educational
institution at the formation stage

Экономические науки

Economic Sciences

В. В. Бирюков
Основной вопрос экономической теории и изучение
протосистемы экономических систем

163

V. V. Biryukov
The main issue of economic theory and the study
of the protosystem of economic systems

Л. А. Чижова, М. Г. Губайдуллин
Экономические, экологические и социокультурные
особенности жизнедеятельности в Российской Арктике

173

L. A. Chizhova, M. G. Gubaidullin
Economic, environmental and socio-cultural features
of life in the Russian Arctic

И. Н. Моргачева
Контент как предмет социально-экономических отношений

187

I. N. Morgacheva
Content as a subject of socio-economic relations

Д. З. Адильбеков, А. М. Аюлов
Эволюция системы государственного управления:
анализ международного опыта успешных практик

197

D. Z. Adilbekov, A. M. Ayulov
The evolution of the public administration system:
the analysis of the successful international experience

Р. Р. Нейман
Матрица эффективности технологий
корпоративного обучения персонала

207

R. R. Neyman
Efficiency matrix of corporate
personnel training technologies

Раздел 1. Филологические науки
Part 1. Philological Sciences

Nure Jannat¹

✉ nurejannat00@gmail.com

¹Noakhali Science and Technology University, Noakhali, Bangladesh

Beyond Tradition: Olga's Role in Transforming Femininity in Ivan Goncharov's Oblomov

Abstract: Ivan Goncharov's portrayal of Olga Ilinskaya in *Oblomov* presents a revolutionary archetype in Russian literature, challenging traditional depictions of femininity. Olga transcends conventional roles as a nonconformist and a new woman, rejecting passive stereotypes to pursue intellectual and personal fulfillment. Her relationship with Oblomov defies patriarchal norms, prioritizing moral duty and spiritual connection over traditional romantic ideals. Contrasted against 'oblomovism', Olga embodies a modern femininity characterized by strength, determination, and autonomy, reshaping societal perceptions of women's roles. This study examines key interactions, autobiographical elements, thematic motifs, and narrative techniques employed by Ivan Goncharov to explore his visionary portrayal of Olga's journey towards female emancipation and individuality. It investigates Olga's pivotal role in reshaping literary portrayals of women during the period, offering profound insights into the author's progressive views on gender within the evolving societal structure of 19th-century Russia. Consequently, this article contributes to the scholarship on Goncharov by demonstrating how his characterization of Olga challenges and transforms the literary and social conventions of his time.

Keywords: femininity, traditional, new woman, transformation, nonconformity, prototypes, motifs.

Paper submitted: June 30, 2024.

For citation: Nure Jannat (2025) Beyond Tradition: Olga's Role in Transforming Femininity in Ivan Goncharov's *Oblomov*. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 19, no. 1, pp. 9–20. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.1.

Научная статья

Нури Джаннат¹

✉ nurejannat00@gmail.com

¹Ноахалийский научно-технический университет, г. Ноахали, Бангладеш

За гранью традиций: роль образа Ольги в трансформации женственности в романе Ивана Гончарова «Обломов»

Аннотация: Образ Ольги Ильинской в романе «Обломов» Ивана Гончарова представляет собой революционный архетип в русской литературе, бросающий вызов традиционным представлениям о женственности. Ольга преодолевает традиционные роли как неконформистка и новая женщина, отвергая пассивные стереотипы и стремясь к интеллектуальной и личной самореализации. Ее отношения с Обломовым бросают вызов патриархальным нормам, ставя во главу угла моральный долг и духовную связь, а не традиционные романтические идеалы. Противопоставляя себя «обломовщине», Ольга воплощает современную женственность, характеризующуюся силой, решительностью и самостоятельностью, меняя общественные представления о женской роли. В данном исследовании рассматриваются ключевые взаимодействия, автобиографические элементы, тематические мотивы и приемы повествования, использованные Иваном Гончаровым для изучения его провидческого изображения пути Ольги к женской эмансипации и индивидуальности. В статье исследуется ключевая роль образа Ольги в изменении литературных представлений о женщинах в тот период, а также дается глубокое понимание прогрессивных взглядов автора на гендерную проблематику в рамках развивающейся общественной структуры России XIX века. Таким образом, данная статья вносит вклад в изучение творчества Гончарова, демонстрируя, как его характеристика Ольги бросает вызов литературным и социальным условиям своего времени и трансформирует их.

Ключевые слова: женственность, традиционная, новая женщина, трансформация, нонконформизм, прототипы, мотивы.

Дата поступления статьи: 30 июня 2024 г.

Для цитирования: Нури Джаннат (2025) За гранью традиций: роль образа Ольги в трансформации женственности в романе Ивана Гончарова «Обломов». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 9–20. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.1.

Introduction

Ivan Goncharov's *Oblomov* is a significant work in Russian literature, renowned for its deep exploration of social and individual transformations. Among its characters, Olga Ilinskaya stands out as a remarkable figure who embodies a new ideal of femininity. She represents a significant departure from the passive female archetypes commonly seen in Russian literature. Unlike her predecessors, Olga is depicted as a dynamic and self-assured individual who values intellectual and personal growth over traditional domestic roles. Her relationship with the protagonist, Ilya Ilyich Oblomov, further highlights her role as a catalyst for change, challenging patriarchal norms and the concept of 'oblomovism'—a term describing a state of inertia and stagnation. This study aims to analyze how Goncharov's portrayal of Olga not only breaks away from conventional gender roles but also redefines femininity within the literary and social context of 19th-century Russia. This study delves into the thematic and narrative techniques Goncharov uses to develop Olga's character. It examines her interactions, the autobiographical elements that may have influenced her portrayal, and the motifs that signify her as a transformative force. By doing so, this research aims to deepen our understanding of how Goncharov's vision of Olga reshapes the representation of women in literature. The relevance of this study is emphasized by the novel's enduring impact on discussions of gender and societal roles. While previous scholarship has addressed themes of inertia and societal critique in *Oblomov*, there has been less focus on the transformative role of Olga as a feminist figure. This study is justified because it addresses this gap by analyzing how Goncharov's portrayal of Olga not only challenges traditional gender norms but also reflects broader societal transformations.

Methodologies

This study employs a multifaceted approach. Primarily, it focuses on literary analysis through close readings of *Oblomov* to illustrate how Goncharov constructs Olga Ilinskaya's character, showing her development from a passive girl to a proactive woman who challenges societal norms and highlighting her role as a change agent in interactions with other characters. Secondly, a comparative analysis will contextualize Olga within the broader literary and historical context by comparing her to contemporary female characters in Russian literature and situating her within the 19th-century societal norms to understand the impact of her characterization. To further this understanding, historical and autobiographical research will involve reviewing letters, diaries, and documents from Goncharov's life, as well as examining the biographies of individuals who may have inspired Goncharov to design Olga's character. Secondary sources, such as critical essays, scholarly articles, and previous studies on *Oblomov*, will support the primary research findings and provide additional insights into Olga's role and significance. By integrating these methods, this study ensures a comprehensive examination of Olga Ilinskaya's character, highlighting her transformative portrayal of femininity in Russian literature and contributing to the broader discourse on gender and social change in the 19th century.

Results

Goncharov, a celebrated nineteenth-century writer, masterfully portrays the inner and outer experiences of Russian women through the character of Olga in his novel *Oblomov*. Olga stands out as a pioneering female character with no literary predecessor, embodying clarity, originality, vitality, pure love, and a drive for independence. Unlike traditional female figures of her time, she rejects the roles of wife and mother, seeking self-development and individuality. Goncharov presents her as an equal to

men, challenging societal gender roles and expectations. Pisarev sees Olga as a prototype of the future woman, shaped by new ideas in female education (Pisarev, 1955, p. 11-12). Her development in the novel reveals Goncharov's concept of femininity and an ideal of female identity and independence beyond societal norms.

Olga is a character who undergoes metamorphoses throughout the novel: Goncharov shows the viewer her development, the process of personality formation, and through her reveals the educational influence of feelings¹. At her first appearance, we see in her a girl endowed with a kind soul, a gentle voice, and childish qualities. We find her unfamiliar with the harsh reality of the outside world and free from any artificiality and coquetry. The moments she spends with Oblomov acquaint her with the meaning of life and bless her with an independent view on life and love, which help her understand her own soul and desires, as well as Oblomov's soul: "It was as if she were taking a course in life that met not daily but hourly. Every hour of the slightest, barely perceptible experience, every instance that flitted by like a bird, past a man's nose, was snapped up by the young woman with inexplicable speed" (*Oblomov*, 2008). As a result, she loves and decides to fulfill her duty towards love, elevating Oblomov's soul. In her relationship with Oblomov, she plays a dominant role: she directs him, does not allow him to lie on the couch, improves his appearance and sense of cleanliness, and also makes him read books to awaken him from 'oblomovism'. Her nature is so original that little by little she manages to understand the nature of Oblomov's mind and revolutionize his personality. This process of Oblomov's male revival presupposes the great and sacred sense of duty of Olga as a woman, because, as Belinsky puts it, the role of a woman is to arouse in a man the energy of the soul, the ardor of noble passions, to support feelings of duty and aspirations for the high and noble – this is her mission, and it is great and sacred! (Belinsky, 1953, p. 225). From this perspective, Olga corresponds to Belinsky's idea of a woman. But at the same time, she has much more – the ability and desire to develop in order to become socially significant, no less than a man. In every conversation, she not only tries to instill in Oblomov the spirit of life but also develops herself. This change is also noted by Pisarev, who opines that playfulness and childish carelessness give way in her features to an expression of quiet, thoughtful, almost solemn happiness (Pisarev, 1955, p. 14). The feeling of love permeates her, like any other woman, but her sense of moral duty, purity, loftiness, and the desire to be active surpass passive femininity, giving her a new form of femininity: a new woman. This new form of femininity gives her the strength to leave Oblomov, overcome her feelings for him, and marry Stolz. This change occurs not suddenly, but slowly and steadily. Initially, according to Oblomov, she appears as "...she's alone. Her secret is her burden, which she entrusts to the Moon" (*Oblomov*, 2008), and Stolz describes her to Oblomov as "such an enchanting child!" (*Oblomov*, 2008). But in the end, we see in her another woman, about whom Stolz writes: "maybe you've matured, you've reached that moment when life ceases to grow, when there are no more puzzles and it has revealed itself in full" (*Oblomov*, 2008). Thus, from a very submissive and passionate girl, she eventually transforms into a mature woman who asks rebellious questions and thirsts for an active life. This is why Pisarev believes that Olga's entire life and personality serve as a living protest against the dependence of women (Pisarev, 1955, p. 16).

According to the commentary on the Complete Works and Letters in Twenty Volumes (Полное собрание сочинений и писем), V. N. Maykov's wife, Ekaterina Pavlovna Maykova, and E. V. Tolstaya are among the most acceptable prototypes of the character of Olga (Goncharov, 2004, p. 153). The description of Olga's appearance, her inner grace, and intelligence exactly corresponds to the description of E. P. Maykova as outlined by E. A. Shtakensneider in Diary and Notes (Дневник и заметки). Olga, like E. P. Maykova, does not fit the ideal of feminine beauty in the traditional sense, which has a specific set of standards to determine whether a woman is considered beautiful and attractive based on external features such as body shape, skin color and tone, height and weight, facial features, eye size and color, hair type, and style. Instead, Olga and E. P. Maykova both transcend this traditional notion of beauty, disregarding their own and others' external appearance, focusing instead on their inner grace and intellect, appreciating the inner beauty in others. This inner grace attracts both Oblomov and Goncharov, making them admire and adore it. Olga's appearance bears a resemblance to that of

¹<https://сезоны-года.рф/Писарев%20Обломов.html>

E. P. Maykova, characterized by a shorter stature and delicate features divergent from conventional ideals of beauty. Oblomov's depiction of Olga emphasized her lack of traditional allure: she had no whiteness to her, no vivid coloring of cheeks and lips, and her eyes did not burn with the rays of an inner fire. There was neither coral on her lips nor pearls in her mouth, nor did she have miniature hands like a five-year-old child with fingers like grapes (*Oblomov*, 2008). Yet, Oblomov found himself enchanted by Olga's inner grace, particularly as it resonated through her songs: "the words and sounds, this pure and strong maidenly voice made his heart beat faster, his nerves tremble, eyes sparkle, and tears well up. He felt like dying and never waking up from these sounds and at the same moment his heart thirsted again for life" (*Oblomov*, 2008). According to the Complete Collection of Writings and Letters, Goncharov himself wrote to Yazikova on August 12, 1852, that E. P. Maykova was a pretty, somewhat awkward girl, but precisely this gave her grace, and at the same time, she was very natural, without any artificiality or coquetry (Goncharov, 2004, p. 154-155]. This is exactly what we find in Olga: "no airs, no coquetry, no hypocrisy, no trumpery, and no designs!" (*Oblomov*, 2008). She is a rare girl enriched by simplicity of actions, natural freedom of opinions, and self-expression.

The other prototype of Olga's image is Elizabeth Vasilyevna Tolstaya, whose name first appears in P. Sakulin's Completed Series (Оконченной серии) of Goncharov's letters written to E. V. Tolstaya. In it, he analyzes Goncharov's letters to E.V. Tolstaya, noting the angelic spirits that Goncharov sees in both Olga and E. V. Tolstaya, suggesting that E. V. Tolstaya could even be considered the prototype of Olga Ilyinskaya (Sakulin, 1913, p. 61). Despite the age difference and differences in worldview and attitude toward life between Olga and E. V. Tolstaya, they are united by an inner spirit and angelic strength capable of igniting a desolate soul. The bright and intellectual mind and spirit of Olga, which temporarily help Oblomov to break out of his inertia, resemble the spirit of E. V. Tolstaya, whose presence in Goncharov's thoughts leads him like a guiding star. He himself writes that he still feels her meek brown eyes following him everywhere, exerting a constant, invisible influence over his conscience and will². Even Goncharov and Oblomov share similar sentiments towards E. V. Tolstaya and Olga. "My God, what happiness it is to look at her! I'm even having trouble breathing" (*Oblomov*, 2008) – this expression vividly illustrates the depth and intensity of Oblomov's feelings towards Olga. It is remarkable that this profound and unique sentiment is also found in Goncharov's letters to E. V. Tolstaya. In these letters, he writes about the magic of her voice, reminiscent of his description of Olga's voice: "My God, what was heard in that singing! Hopes, a vague fear of storms, the storms themselves, bursts of happiness – all of that, heard not in the song but in her voice" (*Oblomov*, 2008). What Goncharov writes to Tolstaya about the beauty of her eyes directly corresponds to what Oblomov thinks about Olga's eyes. Goncharov writes to Tolstaya that she has a look shining with intelligence and kindness, where the softness of lines harmoniously merges in the magical shades of blush, the whiteness of the face, and the sparkle of the eyes³, and surprisingly, Oblomov thinks about Olga's eyes in exactly the same way: "That whiteness, those eyes, where it's dark and at the same time gleaming, as in the deep . . . her soul, no doubt!" (*Oblomov*, 2008). Besides this salvation for her appearance, these letters also contain his salvation for her soul. He writes that he often blesses fate for meeting her, as he seems to have become better. Since knowing her, he hasn't caught himself in any mistake against his conscience or in any impure feeling⁴. This salvation of the soul is present in almost every encounter between Olga and Oblomov: "She would point out his goal and make him love again everything he had once loved, and ... He would live, act, and bless life and her" (*Oblomov*, 2008). E. V. Tolstaya was a source of hope and inspiration for Goncharov. Losing her makes him feel as if his wings have been cut. That's why he wrote that being with her gave him wings, which have now fallen away (Goncharov, 1980, p. 228). This is exactly what happens in the case of the relationship between Oblomov and Olga. As soon as Olga leaves him, he falls back into 'oblomovism'. Thus, like E. V. Tolstaya, Olga's image is conceived and filled with great power of salvation, renewal, and rebirth of Oblomov's soul. But this is all about the first stage of Olga's life;

²<https://www.litmir.me/br/?b=283755&p=10>

³<https://www.litmir.me/br/?b=283755&p=11>

⁴<https://www.litmir.me/br/?b=283755&p=10>

later, she flourishes as “Other Woman”, whose prototype, though less discussed, is Sofia Nikitenko, the daughter of Goncharov’s friend Alexander Nikitenko. Goncharov’s letters to Sophia Nikitenko testify to her as a highly intellectual and thoughtful person, which is clearly manifested in Olga in the later stages of her life. According to Milton Ehre, although Goncharov began writing to twenty-year-old Sofia Nikitenko with a frequency in 1860, after the publication of *Oblomov*, she, like Elizabeth Tolstaya, became his Olga. He also writes that if Elizabeth reminded of early Olga – the object of love turned into a bodiless ideal – then Sofia reminds of Olga of later stages, a demanding young woman who insists on fulfilling her duty (Ehre, 1973, p. 40-41). Therefore, it is worth saying that her inherent power of revival, like that of E.V. Tolstaya, and the demand for duty, like that of Sofia Nikitenko, make her the image of a new woman who embodies a new ideal of femininity that goes beyond Goncharov’s era and is followed by many writers. In this sense, Grigoriev is absolutely right when he says that Olga is not the heroine of their era (Grigoriev, 1915, p. 108). Even N. A. Dobrolyubov is absolutely right when he says that such girls do not exist (Dobrolyubov, 1970). This statement fits Olga perfectly because a woman of such a type is rarely encountered in society. She is unlike other traditional women who believe only in being happy with what society gives them, but Olga rather fights for what she wants. While Pushkin’s Tatiana silently accepts Onegin’s rejection, Olga fights for her love. She responds clearly and confidently to Oblomov’s concerns about her unhappiness, telling him not to worry about her future. A girl who tells her beloved not to worry about her is a phenomenon rarely found in the traditional gender role established by society. It is evident that she is very devoted to her heart and duty and does not wish to accept anyone’s submission in this matter. Lu Chen and others believe that Olga’s resolute response, declaring that she would never, for anything, be willing to sacrifice everything for love, signifies her rejection of the traditional female path, her self-respect, and her rebellious spirit against anything that contradicts her ideology (Chen & Jannat, 2023, p. 11). This spirit of Olga makes her a feminist type of woman who does not want to live her life following what other women do but rather demands to be a trendsetter, portraying a strong personality. She does everything for the moral transformation of Oblomov, considering it her duty to love and life, neglecting the possibility of losing her social dignity. However, she leaves him when she realizes that, despite all her efforts, Oblomov’s soul has not yet resurrected and never will. She expresses her disappointment, saying that she thought she could revive him and that he could still live for her, but he had been dead for a long time. Additionally, she declares that he lacks what she would like to see in him. As a self-aware and non-traditional woman, true to herself and others, Olga tells Oblomov that she is not like that, that it is not enough for her, and that she needs something else, although she does not know what it is. And according to Lu Chen and others, this desire for something else sets her apart from ‘Oblomovism’ and the ideal of traditional femininity (Chen & Jannat, 2023, p. 11).

Olga is the embodiment of Goncharov’s ideal woman, where he presents his realistic vision of femininity, completely distinct from the traditional conception, and romanticizes the relationship between man and woman. Such characterization of Olga becomes possible through the use of motifs. The motifs employed in the narrative of the novel allow Goncharov to create and compel readers and critics to perceive a more poetic, symbolic, and structured portrayal of Olga’s character in the narrative of this novel. The motifs used to delineate her character make her semantically significant for understanding other characters and themes of the novel, especially her role as a change maker and a new type of woman. In particular, motifs associated with the *Casta Diva* (“prayer to the moon” in the form of an aria in Vincenzo Bellini’s “*Norma*”) and the Virgin Mary link Olga to Goncharov’s vision as an independent and self-conscious woman devoted to her duties in life and love, which is rarely found among traditional Russian women. *Casta Diva*, as presented in Italian opera, is usually associated with motifs of the Virgin Mary, music, night, moon, sea, heart, and solitude, which together create an aesthetically pleasing experience. Here, in this novel, readers also encounter similar motifs. Immediately upon hearing Olga’s song, Oblomov identifies her voice, revealing secret sadness in her heart and loneliness, with the image of *Casta Diva*, using motifs of music, sorrow, and the moon: “And there’s music . . . *Casta diva* . . . *Casta diva!*... That woman cries her heart out so! What grief

those sounds hold! And no one around her knows. She's alone. Her secret is her burden, which she entrusts to the Moon" (*Oblomov*, 2008). Through these associations between Olga and Casta Diva, Goncharov anticipates Olga's role as Casta Diva in Oblomov's life. Oblomov's admiration of Casta Diva in Olga's voice suggests that Olga will awaken Oblomov's dormant soul, immersed in the spiritual slumber of 'oblomovism,' akin to how Casta Diva illuminates the sacred forest: "Chaste Goddess! / You shimmer with your wonderful gaze / In this sacred battle of ages. / Turn to us your immortal face, / Enlighten with your clear light" [translated excerpt]⁵.

Later, Goncharov uses the lilac motif to depict the spiritual resurrection occurring within Oblomov, linking it to Casta Diva and Olga. When Olga defines lilacs as "The flower of life and –" (*Oblomov*, 2008), Oblomov experiences a sudden transformation and begins to feel life, as if he has just been resurrected and given a purpose in life, which he finds: "...in your eyes, your smile, this branch, 'Casta diva' – it's all here" (*Oblomov*, 2008). He feels that alongside defining the meaning of lilacs, Olga successfully gives him a sense and purpose in life, extinguishing his passion for 'oblomovism' and giving him a sense of earthly paradise with Olga, akin to how Casta Diva tames fiery passion and tempers audacity with heavenly goods on earth: "Chaste Goddess, / Quell the burning passions, / And temper the bold blaze / With peaceful bliss on earth, / As in heaven, establish" [translated excerpt].

Another important image that connects Olga with Goncharov's concept of the enlightened woman is the image of the Virgin Mary, which is semantically felt in related motifs, especially those of childhood, angels, light, and resurrection. The motif of childhood associated with Olga first appears when Oblomov describes Olga as "an enchanting child!" (*Oblomov*, 2008). Even Olga herself feels like a child in the presence of Stolz: "she... felt too childish in front of him" (*Oblomov*, 2008). Goncharov not only presents her to readers through the eyes of Oblomov and Stolz but also uses the motif of childhood in the narrative to characterize her image: "She sang for a long time, glancing over at him from time to time, as if childishly asking, "Are you pleased? No? Then listen to this." And she sang again" (*Oblomov*, 2008). This motif of childhood semantically links Olga to the childlike innocence of the Virgin Mary, who is the ultimate female idol of purity. Since no female soul can be as spiritual, gracious, loving, and pure as the soul of the Virgin Mary, she is called a child. By using the motif of childhood, Goncharov presents Olga as a literary emblem of the spiritual essence of the Blessed Virgin Mary.

As the Virgin Mary is considered the "Queen of Angels", the motif of angels, which consistently appears in the narrative of this novel to characterize Olga, bears a biblical resemblance to the image of the Virgin Mary. Olga is addressed not only as an angel: "Olga, my angel..." (*Oblomov*, 2008), but Oblomov also finds angelic qualities in everything she does: "He saw her in the distance, like an angel ascending to heaven, walking uphill, resting ever so lightly on her foot, her figure swaying" (*Oblomov*, 2008). Goncharov further employs this motif in the plot structure to affirm Olga's spiritual indispensability in Oblomov's life: "If he did have troubling dreams or if doubts did rattle his heart, Olga, like an angel, was standing guard. Her bright eyes would gaze into his face..." (*Oblomov*, 2008). The use of the angel motif in this story directly relates to the Virgin Mary, who with her boundless love enlightens fallen souls, as if guarding their spiritual growth.

The motif of light always carries evangelical content, reminiscent of the image of the Virgin Mary, and it is used several times in this narrative to describe Olga's role in Oblomov's life. As Olga is the love of Oblomov's life, when he writes: "...love appeared to us in the form of light..." (*Oblomov*, 2008), it sounds as though Olga, as the love of his life, becomes the light of his life. Oblomov's blissful happiness in the "rays of light in which she lived in his heart..." (*Oblomov*, 2008) and the feeling that Olga loves him, feels something special for him, and dreams about him, gives his life meaning and light: "She loves me. She feels something for me... Life and its magical prospects began to shine along with all their colors and lights, which had so long been missing for him" (*Oblomov*, 2008). The fact that Olga is the cause of the internal light of Oblomov's soul associates her with the phenomenon of the Virgin Mary in the radiance of light, surpassing even the radiance of stars. Later, this motif of light shines brighter in Olga's eyes during her meeting with Oblomov: "There was more light in her eyes and more grace in her movements; her bosom developed luxuriantly and stirred measuredly" (*Oblomov*, 2008). This change

⁵Casta Diva. https://ru.wikipedia.org/wiki/Casta_diva.

of light from bright to brighter signifies her evolving role in Oblomov's life as a more potent redeemer, as if she has achieved the highest spiritual essence, which is marked in the Virgin Mary.

The image of the Virgin Mary appears as a motif of spirituality and purity of Olga's love, whose spiritual insight briefly resurrects Oblomov. Though we see Oblomov resurrected for a short time, the motif of resurrection is traced throughout the novel, which also carries evangelical content of the image of the Virgin Mary. Like the Virgin Mary protects people with her highest spirituality, the pure feeling of Olga's love and life resurrects Oblomov: "He was suddenly resurrected" (*Oblomov*, 2008). Even Oblomov himself acknowledges Olga's love as the cause of his resurrection: "Now I'm revived, resurrected" (*Oblomov*, 2008). This motif again directly relates to the Virgin Mary, when Oblomov says that the love of such women as Olga can elevate the soul of any person: "...the heights to which the love of a woman such as you can lift a man! Look! Look at me! Haven't I been resurrected? Aren't I living in this moment?" (*Oblomov*, 2008). It seems that speaking of female love, he anticipates the gracious and sublime love of the Virgin Mary, whose love can awaken the soul of any fallen person.

Since "Casta Diva" is associated with the image of the Virgin Mary, the unrealized singing of the aria from 'Norma' becomes a sign of the unrealized love of the heroes (Starygina, 2003, p. 98), indicating that Olga's spirituality briefly revives Oblomov, but unlike the Virgin Mary, she fails to awaken him from his spiritual slumber forever. The presence of various motifs makes the reader experience these two images of Casta Diva and the Virgin Mary throughout the novel, allowing Goncharov to create the image of Olga – a woman who transcends the traditional notion of ideal femininity but possesses such eternal spirituality that she becomes the guardian of Oblomov's soul. Unlike traditional gender relations, where the woman merely supports the man, and the man guides the woman's soul, Olga in the novel reverses this traditional gender role and becomes the guardian of Oblomov's soul, deriving pleasure from being his love, smiling vision, Casta Diva, lilac, hope, Virgin Mary, and the spirit of Oblomov's life: "She weighed her power over him in an instant, and she liked this role of guiding star, the ray of light she would shed on a still lake and its reflection" (*Oblomov*, 2008). In this sense, Olga precisely repeats what Ekaterina Alekseevna Tsvetkova writes about new women: the 'new woman' is, of course, extremely utopian and devoid of gender specificity (Tsvetkova, 2022, p. 115). Her attempt to change Oblomov indicates that she transcends traditional gender specificity. As a self-directed woman, she follows her own ideological constructs, regardless of what society expects of her. It is even appropriate to say that Goncharov creates an inversion of the accepted gender role by depicting Olga's personality as the leader of her own life and emotionally linking her to Oblomov, who is intellectually and mentally weaker than her, constructing their relationship in such a way that Olga exercises control over Oblomov's soul, while Oblomov, during his regular meetings with Olga, becomes a mere follower of Olga.

This type of strong and self-directed personality in Olga does not disappear after marriage. As a wife, Olga appears to be imbued with Stolz's lessons, but along with fulfilling her duties as a wife and mother, she sometimes loses all her spirit and becomes stuck in a dull life, living for no one and for nothing. According to Stolz, "Up ahead a new image smiled at him again – not Olga the egoist, not the passionately loving wife, not the mother-nurse fading then into a colorless life no one needed, but something else, something lofty and almost unprecedented" (*Oblomov*, 2008). Despite her ideal family life, she is driven by the idea of something else, which is connected with the demand for greater freedom and independence, rooted in the modern understanding of femininity inherent in the concept of new women.

In 1913, A. Kollontai, a Russian revolutionary and Marxist theorist, described a new image of a woman in her article "The New Woman." Unlike traditional Russian women, this new woman is an independent individual who prioritizes her inner feelings over societal expectations and refuses to be confined to the roles of wife and mother. According to Kollontai, this new woman can overlook a man's lack of material support or infidelity but will not tolerate neglect of her spiritual needs. If her friend 'doesn't hear' her, the relationship loses half its value for the new woman" (Kollontai, 1919, p. 20). This is why, when analyzing Olga's character, N. Dobrolyubov states that she left Oblomov when she stopped believing in

him; she will leave Stolz, too, if she stops believing in him. He also classifies her among women who transcend their era, as not traditional, but new-new (Dobrolyubov, 1970). Another important point that strengthens Olga's position as a new woman is how seriously Goncharov himself takes the essence of women's rights. A letter written by Goncharov to Sofia Nikitenko in 1869 shows that he seriously pondered the issues related to gender role inequalities in society, explored the reasons for conflicts between them, and simultaneously made a proposal. As described in the book *Goncharov's Oblomov: A Critical Companion*, he writes to her that both sexes should try to improve themselves a little, be a little more honest and clear, and restrain their animal impulses a little. He also adds that it would be better if men and women began to improve themselves rather than argue about who is to blame for what (Diment, 1998, p. 33). This letter clearly shows that he does not want to see women in a subordinate position but wants to see them endowed with willpower, self-confidence, and independence, possessing their own individuality.

Since Olga confesses to Oblomov that she loves in him what, in her view, should be instilled in him and what she and Stoltz expected to see in him, this indicates that she creates an ideal image of Oblomov in her imagination and begins to love this imagined version of Oblomov. In this respect, it is appropriate to say that Olga is a continuation of that imaginary love which Pushkin begins in the character of Tatyana, who also creates an ideal image of Onegin through her imagination and begins to love him. In this connection, it is worth noting that Olga is a continuation of the imaginary love that Pushkin starts with Tatyana, but Olga's attempt to revive Oblomov's soul distinguishes her from Tatyana, who submissively accepts her fate and is content with what she has been given. Even when Olga says, "we don't propose; we are given or taken in marriage" (*Oblomov*, 2008), the image of Tatyana comes to mind, who says that I was given to another (Pushkin, 2014, p. 192). But unlike Tatyana, who very meekly accepts her fate, Olga speaks as if she does not like this social norm of being given or taken as a wife, and at the same time, she complains and protests against this norm. Unlike Tatyana, the so-called established traditional gender role is unable to satisfy her thirst for life – a life that cannot be confined within the limits of traditional femininity but, on the contrary, gives her freedom of thought and action. This thirst makes her an image of the new woman, who breaks down the boundaries of so-called traditional femininity imposed on her by society.

Her identity as a non-traditional female character becomes completely evident when contrasted with Agafya Pshenitsyna, who becomes Oblomov's wife. Agafya adapts to the traditional role of a woman: a wife and a mother. She loves Oblomov very sincerely, as a wife loves her husband, accepting him as he is, without wanting to change anything in him or demanding anything from him. She serves him as if he were her master: "She had loved so fully and so well. She had loved Oblomov as a lover, a husband, and a master, only, as before, she could never tell anyone of this" (*Oblomov*, 2008). Through her image, Goncharov shows traditional gender relations, where the woman simply supports the man, and the man acts as the controller and master of his wife, while Olga's relationships with Oblomov and Stoltz are very non-traditional. Olga's image of grace, depicted with the motif of light or lilac, suggests her spiritual light, which enlightens Oblomov and is also designated by Stoltz as the spirit of life; while Agafya's image of domesticity, depicted with kitchen utensils or household chores, suggests Oblomov's entry into traditional family life. Unlike Agafya, Olga is not content with what she has; she strives for something else; both her soul and her actions are active and strong, which allows readers to find in her the roots of both masculinity and femininity.

Even Olga's transformation from an obedient and silent wife and mother into a pensive woman makes her a new model of a Russian woman, distinct from other fictional female characters portrayed as traditional women, especially from the image of Tatyana, who is highly valued as a portrait of the ideal traditional Russian woman. She differs from Tatyana in her psychological stance, enriched with new demands and new feelings. Explaining her inner feelings to her husband, she metaphorically raises a question before society against the enslavement of women in the family. Opening her heart to Stoltz reveals that a new image of femininity is emerging within her, prompting her towards self-awareness and liberation from the simple domestic life and the limited female role imposed on her by

a materialistic society: “all of a sudden something, some melancholy seems to descend upon me, and life seems to be missing something.... everything is drawing me somewhere else and nothing satisfies me” (*Oblomov*, 2008). It seems she desires something other than the decorative image of a wife and mother. And this inner impulse is, as stated in the novel, “more likely a sign of strength” (*Oblomov*, 2008), which manifests in her sadness due to dissatisfaction, and this sadness is “the sadness of a soul wondering about life’s mystery” (*Oblomov*, 2008). This unsatisfied soul is portrayed throughout the novel as a person striving to elevate her intellectual level. Olga’s thirst for intellectual knowledge is evident in her asking Oblomov and Stoltz questions one after another. She even complains and reacts angrily if she fails to learn something new from Oblomov. Her rejection of Oblomov and marriage to Stoltz may indicate that she leaves a man who cannot satisfy her thirst for knowledge and marries a man who makes her more inquisitive and fulfills this very curiosity with his intellectual analysis of the questions she asks. At the same time, as she portrays herself as the opposite of the traditional domestic heroine, rejecting normative femininity and embracing a leadership identity, she cannot be happy with Stoltz, who, like a traditional husband, prefers to lead her rather than be guided by her desires. This unhappiness is evident in that even after marriage she yearns for something else. Therefore, Goncharov seems to present her as a new woman striving to be intellectual, to be a beacon for herself and for the men who come into her life. At the same time, he shows her inability, as a new woman, to be happy in romantic relationships and marriage within the traditional social structure that defines gender roles, regulates the woman as subordinate to the man, and limits her intellectual desires. When Stoltz himself, describing the character of women adhering to socially conditioned norms, says that “many women need none of this. Once married, they meekly accept their husband’s good and bad qualities alike, make unconditional peace with the status and sphere that await them, or just as meekly yield to the first infatuation that comes along, instantly deeming it impossible or finding it unnecessary to put up any resistance. “It’s fate, they say, passion. Woman is a weak creature,” and so on” (*Oblomov*, 2008), it seems that Goncharov, through Stoltz, speaks about how traditional women react to generally accepted norms to show how new, original, and ‘different’ Olga is, who “did not know this logic of submission to blind fate and did not understand women’s little passions and infatuations” (*Oblomov*, 2008). Unlike the traditional fictional female image, she does not change her ideals in response to the social restrictions imposed on women, but rather, relying on her own ideals, tries to change her condition and very boldly declares what she desires. She is a new woman fighting for equality in gender relations: her complaint that women do not receive the same education as men speaks of her striving for equality and of Goncharov’s idealization of the notion that equality in education is one of the main things that should be actualized for equal gender roles in social phenomena. According to Sokolovsky, Olga is the ideal towards which contemporary life should strive. He idealizes Olga’s image, pointing out how important it is for there to be many new women like Olga in this materialistic society: Moral progress of society would not stop at every step, life would be happy, there would be no apathy, boredom, and emptiness... if there were more creations like Olga in the female half of this society... (*Oblomov in Criticism – Oblomov the Novel by I.A. Goncharov in Russian Criticism: Collection of Articles 1991*, p. 30). Therefore, it is logical to say that, in wishing to show what a woman should be, Goncharov creates a female character endowed with all the best qualities of femininity while also going beyond the traditional concept of femininity. Olga does not belong to the type of characters who appear in the novel as a pre-formed ideal female character, but unlike other characters in the novel, such as Oblomov, Stoltz, and Agafya Pshenitsyna, she is formed and undergoes metamorphoses throughout the narrative of the novel. The reader feels the process of her personality formation throughout the novel, because it is in it that she very confidently acquires the presence of consciousness, which has a vital effect on her, helping her overcome her feelings for Oblomov and be herself for herself. By placing her directly opposite ‘oblomovism’, Goncharov instills in her a timeless femininity with self-awareness and a desire for independence from the so-called “domesticity,” within which a woman is traditionally defined, and this timelessness and independent individuality are rarely found in traditional Russian femininity.

Although Goncharov does his best to show the necessity of such a confident and independent woman who rejects traditional femininity, the irony of the fate of such a new woman endowed with a strong personality lies in the fact that the people of 19th century Russia were not inclined to accept such a new woman who had the courage to question the position of women in society. And perhaps that is why Goncharov does not offer any solution at the end as to whether Olga will find what she desires – the longing for something different that makes her leave Oblomov and open her heart to Stoltz about what she feels inside. Besides 19th century Russian society, Olga, created by Goncharov, also challenges the traditional literary characterization of women in Russia.

Conclusion

Olga in Oblomov stands out with artistic fullness and realism as the ‘Other’ among traditional female characters in Russian literature. Throughout the novel, she undergoes metamorphoses and develops as a nonconformist, as a ‘new woman’, free from gender specificity, particularly from normative femininity, thinking beyond the age-old traditional gender rules of femininity. She overcomes passive femininity with a thirst for something different: individuality, intellectual development, the development of her family and social status, a life full of activity that would be independent of traditional gender specificity. Her love for Oblomov transcends traditional ideals of love because her love is more akin to a moral duty and spiritual submission of the soul than physical submission, reflecting the Christian ideal of duty to God in the form of life and love. Her attempt, desire, and partial success in resurrecting Oblomov’s sleeping soul point to her holy sense of duty and bring her image closer to that of a moral advisor and resurrector, which is rarely seen in female characters in Russian literature. Even her position, opposing ‘oblomovism’, gives her a timeless new femininity that challenges traditional Russian femininity. Her relationships with Oblomov and Stolz directly contradict the traditional gender relationships established by a materialistic patriarchal society, where the man acts as the master of his wife, and the wife works merely as a support system for her husband. She creates in herself a new image of a woman who is very strong, determined, purposeful, and does not want to be controlled by any man, questioning the position of women in society through her conscious striving, voice, conscience, and reason. In this novel, she is positioned as a female personality with the ability and desire to develop like a man and possessing equal, even in some cases greater, freedom of views, mental strength, and self-expression than men. The study of her image, along with the prototypes of her personality, the narrative structure, the developed symbols, and motifs associated with her image, which give a very structured, poetic, and symbolic representation of her image, opens up the possibility of glimpsing Goncharov’s vision of the ideal world of new femininity and how he develops and realizes his vision, which challenges the centuries-old traditional status of women in the Russian social context.

References

- Belinsky V. G. (1953) *Polnoye sobraniye sochineniy. Stat'i i retsenzii. Khudozhestvennyye proizvedeniya. 1829–1835* [Complete Works. Articles and Reviews. Literary Works. 1829–1835]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publishing House, vol. 1, 574 p. (In Russian).
- Diment G. (1998) *The Precious Talent of Ivan Goncharov*. In: *Goncharov’s “Oblomov”: A Critical Companion*, ed. by G. Diment. Northwestern University Press, pp. 3–50.
- Dobrolyubov N. A. (1970) *Chto takoye oblomovshchina? Russkiye klassiki* [What is Oblomovism? Russian Classics]. Selected Literary and Critical Articles. Compiled by Y. G. Oksman. Moscow, Nauka, Publ. http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0022.shtml (In Russian).
- Ehre M. (1973) *Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov*. Princeton University Press. <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9781400868186/html>.
- Goncharov I. (2008) *Oblomov*. Trans. by M. Schwartz, afterword by M. Shishkin. Seven Stories Press, 558 p.
- Goncharov I. A. (1980) *Sobraniye sochineniy: Stat'i, retsenzii, zametki. Pis'ma* [Collected Works: Articles, Reviews, Notes. Letters]. Edited by V. A. Nedzvetsky, K. I. Tyunkina; Text prep. and comment. by E. A. Krasnoschekova and V. A. Nedzvetsky. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 8. (In Russian).
- Goncharov I. A. (2004) *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. In 20 Volumes. St. Petersburg, Nauka Publ., vol. 6, 608 p. (In Russian).
- Goncharov I. A. (2022) *Pis'ma. 1855* [Letters. 1855]. LitMir. <https://www.litmir.me/br/?b=283755&p=10> (In Russian).

- Goncharov I. A. (2022) Pis'ma. 1855 [Letters. 1855]. LitMir. <https://www.litmir.me/br/?b=283755&p=11> (In Russian).
- Grigoriev A. A. (1915) Sobraniye sochineniy Apollona Grigor'eva [Collected Works of Apollon Grigoriev]. Edited by V. F. Savodnik. Moskow, Typolitography of I. N. Kushnerev and Co., vol. 10, 135 p. (In Russian).
- Kollontai A. (1919) Novaya moral' i rabochiy klass [New Morality and the Working Class]. Moskow, All-Russian Central Executive Committee of Councils of Workers', Peasants', and Soldiers' Deputies, 61 p. (In Russian).
- Lu Chen, Nure Jannat (2023) Struktura zhenskikh personazhey v russkoy literature XIX-XXI veka [The structure of female characters in Russian literature of the XIX-XXI century]. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 4, pp. 7-20. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.4.1 (In Russian).
- “Oblomov” v kritike [“Oblomov” in Criticism] (1991). In: Roman I. A. Goncharova “Oblomov” v russkoy kritike [The Novel by I. A. Goncharov “Oblomov” in Russian Criticism]. A Collection of Articles. Compiled, introduction and commentary by M. V. Otradina. Leningrad, Leningrad State University Publishing House, 300 p. (In Russian).
- Pisarev D. I. (1955) Oblomov. Roman I. A. Goncharova [Oblomov. The Novel by I. A. Goncharov]. In: Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1. Stat'i i retsenzii 1859-1862 [Works in Four Volumes. Volume 1. Articles and Reviews 1859-1862]. Moskow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literaturny Publ., pp. 3-17 (In Russian).
- Pisarev D. I. (2022) Oblomov (roman I. A. Goncharova “Oblomov”) [Oblomov (the Novel by I. A. Goncharov “Oblomov”)]. Sezony goda [Seasons of the Year]. <https://сезоны-года.рф/Писарев%20Обломов.html> (In Russian).
- Pushkin A. (2014) Yevgeniy Onegin: roman v stikhakh. Stikhotvoreniya [Eugene Onegin: A Novel in Verse, Poems]. St. Petersburg, Azbuka-Atticus Publ., 446 p. (In Russian).
- Sakulin P. N. (1913) Novaya glava iz biografii I. A. Goncharova v neizdannykh pis'makh [A New Chapter in the Biography of I. A. Goncharov in Unpublished Letters]. Golos minuvshogo – Voice of the Past, no. 11, pp. 45-65 (In Russian).
- Starygina N. N. (2003) Obraz Casta Diva kak tsentr leymotivnogo kompleksa obraza Ol'gi Il'inskoy: (“Oblomov” I. A. Goncharova) [The Image of Casta Diva as the Center of the Leitmotif Complex of the Image of Olga Ilyinskaya (“Oblomov” by I. A. Goncharov)]. In: Goncharov I. A. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova [Goncharov I. A.: Materials of the International Conference Dedicated to the 190th Anniversary of I. A. Goncharov]. Compiled by M. B. Zhdanova, A. V. Lobkaryova, I. V. Smirnova, ed. by M. B. Zhdanova, Y. K. Volodina, A. Yu. Balakin, A. V. Lobkaryova, E. B. Klevogina, I. V. Smirnova. Ulyanovsk, Corporation of Promotion Technologies Publishing House, pp. 92-99 (In Russian).
- Tsvetkova E. A. (2022) Kontseptsiya “Novoy zhenshchiny” v rabotakh A. M. Kollontay [The concept of the “New Woman” in the works of A. M. Kollontai]. Voprosy studencheskoy nauki – Questions of student science, no. 1 (65), pp. 112-115 (In Russian).

Источники

- Белинский В. Г. (1953) Полное собрание сочинений. Статьи и рецензии. художественные произведения. 1829-1835. М., Издательство Академии Наук СССР, т. 1, 574 с.
- Гончаров И. А. (1980) Собрание сочинений: Статьи, рецензии, заметки. Письма. Под общей редакцией В. А. Недзвецкого, К. И. Тюнькиной; Подготовка текстов и комментарии Е. А. Краснощекковой и В. А. Недзвецкого. М., Художественная литература, т. 8, 559 с.
- Гончаров И. А. (2004) Полное собрание сочинений и писем. В 20 томах. СПб., Наука, т. 6, 608 с.
- Гончаров И. А. (2022) Письма. 1855. ЛитМир. <https://www.litmir.me/br/?b=283755&p=10>.
- Гончаров И. А. (2022) Письма. 1855. ЛитМир. <https://www.litmir.me/br/?b=283755&p=11>.
- Григорьев А. А. (1915) Собрание сочинений Аполлона Григорьева. Под редакцией В. Ф. Саводника. М., Типолитография т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, т. 10, 135 с.
- Добролюбов Н. А. (1970) Что такое обломовщина? Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. Издание подготовил Ю. Г. Оксман. М., Наука. http://az.lib.ru/d/dobroljubow_n_a/text_0022.shtml.
- Коллонтай А. (1919) Новая мораль и рабочий класс. М., Всероссийский центральный исполнительный комитет советов р., к. и к. депутатов, 61 с.
- Лу Чэнь, Нури Джаннат (2023) Структура женских персонажей в русской литературе XIX-XXI века. Наука о человеке: гуманитарные исследования, т. 17, № 4, с. 7-20. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.4.1.
- «Обломов» в критике (1991). В кн.: Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сборник статей. Сост., вступ. статья и коммент. М. В. Отрадина. Ленинград, Изд-во ЛГУ, 300 с.
- Писарев Д. И. (1955) Обломов. Роман И. А. Гончарова. В кн.: Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859-1862. М., Государственное издательство художественной литературы, с. 3-17.
- Писарев Д. И. (2022) Обломов (роман И. А. Гончарова «Обломов»). Сезоны года. <https://сезоны-года.рф/Писарев%20Обломов.html>.

- Пушкин А. (2014) Евгений Онегин: роман в стихах. Стихотворения. СПб., Азбука-Аттикус, 446 с.
- Сакулин П. Н. (1913) Новая глава из биографии И. А. Гончарова в неизданных письмах. Голос минувшего, № 11, с. 45–65.
- Старыгина Н. Н. (2003) Образ *Casta Diva* как центр лейтмотивного комплекса образа Ольги Ильинской («Обломов» И. А. Гончарова). В кн.: Гончаров И. А. Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Сост. М. Б. Жданова, А. В. Лобкарёва, И. В. Смирнова, ред. кол.: М. Б. Жданова, Ю. К. Володина, А. Ю. Балакин, А. В. Лобкарёва, Е. Б. Клевогина, И. В. Смирнова. Ульяновск, Корпорация технологий продвижения, с. 92–99.
- Цветкова А. Е. (2022) Концепция «Новой женщины» в работах А. М. Коллонтай. Вопросы студенческой науки, № 1 (65), с. 112–115.
- Diment G. (1998) The Precious Talent of Ivan Goncharov. In: Goncharov's "Oblomov": A Critical Companion, ed. by G. Diment. Northwestern University Press, pp. 3–50.
- Ehre M. (1973) Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton University Press. <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9781400868186/html>.
- Goncharov I. (2008) Oblomov. Trans. by M. Schwartz, afterword by M. Shishkin. Seven Stories Press, 558 p.

Информация об авторе

Нури Джаннат

Доцент кафедры английского языка.
Ноахалийский научно-технический
университет, Ноахали, Бангладеш.
ORCID ID: 0000-0002-1079-1948.
E-mail: nurejannat00@gmail.com

Autor's information

Nure Jannat

Assistant Professor in the Department of English.
Noakhali Science and Technology University,
Bangladesh.
ORCID ID: 0000-0002-1079-1948.
E-mail: nurejannat00@gmail.com

Лу Чэнь¹

✉ 1767574158@qq.com

¹Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Российская Федерация

Амбивалентность характера как способ построения персонажей в романе А. Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него»

Аннотация: Исследование посвящено анализу амбивалентности характеров в романе Алексея Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него». Цель работы – раскрыть, как амбивалентность персонажей влияет на формирование глубоких психологических портретов и обогащает основные мотивы произведения, такие как социальная изоляция, стремление к духовному самопознанию и переосмысление жизненных ценностей. Комплексный подход, сочетающий социокультурный и интертекстуальный анализы, позволяет всесторонне оценить диалог между культурными традициями и литературными течениями, отраженными в тексте. Работа основывается на детальном изучении текста романа, а также на критическом рассмотрении существующих исследований по теме. Основные результаты подчеркивают, что амбивалентные черты персонажей служат не только средством для создания сложной сюжетной структуры, но также способствуют более глубокому пониманию механизмов человеческой психики и социальных взаимодействий. Исследование показывает, что амбивалентность в характерах персонажей романа Сальникова открывает новые возможности для анализа литературных произведений, внося значительный вклад в понимание современной литературы. Выводы предлагают перспективы для дальнейших исследований в области литературной теории, особенно в аспектах применения психоаналитических и социокультурных подходов для анализа литературных текстов, подчеркивая важность амбивалентности как средства раскрытия глубины и многогранности литературных образов.

Ключевые слова: русская литература, Алексей Сальников, построение персонажей, амбивалентность характера, психоаналитический анализ, интертекстуальность.

Дата поступления статьи: 17 июня 2024 г.

Финансирование: Публикация статьи выполнена при поддержке Китайского государственного стипендиального фонда (CSC), номер проекта: 202106810001.

Для цитирования: Лу Чэнь (2025) Амбивалентность характера как способ построения персонажей в романе А. Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 21–34. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.2.

Scientific article

Lu Chen¹

✉ 1767574158@qq.com

¹Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Character ambivalence as a method of character construction in A. Salnikov’s novel “The Petrovs in and around the flu”

Abstract: This study is dedicated to analyzing the ambivalence of characters in Alexey Salnikov’s novel “The Petrovs in and around the flu”. The goal of the study is to reveal how the ambivalence of characters influences the formation of deep psychological portraits and enriches the main motifs of the work, such as social isolation, the pursuit of spiritual self-knowledge, and the reevaluation of life values. The research employs a comprehensive approach, combining socio-cultural and intertextual analyses, which allows for a thorough assessment of the dialogue between cultural traditions and literary currents reflected in the text. The work is based on a detailed study of the text of the novel, as well as a critical examination of existing research on the topic. The main results of the study emphasize that the ambivalent traits of the characters serve not only as a means of creating a complex plot structure but also facilitate a deeper understanding of the mechanisms of

human psychology and social interactions. The study shows that the ambivalence in the characters' traits in Salnikov's novel opens up new possibilities for the analysis of literary works, making a significant contribution to the understanding of contemporary literature. The conclusions of the work suggest perspectives for further research in the field of literary theory, especially in aspects of applying psychoanalytic and socio-cultural approaches to the analysis of literary texts, highlighting the importance of ambivalence as a means of revealing the depth and multifaceted nature of literary images.

Keywords: Russian literature, Aleksei Salnikov, character construction, character ambivalence, psychoanalytic analysis, intertextuality.

Paper submitted: June 17, 2024.

Funding: The publication of this article was supported by the China State Scholarship Fund (CSC), project number: 202106810001.

For citation: Lu Chen (2025) Character ambivalence as a method of character construction in A. Salnikov's novel "The Petrovs in and around the flu". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 21-34. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.2.

Введение

В эпоху глобализации и культурных переосмыслений современная русская литература продолжает быть активной ареной литературных экспериментов и инноваций. Произведения, созданные в начале XXI века, отражают сложное переплетение идентичностей, исторических событий и философских поисков. В этом контексте роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» выступает не только как культурное явление, но и как мощное исследование человеческой психологии через призму амбивалентности его персонажей. Эта амбивалентность является ключевым элементом, который Сальников использует для создания глубоких, многогранных персонажей, отражающих реалии и вызовы современного общества.

«Петровы в гриппе и вокруг него» собрал вокруг себя разнообразные и глубокие мнения литературоведов, исследователей и критиков. Подчеркивая значимость этого романа в современной литературе, аналитики указывают на богатство деталей и уникальность формы и содержания. При этом оценки самого произведения подчас оказываются не только противоположными, но и взаимоисключающими. Так, Галина Юзефович считает, что роман – «выдающийся текст и настоящий читательский праздник» (Юзефович, 2017). Владислав Толстов высоко оценил роман: «очень, очень мощная заявка на место на нашем прозаическом Олимпе» (Толстов, 2017). А Егор Королев, напротив, считает, что писатель увлекся «чернушкой», «даже не пытается завершить произведение», «для чего писал – остается загадкой» (Королев, 2017). Николай Александров критикует роман за «образец новой физиологии, языковой банальности, стенографирования социально-бытовой и ментальной повседневности, аморфный, бессюжетный, монотонный, равнодушный к мысли и языку» (Александров, 2018). Несмотря на противоречивые оценки, «Петровы в гриппе и вокруг него» стал неотъемлемой частью современной русской литературы. Литературные персонажи Сальникова не просто выполняют функциональные роли в нарративе, они становятся живыми существами с реалистичными, часто противоречивыми чертами, и такая амбивалентность делает их исключительно интересными для анализа. Как отмечал Юрий Лотман, персонаж, «создавая человеку условную возможность говорить с собой на разных языках, по-разному кодирует свое собственное "я"» (Лотман, 1970, с. 83). Этот аспект особенно важен в произведениях, где персонажи представляют собой сложные культурные и социальные символы, как в романе Сальникова.

Цель статьи – не только рассмотреть сложные характеры и динамику развития персонажей, но и показать, как через их амбивалентность раскрываются ключевые темы и мотивы романа. Анализ амбивалентности персонажей в данном романе проливает свет на механизмы построения литературных образов в условиях современного художественного письма. В статье мы попытаемся провести тщательное исследование различных аспектов персонажей: от их мотиваций и внутренних конфликтов до их взаимодействия с другими персонажами и обществом в целом.

В ходе литературного анализа основное внимание будет уделено культурно-историческому контексту, в котором создавался роман, что в немалой степени повлияло на формирование структуры персонажей.

Методы

Методология исследования амбивалентного характера персонажей в романе основывается на принципах социокультурного анализа с учетом механизма интертекстуальности, пронизывающего ткань романа.

Результаты

Персонажи в литературном произведении – это не только средство развития сюжета, но и мощный инструмент исследования человеческой психологии, социальных отношений и культурных норм. Как отмечает Лотман, в процессе исторического развития каждого общества персонажи отражают формы социально-политической организации и демонстрируют, как культурные нормы влияют на индивидуальные и коллективные человеческие действия: «И если нам совершенно ясна их историческая неизбежность, если мы можем объяснить, почему общество, обладающее нулевой формой внутренней организации, не могло бы существовать, невозможность существования общества, не имеющего искусства, значительно труднее объяснима» (Лотман, 1970, с. 5). Эти аспекты делают персонажей не только ключевыми элементами в развитии сюжета, но и значимыми инструментами социологических и культурных исследований.

Важная для нас амбивалентность характеров персонажей открывает простор для интерпретаций и размышлений, делая их образы неоднозначными и реалистичными. В анализе амбивалентности персонажей литературных произведений особенно полезно обратиться к теориям сложности человеческой психики, предложенным ведущими психоаналитиками и психологами. Зигмунд Фрейд, основатель психоанализа, предложил сложную и многоуровневую модель психики, которая значительно повлияла на понимание человеческого поведения и мотивации. Он предложил специфическую схему личности. В структуру личности включаются три инстанции: «Оно» («Ид») – подсознание, «Эго» («Я») – сознание, «Супер-Эго» («Сверх-Я») – сверхсознание (Кэлвин, 1999, с. 45). Эти три структуры взаимодействуют между собой, создавая сложную динамику в психике человека. Фрейд считал, что большинство психических расстройств можно объяснить конфликтами между этими структурами, «особенно когда Эго и Супер-Эго не могут адекватно управлять требованиями Ид» (Freud, 1923, p. 25). Понимание динамики бессознательного, о которой писал Фрейд, открывает путь к анализу глубинной структуры персонажей, их мотиваций, конфликтов и возможностей развития.

С другой стороны, теория диалогичности Михаила Бахтина предлагает литературный подход к анализу многоголосия текста. Бахтин подчеркивает, что в каждом литературном произведении присутствуют различные голоса, каждый из которых несет свою идеологию и мировоззрение, что обогащает текст и создает полифонию мнений и перспектив. Он утверждает: «слово ... межиндивидуально ... отношение к смыслу всегда диалогично» (Бахтин, 1986, с. 317). Это особенно важно для понимания того, как персонажи в романе могут реализовывать в ходе действия различные социальные и психологические контексты, что делает их образы многомерными и глубокими. Объединяя психоаналитические и литературные подходы, можно более полно осветить внутренний мир персонажей и механизмы их взаимодействия в ходе сюжета, что способствует более глубокому пониманию как личных, так и общественных конфликтов в произведении.

В современной литературе наблюдается явная тенденция к более глубокому и многогранному изображению психологии персонажей и их моральной неоднозначности. В статье «Литература, моральная рефлексия и двусмысленность (Literature, Moral Reflection and Ambiguity)» обсуждается, как современная литература выявляет психологическую сложность и моральную двусмысленность персонажей, и тем самым отражает неопределенность и разнообразие реального мира. Ключевым моментом здесь является то, как такие литературные образы позволяют глубже

исследовать личную и общественную мораль, отмечая, что «способность делать определенные различия, которых мы можем достичь благодаря нашему опыту литературы, например, различие между тем, что живо, и тем, что мелко, сентиментально, дешево, равносильно “своего рода обучению думать”» (Taylor, 2011, p. 87). Уайли в своем исследовании изучает влияние моральной двусмысленности на наше познание и построение морального мира и предлагает теорию «построения морального мира», которая предполагает, что моральное познание в основном служит когнитивным целям, помогая людям определить свой моральный мир (Wylie, 2022). Кроме того, в своей работе Тейлор и Ламарк исследуют связь между искусством и морализмом, отмечая, что современная литература часто бросает вызов ценностям читателей через сложные моральные и психологические образы, тем самым побуждая читателей глубоко рассматривать эти сложные моральные и психологические вопросы при интерпретации текстов (Taylor, 2011, p. 76).

Эти аргументы свидетельствуют, что современная литература использует моральную и психологическую сложность своих персонажей не только для отражения социальных и культурных изменений, но и для усиления способности литературных произведений служить инструментом исследования человеческой природы и социальных проблем. Эта особенность отражает неопределенность и разнообразие реального мира, где четкие моральные рамки часто стираются или переосмысливаются в контексте глобальных социальных и культурных изменений. Современные авторы стремятся показать, что поведение и моральный выбор персонажей не всегда поддаются однозначной оценке, что делает их образы более реальными и в то же время более сложными.

Такая психологическая глубина и моральная амбивалентность в литературных персонажах позволяют читателям увидеть в них отражение самих себя, их собственных сомнений и противоречий. Это также способствует более глубокому пониманию текста, поскольку читатель сталкивается с необходимостью интерпретации и анализа сложных моральных и этических вопросов, представленных в произведении. Использование амбивалентности в характере персонажей не только усиливает их реалистичность, но и отражает более широкий культурный и социальный контекст, в котором эти персонажи действуют. Современная литература, таким образом, становится зеркалом, в котором отображаются не только личные, но и общественные дилеммы, побуждая читателей к размышлениям и диалогу о сложности современного мира.

Для исследования амбивалентности характера как средства построения персонажей в романе Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» особенно показательны образы главных героев – Петров, Петрова, Марина (Снегурочка) и Игорь. С точки зрения литературного анализа исследователь считает, что каждый из них демонстрирует амбивалентность как в чертах характера, так и в поведении. Эти персонажи представляют в ходе развития действия сложные, противоречивые черты, понимание которых обогащает интерпретацию текста, и сами они служат двигателями сюжета, подчеркивая конфликты и темы произведения.

Петров

В русской литературной традиции образ «маленького человека» имеет особое значение, так как он отражает не только социокультурные изменения и особенности человеческой природы в рамках определенного исторического контекста, но и внутренний мир, который «изменяется под влиянием социальных условий и времени» (Гусейнова, 2020, с. 241). Алексей Сальников в своем романе «Петровы в гриппе и вокруг него» привносит свежий взгляд на эту традицию, представляя Петрова ярким примером современного «маленького человека» в постсоветской России, на фоне общего культурного и социального дисбаланса. Петров, автомеханик и любитель рисовать комиксы, проявляет себя как человек с двойственной натурой: с одной стороны, он обычный рабочий: первое упоминание о профессии Петрова в романе появляется в момент, когда Петров вместе с Игорем посещает дом Виктора Михайловича (он является не только другом Игоря, но и братом Марины (Снегурочки), о которой будет упомянуто далее): «На пороге стоял Виктор Михайлович, клиент автосервиса, где работал Петров» (Сальников, 2022, с. 35), а с другой стороны – творческая личность, способная на глубокие размышления, как и следует из текста:

«Даже пыткой нельзя было узнать от Петрова, что он в свой почти тридцатник рисует комиксы и пытается косить под японцев в этом плане. Причем Петров понимал, что будь это какая-нибудь порнуха с чудовищами, мужики бы еще прониклись творчеством Петрова, про это можно было рассказывать без стеснения» (Сальников, 2022, с. 74).

Амбивалентность характера Петрова, особенно его страсть к созданию комиксов, которую он скрывает от окружающих, является ключевым элементом в построении его персонажа. Этот аспект демонстрирует разрыв между внешним восприятием его как обычного рабочего и его внутренней творческой жизнью, которую он считает недостаточно достойной для показа окружающим. Такой внутренний конфликт между социальной идентичностью и личными устремлениями делает персонажа глубоким и многогранным, позволяя читателям лучше понять его сложные мотивации и внутренние противоречия. Такой разрыв сверхсознательного и бессознательного, если продолжить мысль основателя психоанализа, усиливает узнаваемость персонажа, делая его борьбу и переживания более отзывчивыми и значимыми для современной читательской аудитории.

В романе глубоко и многогранно раскрывается характер Петрова, который является фигурой, сталкивающейся с многочисленными социальными и личностными дилеммами. Один из таких моментов ярко проиллюстрирован в эпизоде его взаимодействия с одноклассником Сергеем, который теперь стал драматургом. Этот эпизод открывает перед читателем внутренний мир Петрова, его сомнения и переживания относительно собственной социальной роли и места в жизни, что делает его образ особенно амбивалентным и пронзительным. В романе есть такой отрывок: «Петров не понимал, за что его так не любит Сергей, почему Петров должен выслушивать это завуалированное оскорбление своего, ну такого вот, невозвышенного существования, в котором есть место некоторой грубости, некоторому примитиву, некоторому наиву» (Сальников, 2022, с. 276). Этот отрывок из романа демонстрирует сложный и амбивалентный характер Петрова, особенно акцентируя внимание на его социальных взаимодействиях и самовосприятии. В этом фрагменте Петров переживает негативные эмоции, вызванные разговором с Сергеем, одноклассником. Сергей косвенно оскорбляет Петрова, принижая его простое существование по сравнению с его, предположительно, более заметной жизнью. Петров чувствует себя сбитым с толку и обиженным презрением Сергея к его скромной профессии и простоте его жизни, которую Сергей считает грубой, примитивной и наивной. Петров внутренне задается вопросом, почему Сергей его не любит и почему ему приходится терпеть то, что он воспринимает как завуалированные оскорбления своего простого, непритязательного существования. Здесь явно виден диссонанс между тем, как Петров видит себя, и тем, как, по его мнению, его воспринимает Сергей. Это расхождение подчеркивает амбивалентность Петрова по отношению к собственной значимости и правомерности суждений Сергея. Применяя теорию Зигмунда Фрейда, можно сказать, что Петров испытывает конфликт между своим «Я» (его реальным восприятием себя) и его «Сверх-Я» (идеализированным образом себя, который он чувствует под давлением общественных ожиданий и сравнения с Сергеем). Этот внутренний конфликт приводит к психологической напряженности и нестабильности в его самооценке. Также отрывок служит критикой общественных норм и ценностей, особенно того, как часто личная ценность измеряется профессиональным успехом или социальной видимостью. Профессия Петрова и его прямолинейная, возможно, несостоявшаяся жизнь презирается Другим, что можно рассматривать не только как психоаналитический феномен, но и как социологический факт, как отражение общественных отношений к рабочим профессиям, связанный с более фундаменталистским взглядом на успех. Здесь легко обнаружить отражение фрейдистской идеи, что общественные структуры и культурные идеалы могут глубоко влиять на личное самосознание и психологическое состояние индивида.

Кроме того, фраза «Петров не понимал» и ее вариации, которые встречаются в романе 14 раз, значительно способствуют изображению характера Петрова, подчеркивая его амбивалентность, ключевой аспект его личности и основной метод построения персонажа в повество-

вании. Повторное использование этой фразы подчеркивает постоянный внутренний конфликт и недоумение Петрова. Он выражает его борьбу с пониманием мотиваций и поведения других, а также социальных норм и ожиданий, возложенных на него. Это непонимание является характерным признаком амбивалентности, когда Я персонажа часто разрывается между различными эмоциями, желаниями или социальными давлениями, не способное полностью согласиться с одним направлением или другим.

Одним из ярких примеров является его взаимодействие с Сергеем, которое вызывает у Петрова смешение недоумения и разочарования:

«Петров не понимал, за что его так не любит Сергей...» (Сальников, 2022, с. 276).

Кроме того, Петров сталкивается с недопониманием семейных отношений, когда его мать комментирует его поведение, что также вызывает у него замешательство:

«Вот этого 'как девочка' Петров тоже не понимал. Можно подумать, что он выбирал, кем быть» (Сальников, 2022, с. 121).

Также Петров не может понять, как люди могут выбирать определенные профессии, что отражает его отчуждение от некоторых социальных ролей и профессий, а также непонимание моральных и этических аспектов этих ролей:

«Петров не понимал, как можно работать патрульным милиционером, он не представлял, как это – слоняться по перрону или по улицам и выискивать каких-то нарушителей либо останавливать людей для выяснения» (Сальников, 2022, с. 77).

Повторение этой фразы добавляет узнаваемость персонажа, делая его более правдоподобным и вызывая у читателя эмпатию к его частым недопониманиям и видимой уязвимости. Это соединение критически важно для привлечения внимания аудитории и способствует более глубокому пониманию вызовов в судьбе персонажа, формирующих мотивную структуру романа. Каждый случай недопонимания может привести к новым пониманиям или изменениям в его характере, предоставляя тонкое изучение его эволюции в течение повествования.

На символическом уровне эти моменты непонимания могут отражать сложности человеческого состояния и часто непостижимый характер общественных изменений и межличностной динамики. Личная амбивалентность Петрова и его повторные неудачи в понимании могут рассматриваться как микрокосм общественной амбивалентности перед лицом вызовов современности.

В романе фигура Петрова также служит комплексным интертекстуальным узлом, через который прослеживается насыщенная сеть культурных и философских референций. Использование амбивалентности характера как основного метода построения персонажа позволяет создать многослойный портрет главного героя, отражающий внутренние противоречия и моральные дилеммы.

По мнению исследователя, персонаж Петрова и его взаимодействие с Сергеем демонстрирует глубокую интертекстуальную связь с произведениями Ф. М. Достоевского, в частности с «Бесами». В этом романе персонаж Кириллова стремится к самоубийству как акту сверхчеловеческой воли и выражению абсолютной свободы, что глубоко резонирует с мотивами самоубийства в «Петровы в гриппе и вокруг него». Ключевым моментом является сцена, в которой Петров помогает Сергею совершить самоубийство. Это действие не только отражает его личные переживания и внутренние конфликты, но и затрагивает темы судьбы, свободы и предопределенности, которые Достоевский изучал на протяжении всего своего творчества. В романе можем найти такой пример: «Сергей подумывал, не в том ли дело, что множество великих русских писателей погибли насильственной смертью, не в том ли, что Сергей пытался подменить талант своим юным возрастом и ранней смертью» (Сальников, 2022, с. 251). Подобно Кириллову, Сергей видит в смерти способ подтвердить свою автономию и контроль над собственной жизнью, что является крайним проявлением экзистенциального кризиса и отчаяния. Таким образом, Сальников не только отдает дань уважения Достоевскому, но и переосмысливает некоторые из его идей в контексте постсоветской России, где вопросы идентичности, морали и исторической памяти остаются актуальными.

Персонаж Петрова также демонстрирует влияние французского экзистенциализма, особенно идей Жан-Поля Сартра и Альбера Камю. Эти философские влияния особенно заметны в темах свободы выбора, изоляции и абсурда, пронизывающих роман. Камю утверждал, что «есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии» (Камю, 1990, с. 24). В романе Сальникова этот вопрос исследуется через решение Петрова помочь Сергею умереть: «Петров выстрелил и отцепился от рук Сергея, которые сразу опали, будто Петров не стрелял, а просто оглушил его. Из рта Сергея обильно полилась кровь» (Сальников, 2022, с. 287). Этот акт становится символом исследования смысла жизни через призму смерти, что представляет собой крайнее выражение экзистенциализма. Люй Тяньвэй в своем исследовании подчеркивает, что в романе «Петровы в grippe и вокруг него» персонажи теряют четкость индивидуальных черт, перестают быть определенными личностями с фиксированными формами, «а становятся скорее неоднозначными, нечеткими контурами» (Люй, 2024, с. 296). Весьма интересно, что персонажа мы постоянно называем Петровым, и его собственное имя упоминается всего однажды как Сережка, что является уменьшительной формой от Сергей. Подтверждение этому можно найти в двух тонко вписанных в текст моментах:

В первом случае описывается детство Петрова, когда он не любил первую букву своего имени: «Петрову не нравилось, что первая буква его имени выглядит так просто – как обычная загогулинка, как половина бублика». Это намекает на то, что первая буква его имени – С.

Второй момент связан с разговором между мамой Петрова и ее подругой, в котором упоминается Сережка: «Одно хорошо, он патронов для шипучки достал, намешаем Сережке морс – порадуется». Здесь «он» относится к отцу Петрова, а Сережка – это сам Петров.

Таким образом, из текста явственно следует, что Петров и Сергей – одно и то же лицо.

Момент, когда Петров убивает Сергея, с точки зрения исследователя, можно интерпретировать как метафору самоубийства, где герой пытается уничтожить ту часть себя, которая его не устраивает или приводит его к страданиям. Этот акт убийства символизирует отказ от одной идентичности в пользу другой, более согласованной с его внутренними стремлениями и идеалами. Сальников использует этот поворот для размышлений о сущности личной идентичности и о том, как сложно бывает совместить внешние обстоятельства жизни с внутренними убеждениями и желаниями. Это не только придает роману символические и экзистенциальные измерения, но и позволяет глубже исследовать тему человеческой свободы и предопределенности судьбы.

Таким образом, смерть Сергея становится ключевым моментом для осмысления Петровым своего места в мире и собственной жизненной позиции, что делает роман не просто повествованием о личных перипетиях, но и философским размышлением о смысле жизни и смерти.

Петров чувствует глубокую связь с русской литературной традицией и культурой, что делает его персонажа особенно значимым для понимания темы культурного и исторического самознания в романе. Он живет в мире, где прошлое и настоящее переплетаются таким образом, что часто стираются границы между реальностью и иллюзией, между личными и коллективными историями. Это особенно заметно в его взаимодействиях с другими персонажами и в его реакциях на окружающие события, которые часто носят галлюцинаторный и сюрреалистический характер, подчеркивая его внутреннюю борьбу и психологическую нестабильность.

Троллейбус в романе Сальникова стал не просто декорацией, а полноценным участником событий. Именно в его пространстве развернулось действие драматического спектакля, адаптированного по этой книге и впервые представленного в январе 2019 года в Гоголь-центре. Режиссер А. Федоров преобразил интерьер троллейбуса, перевоплотив его то в читальный зал, то в жилое пространство. Одна из рецензий на спектакль носит название «Троллейбус из другого мира» (Рутковский, 2020). Например, уже в самом начале романа описываются встречи Петрова с разнообразными, порой странными и пугающими персонажами в троллейбусе, которые служат отражением его внутреннего мира, подчеркивая его дезориентацию и поиск смысла. Чередо-

вание реальности и галлюцинаций в романе позволяет читателю увидеть, как герой сталкивается с абсурдом и хаосом современного мира. Как отмечает Наталия Стрельникова, в произведении прослеживаются две основные линии повествования: одна связана с «потусторонними странствиями души главного героя», а другая отображает «фантастически-реалистические картины жизни и быта современного Екатеринбурга» (Стрельникова, 2021, с. 64).

Через своего героя Сальников затрагивает актуальные темы смысла жизни и места человека в современном обществе, что особенно важно в контексте постсоветской России с ее социальными и культурными трансформациями. Роман вызывает у читателя размышления о влиянии истории на личность и о возможностях человека изменить свою жизнь в условиях нестабильности и неопределенности.

Петрова

Петрова – жена героя Петрова, по профессии она библиотекарьша. В характере Петровой отчетливо прослеживается амбивалентность, характерная для многих персонажей современной литературы, но в ее случае она проявляется особенно ярко через контраст между повседневной жизнью и ее скрытыми, темными начинаниями. Прежде всего, Петрова в романе изображена как серийная убийца, что само по себе редкость для женских персонажей в литературе. Когда она была спокойна, она рассказывала мужу о библиотечных делах или о книгах. «Петрову нравилось, когда жена была так спокойна» (Сальников, 2022, с. 102). Но однажды на работе в библиотеке пьяный муж пришел тиранить заведующую детским отделом. «... а Петрова слегка намяла ему бока и пошатала парой нежных крючков слева и справа, а потом с трудом изобразила отвращение от вида его крови, капавшей на паркет большими каплями, и досаду за сбитые костяшки на кулаках. Все тогда удивились, стали расспрашивать, не занималась ли Петрова боксом, но Петрова отговорила тем, что подсмотрела все это в кино и это у нее получилось случайно» (Сальников, 2022, с. 169). В этот момент Петрова преобразилась в «Женщину-рыцаря». Она умыла кровь с рук и снова стала простой сотрудницей библиотеки и обыденной женщиной. Дома она вновь была матерью, заботившейся о домашнем задании сына и ужине, как это делают миллионы женщин каждый день. Но когда сын случайно порезал палец, вид крови заставил ее воображение заиграть мрачными красками. Она представила, как одним движением рассекла горло сына, и кровь брызнула бы. Мысль о насилии приносила ей странное удовольствие. Петрова даже строила планы убийства мужа своей коллеги Алины, неоднократно возвращаясь к этой зловещей мысли. Ее действия могут быть рассмотрены в контексте душевной болезни, что добавляет ей трагичности. В работе Сьюзен Сонтаг «Болезнь как метафора» указывается: «Болезнь – это воля, говорящая посредством тела, язык драмы мышления, форма самовыражения» (Сонтаг, 2016, с. 45). Этот образ вызывает ассоциации с неспособностью контролировать собственные импульсы, что порождает желание убивать. Интересно, что, несмотря на свои ужасные поступки, Петрова пытается сохранить свою семью, даже если это означает развод или разлуку, чтобы защитить их от себя. Это добавляет ее образу глубины и показывает ее способность к самопожертвованию ради близких. В романе есть два примера:

1. «Нож больше не был нужен, Петрова на всякий случай убрала его в ящик стола и прислушалась к себе... и на всякий случай убрала в стол еще и ножницы. Петрова поняла, что в этот раз ее пробрало как-то особенно сильно, она почувствовала, что грань между фантазией и реальностью тонка, словно стенка мыльного пузыря» (Сальников, 2022, с. 188-189).

2. «Петрова заметила, что руки у нее трясутся мелкой дрожью, и не только руки, само дыхание внутри нее вибрировало, как трансформаторная будка, от осознания того, что она только что чуть не натворила. Никогда еще мысль об убийстве не приходила ей в голову по отношению к близким» (Сальников, 2022, с. 190).

Как отмечено в произведении, Петрова не только проявляет черты насилия, но и переживает внутренние конфликты относительно своих поступков. Это видно, когда она старается контролировать свои вспышки агрессии, чтобы защитить своих близких, показывая свою внутреннюю

борьбу и деликатность в отношениях с семьей. Она осознает моменты, когда может потерять контроль, и поэтому временно отдаляется от семьи, чтобы защитить их. Это не только добавляет глубины ее характеру, но и выражает определенный вид жертвенности, где она пытается обуздать свое темное начало ради блага близких.

Петрова, несмотря на свою татарскую этничность и знание татарского языка, внешне не выделяется среди славянского большинства, что вызывает у нее особенный вид социальной дилеммы: с одной стороны, она обладает культурным и языковым наследием, которое не всегда видно на первый взгляд, а с другой – ее этническая принадлежность остается невидимой для окружающих, что иногда заставляет ее чувствовать себя изолированной внутри собственной культурной группы. В романе есть такое описание: «Петров просто не мог придумать, что его жена – татарка и даже знает татарский язык, силы воображения Петрова просто не хватило бы на то, чтобы придумать имя, которое носила жена, и совершенно невообразимое отчество, которое у нее было» (Сальников, 2022, с. 98). Тот факт, что Петрова часто принимают за татарина, в то время как его жена, которая действительно татарка, не встречает подобного восприятия, подчеркивает арбитранность внешних признаков этнической принадлежности. Эта ситуация ставит под вопрос социальные представления о том, что определяет этническую идентичность: внешность, культурные практики, язык или что-то еще. «И никто никогда из попутчиков в транспорте или там прохожих никогда не заговаривал с женой по-татарски – настолько у нее была простая славянская внешность, а к Петрову на татарском обращались постоянно, заставляя его краснеть» (Сальников, 2022, с. 98). Петрова испытывает сложности при пересечении культурных кодов, что также затрагивает ее личные отношения с семьей и культурой. Способность переключаться между языками и культурами, как у ее бабушки, не всегда легко принимается окружающими, что добавляет еще одну ступень конфликта между личной идентичностью и социальными ожиданиями. В контексте романа эти аспекты позволяют исследовать, как этническая принадлежность и культурная идентичность влияют на взаимодействие человека с миром. Петрова, имеющая славянскую внешность, и ее муж, на которого окружающие смотрят сквозь призму его татарской фамилии, иллюстрируют сложности, связанные с культурными стереотипами и предрассудками. Эти аспекты добавляют глубины к характеру Петровой, позволяя читателю лучше понять сложности, с которыми она сталкивается, исследуя свою культурную и личную идентичность в рамках широкого социального и семейного контекста.

В то же время образ Петровой можно интерпретировать через призму воспитания и семейных ценностей. Здесь действия персонажа подчиняются жанровому порядку семейного романа, где основные конфликты разворачиваются внутри отношений этой социальной ячейки общества. Это позволяет глубже исследовать мотивы ее поступков и то, как она воспринимает собственную роль в семье. В ее образе сочетаются черты заботливой матери и супруги с чертами безжалостного убийцы, что создает напряженность и конфликтность ее личности. Ее поведение и взаимодействие с членами семьи иллюстрируют классический конфликт между желанием поддерживать нормальность и внутренними импульсами, которые толкают ее к насильственным действиям. Петрова испытывает конфликт между своими материнскими обязанностями и темными инстинктами, что добавляет глубины ее характеру. Она стремится быть хорошей матерью и супругой, одновременно сталкиваясь с собственными демонами, что приводит к семейным драмам и катастрофам. Через воспитание своих детей Петрова пытается реализовать идеалы, которые она сама считает важными, хотя эти идеалы порой находятся в конфликте с ее действиями. Это создает интересный парадокс: она желает защитить своих детей от внешнего мира, в то время как сама представляет для них определенную угрозу. Такой аспект поднимает вопросы о том, насколько эффективно можно отделить личные травмы от воспитательного процесса. Культурные ожидания от женщин в российском обществе также влияют на поведение Петровой. Она чувствует давление быть идеальной матерью и супругой, что конфликтует с ее внутренними стремлениями и желаниями. Это давление усиливает ее внутренние конфликты и способствует ее психологической дестабилизации.

Итак, Петрова остается символом того, как внутренние конфликты и культурная амбивалентность могут формировать человеческую жизнь, делая ее неожиданно сложной и многогранной.

Марина (Снегурочка)

Марина, сестра Виктора Михайловича, родом из маленького города Невьянска. Она мечтала вернуться туда и построить свою жизнь вместе с парнем Сашей, но их планам не суждено было сбыться из-за неодобрения со стороны его семьи. Марина сыграла Снегурочку на новогодней елке, организованной ее парнем Сашей. В то же время Марина преподавала английский язык, и в этот период ее жизнь переплелась с Игорем, студентом, с которым у нее завязались отношения. После распада Советского Союза переехала вместе с ребенком в Австралию: «И вот она сваливает в Австралию в разгар перестройки, вместе с сыном» (Сальников, 2022, с. 48).

В одном из интервью Сальников упомянул интерес к созданию неодушевленных персонажей, например, таблетки аспирина, которая путешествует в кармане Петрова по всей книге, «как по организму» (Сальников, Лащева, 2018). Однажды Марина попросила своего брата Виктора Михайловича купить аспирин, и он почему-то купил аспирин на 6 рублей (в то время были немалыми деньгами), и именно этот аспирин, произведенный в 1979 году, много лет спустя стал спасительным лекарством для сына Петрова. Так, обыденный предмет обретает глубокий символический смысл, становясь метафорой неопределенности и влияния судьбы, что отражает амбивалентность жизненных путей главных героев.

Когда Петров был маленьким, Марина в образе Снегурочки, с холодными руками, казалась счастливой на новогодней елке, но на самом деле ее глаза были полны слез и сердце – боли. Снегурочка – известный персонаж русских народных сказок, помощница Деда Мороза или дочь снега и весны, чей образ окутан трагическим романом и растаянием. В песнях и сказаниях она символизирует эфемерность, принадлежащую только зиме и обреченную на саморазрушение.

У Сальникова Снегурочка становится ключевым символом, связывающим отца и сына Петровых через комплекс амбивалентных событий. Во снах отца Петрова Снегурочка видит через время и пространство, предвидя эпидемию, что позволяет содержанию сновидений проникнуть в прошлое и настоящее, переводя реальность в фантастическое измерение.

Хотя многие считают Снегурочку идеализированным образом жизни в Советском Союзе 1970-х, по словам Сальникова, вне новогоднего карнавала ее жизнь далека от счастья и благополучия. Возможно, в воображении Петрова она является проекцией его собственной личности, преломленной через его сознание.

Образ Снегурочки помогает восстановить нарушенное единство между отцом и сыном Петровыми, соединяя их через сюжетные повторы и рифмующиеся ситуации, например, через повторное упоминание о холодной Снегурочке на новогодней елке. На протяжении всего романа сам герой и его близкие ссылаются на это детское воспоминание:

1. «А Петров, глядя на многочисленный снег вокруг себя, на пятиэтажный дом через дорогу, вспомнил вдруг, как на елке в раннем детстве женщина, или девушка, изображавшая Снегурочку, взяла его за руку, а рука у нее была совершенно ледяная, и маленький Петров подумал: “Настоящая”» (Сальников, 2022, с. 47).

2. «...Петров вдруг стал вспоминать, что как-то ходил на новогодний праздник, и там его взяла за руку Снегурочка, и рука у Снегурочки была правда холодная, как у настоящей» (Сальников, 2022, с. 182).

Появление повторений в тексте романа не является случайным: они служат важными сюжетными маркерами, структурирующими внутреннюю динамику и помогающими автору раскрыть ключевые моменты во встрече главного героя с Мариной. Структура произведения напоминает симфонию, поглощающую читателей и вводящую их в состояние как бы безумия, где повторяющиеся сюжетные элементы проходят сквозь призму заболевания, создавая образы, будто возникающие в разуме лихорадочного больного. Автор демонстрирует уникальный стиль, перемещая

персонажей между различными местами и временными периодами, мастерски переплетая воспоминания о советском прошлом с реалиями современной России.

Сальников причудливо смешивает архетипические черты русской женщины (традиционные представления о семье) и черты героини комиксов, настроенной на убийство. Таким же амбивалентным оказывается образ Снегурочки. Структура повествования рушится, уступая место ризоме. Петрова жаждет разрушить эти догмы и правила, выдумывая страстные любовные сцены и сцены убийства. Перед лицом обременительной и тривиальной семейной жизни у нее даже возникло желание убить сына. «Снегурочка» Марина – персонаж куда более бунтарский и печальный, ее происхождение презирали родители ее парня. Она занималась сексом со своим 17-летним учеником и забеременела, а в итоге уехала с сыном в далекую Австралию. Как и ее сказочный аналог, «Снегурочка» в романе – внучка Деда Мороза, отправляющая с ним новогодние поздравления. Однако, будучи воплощением снега и льда, она остается непонимающей происходящее вокруг, и когда она влюбляется, ее сердце нагревается, а тело начинает таять и исчезать. Эта сюжетная линия является ключевой: в ней пересекаются все ветви романа и персонажи, объединяясь в замкнутую цепочку, где Марина и «Снегурочка» сливаются в одно, придают роману поэтическую красоту и одновременно поддерживают принцип амбивалентности, который мы считаем ключевым в структуре романа.

«Снегурочка» не может адаптироваться к современности, не в силах принять образ Снегурочки нового времени, но идеал прошлого года живет в этой фантазии. Она – ключевой символ в русской народной сказке и важная часть русской культуры. Но по мере взросления ребенка сказочный образ «Снегурочки» деконструируется, предполагая изменения в ее традиционном значении.

Игорь

Игорь – друг Петрова и бывший школьник, который занимался английским с Мариной. Между Игорем и Мариной случился роман, в результате которого Марина забеременела. Для Игоря это было чудом, так как он был стерилен: «Я стерилен, – сказал Игорь» (Сальников, 2022, с. 364).

В процессе развития сюжета Игорь оказывается не просто другом Петрова, а мифологической фигурой – Айдом, повелителем царства мертвых: «Я дух этого места, – серьезно сказал Игорь, не поднимая глаз на хозяина» (Сальников, 2022, с. 50). Сальников никогда не говорит прямо, что Игорь – это Аид, но он неоднократно намекает на это. Образ Игоря как Аида подчеркивается в нескольких эпизодах романа. Прежде всего, полное имя Игоря – Артюхин Игорь Дмитриевич, и первая глава романа названа именно так. Если соединить первые буквы его фамилии, имени и отчества, получится АИД. Исследователь считает, что Сальников намеренно оставил нам этот намек. В то же время Петров, описывая внешность Игоря при их первой встрече, отмечает, что тот «похож на уроженца северных предгорий Кавказа или какого-то грека» (Сальников, 2022, с. 266). На новогоднем празднике произошло необычное событие: маленький Петров коснулся руки Марины, что символически «растопило» ее сердце, и она решила сохранить ребенка. Игорь хорошо знает об этом и упоминает это в разговоре в доме Виктора Михайловича, когда они втроем выпивали:

1. Впервые Игорь говорит об этом в доме Виктора Михайловича (в конце первой главы). В то время они втроем выпивали, поэтому, вероятно, не восприняли слова Игоря всерьез: «Еще он утверждал, что Петров когда-то спас его сына одним своим прикосновением, как Иисус, что он специально собрал людей, причастных к его личному чуду, в одном месте и очень им благодарен, так пускай и они хотя бы чуточку будут благодарны и ему» (Сальников, 2022, с. 54).

2. Позднее в разговоре с Петровым в театре Игорь говорит: «Аборт бы, например, сделала. А так она теперь пусть и довольно далеко, но по крайней мере жива. И сын мой жив. И у тебя теперь все нормально, хотя ты и дуешься. И будет нормально до самой твоей смерти. Спасибо, короче. Не отмахивайся от меня, Иван-царевич, я тебе еще пригожусь» (Сальников, 2022, с. 368).

В знак благодарности за спасение сына Игорь решает воскресить Петрову из мира мертвых и принести ее ему. «Игорь достал ему жену чуть ли не из самого Тартара, а Петров кочевряжится» (Сальников, 2022, с. 53). Женщина, которую он воскресил для Петрова, вероятно, является Немезидой или Эринией, что подразумевает ее прежнее пребывание в мире мертвых: «Раньше, до того как она попала в это тихое место, все вокруг нее, как она помнила, состояло именно из пламени, даже существо, которым она была, и существа, которые ее окружали, которых она считала людьми, были из огня» (Сальников, 2022, с. 154).

В конце главы 8 появляется такое интересное описание: «Если бы радио было включено в тот момент в машине Петрова, он бы мог услышать от ведущих чудесную историю о том, как накануне Нового года у скорбящих родственников сначала пропало тело покойного, а потом сам покойный вернулся домой в добром здравии» (Сальников, 2022, с. 77). Игорь воскресил умершего, которого упоминали в начале романа в похоронной машине. Это создало интересный замкнутый круг в сюжете и усилило элементы магического реализма в романе.

По мнению литературного критика Рэймона Федермана, персонажи в постмодернистских романах представляют собой «выдуманнные фигуры, которые уже не воспринимаются как реальные люди, обладающие телом и душой, и не имеют неизменной сущности» (Ху, 2000, с. 55). По мнению исследователя, образ Игоря в романе Алексея Сальникова, без сомнения, является одним из наиболее многогранных и fasciniрующих. На первый взгляд он предстает как обычный друг главного героя Петрова, который любит хвастаться, много говорить и дразнить людей. Дальнейшее развитие сюжета приводит к разоблачению мистической сущности Игоря, который оказывается не кем иным, как Аидом – мифологическим повелителем царства мертвых, при этом его фигура в тексте выступает как воплощение магического реализма, где границы между мифом и реальностью стираются. Ключевой момент, который особенно интересен в контексте магического реализма, происходит во время новогоднего праздника. Маленький жест Петрова, коснувшегося руки Марины, символически «растопил» ее сердце, и она решает сохранить ребенка. Игорь, осознающий значимость этого момента, видит в нем связи судеб, что усиливает его роль как мифологической фигуры, действующей в рамках современного мира. Замкнутый круг сюжета, когда Игорь воскрешает умершего из начала романа, не только создает эффект завершенности, но и усиливает ощущение магической предопределенности и вечного цикла, в котором герои романа оказываются заложниками судьбы. Этот прием позволяет читателю увидеть всю глубину символизма и связи между жизнью и смертью, что является основой для философского и метафизического осмысления текста.

Роман сохраняет классическое внимание к деталям семейных отношений и процессам взросления, однако преобразует эти элементы, интегрируя в них актуальные проблемы современности, такие как социальная нестабильность и изменения в понимании семейных структур. В этом контексте роман выходит за рамки традиционного семейного романа, исследуя более глубокие психологические аспекты взаимоотношений между героями. Он превращает повседневные семейные конфликты и кризисы в абсурдные и мистические события, что позволяет зрителю увидеть внутренние переживания и размышления персонажей в условиях кризиса. Таким образом, семейные отношения и воспитательные моменты приобретают новое значение в условиях нестабильности и болезни, отражая общую социальную и психологическую напряженность.

Выводы

Мы считаем, что влияние гриппа служит не только катализатором сюжета, но и символом внешних и внутренних изменений, с которыми сталкиваются герои. Это заставляет их переосмысливать свои жизни, ценности и отношения друг с другом. При этом Сальников активно использует элементы магического реализма, благодаря чему сюжетные линии, казалось бы реалистичные, приобретают неожиданные и фантастические измерения. Так, например, повседневные проблемы и конфликты персонажей переплетаются с невероятными событиями, которые подчеркивают абсурдность и нереальность испытываемых ими чувств и ситуаций. Критики

отмечают, что использование Сальниковым многоплановой структуры романа, где персонажи сталкиваются с внутренними и внешними конфликтами, отражает влияние постмодернистской традиции, которая часто обращается к разрушению жанровых границ и интеграции различных стилей и форм. Эти техники позволяют автору исследовать глубины человеческой психики и социальных взаимодействий, выходя за рамки обыденного и предоставляя читателю многоуровневое и многозначительное повествование.

Взгляды Фрейда на психологию личности помогают современному исследователю понять, насколько изменчивыми могут быть человеческие инстинкты, а также оценить сложность дуализма чувств и разума живых существ. Такое исследование делает психику многомерной и объясняет, как внутренние конфликты и подсознательные желания влияют на действия и мотивацию персонажей. Вместе с тем они открывают путь к пониманию механизмов взаимодействия глубинной структуры языка автора и персонажей, широко используя различные приемы выражения, прежде всего интертекстуальность. Именно в точках пересечения психоаналитической и структуралистской интерпретации обнаруживаются самые интересные узлы любого сложного произведения, к числу которых принадлежит роман Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него».

Источники

- Александров Н. (2018) Алексей Сальников. Петровы в grippe и вокруг него. <https://echo.msk.ru/programs/books/2131192-echo>.
- Бахтин М. М. (1986) Эстетика словесного творчества. М., Искусство, 444 с.
- Гусейнова Н. (2020) Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века. Балтийский гуманитарный журнал, № 3 (32), с. 241–245.
- Достоевский Ф. М. (2023) Бесы. М., Тион, 656 с.
- Камю А. (1990) Бунтующий человек. Философия. Искусство. М., Политиздат, 415 с.
- Королев Е. (2017) Отпускается без рецепта. <https://prochtenie.org/reviews/29073>.
- Кэлвин Х. (1999) Теория личности. М., Эксмо-Пресс, 592 с.
- Лотман Ю. М. (1970) Структура художественного текста. М., Искусство, 384 с.
- Лью Т. (2024) Применение подхода Ихаба Хассана к выявлению проявлений неопределенности в литературе постмодерна: на примере романа Алексея Сальникова «Петровы в grippe и вокруг него». Современное педагогическое образование, № 2, с. 294–298.
- Рутковский В. (2020) Троллейбус из другого мира. <https://www.svoboda.org/a/30391055.html>.
- Сальников А. Б. (2022) Петровы в grippe и вокруг него. М., АСТ: Редакция Елены Шубиной, 411 с.
- Сальников А. Б., Лащева М. (2018) «Это я еще не все загадки оставил». Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/3642848>.
- Сонтаг С. (2016) Болезнь как метафора. Пер. М. А. Дадян, А. Е. Соколинская. М., Ад Маргинем Пресс, 170 с.
- Стрельникова Н. Д. (2021) Опыт прочтения романа «Петровы в grippe и вокруг него» (стихотворение Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» и роман А. Сальникова). Мир русского слова, № 1, с. 63–68.
- Толстов В. (2017) Что читать у наших: новинки российской прозы. БайкалИнформ. <https://baikalinform.ru/chitatelb-tolstov/chitatelb-tolstov-cto-chitatb-u-nashih-novinki-rossiyskoy-prozy?ysclid=lwtfwmvqvbv927233198>.
- Ху Ц. (2000) Персонажи и характеристики в постмодернистских романах. Иностранные языки, № 4, с. 52–58.
- Юзефович Г. Л. (2017) Безумие и норма, реальность и бред. В трех русских (отличных!) романах «Петровы в grippe и вокруг него», «Учитель Дымов», «Принц Инкогнито». Волга. Литературный журнал. <https://volga-magazine.ru/meduza-2017/?ysclid=m84mmv8xb7613978262>.
- Freud S. (1923) The Ego and the Id. SE, 66 p.
- Taylor C. (2011) Literature, Moral Reflection and Ambiguity. Philosophy, vol. 86, no. 1, pp. 75–93.
- Wylie J. (2022) An Interdisciplinary Approach to the Epistemic Value of Moral Ambiguity. CUNY Academic Works, 24 p.

References

- Alexandrov N. (2018) Aleksei Sal'nikov. Petrovy v grippe i vokrug nego [Alexey Salnikov. The Petrovs in and Around the Flu]. <https://echo.msk.ru/programs/books/2131192-echo> (In Russian).
- Bakhtin M. M. (1986) Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 444 p. (In Russian).
- Calvin H. (1999) Teoriya lichnosti [Theory of Personality]. Moscow, Eksmo-Press, 592 p. (In Russian).

- Camus A. (1990) Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo [The Rebel: Philosophy. Politics. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 415 p. (In Russian).
- Dostoevsky F. M. (2023) Besy [Demons]. Moscow, Tion Publ., 656 p. (In Russian).
- Freud S. (1923) The Ego and the Id. SE, 66 p.
- Guseynova N. (2020) Obrazy "malen'kogo" cheloveka i "lishnego" cheloveka v literature XIX veka [Images of "Little Man" and "Superfluous Man" in 19th Century Literature]. Baltic Humanitarian Journal, no. 3 (32), pp. 241–245 (In Russian).
- Hu C. (2000) Personazhi i kharakteristiki v postmodernistskikh romanakh [Characters and Characteristics in Postmodern Novels]. Inostrannye yazyki, no. 4, pp. 52–58 (In Russian).
- Korolev E. (2017) Otpuskaetsya bez retsepta [Issued without a Prescription]. <https://prochtenie.org/reviews/29073> (In Russian).
- Lotman Yu. M. (1970) Struktura khudozhestvennogo teksta [The Structure of the Artistic Text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 384 p. (In Russian).
- Lui T. (2024) Primenenie podkhoda Ikhaba Khassana k vyavleniyu proyavleniy neopredelennosti v literature postmoderna: na primere romana Alekseya Sal'nikova "Petrovy v grippe i vokrug nego" [Applying Ihab Hassan's Approach to Identifying Manifestations of Uncertainty in Postmodern Literature: The Case of Alexey Salnikov's "The Petrovs in Flu and Around It"]. Modern Pedagogical Education, no. 2, pp. 294–298 (In Russian).
- Rutkovsky V. (2020) Trolleybus iz drugogo mira [Trolleybus from Another World]. <https://www.svoboda.org/a/30391055.html> (In Russian).
- Salnikov A. B. (2022) Petrovy v grippe i vokrug nego [The Petrovs in and Around the Flu]. Moscow, AST: Elena Shubina's Editorial Office, 411 p. (In Russian).
- Salnikov A. B., Lascheva M. (2018) Eto ya eshche ne vse zagadki ostavil [This is not all the mysteries I've left]. Kommersant. <https://www.kommersant.ru/doc/3642848> (In Russian).
- Sontag S. (2016) Bolezn' kak metafora [Illness as Metaphor]. Trans. M. A. Dadyan, A. E. Sokolinskaya. Moscow, Ad Marginem Press, 170 p. (In Russian).
- Strelnikova N. D. (2021) Opyt prochteniya romana "Petrovy v grippe i vokrug nego" (stikhotvorenije N. Gumileva "Zabludivshisya tramvay" i roman A. Sal'nikova) [Experience of Reading the Novel "The Petrovs in Flu and Around It" (N. Gumilev's Poem "The Lost Tram" and A. Salnikov's Novel)]. The World of Russian Word (Mir russkogo slova), no.1, pp. 63–68 (In Russian).
- Taylor C. (2011) Literature, Moral Reflection and Ambiguity. Philosophy, vol. 86, no. 1, pp. 75–93.
- Tolstov V. (2017) Chto chitat' u nashih: novinki rossiyskoy prozy [What to Read at Ours: New Russian Prose]. BaikalInform. <https://baikalinform.ru/chitatelb-tolstov/chitatelb-tolstov-chto-chitatb-u-nashih-novinki-rossiyskoy-prozy?ysclid=lwtfwmvqbv927233198> (In Russian).
- Wylie J. (2022) An Interdisciplinary Approach to the Epistemic Value of Moral Ambiguity. CUNY Academic Works, 24 p.
- Yuzefovich G. L. (2017) Bezumiye i norma, real'nost' i bred. V trekh russkikh (otlichnykh!) romanakh "Petrovy v grippe i vokrug nego", "Uchitel' Dymov", "Prints Inkognito [Madness and norm, reality and delirium. In three Russian (excellent!) novels "Petrovs in flu and around it", "Teacher Dymov", "Prince Incognito"]. Volga. Literaturnyy zhurnal - Volga. Literary magazine. <https://volga-magazine.ru/meduza-2017/?ysclid=m84mmv8xb7613978262> (In Russian).

Информация об авторе

Лу Чэнь

Аспирант кафедры истории и теории литературы, Гуманитарный институт. Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-1137-7535.
E-mail: 1767574158@qq.com

Autor's information

Lu Chen

Graduate student, Department of History and Theory of Literature, Institute of Humanities. Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-1137-7535.
E-mail: 1767574158@qq.com

К. В. Синегубова¹ ✉, **А. А. Аксёнова¹**

✉ sinegubova.kv@yandex.ru

¹Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация

Удивление читателя и принцип палимпсеста в стихотворении Л. Лосева «To Columbo»

Аннотация: В статье рассматривается стихотворение Л. Лосева «To Columbo», представляющее собой диалог с творчеством Мандельштама и других поэтов и прозаиков. Текст основан на литературном палимпсесте, вызывающем удивление читателя. Лирический герой сомневается в литературном мире, обращаясь к созерцанию животного мира. Жизнь «посредством пера» кажется ему противоестественной, что приводит к экзистенциальному кризису. Интертекстуально это выражается в интересе кота Мурра к литературе у Гофмана. Образ легкости пера контрастирует с тяжелой жизнью, в которой перо – способ заработка. Эпиграф и цитата из Мандельштама «За Паганини длиннопалым...» являются наиболее очевидными отсылками, но к ним присоединяются скрытые отсылки к «Запискам кота Мурра» Гофмана и «Повелителю мух» Голдинга, которые формируют усложненную проблематику: сомнение в творческом потенциале, конфликт культуры и жизни. Но отказ от интеллектуальной деятельности возвращает к первобытному страху, воплощающемуся в образе зверя. Деструктивное отношение к культуре не освобождает героя. Удивление читателя – ключевой механизм развертывания палимпсеста. Каждый слой взаимодействует с другими, порождая новые смыслы. Аллюзии на Гофмана, Голдинга, Эко трансформируют исходные тексты, создавая новый смысловой слой. Палимпсест используется для создания текстуального лабиринта и определенного положения наблюдателя. Реальность, которая постоянно трансформируется в новые формы, символизирует шаткость, утрату опоры. Удивление читателя – необходимый компонент процесса понимания, подтверждающий палимпсестный характер стихотворения.

Ключевые слова: Мандельштам, Лосев, Гофман, Бодлер, Голдинг, Эко, литературный палимпсест, положение наблюдателя, удивление читателя, интертекстуальность, интеллект как ценность.

Дата поступления статьи: 21 ноября 2024 г.

Для цитирования: Синегубова К. В., Аксёнова А. А. (2025) Удивление читателя и принцип палимпсеста в стихотворении Л. Лосева «To Columbo». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 35–42. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.3.

Scientific article

K. V. Sinegubova¹ ✉, **A. A. Aksenova¹**

✉ sinegubova.kv@yandex.ru

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

The reader's amazement and the principle of palimpsest in L. Losev's poem "To Columbo"

Abstract: The paper explores L. Losev's poem "To Columbo", which engages in a discussion with Mandelstam and other poets and prose authors. The text is based on a literary palimpsest that amazes the reader. The lyrical hero is skeptical about the literary world, turning to the contemplation of the animal world. Life "through the pen" seems unnatural to him, which leads to an existential crisis. Intertextually, this is expressed in Cat Murr's interest in literature found in Hoffmann's works. The image of the lightness of the pen contrasts with the hard life in which the pen is a way of earning money. The epigraph and the quote from Mandelstam "For Paganini long-fingered ..." are the most obvious references, but they are joined by hidden references to Hoffmann's "Notes of the Cat Murr" and Golding's "Lord of the Flies", which form a complicated problematic: doubt in creative potential, the conflict of culture and life. But the rejection

of intellectual activity returns to primitive fear, embodied in the image of the beast. A destructive attitude towards culture does not liberate the hero. The reader's amazement is a key mechanism for the palimpsest deployment. Each layer interacts with the others, generating new meanings. Allusions to Hoffman, Golding, and Eco transform the source texts, creating a new semantic layer. The palimpsest is used to create a textual maze and a certain observer position. Reality, which is continuously changing into new forms, represents shakiness and a loss of support. The reader's amazement is an important part of the comprehension process, confirming the poem's palimpsest nature.

Keywords: Mandelstam, Losev, Hoffman, Baudelaire, Golding, Eco, literary palimpsest, observer's position, reader's amazement, intertextuality, intelligence as value.

Paper submitted: November 21, 2024.

For citation: Sinegubova K. V., Aksenova A. A. (2025) The reader's amazement and the principle of palimpsest in L. Losev's poem "To Columbo". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 35-42. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.3.

Введение

Многие исследователи поэзии Льва Лосева отмечают большое количество аллюзий в его текстах, явных и скрытых цитат, которые часто подвергаются постмодернистскому переосмыслению. Как пишет А. Рацевич, «в своём творчестве Лосев склонен к интеллектуальной игре, иронии, пародии, отстранённости» (Рацевич, 2022).

Т. А. Красильникова, анализируя стихотворение Льва Лосева «Норковый ручей», приходит к выводу, что «стихотворение Льва Лосева представляет собой сплошное "чужое слово"» (Красильникова, 2018, с. 210). Анализу традиций футуристов в рецепции творчества Л. Лосева посвящена работа М. Павловца (Павловец, 2014). Стихотворение Льва Лосева «To Columbo», вошедшее в сборник «Sisyphus redux» (стихи 1997–2000), также становилось предметом научного осмысления, к примеру, в статье Л. В. Зубовой. Исследовательница делает ряд тонких наблюдений, связывая название «К Колумбу» с семантикой ошибки и случайного открытия, указывая на отсылку к «Приказу по армии искусств» В. Маяковского, «Разговору о Данте» и «За Паганини длиннопалым...» О. Мандельштама. Л. В. Зубова также уделяет внимание загадочной строке произведения: «Спой мне песню свою с головой Мандельштама во рту...». Лосев как будто мстит поэту, написавшему: «Играй же на разрыв аорты, / С кошачьей головой во рту!, / Три черта было – ты четвертый, / Последний чудный черт в цвету!» (Зубова, 2010, с. 12–13).

Разумеется, в стихотворении Мандельштама кошачью голову во рту скрипачки не следует понимать буквально. Этот образ получил объяснение в работах Б. Каца: «речь идёт об изображении кошачьей головы на конце скрипичного грифа, который в определённом ракурсе может показаться наблюдателю находящимся во рту у исполнителя» (Кац, 1991, с. 72) и В. Гандельсмана: «"скрипачку с кошачьей головой во рту" Мандельштам видит из зала, и гриф скрипки, обращенный на него, в плане, с колками по бокам, с усиками струн, – это и есть "кошачья голова"» (Гандельсман, 1999). Образ кошачьей головы, превращенной в голову Мандельштама в стихотворении Л. Лосева, безусловно, становится очевидной отсылкой к более раннему художественному произведению. В свою очередь, стихотворение Мандельштама также насыщено подтекстами и аллюзиями (Шорина, 2016).

Как отмечает Л. В. Гармаш, «стихотворение О. Мандельштама представляет собой герметический текст, порождающий многообразие различных, вплоть до исключаящих друг друга, трактовок. Каждая из имеющихся на сегодняшний день или потенциальных интерпретаций имеет право на существование, и все они, при условии достаточной аргументированности и убедительности, носят взаимодополняющий характер» (Гармаш, 2021, с. 269). Удивляющий читателя парадоксальный образ головы Мандельштама отчасти затмевает другие, менее очевидные аллюзии в стихотворении Л. Лосева, которые проявляются как «ориентация на читателя с определённым культурным багажом» (Синегубова, 2020, с. 54). Цель настоящей статьи – выявить характер взаимодействия цитатных пластов в стихотворении Л. Лосева «To Columbo» в свете отмеченной игровой поэтики данного автора.

Методы

В работе с художественным произведением использован метод герменевтики, прием «медленного чтения», позволяющий понять, с какой целью Лосев дает прямую отсылку к тексту Мандельштама и каким образом происходит переосмысление прецедентного текста. Методологической базой выступают недавние публикации В. И. Тюпы, посвященные теме лирического палимпсеста.

Границы понятия «палимпсест» В. И. Тюпа определяет в следующем замечании: «нарративный палимпсест не следует отождествлять с <...> постмодернистской коллажностью <...> феномен палимпсеста <...> предполагает наличие <...> креативной инновационности авторского сюжетосложения» (Тюпа, 2024, с. 6). По мысли ученого, аллюзия одного лирического текста на другой лирический текст – это ремейк, а не палимпсест. Отсылка «To Columbo» к текстам Гофмана, Голдинга, Эко и других авторов позволяет говорить о доказательстве палимпсестного характера произведения Лосева. В рассматриваемом стихотворении «фондовый текст приобретает функцию культурного кода для корректного и более глубокого прочтения нового шедевра» (Тюпа, 2024, с. 7).

Учитывая то, что было отмечено в публикации В. И. Тюпы «...в стихах Мандельштама “На розвальнях, уложенных соломой...” (1916), основным культурным кодом в данном случае выступает, несомненно, “Борис Годунов” Пушкина <...> лирический субъект здесь оказывается одновременно и влюбленным гостем Цветаевой, которой был адресован данный текст, и казнимым Самозванцем, влюбленным в Марину Мнишек, и отпеваемым царевичем Дмитрием» (Тюпа, 2024, с. 8), можно заметить продолжение в стихотворении Лосева игры с культурным кодом «Бориса Годунова» (А. С. Пушкина, Э. Т. А. Гофмана, О. Мандельштама, У. Эко, У. Голдинга).

Результаты

Стихотворение «To Columbo» начинается с признания лирическим героем некоторой неустроенности и ощущения своей несостоятельности. В то же время, благодаря слову «напоследок» в первой же строке, ощущается завершение определенного этапа, возможно, завершение жизненного пути. Герой просит в оставшееся время, то есть в последний период, научить его жить. Здесь мы обращаем внимание на ограниченность жизненных этапов и жизни в целом. Констатируется несостоявшаяся возможность: «я сам научиться не мог», – и не состоялось то, что должно было произойти. Герой обращается к кому-то, кто кажется ему более сильным и мудрым, кто может поделиться знаниями, недоступными для него самого.

Возникает противопоставление стремления к обучению и способности научить. Причем глагол «научить» здесь подразумевает не освоение конкретного навыка или аспекта жизни, а обретение самого жизненного пути. Вопрос о смысле жизни становится центральным, поскольку герой сталкивается с его недоступностью или неясностью. Смысл жизни и способ жить тесно связаны в этом вопросе между собой. Если что-то можно освоить, то это означает, что оно уже существует в определенной форме (готовый план, система и набор указаний, которые позволяют событию обучения состояться). Хотя у героя нет таких указаний, он считает, что их можно получить у того, к кому он обращается.

Чему, собственно, лирический герой хочет научиться? Научиться стать меньше себя и научиться стать больше себя. Возникает оппозиция двух пределов, соотносимых друг с другом, где точкой отсчета является собственное «я», внутренний мир или статус. Для героя жизненно важно разрешить этот конфликт и научиться двигаться в сторону уменьшения, сжатия или расширения. Процесс сжатия описывается фразой «в тугой уплотнившись клубок» на физическом, пространственном уровне.

Помимо этого физического сжатия, существует также внутреннее состояние, которое можно охарактеризовать как способность ограничить себя в выборе, сосредоточиться на конкретных аспектах жизни и сузить круг своих интересов. Это и означает «стать меньше себя» на фоне большего спектра своих жизненных возможностей. Собственно, ситуация «стать больше себя» также

сложна именно потому, что выйти за собственные пределы – это значит встать на какие-то еще альтернативные точки зрения, которые обычно недоступны, закрыты.

Тема развернутости, расширения также представлена и в пространственном, пластическом жесте: «растянувшись за полковра». Сжатие в клубок и, напротив, растяжение – это образ, который приобретает смысловую конкретность по мере прочтения. Образ клубка или чего-то растягивающегося не обязательно сразу вызывает в воображении образ кота. Кот вообще не упоминается напрямую, но его присутствие ощущается в контексте: упоминается полосатый хвостик и слово «мямуары», которое по первому звуковому комплексу «мяу» уже отсылает к конкретному животному. На узнавание кота в том числе работает упоминание О. Мандельштама в контексте отсылки к стихотворению «За Паганини длиннопалым...», которое становится первым и наиболее очевидным культурным кодом прочтения произведения Лосева.

В обоих стихотворениях важную роль играют созвучия, создающие новые смысловые оттенки. Так, в стихотворении Мандельштама эпитет «мнительный» (смычок) возникает благодаря фонетическому сходству с именем Марина Мнишек (об этом говорится в статье Э. В. Шориной). В произведении Лосева из звуков «м» и «р», которые ассоциируются с кошачьим мурлыканьем, рождаются «мямуары». Стоит обратить внимание на сходство между словами «чемчура» и «мемурра». Относительно «чемчуры» Э. В. Шорина высказывает несколько предположений: это может быть «немчура», то есть немец, а может быть припевом частушек 1920-х годов или просто «чем чёрт не шутит» (Шорина, 2016).

«Мемурра» может быть интерпретирована двояко: просто как кошачье мурлыканье или как зашифрованное имя кота Мурра, героя сатирического романа Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра». Именно этот литературный образ кота связан с темой ведения дневников, записей и воспоминаний. При подготовке к изданию записок Мурра, потомка знаменитого Гинца фон Гинценфельда (более известного как Кот в сапогах), издатели обратили внимание на присутствие в рукописи явно посторонних фрагментов – отрывков из опубликованного ранее повествования о капельмейстере Иоганнесе Крейслере и его друге маэстро Абрагаме. Эти страницы попали в рукопись Мурра, поскольку кот взял их из книги, которую обнаружил в библиотеке своего хозяина. Точно так же, как в тексте Лосева обнаруживается образ «голова во рту», попавший туда как будто случайно из текста Мандельштама. Лосев моделирует ситуацию ошибки: герой стихотворения воспринимает кошачью голову буквально, а не как головку скрипки. Так происходит вторжение одного текста в другой: можно воспринимать прогулку кота по клавиатуре, в ходе которой, во-первых, в тексте появляются незапланированные буквы, а во-вторых, сам кот вторгается в творческий процесс и перетягивает на себя внимание лирического героя.

От процесса письма герой, осознавший собственную несостоятельность, переходит к процессу чтения «мямуаров» о «презрении к тварям, живущим посредством пера». С помощью пера живут птицы («приемлемые на зубок») и поэты, писатели. Эти два значения сливаются воедино в образе «голова Мандельштама во рту»: тварь, живущая посредством пера (поэт), сливается с другой тварью, живущей посредством пера (птицей), и оказывается во рту у кошки.

Стихотворение Мандельштама содержит множество отсылок к конкретным композиторам и музыкальным произведениям, которые не всегда названы прямо, но их можно распознать: «образы “чеха с чохом”, “кого-то с польским балом и с венгерской чемчурой” можно соотнести с реальными композиторами или музыкантами» (Шорина, 2016). В стихотворении Лосева применяется аналогичный прием, который позволяет обратиться к поэтам только по именам. Из этих имен вне контекста можно однозначно определить только Велимира Хлебникова, поскольку его имя уникально. Анна и Марина, которые находятся рядом с Велимиром, напоминают об Анне Ахматовой и Марине Цветаевой. В этом контексте имена Иосиф и Борис легко ассоциируются с Иосифом Бродским и Борисом Пастернаком. Как композиторы, так и поэты перечисляются своеобразной скороговоркой, поскольку в обоих текстах есть кто-то более значимый, к кому обращаются с просьбой «утешить» (Мандельштам) или «научить жить» (Лосев).

что-то принципиально новое. Произвольный набор знаков лучше всего, что может быть написано осознанно. Эта идея отразилась в концепции персонажа Умберто Эко по имени Якопо Бельбо – несостоявшегося автора, который приходит к выводу, что «нет смысла писать, если нет серьезной причины, гораздо лучше переписывать уже написанное» (Эко, 2006). Именно это и делает лирический герой Лосева: переписывает написанное – дает пародию на текст Мандельштама, переворачивая исходный образ: кошачья голова во рту (из текста Мандельштама) превращается в голову самого Мандельштама во рту кота (из текста Лосева). Однако превращение поэта Серебряного века в добычу кота не уничтожает его ценности.

Строки «Спой мне песню с головой Мандельштама во рту» подразумевают, что возможна лишь трансляция всего, что уже было сказано Мандельштамом. При этом текст активно насыщается отсылками к другим литературным произведениям, возможно, возникающими помимо воли пишущего, точно так же как вторгается в процесс написания кот, идущий по клавиатуре. И парадоксально, отвергая литературную традицию в пользу живой жизни, лирический герой Л. Лосева все-таки оказывается «пленником» литературного палимпсеста.

Выводы

Палимпсестное кодирование в стихотворении Л. Лосева «To Columbo» представлено сочетанием явных и скрытых отсылок. К явным относятся эпиграф и узнаваемая даже в перевернутом виде цитата из стихотворения О. Мандельштама «За Паганини длиннопалым...». Скрытые отсылки к «Запискам кота Мурра» Э. Т. А. Гофмана и «Повелителю мух» У. Голдинга формируют усложненную проблематику: сомнение в собственном творческом потенциале, отказ лирического героя от поэзии и, шире, от культуры в пользу живой жизни. Контраст между жизнью и искусством служит источником экзистенциального кризиса для героя, он начинает тяготиться статусом человека. В стихотворении Лосева образ легкости контрастирует с принужденным образом жизни, в котором жизнь обеспечивается посредством пера, но отказ от интеллектуальной деятельности обуславливает возвращение первобытного страха, который одновременно воплощается в образе зверя и преодолевается с помощью зверя. Наконец, подчеркнутые отказ от культуры и прерывание творческого процесса оказываются мнимыми, поскольку в песне кота все равно звучит Мандельштам: «Спой мне песню свою с головой Мандельштама во рту». Постмодернистски деструктивное отношение к культуре не приводит к освобождению лирического героя, поэтому в финале он находится в таком же положении беспомощного просителя, как и в начале.

Удивление читателя, возникающее при чтении стихотворения Лосева «To Columbo», – это ключевой механизм, запускающий процесс развертывания палимпсеста. Мы сталкиваемся не с простой последовательностью образов, а с многослойной структурой, где каждый слой взаимодействует с другими, порождая новые смыслы. Аллюзии на Гофмана, Голдинга, Эко – это не просто случайные упоминания, а концептуальные повороты, формирующие сложную интертекстуальную сеть. Они не являются ремейками, поскольку не воспроизводят исходные тексты, а трансформируют их в контексте собственного мироощущения поэта. Это создание нового смыслового слоя путем интеграции предшествующих культурных кодов. Лосев использует принцип палимпсеста не только для создания сложного текстуального лабиринта, но и для построения определенного положения наблюдателя. Сознание лирического героя в стихотворении Л. Лосева раскрывается как положение изображенного наблюдателя – «один из динамических видов образной структуры в процессе рецептивного акта» (Аксенова, 2019, с. 119), когда лирический герой, выбравший путь созерцания, видит полосатый хвостик и «полосатые» клавиши музыкального инструмента, которые тут же перетекают в другую форму и приобретают новое значение, становясь клавишами печатной машинки или компьютера. По мере чтения «To Columbo» происходит трансформация намеченного образа в новые формы, что также служит синонимом шаткости, неустойчивости бытия. Этот интеллектуальный вызов – важнейшая характеристика

произведения. Интеллект здесь предстает не просто как способность понимать, а как способ видеть мир в его многогранности и сложности.

Таким образом, «То Columbo» представляет собой сложную интеллектуальную игру, палимпсест, в котором каждый слой текста взаимодействует с другими, создавая новый смысловой узор. Удивление читателя – это не просто эмоциональная реакция, а необходимый компонент процесса понимания. И через раскрытие этих многочисленных слоев палимпсестный характер стихотворения подтверждается не просто наличием аллюзий, а их органичной интеграцией в целостную художественную систему.

Источники

- Аксенова А. А. (2019) Положение изображённого наблюдателя как рецептивный аспект визуального в литературе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, т. 12, № 9, с. 116–119.
- Альбрехт О. В. (2016) Образ кошки и символика зла в трёх стихотворениях из книги Ш. Бодлера «Les fleurs du mal» (1857–1868). *Вестник Литературного института им. А. М. Горького*, № 3, с. 7–13.
- Барт Р. (1994) Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., Прогресс, с. 384–391.
- Гандельсман В. (1999) Подтверждающий эпитет. Октябрь, № 8. <https://magazines.gorky.media/october/1999/8/podtverzhdayushhij-epitet.html>.
- Гармаш Л. В. (2021) Пространство определенности и неопределенности в поэтическом тексте (на материале стихотворения О. Мандельштама «Скрипачка»). *Cuadernos de Rusística Española*, № 17, с. 261–271.
- Гофман Э. Т. А. (2024) Житейские воззрения кота Мурра. М., АСТ, 544 с.
- Жукова О. А. (2021) Творчество О. Э. Мандельштама в контексте философии и художественной практики модернизма. *Философские науки*, т. 64, № 2, с. 7–20.
- Зубова Л. В. (2010) Лев Лосев: филологическая оптика. *Языки современной поэзии*. М., Новое литературное обозрение, 384 с.
- Кац Б. (1991) В сторону музыки. *Литературное обозрение*, № 1, с. 72.
- Красильникова Т. А. (2018) «Норковый ручей» Льва Лосева: сквозь призму Фроста. *Новый филологический вестник*, № 1 (44), с. 210–222.
- Мандельштам О. Э. (1990) Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Сост., подгот. текста и коммент. П. Нерлера; Вступ. статья С. Аверинцева. М., Художественная литература, 638 с.
- Павловец М. Г. (2014) Творческая рецепция футуристического наследия в поэзии Льва Лосева. *Ярославский педагогический вестник*, т. 1, № 1, с. 145–149.
- Пушкин А. С. (1977) Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Л., Наука, 495 с.
- Рацевич А. (2022) Вступительная статья редактора. *Русскоязычная Вселенная*, № 19. <https://rv.russian-albion.com/ru/lev-losev>
- Синегубова К. В. (2020) Музыкальные коды в романе М. Петросян «Дом, в котором...». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, т. 13, № 10, с. 50–54.
- Тюпа В. И. (2024) Культурные коды палимпсестной лирики. Всероссийская научная конференция «Шестые Чумаковские чтения. Текст и претекст» ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет». <https://nsru.ru/events/detail.php?ID=11015>.
- Тюпа В. И. (2014) Палимпсестное прочтение художественного текста. «Учености плоды»: к 70-летию профессора Ю. В. Шатина: Сборник научных трудов. Министерство образования и науки РФ, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт филологии, массовой информации и психологии (под редакцией С. Ю. Корниенко и Н. О. Ласкиной). Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет, с. 8–22.
- Тюпа В. И. (2024) Палимпсестное сюжетосложение и лирика. *Сюжетология и сюжетография*, № 2, с. 5–10.
- Шорина Э. В. (2016) Анализ поэтического текста: О. Мандельштам «За Паганини длиннопалым...» («Скрипачка»). *NovaInfo.Ru*, т. 1, № 40, с. 147–155.
- Эко У. (2006) *Маятник Фуко*. СПб., Симпозиум, 736 с.

References

- Aksenova A. A. (2019) Polozhenie izobrazhonnogo nablyudatelya kak receptivnyj aspekt vizual'nogo v literature [The position of the depicted observer as a receptive aspect of the visual in literature]. *Philology. Theory & Practice*, vol. 12, no. 9, pp. 116–119 (In Russian).
- Albrecht O. V. (2016) Obraz koshki i simbolika zla v trjokh stihotvorenijakh iz knigi Sh. Bodlera “Les fleurs du mal” (1857–1868) [The image of a cat and the symbolism of evil in three poems from the book by S. Baudelaire “Les fleurs du mal” (1857–1868)]. *Vestnik of Gorky literary institute*, no. 3, pp. 7–13 (In Russian).
- Bart R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., pp. 384–391 (In Russian).
- Eko U. (2006) *Majatnik Fuko* [Foucault’s Pendulum]. St. Petersburg, Symposium Publ., 736 p. (In Russian).

- Gandelsman V. (1999) Podtverzhdajushhij epitet [Confirming epithet]. October, no. 8. <https://magazines.gorky.media/october/1999/8/podtverzhdajushhij-epitet.html> (In Russian).
- Garmash L. V. (2021) Prostranstvo opredelennosti i neopredelennosti v poeticheskom tekste (na materiale stihotvoreniya O. Mandel'shtama "Skripachka") [The Space of Certainty and Uncertainty in a Poetic Text (Based on the Poem "Violinist" by O. Mandelstam)]. Cuadernos de Rusística Española, no. 17, pp. 261–271 (In Russian).
- Gofman E. T. A. (2011) Zhitejskie vozzreniya kota Murra [The everyday views of the cat Murr]. Moscow, AST Publ., 544 p. (In Russian).
- Katz B. (1991) V storonu muzyki [Towards music]. Literaturnoye obozreniye – Literary Review, no. 1, p. 72 (In Russian).
- Krasilnikova T. A. (2018) "Norkovyy ruhej" L'va Loseva: skvoz' prizmu Frosta ["Mink Creek" by Lev Losev: through the prism of Frost]. The New Philological Bulletin, no. 1 (44), pp. 210–222 (In Russian).
- Mandelstam O. E. (1990) Sochineniya. V 2 t. T. 1. Stikhotvoreniya [Works. In 2 volumes. Volume 1. Poems]. Comp., text preparation and commentary by P. Nerler; Introduction by S. Averintsev. Moscow, Khudozhestvennaya literatura literatura Publ., 638 p.
- Pavlovec M. G. (2014) Tvorcheskaja recepcija futuristicheskogo nasledija v poezii L'va Loseva [Creative reception of the futuristic heritage in Lev Losev's poetry]. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, vol. 1, no. 1, pp. 145–149 (In Russian).
- Pushkin A. S. (1977) Polnoe sobranie sochinenij v 10 t. T. 3 [The Complete works in 10 volumes. Vol. 3]. Leningrad, Nauka Publ., 495 p. (In Russian).
- Racevich A. (2022) Vstupitel'naja stat'ja redaktora [Introductory article by the editor]. Russkoyazychnaya Vselennaya – Russian-speaking Universe, no. 19. <https://rv.russian-albion.com/ru/lev-losev> (In Russian).
- Shorina E. V. (2016) Analiz poeticheskogo teksta: O. Mandel'shtam "Za Paganini dlinnopalyym..." ("Skripachka") [Analysis of the poetic text: O. Mandelstam "For Paganini long-fingered ..." ("The Violinist")]. NovalInfo.Ru, vol. 1, no. 40, pp. 147–155 (In Russian).
- Sinegubova K. V. (2020) Muzykal'nye kody v romane M. Petrosjan "Dom, v kotorom..." [Musical codes in M. Petrosyan's novel "The House in which ..."]. Philology. Theory & Practice, vol. 13, no. 10, pp. 50–54 (In Russian).
- Tyupa V. I. (2024) Kul'turnye kody palimpsestnoj liriki [Cultural codes of palimpsest lyrics]. "Shestyye Chumakovskiye chteniya. Tekst i pretekst" ["Sixth Chumakov readings. Text and pretext"]. All-Russian scientific conference, Novosibirsk State University. <https://nspu.ru/events/detail.php?ID=11015> (In Russian).
- Tyupa V. I. (2014) Palimpsestnoe prochtenie hudozhestvennogo teksta [Palimpsest reading of a literary text]. "Uchenosti plody": k 70-letiyu professora Yu. V. Shatina ["Fruits of scholarship": to the 70th anniversary of Professor Y. V. Shatin]. Collection of scientific papers. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Novosibirsk State Pedagogical University, Institute of Philology, Mass Media and Psychology (edited by S. Y. Kornienko and N. O. Laskina). Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University, pp. 8–22 (In Russian).
- Tyupa V. I. (2024) Palimpsestnoe suzhetoslozhenie i lirika [Palimpsest plot composition and lyrics]. Syuzhetologiya i syuzhetografiya, no. 2, pp. 5–10 (In Russian).
- Zhukova O. A. (2021) Tvorchestvo O. E. Mandel'shtama v kontekste filosofii i hudozhestvennoj praktiki modernizma [The work of O. E. Mandelstam in the context of philosophy and artistic practice of modernism]. Russian Journal of Philosophical Sciences, vol. 64, no. 2, pp. 7–20 (In Russian).
- Zubova L. V. (2010) Lev Losev: filologicheskaja optika. Jazyki sovremennoj poezii [Lev Losev: philological optics. Languages of modern poetry]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 384 p. (In Russian).

Информация об авторах

Синегубова Капиталина Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент.
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-3917-1304.
E-mail: sinegubova.kv@yandex.ru

Аксёнова Анастасия Александровна

Кандидат филологических наук, старший
преподаватель. Кемеровский государственный
университет, г. Кемерово, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-5048-6019.
E-mail: aa9515890227@yandex.ru

Autor's information

Kapitalina V. Sinegubova

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor.
Kemerovo State University, Kemerovo,
Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-3917-1304.
E-mail: sinegubova.kv@yandex.ru

Anastasia A. Aksionova

Cand. Sc. (Philol.), Senior Lecturer.
Kemerovo State University,
Kemerovo, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-5048-6019.
E-mail: aa9515890227@yandex.ru

Н. Е. Ерофеева¹

✉ natali-erof@yandex.ru

¹Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Особенности хронотопа в лирическом романе-хронике Ф. Флэгг «Когда я отправлюсь на небеса»

Аннотация: Фанни Флэгг (р. 1944) отличает особый лиризм, тонкий юмор и глубокий нравственный смысл. Она достойно представляет «южную школу» американской литературы, во многом продолжая традиции У. Фолкнера. В причудливых историях о жизни простых людей находит яркое выражение своеобразие мировосприятия жителей американского Юга. Писатель экспериментирует с формой, постоянно расширяет устоявшиеся представления, например, о романе-хронике. В ее творчестве успешно развивается лирический роман-хроника как история одного эпизода из жизни пожилой женщины. В романе «Когда я отправлюсь на небеса» (2006) вера в чудо позволяет фантастику и реальность объединить в едином пространстве текста, а время сделать многовекторным инструментом. Важное место в концепции книги имеет «синдром Лазаря» – своеобразная точка отсчета начала физического и духовного возрождения не только главной героини романа Элнер Шимфисл, но и ее близких. Цель исследования – проанализировать своеобразие хронотопа в романе «Когда я отправлюсь на небеса». Исследование построено на основе тезаурусного подхода, что позволило обозначить черты персональной модели писателя Ф. Флэгг. Новизна работы в том, что романы писателя ранее никогда не были предметом изучения в отечественном литературоведении. Впервые дается анализ произведения в контексте эстетики писателя, рассматривается своеобразие поэтики ее лирического романа-хроники, отмечается личностная позиция писателя по актуальным социальным и нравственным вопросам, среди которых вера, жизнь, смерть, традиционные семейные ценности.

Ключевые слова: хронотоп, лирический роман-хроника, чудо, жизнь, персональная модель писателя, синдром Лазаря.

Дата поступления статьи: 12 августа 2024 г.

Для цитирования: Ерофеева Н. Е. (2025) Особенности хронотопа в лирическом романе-хронике Ф. Флэгг «Когда я отправлюсь на небеса». Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 43–55. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.4.

Scientific article

N. E. Erofeeva¹

✉ natali-erof@yandex.ru

¹Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russian Federation

Features of the chronotope in F. Flagg's lyrical novel-chronicle "Can't wait to get to heaven"

Abstract: The novels of Fanny Flagg (b. 1944) are distinguished by a special lyricism, subtle humor and deep moral meaning. She adequately represents the "southern school" of American literature, largely continuing the traditions of W. Faulkner. In the bizarre stories about the lives of ordinary people, the originality of the worldview of the inhabitants of the American South finds vivid expression. The writer experiments with the form, constantly expands the established ideas, for example, about the chronicle novel. In her work, a lyrical novel-chronicle is successfully developing as the story of one episode from the life of an elderly woman. In the novel "Can't Wait to Get to Heaven" (2006), faith in a miracle allows fiction and reality to be combined in a single text space, and time to make a lot of vector tools. An important place in the concept of the book is "Lazarus syndrome" – a kind of starting point for the beginning of the physical and spiritual rebirth of not only the main character of the novel Elner Shimfisl, but also her loved ones. The purpose of the study is to analyze the uniqueness of the chronotope in the novel "Can't Wait to Get to Heaven". The study is based on a thesaurus approach, which allowed us

to identify the features of the personal model of the writer F. Flagg. The novelty of the work lies in the fact that the writer's novels have never been the subject of study in Russian literary criticism before. For the first time, the work is analyzed in the context of the writer's aesthetics, the originality of the poetics of her lyrical novel-chronicle is considered, the personal position of the writer on topical social and moral issues, including faith, life, death, traditional family values, is noted.

Keywords: chronotope, lyrical novel-chronicle, miracle, life, personal model of the writer, Lazarus syndrome.

Paper submitted: August 12, 2024.

For citation: Erofeeva N. E. (2025) Features of the chronotope in F. Flagg's lyrical novel-chronicle "Can't wait to get to heaven". Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 43-55. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.4.

Введение

Творчество Фанни Флэгг (Fannie Flagg, b. 1944) занимает особое место в истории современного американского романа, прежде всего своей ориентированностью на вечные ценности, среди которых жизнь и семья остаются для нее неоспоримыми. На сегодняшний день исследований, посвященных изучению творчества Флэгг, нет, однако ее книги интересны тем, что в них можно увидеть не только авторское понимание концепта «время», который непосредственно связан с духовными и религиозными представлениями писателя. Продолжая традиции У. Фолкнера, она тоже строит мир своих романов с учетом правил жизни, характерных для представителей Юга, также создает свой город, но более оптимистично смотрит на жизнь. Цель нашей работы – рассмотреть особенности пространственно-временного хронотопа в лирическом романе-хронике Ф. Флэгг «Когда я отправлюсь на небеса» в контексте творчества писателя.

Флэгг пишет об обычных людях, поэтому некоторые критики считают ее романы излишне сентиментальными, упрекают писателя в отсутствии интертекстуальности, сложной интриги. Однако она успешно использует опыт работы в кино в своих произведениях, что позволяет отметить черты интермедиальности в романах. Автор не игнорирует и «модные» гендерные темы, как в романе «Жареные зеленые помидоры в кафе “Полустанок”», по которому был поставлен фильм, выдвинутый в одной из номинаций на Оскара. Не боится писатель затрагивать и политические темы, касающиеся расовых проблем и трагедии 11 сентября 2001 года.

Романы Флэгг, написанные в разное время, выстраиваются в циклы. Один из них «Жареные зеленые помидоры в кафе “Полустанок”» (“Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Café”, 1987) и «Возвращение в кафе “Полустанок”» (“The Wonder Boy of Whistle Stop”, 2020), другой – о событиях в вымышленном городе Элмвуд-Спрингс в штате Миссури и его жителях. Писатель достраивает историю города, постоянно возвращаясь к своим персонажам в разные периоды времени. Так, например, в единый цикл встают романы «Стоя под радугой» (“Standing in the Rainbow”, 2002), «Когда я отправлюсь на небеса» (“Can't Wait to Get to Heaven”, 2006), «О чём весь город говорит» (“The Whole Town's Talking”, 2016), но хронологически третий роман должен быть первым, поскольку именно в нем рассказывается о рождении города. Особо выделяется роман «Когда я отправлюсь на небеса», в котором время становится определяющим фактором, позволяя автору выстроить повествование сразу в нескольких плоскостях и направлениях: с одной стороны, путешествие к Богу во время клинической смерти, когда возникает фабульное время, обозначить которое можно как «псевдопереживание, ... смоделированное воображением» (Маслов, 2023) Элни Шимфисл, с другой стороны, наблюдаем попытку вернуть все события и факты в привычное состояние со стороны племянницы Элни Нормы Уоррен или врача в клинике (сюжетный хронотоп).

Анализ своеобразия творчества писателей «южной школы» в контексте истории американской литературы и культуры достаточно представлен в научных трудах Н. А. Анастасьева, Я. Н. Засурского, Б. А. Гиленсона, Е. А. Стеценко, М. В. Глостановой, Е. Ю. Рогоновой, Л. Н. Татаринской, И. Флинты, пути развития американской литературы в XX – начале XXI века – в исследованиях И. Б. Архангельской, Т. А. Бешенковой, И. И. Назаренко, В. В. Переяшкина, М. С. Черновской, А. Е. Володиной, О. В. Шалагиной, Т. Баскин, Т. Роджерса и др.

Классикой «южной школы» являются романы У. Фолкнера, М. Митчелл, Х. Ли, Р. П. Уоррена, Р. Райта, У. Перси и др., в которых нашли отражение процессы преобразования американского Юга в разные периоды истории. Говоря об особенностях региональной литературы «южной школы», И. Архангельская указывает на ее отличительные черты: «чувство клановости, романтическая ностальгия по прошлому, верность своим чувствам и принципам, любовь и интерес к прошлому (Архангельская, 2007, с. 5). Они также характерны и для творчества Ф. Флэгг. На примере наследия канадского ученого и литературного критика Г. Маклюэна И. Архангельская показывает, что эти традиции были приняты в обществе, как и главный принцип: «жизнь должна быть сконцентрирована вокруг интересов местного сообщества (“community”), большую роль должна играть семья, а не интересы отдельного индивида» (Там же, с. 6). Эта позиция остается актуальной и в литературе современной. Об этом свидетельствуют романы таких авторов, как П. Пауэлл, П. Конрой, К. Гиббсон, Д. Уоллес, Дж. Уорд и др. Их произведения можно назвать «причудливыми историями», в которых читатель встречается с подростком, озадаченным вопросами своего взросления, философствующими персонажами (роман вопросов «Вопросительное настроение: роман?» (“The Interrogative Mood: A Novel” (2009) П. Пауэлла), знакомится с трогательной историей фокусника («Мистер Себастьян и негритянский волшебник» (“Mr. Sebastian And The Negro Magician” (2007) Д. Уоллеса) и с повествованием о судьбах семей, переживших сложные жизненные обстоятельства, подобно семье Батистов, уцелевших после урагана Катрин («Спасти кости» (“Salvage the Bones” (2011) Дж. Уорд).

Истории Ф. Флэгг пронизаны духом американского Юга, они во многом продолжают традиции У. Фолкнера, а также авторов женской прозы, представителей Юга Америки. Ряд исследований, как самостоятельных, так и предваряющих антологии, представлен работами М. Л. Уикс, С. Перри (Southern Women’s Writing, 1995). Многие темы, получившие развитие в произведениях Флэгг, уже были апробированы в прозе и поэзии писателей-женщин, начиная с периода довоенного Юга, то есть до 1861 года, среди которых Э. Л. Пинкни, Э. Уилкинсон, Э. Н. Роялл, К. Х. Гилман или Ф. Кембл, до представителей XX века, прославивших литературный Юг, как, например, М. Уокер, М. Сегрест, Л. Э. Уилсон и, конечно, Х. Ли и М. Митчелл.

Говоря о «южной школе» американской литературы, Р. Грэй в книге «Литература памяти: современные писатели американского Юга» (1977) подчеркнул постоянный интерес южан к истории. Прошлое никогда не исчезает в сознании писателей. Они всегда оценивают современный мир сквозь призму времени. Взаимосвязь истории и литературы исследователь доказывает на примере творчества авторов разных поколений – от Э. Глазго и Р. П. Уоррена или Т. Вулфа, У. Фолкнера до поколения писателей после 1945 года К. Маккалеса, Ф. О’Коннора и У. Стайрона и других (Gray, 1977).

В отличие от многих своих предшественников и современных авторов, Флэгг с оптимизмом смотрит на мир, откровенно и с юмором, иногда с иронией высказывает свое отношение ко многим вопросам жизни Америки и американского Юга.

Методы

Аспектный анализ на основе тезаурусного подхода позволяет обозначить черты персональной модели писателя, яркого представителя региональной литературы США.

Результаты

Будучи актрисой и опираясь на опыт работы в кино, Фанни Флэгг удивительным образом выстраивает в своих произведениях две плоскости мира – реальную и фантазийную, что возникают в сознании героев. Обе то развиваются параллельно, то пересекаются в зависимости от конкретной ситуации, чаще всего связанной со смертью. Автор удачно использует пространственно-временной хронотоп как инструмент, который имеет несколько уровней своей реализации. Нередко возникает ощущение, что в процессе чтения оказываешься в кино, в котором точно фиксируются эмоциональные пики. За этими эмоциональными всплесками следуют

периоды падения и спокойствия. Иногда Флэгг искусно вводит элемент детективной интриги, до последней страницы держит напряжение. В романе «Когда я отправлюсь на небеса» писатель расширяет концепт «время», когда строит фабулу на «синдроме Лазаря». Ауторесусцитация, или синдром воскрешения, в медицине получила название «синдром Лазаря», отсылая нас к Новому Завету, а в реальной жизни возникает ситуация, когда сердце человека неожиданно самозапускается, восстанавливается кровообращение спустя некоторое время после проведенных реанимационных мероприятий. В медицине такое явление возникает редко, ученые указывают на недостаточное изучение такого феномена, тем не менее авторы одной из научных медицинских статей указывают, что «феномен Лазаря определяется как восстановление спонтанной циркуляции... после прекращения сердечно-легочной реанимации... или без нее. Это состояние было впервые описано Linko и соавт. в 1982 году..., а термин “феномен Лазаря”, заимствованный из истории о библейском персонаже Лазаре, который был воскрешен Иисусом Христом через четыре дня после смерти, впервые использован Gray в 1993 году...» (Воротынцев, Голдовский и др., 2011, с. 130).

Фабула романа «Когда я отправлюсь на небеса» достаточно простая. Миссис Элнер Шимфисл, очень пожилая грузная женщина, упала с лестницы в саду, когда собирала инжир. Осиное гнездо, которое было на этом дереве, стало причиной падения, а укусы насекомых привели к клинической смерти Элнер от анафилактического шока. Трагедия датируется 1 апреля. Евангельский хронотоп задает определенный цикл, связанный с надеждой на спасение. И само начало истории, связанное с инжирным деревом, тоже воспринимается как пророческое, поскольку дерево уже было с плодами, а значит, накануне Пасхи все в ожидании главного чуда, и Элнер теперь предстояла встреча с Богом, о чем она мечтала. Она тоже получит жизнь в дар после своей травмы и к удивлению близких придет в сознание.

Пока Элнер в состоянии смерти, читатель наблюдает реакцию на известие о смерти Элнер племянницы Нормы и ее мужа Мэки, подруги Элнер Айрин Гуднайт, соседей Тот Вутен, Руби Робинсон и других. Больница, известие о смерти, переживания, подготовка к захоронению. На первый взгляд все традиционно. Последствия падения женщины с лестницы в саду погрузили читателя в мир обычных людей американского Юга в вымышленном городке Элмвуд-Спрингс. Скорая отвозит миссис Элнер Шимфисл в Канзас-Сити, потому что в Элмвуд-Спрингс нет нормальной больницы. В этот момент подлинный город призван показать читателю, что события происходят в реальном мире. Только этот мир уподоблен многослойному пирогу, а время имеет зигзагообразное движение, словно те американские горки, которые с детства любила Элнер. И именно в таком же зигзагообразном ритме будет двигаться лифт в ее другом мире во время путешествия на небеса.

В романах Флэгг много фантазии, напоминающей сказку. Вера в чудо, в добро, в жизнь, вера в Бога во многом определяют особый сентиментальный характер повествования ее лирических романов-хроник, где особое место занимает время. В этом пространстве своеобразно интерпретируется и сам Бог, как и Рай, который вслед за Фолкнером, она изображает «более осязаемым и даже бытовым» (Татарина, 2010). Когда Элнер в романе «Когда я отправлюсь на небеса» оказывается на небесах, то входит в кабинет с табличкой «Бог», а видит перед собой давно умершего соседа Реймонда, проводником к которому выступает ее сестра Ида. Он объясняет это тем, что у каждого свой Бог, и демонстрирует ей таблички с надписями «Аллах», «Будда», которые убирает в стол, потому что ее Бог обретает облик знакомого человека – бывшего соседа Роберта Реймонда Смита. Именно ему она как раз и задает волнующие ее вопросы о том, что же первично в мире, курица или яйцо, а угощаясь тортом Дороти, узнает еще об одной истине – в чем смысл жизни, что такое жизнь. И, конечно, встреча на небесах позволяет ей получить ответ и на вопрос о том, кто же первый – Адам или Ева?

На фоне современных романов, нередко ориентированных на вопросы гендеров, в произведениях Флэгг больше размышлений о ценностях традиционных и вечных. Флэгг верна истории и людям Юга, прежде всего штата Алабама, в котором она родилась. Особая южная ментальность

определяет представление о мире ее персонажей. Мир «аграриев» не исчез, и отношение к еде, как особое, почти культовое, наблюдаем на страницах ее книг. Не случайно некоторые ее романы после эпилога содержат настоящие рецепты пирогов или блюд, которые готовили герои книги. Флэгг словно продолжает диалог с читателем, показывая, что ее герои реальны. Возможно, это обусловлено тем, что действительно ряд персонажей буквально списаны со своих прототипов, нередко автор сохраняет их настоящие имена и фамилии, как, например, Мэки и Норма Уоррен или Элнер Шимфисл (Флэгг, 2008, с. 575).

Свой первый роман «Дэйзи Фэй и чудеса» (“Daisy Fay and the Miracle Man”) Флэгг написала в 1981 году. В нем она впервые через дневник юной Дейзи проследила путь взросления девочки из штата Миссисипи в пятидесятые годы двадцатого века. Фантазия, вера в чудеса и добро – то, что отличает Дейзи от окружающих, поэтому вполне правдоподобно с ней случаются настоящие приключения и чудеса. Уже эту книгу можно отнести к лирической исповеди, настроение которой определит все дальнейшее творчество Ф. Флэгг.

Более сложная история будет рассказана в романе 1998 года «Добро пожаловать в мир, Малышка» (“Welcome to the World, Baby Girl!”), в котором Дани во второй части книги будет искать ответ на вопрос, куда пропала ее мать.

Роман «Когда я отправлюсь на небеса» – образец лирического романа-хроники. Читатель сразу погружается в мир быта и привычек обывателей традиционного Юга. Представитель Алабамы, Ф. Флэгг с удовольствием пишет о традициях этой земли, о культуре повседневной жизни, хотя и описывает в романе события, которые происходят в другом южном штате – Миссури. Писатель выстраивает повествование таким образом, что истории многих семей или отдельных персонажей соотносятся непосредственно с реальными историческими событиями, но при этом об этих событиях чаще говорится в воспоминаниях. Только эти воспоминания не означают отсутствия будущего. Напротив, они помогают понять ту историю, с которой читатель встречается на страницах книги. Так, в цикле об Элмвуд-Спрингс писатель предлагает хронику города, начиная с 1889 года. В романе «О чем весь город говорит», написанном уже в 2016-м, читатель встречает знакомых персонажей, узнает о создании города, его династиях, процветании и угасании, словно завершая главу из первого романа, «Стоя под радугой». Тема жизни и смерти остается центральной. Только теперь она наполнена мистикой, а многие события в книге по большей части происходят на кладбище «Тихие луга», где душа основателя города Лордора Нордстрема продолжает жить над землей, пока не перейдет в новый мир. Время бесконечно, оно живет своей жизнью и в своей духовной плоскости. В романе словно отсутствует движение вниз. Душа Лордора Нордстрема оживает, но это не «синдром Лазаря», а, скорее, параллельная плоскость мира с душами, «восставшими» в пределах последнего пристанища на «Тихих лугах», переживающих и наблюдающих за жизнью в привычной реальности, ставшей для них прошлым.

В романе «Стоя под радугой» каждый новый раздел связан с определенным периодом жизни города, на отдельной странице указана лишь дата и иногда делаются смысловые пометки – «1940-е. Начало», «1950-е», «1960-е», «1970-е», который завершается главой «Конец эры», затем «1980-е», и, наконец, «1990-е» с финальной главой «Все хорошо. Что хорошо кончается». Читателю даются исторические зацепки, мысленно отправляющие его в прошлое Америки, указываются события и культурные явления, которые не нужно даже комментировать – красно-белый шест у парикмахерской, напоминающий о временах цирюльников в качестве лекарей (делали кровопускание), потом видим, как после войны люди в кафе покупают бургер, позже речь пойдет о полете на Луну, книге Гиннеса, Лас-Вегасе и т. п. В этом произведении читатель впервые познакомится и с основными героями всего цикла, прежде всего, с Дороти, которая основала приют для животных, организовала радиовещание на всю страну из своего дома и знакомила в прямом эфире радиостанции «УДОТ» с жителями города Элмвуд-Спрингс. Это с ней потом встретится Элни Шимфисл на небесах.

Запоминаются Норма, племянница Элнер, тогда еще школьница, потом взрослая женщина со своими проблемами, как и «бедняжка Тот», чья жизнь омрачена семейными неурядицами,

бедностью, пьянством мужа. И только оптимистка Элнер Шимфисл постоянно привлекает внимание своими причудами. Она уже в солидном возрасте, но по-прежнему интересуется всем. В ней по-прежнему силен дух познания.

Описывая жизнь в Элмвуд-Спрингс, Флэгг постоянно пытается найти ответ на вопрос «Что такое жизнь?», и в результате читатель знакомится с мудрыми, нередко афористичными определениями и умозаключениями. При этом автор формулирует свои выводы так, как мог бы высказать их любой человек. Например, запоминаются слова ведущего радиостанции «УДОТ» по случаю смерти соседки Дороти в романе «Стоя под радугой»: «Что такое жизнь? Лучшая и достойнейшая жизнь – это когда об ушедшем можно сказать, что при жизни он нес любовь и радость всем, к кому прикасался» (Флэгг, 2019, с. 377).

Между романами «Стоя под радугой» и «О чем весь город говорит» написан «Когда я отправлюсь на небеса». В нем отмечаем особый хронотоп, две точки перехода из одного мира в другой. Обе обусловлены контактом с землей, основой мира. Первая, отправная точка – реальное падение Элнер с лестницы у дерева, вторая – возвращение Элнер с небес, то есть воскрешение после клинической смерти. Вертикаль обозначена строкой из религиозного гимна, которая и стала заглавием всей книги. А поскольку автор романа обладает тонким чувством юмора, она замечает по поводу главного вопроса о сущности жизни: «Разве жизнь не самая странная штука, когда в одну минуту ты собираешь инжир, а в следующую – умираешь?» (Flagg, 2006, p. 74). Позже бывший сосед Реймонд, исполняющий роль Бога на небесах, заметит: «...жизнь – это дар» (Ibid., p. 148), она «...похожа на одну большую поездку на американских горках, со всевозможными ухабами, изгибами и поворотами, взлетами и падениями на этом пути» (Ibid., p. 149).

В статье В. Гроскопа «Приземлиться на землю» (“Down to earth with a bump”), опубликованной в The Guardian 17 декабря 2006, читаем: «...Флэгг не боится одной вещи: доброй, старомодной сентиментальности... этот роман был назван самым смешным в ее жизни, “освежающим, как чай со льдом в летний день”. Но, к счастью, юмор Флэгг не лишен остроты: ее персонажи банальны, но часто они настолько невинны, что говорят самые веселые, политически некорректные вещи; вещи, которые мы все говорим, когда думаем, что нас никто не слушает»¹.

С этим замечанием можно согласиться, потому что сентиментальность действительно не мешает Флэгг поднимать важные социальные вопросы, хотя писатель и старается сгладить острые углы. Этим она отличается от своих писателей-современников, особенно в контексте трагедии 9/11.

Американский роман новейшего времени претерпел ряд принципиальных трансформаций, особенно после событий 11 сентября 2001 года. О трагедии семьи и отдельного человека вследствие событий 11 сентября и феномене этой трагедии в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» (2005) размышляют исследователи Е. М. Волков и А. И. Салов (Волков, Салов, 2013). В центре внимания писателей оказались дети и подростки. Среди них запоминается образ девятилетнего мальчика, чей отец погиб в башнях-близнецах и от чьего имени рассказана история поисков замка, к которому должен подойти ключ с надписью «Блэк», обнаруженный Оскаром. Перед читателем разворачивается сложная история преодоления боли.

Один из социальных аспектов, нашедших отражение в романе воспитания, убедительно обосновала в своем исследовании О. В. Шалагина, отметив, что «если травматический опыт главного героя-ребенка в произведениях XX века лишь изредка играл сколько-нибудь существенную роль в мотивации его поступков, то здесь он становится основополагающим» (Шалагина, 2024, с. 68). С опорой на произведения «Девять, десять. История 11 сентября» Н. Баскин или «Одиннадцать» Т. Роджерс и других, исследователь замечает: «Литература 9/11, возникшая на руинах трагедии как средство репрезентации коллективной травмы, выполняет несколько функций, направленных на терапевтическую проработку коллективной травмы: дает голос жертвам трагедии, подвергает означиванию и вербализации коллективный травматический опыт, представ-

¹Groskop V. (2006) Down to earth with a bump. The Guardian. Sun 17 Dec 2006. <https://www.theguardian.com/books/2006/dec/17/fiction.features> (дата обращения 26.07.2024).

ляет позитивные сценарии проработки индивидуального травматического опыта, закрепляет исторический факт произошедшего события» (Шалагина, 2024, с. 68-69).

Другая возрастная категория интересует Фанни Флэгг. Для ее произведений тема американской трагедии 2001 года вторична, хотя о ней она тоже упоминает. В романе «Когда я отправлюсь на небеса» лишь однажды парикмахер Тот Вутен своей постоянной клиентке Норме Уоррен сказала: «... my nerves are all ajingle. It seems like after 9/11 happened, everything has turned upside down. I was doing just fine, had gotten over my breakdown, came back to work ready to go, and then, wham, you wake up and find out that the Arabs just hate us to pieces, and why? I've never been mean to an Arab in my life, have you?» («...мои нервы на пределе. Кажется, что после событий 11 сентября все перевернулось с ног на голову. У меня все было в порядке, я справилась со своим нервным срывом, вернулась на работу, готова к работе, и вдруг, бац, ты просыпаешься и обнаруживаешь, что арабы просто ненавидят нас до смерти, и почему? Я никогда в жизни не была груба ни с одним арабом, а ты?») (Flagg, 2006, р. 46-47). И здесь речь идет не о страхе, а скорее о разрыве между привычным пониманием места американцев в мире и той реальностью, с которой общество столкнулось после теракта 11 сентября. Более откровенна Флэгг, когда касается национального вопроса, но старается говорить о нем осторожно. С чувством грустной иронии писатель акцентирует читателя на особой американской ментальности. Тот Вутен убеждена, что Америка – страна добра, которая несет спасение туда, где возникает необходимость, и с удивлением говорит клиентке: «Now I read that even Canada hates us...Canada! And we just love them, everybody's always wanting to go up there and visit. I never knew Canada hated us. Did you?» («Теперь я читаю, что даже Канада ненавидит нас...Канада! А мы их просто обожаем, все всегда хотят поехать туда в гости. Я никогда не знала, что Канада ненавидит нас. А вы?») (Флэгг, 2006, с. 47).

Типичная американка с типичным мышлением изображена и в более раннем романе «Жареные зеленые помидоры в кафе “Полустанок”». Флэгг не только поднимает тему цветных, но и подчеркивает важность понимания людей другой культуры. В условиях современного американского общества автор наверняка попала бы под уничтожающую критику. О своей героине Эвелин она замечает: «Всю жизнь она считала себя человеком либеральных взглядов и никогда не употребляла слова “ниггер”. Но её контакты с чернокожими, как, впрочем, у большинства белых среднего класса до шестидесятых годов, ограничивались общением с прислугой – своей или кого-то из друзей.

В детстве она вместе с отцом ездила иногда в южную часть города, когда он отвозил служанку домой. Та жила всего в десяти минутах езды, но Эвелин казалось, что она попадает в другую страну: музыка, одежда, дома – все было другим» (Флэгг, 2017, с. 208), и далее: «Оказывается, она видела негров всю свою жизнь и никогда по-настоящему не могла их разглядеть» (Там же, с. 210). И совершенно неожиданно обнаруживается социальная позиция автора, когда она с горькой иронией замечает: «Разве можно представить, что когда-то эти люди из кожи вон лезли, чтобы стать похожими на белых! Да они в могилах должны хохотать, глядя на нынешних белых юнцов, выходцев из среднего класса, которые надрываются на эстраде, стараясь подражать черным певцам, и на белых девушек с высокими прическами в африканском стиле. Выходит, они поменялись ролями...» (Флэгг, 2017, с. 210).

Справедливости ради заметим, что острые социальные высказывания в произведениях Ф. Флэгг не часты. Ее книги любят за их лиризм, за проявление любви к жизни. В них много личного. Может быть, поэтому она выбирает роман-исповедь, роман-воспоминание, лирический роман-хронику.

Вымысел и реальность, фантазия и документ, иллюзии и вера встречаются в одном художественном пространстве. В центре повествования история женщин. Ход повествования определяет время. Хронотопические образы многоплановы, как и сама жизнь. Об этом, например, говорит Эвелин в «Жареных зеленых помидорах...» после поездки в приют для престарелых «Розовая терраса»: «А все же забавно: пока ты маленькая, время на одном месте топчется, а как двадцать стукнет, так и понеслось, словно скорый до Мемфиса. Мне иногда кажется, что жизнь

как-то мимо нас проскальзывает, её и не чувствуешь даже. Я, конечно, по себе сужу, не знаю, как у других бывает. Вроде вчера ещё маленькая девочка, а нынче – хоп, и взрослая женщина...» (Флэгг, 2017, с. 10).

На страницах романа «Когда я отправлюсь на небеса» время постоянно трансформирует пространство. Оно словно замирает, пока Элнер в больнице, но стремительно пролетает после ее возвращения из состояния клинической смерти, чтобы вдруг остановиться, начать новое движение с уже замедленным ходом, точно соответствуя психологическому состоянию героев в конце книги. При этом Флэгг успешно пользуется приемом хронологической несовместимости.

В сознании находящейся в состоянии клинической смерти Элнер все ясно и понятно. Она удивляется, почему доктора в зеленых шапочках и халатах, а не в белых, как положено, почему ее никто не слышит и почему никого нет в том большом коридоре, куда она выходит из своей больничной палаты, как и в лифте, который уносит ее наверх странными зигзагообразными волнами, напоминая американские горки, и переживает чувство восторга, оказавшись на золотой лестнице. А тем временем на земле на грани нервного срыва племянница Норма и сохраняющий спокойствие ее муж Мэки, которым врач объявляет о смерти тети, а затем новость по радио о смерти Элни расстраивает всех соседей. Примечательно, что традиционный для южан общинный стиль жизни показан в романе через поступки горожан, когда, узнав о трагедии, Тот и Вуди пришли навести порядок в доме Элнер, другие соседи принесли какие-то блюда, потому что необходимо готовиться к поминовению, кто-то звонит или специально приходит в дом Элнер, чтобы выразить сочувствие. Никто не остался равнодушным. Люди приняли известие как личное горе и также все искренне радовались и даже приехали в больницу, когда узнали, что Элнер ожила и к Пасхе будет дома. Все события описываются последовательно, а каждый эпизод имеет свой час, вплоть до минуты.

Флэгг владеет искусством мистификации, выстраивает повествование так, что оба мира гармонично сосуществуют, хотя и в разных плоскостях. Геометрия пространства в романе Флэгг абсолютно рационалистична и хронологически выверена. События происходят в Элмвуд-Спрингс, Миссури, понедельник 1 апреля в 9 часов 28 минут. Указано, что в этот день было солнечно, температура воздуха +24 °С. Последние события происходят через год, в 8 часов 28 минут. Но перед эпилогом стоит еще одна глава «Что произошло» (“What Had Happened”), из которой читатель наконец узнает тайну найденного в доме Элнер пистолета и окончательно понимает, какой замечательной женщиной была теперь умершая на самом деле миссис Элнер Шимфисл. Ее именем Луиза Фрэнкс назовет школу для детей с ограниченными возможностями и в память о дочери, и в благодарность за поступок Элнер, которая унесла с собой тайну исчезновения работника, посягнувшего на честь слабоумной дочери Луизы Полли и случайно убитого девушкой.

В романе город лишь место локации, а центром повествования оказывается дом Элнер Шимфисл и она сама. Элнер – воплощение наивности, добра и познания, веры в Бога и в чудо. Чудо и вера являются главными мотивами, которые определяют и центральные темы всего романа – жизнь и смерть, что становится ясным уже с первой страницы книги, которую писатель посвятила своей подруге Пегги Хэдли, вектор развития фабулы обозначила словами А. Эйнштейна в качестве эпиграфа: «There are two ways to live your life. One is as though nothing is a miracle. The other is as though everything is a miracle» («Есть два способа прожить свою жизнь. Первый – так, как будто чудес нет. Другой – так, будто все вокруг является чудом») (Flagg, 2006, с. 9). В структуре повествования смертью начинается и завершается роман, но между фактами клинической и биологической смерти стоит жизнь, полная эмоций, переживаний, воспоминаний.

«Синдром Лазаря» – чудо, которое происходит после клинической смерти Элнер и становится катализатором не только физического, но и духовного возрождения и самой Элнер, и всех, кто ее окружает. Символически возникающий образ золотой лестницы в небо (хрустальной в старинном религиозном гимне) приобретает «реальные» черты путешествия на Небо. Небесное приключение и реальность сходятся в одной точке в момент «возвращения» Элнер на землю.

Она очень хочет поделиться со всеми полученным ответом на вопрос о сущности жизни, так долго волновавшим ее, но племянница Норма настаивает на молчании, боится, что тетю признают сумасшедшей. Однако выздоравливающая Элнер проговаривается врачу о том, что увидела на обратном пути на крыше больницы, зародив сомнения у своего врача.

Начинается новый отсчет времени существования на земле. Врач, узнающий от Элнер, что во время возвращения с неба, и пролетая над крышей больницы, она увидела старый коричневый ботинок. Он, терзаемый сомнениями, поднимается на крышу и обнаруживает этот ботинок, который, как выяснит позже, обронили при транспортировке больного на вертолете с крыши здания много лет назад. Врач переживает ранее неведомое ему состояние: не понимает, как грузная Элнер могла оказаться над крышей, и вынужден признать факт чуда.

Объединение реального и небесного миров по вертикали происходит и в момент, когда темнокожая медсестра больницы, собирая вещи Элнер для передачи родственникам, обнаруживает в кармане халата завернутый в салфетку кусок торта. Это торт для Элнер испекла бывшая соседка Дороти к их встрече на небесах. Здесь, на земле, темнокожая медсестра Ла-Шонда, решив, что покойной уже ничего не нужно, захотела угостить карамельным тортом свою больную мать. Чудесное преображение матери Ла-Шонды становится откровением, когда читатель узнает, что съеденный кусок торта буквально на следующий день вернул старую женщину к жизни, в чем та признается утром удивленной дочери: «Прошлой ночью мне приснился самый лучший сон. Мне приснилось, что я посмотрела вниз и увидела сотни маленьких золотистых ручек, которые гладили меня по всему телу, и это было так приятно, что, проснувшись, я почувствовала покалывание во всем теле. Знаешь, дорогая, я думаю, что этот пирог, должно быть, взбодрил меня. Я так долго болела, что забыла, насколько вкусен домашний пирог. Думаю, он пробудил мои вкусовые рецепторы. Я тут подумала, не испечь ли нам старый добрый кукурузный хлеб. Что ты думаешь по этому поводу?» (Flagg, 2006, с. 300).

Воскрешение как новый виток в существовании, а желание испечь традиционный кукурузный хлеб – свидетельство возвращения к полноценной жизни, то есть, согласно истине, услышанной Элнер на небесах, жизнь такая, какой мы ее делаем сами, нужно только чаще улыбаться. И тем более удивительным для «вернувшейся» и выздоравливающей Элнер оказывается письмо с благодарностью, а через восемь месяцев визит к ней матери медсестры с признательностью за возможность снова ощутить радость бытия. Примечательно, как Флэгг тонко подмечает психологию возрастных своих героинь – крупной белой миссис Элнер Шимфисл и крохотной чернокожей старушки миссис Макуильямс, которые прекрасно понимают друг друга и убеждены в том, что старые люди, живущие в маленьких городах, должны поддерживать друг друга.

Своеобразное воскрешение проходят племянница Нора Уоррен, постоянно пребывающая в стрессе. Ее немного раздражает тетя, которая в своем преклонном возрасте живет одна, много читает, принимает активное участие в прямых эфирах на радио в своем городке, слушает вопросы, на которые обязательно ищет ответ. Элнер любознательна. Это качество, которого многие более молодые люди лишены, боясь всего нового, и, подобно Норме или парикмахеру Тот Вутен, либо истерят, либо жалуются на жизнь и судьбу. Элнер же, напротив, постоянно задумывается над вопросами Бада и Джейя в прямом эфире радио в Элмвуд-Спрингс: то про снежных обезьян, на которых, по наблюдениям Элни, очень похожа парикмахер Тот Вутен, что привело в изумление соседку Вербену, то она с усердием начала искать ответ на вопрос ведущего Бада «Что появилось раньше, курица или яйцо?», «Кто первый – Адам или Ева?». Этот вопрос она задаст и Богу, который предстанет перед ней в образе умершего соседа. Элнер неутомима, несмотря на свой почтенный возраст. Стремление отблагодарить соседку, угостившую ее помидорами, баночкой варенья из инжира как раз и становится началом всей истории. Старая женщина, задев осиное гнездо, упала с лестницы, покусанная насекомыми, и оказалась в больнице. Только осиное гнездо лишается в романе своего «второго», социального смысла. Элнер любила насекомых, не боролась с вредителями, в том числе улитками, заплонившими сад, как и осами. Она вообще любила все живое.

С первой страницы романа хроника жизни Элнер напоминает кино. Роман действительно выстроен так, что читатель погружается в него, как в хороший фильм. Актриса Фанни Флэгг использует профессиональный опыт и тонко улавливает все временные переходы, психологические паузы, словно кадрирует текст, уподобляя его хронике. Отсюда такая точность в указании времени. Но только один раз точно указан день – понедельник 1 апреля, хотя без подтверждения годом, а потом остается только время – часы и минуты. Этому тоже есть объяснение. Ориентиром остается Пасха. На Пасху Элнер ежегодно устраивала в своем саду игру, закапывая пасхальные яйца, и выдавала призы самым быстрым. За несколько недель до Пасхи Элнер завершит свой земной путь, но так и не узнает, сколько ей лет. О том, в каком году начинается история, можно только догадываться. Тот Вутен рассуждает о своем новом миропонимании после 11 сентября 2001 года. Точные годы будут указаны лишь на надписях могил, свидетельствующих о встречах Элнер с бывшими соседями во время своего небесного путешествия, ушедшими еще в 1976-м и 1977-м. Есть точные даты рождения и в большой черной Библии семьи Кноттов (тетрадь семейных записей в черном переплете). Мать Норы, сестра Элнер Ида, не хотела, чтобы кто-то узнал о ее возрасте, поэтому, так и не дописав год своего рождения, закопала в саду тетрадь с родословной, «похоронив» и точные даты рождения членов своей семьи. Элнер так и не узнала, что родилась в 1910-м и прожила почти 96 лет, то есть, согласно подсчетам ее племянницы, это соответствовало дате написания романа. Финал истории не менее символичен. Он пронизан верой в добро. Немного наивный, как и вся история о происшествии с Элнер Шимфисл, но абсолютно настроенный на позитив. Сбылась мечта Элнер умереть в своей постели. Абсолютное счастье Элнер Шимфисл испытала, вернувшись на небеса, где ее уже ждали родители, сестры, другие родственники, а в первом ряду увидела мужа Уилла, в объятия которого бросилась. Только теперь «она... наконец-то почувствовала себя дома по-настоящему» (Флэгг, 2008, с. 573).

Выводы

Преодолевая обыденность, автор дарит читателю настроение и веру в добро. Время в романах Ф. Флэгг имеет особенный характер, развиваясь сразу в нескольких направлениях и плоскостях. Ее герои, переживая горе ближнего, начинают преображение с самих себя и даже решают зайти в церковь. Этот акцент тоже не случаен в романе Флэгг, поскольку речь идет о ее современниках. Фантастика и реальность удивительным образом преобразуют традиционное представление о мире в целом, показывая единство исторического и индивидуального времени в самом понятии «жизнь», которое обозначено у Флэгг как дар. В отличие от Фолкнера, она дает своим героям шанс на движение вверх, на подлинное чудо.

Время для каждого героя книги начинает свой отсчет в момент наиболее сильного потрясения. Взгляд вверх открывает новые грани мироздания. Возвращение с небес на землю и воскрешение («синдром Лазаря») определяют новую точку развития, осмысление радости жизни здесь и сейчас. Вера в чудо оказывается верой в саму жизнь. Хронологически точные рамки событий на страницах романа создают полное ощущение погружения в подлинную историю Элни Шимфисл и ее близких. Романы Флэгг интересны и нетривиальны, они содержат простые истины, которые позволяют установить доверительный диалог с читателем. Их нельзя отнести только к женской прозе, пронизанной сентиментальностью. Ее лирический роман-хроника с четкой композицией, точностью и последовательностью событий, фиксацией дат, пропитанный искренней верой, открывает новые грани американской литературы, направленной на сохранение вечных ценностей и веру в человека. Черты интермедийного текста также привлекают внимание и требуют дополнительного исследования.

Источники

- Анастасьев Н. А. (2015) Американский акцент: книга об Америке и ее литературе. М., Художественная литература, 434 с.
Анастасьев Н. А. (1991) Владелец Йокнапатофы. М., Книга, 413 с.
Анастасьев Н. А. (1976) Фолкнер: Очерки творчества. М., Художественная литература, 221 с.

- Архангельская И. Б. (2007) Маклюэн Г. М. и литература «Южной традиции». Вестник Челябинского государственного университета, № 22, с. 5–16.
- Архангельская И. Б. (2012) Феномен «Южного Ренессанса» и литература американского Юга 20–30-х гг. XX века. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, № 6-1. <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yuzhnogo-renessansa-i-literatura-amerikanskogo-yuga-20-30-h-gg-hh-veka>.
- Бешенкова Т. А. (2024) «Мир глазами Гарпа» Дж. Ирвинга как метароман. Вестник Томского государственного университета, № 498, с. 5–12. DOI: 10.17223/15617793/498/1.
- Волков Е. М., Салов А. И. (2013) Литература 9/11 о трагедиях индивидуальности и семьи: универсальность и новаторство романа Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко». Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки, № 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-9-11-o-tragediyah-individualnosti-i-semi-universalnost-i-novatorstvo-romana-dzh-s-foera-zhutko-gromko-i-zapredelno-blizko>.
- Володина А. Е. (2016) Творчество У. Фолкнера и традиция плантаторского романа. Дис. ... канд. филол. наук. М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 184 с.
- Воротынцев С. И., Голдовский Б. М., Поталов С. А. и др. (2011) Феномен Лазаря: ауторесусциация после остановки сердца. Медицина неотложных состояний, № 3 (34), с. 130–136.
- Гиленсон Б. А. (1974) Американская литература 30-х гг. XX века. М., Высшая школа, 263 с.
- Засурский Я. Н. (1984) Американская литература XX века. М., Изд-во МГУ, 503 с.
- Луков Вл. А. (2008) История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Культурология». М., Академия, 510 с.
- Маслов Е. С. (2023) Время в нарративе: «фабула – сюжет» и «история – дискурс» vs семиотический треугольник. *Studia Litterarum*, т. 8, № 3, с. 10–27. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-3-10-27.
- Назаренко И. И. (2023) Национальная самоидентификация героя-эмигранта в эмигрантской прозе Г. Иванова и Г. Миллера. Статья первая: утрата исконного национального мира и любви. Текст. Книга. Книгоиздание, № 31, с. 6–24. DOI: 10.17223/23062061/31/2.
- Переяшкин В. В. (2010) Творчество американских писателей второй половины XX века в контексте южной литературной традиции (На материале произведений К. Маккаллера, У. Стайрона, К. Маккарти, Л. Смит). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Московский государственный областной университет. М., 48 с.
- Стеценко Е. А. (1994) Судьбы Америки в современном романе США. М., Специализир. изд.-торг. предприятие «Наследие», 237 с.
- Стеценко Е. А. (1978) Проблема времени в «южной школе» современного американского романа. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького АН СССР. М., 24 с.
- Татарина Л. Н. (2014) Художественный текст в парадигме католической и протестантской культуры (Г. С. Элиот, У. Фолкнер, Ф. Кафка, А. Камю, Д. Г. Лоуренс, Дж. Джойс, Г. Грин и др.). М., Флинта, 232 с.
- Тлостанова М. В. (2000) Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., ИМЛИ РАН: Наследие, 396 с.
- Флэгг Ф. (2017) Жареные зеленые помидоры в кафе «Полустанок». Пер. Д. В. Крупской. М., Фантом Пресс, 416 с.
- Флэгг Ф. (2008) Когда отправлюсь я на небеса. Избранные романы. Перевод с английского в специальной редакции. Гл. ред. Э. Медведева. М., Издательский Дом Ридерз Дайджест, с. 454–573.
- Флэгг Ф. (2018) Рай где-то рядом. Пер. М. Извековой. М., Фантом Пресс, 384 с.
- Флэгг Ф. (2019) Стоя под радугой. Пер. Д. Крупской. М., Фантом Пресс, 544 с.
- Флэгг Ф. (2020) О чем весь город говорит. Пер. с англ А. Сафронова. М., Фантом Пресс, 448 с.
- Черновская М. С. (2012) Герои в социальных мифах современного американского женского романа. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, № 1, с. 244–251. <https://cyberleninka.ru/article/n/geroi-v-sotsialnyh-mifah-sovremennogo-amerikanskogo-zhenskogo-romana>.
- Шалагина О. В. (2024) Романы 9/11 в контексте традиции американской литературы о детях. Дис. ... канд. филол. наук. Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 198 с.
- Яценко В. И. (1984) Литература Юга США. 1865–1900. Иваново, Изд-во Иванов. гос. ун-та, 78 с.
- Flagg Fannie (2006) *Can't Wait to Get to Heaven: A Novel*. New York, Random House, 408 p.
- Flynt W. (2004) *Alabama in the twentieth century*. Tuscaloosa, Alabama, The University of Alabama Press, 602 p.
- Gray R. J. (1977) *The Literature of Memory: Modern Writers of the American South*. New York, The Johns Hopkins University Press, 390 p.
- Perry C. (2002) *The history of southern women's literature*. Baton Rouge, Louisiana State University Press, 689 p.
- Southern Women's Writing: Colonial to Contemporary* (1995). Ed. by M. L. Weaks, C. Perry. Gainesville, University Press of Florida, 417 p.

References

- Anastasyev N. A. (1976) *Folkner: Ocherki tvorchestva [Faulkner: Essays on Creativity]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 221 p. (In Russian).

- Anastasyev N. A. (1991) *Vladelec Joknapatofy [The Master of Yoknapatawpha]*. Moscow, Kniga Publ., 413 p. (In Russian).
- Anastasyev N. A. (2015) *Amerikanskij akcent: kniga ob Amerike i ee literature [American Accent: A Book About America and Its Literature]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 434 p. (In Russian).
- Arkhangelskaya I. B. (2007) Maklyue'n G. M. i literatura "Yuzhnoj tradicii" [McLuhan G. M. and the Literature of the "Southern Tradition"]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 22, pp. 5-16 (In Russian).
- Arkhangelskaya I. B. (2012) Fenomen "Yuzhnogo Renessansa" i literatura amerikanskogo Yuga 20-30-kh gg. XX veka [The Phenomenon of the "Southern Renaissance" and Literature of the American South of the 1920s-1930s]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 6-1. <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yuzhnogo-renessansa-i-literatura-amerikanskogo-yuga-20-30-h-gg-hh-veka> (In Russian).
- Beshenkova T. A. (2024) "Mir glazami Garpa" Dzh. Irvinga kak metaroman ["The World According to Garp" by J. Irving as a Metanovel]. *Tomsk State University Journal*, no. 498, pp. 5-12. DOI: 10.17223/15617793/498/1 (In Russian).
- Chernovskaya M. S. (2012) Geroy v social'nykh mifakh sovremennogo amerikanskogo zhenskogo romana [Heroes in the social myths of the modern American women's novel]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, no. 1, pp. 244-251. <https://cyberleninka.ru/article/n/geroi-v-sotsialnyh-mifah-sovremennogo-amerikanskogo-zhenskogo-romana> (In Russian).
- Flagg F. (2008) *Kogda otpravlyus' ya na nebesa. Izbrannyye romany [Can't Wait to Get to Heaven. Selected Novels]*. Trans. from English in a special edition. Ed.-in-chief E. Medvedeva. Moscow, Reader's Digest Publishing House, pp. 454-573 (In Russian).
- Flagg F. (2017) *Zharenyye zelenyye pomidory v kafe "Polustanok" [Fried Green Tomatoes at the Whistle Stop Café]*. Trans. D. V. Krupskaya. Moscow, Phantom Press, 416 p.
- Flagg F. (2018) *Ray gde-to ryadom [Can't Wait to Get to Heaven]*. Trans. M. Izvekova. Moscow, Phantom Press, 384 p. (In Russian).
- Flagg F. (2019) *Stoya pod radugoj [Standing in the rainbow]*. Trans. D. Krupskaya. Moscow, Phantom Press, 544 p. (In Russian).
- Flagg F. (2020) *O chem ves' gorod govorit [The Whole Town's Talking]*. Trans. from English by A. Safronov. Moscow, Phantom Press, 448 p. (In Russian).
- Flagg Fannie (2006) *Can't Wait to Get to Heaven: A Novel*. New York, Random House, 408 p.
- Flynt W. (2004) *Alabama in the twentieth century*. Tuscaloosa, Alabama, The University of Alabama Press, 602 p.
- Gilenson B. A. (1974) *Amerikanskaya literatura 30-x gg. XX veka [American Literature of the 1930s.]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 263 p.
- Gray R. J. (1977) *The Literature of Memory: Modern Writers of the American South*. New York, The Johns Hopkins University Press, 390 p.
- Lukov V. A. (2008) *Istoriya literatury. Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashikh dney [Foreign Literature from the Origins to the Present Day]*. A textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Cultural Studies". Moscow, Academy Publ., 510 p.
- Maslov E. S. (2023) *Vremya v narrative: "fabula - syuzhet" i «istoriya - diskurs» vs semioticheskiy treugol'nik [Time in narrative: "plot - story" and "history - discourse" vs. semiotic triangle]*. *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, pp. 10-27. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-3-10-27 (In Russian).
- Nazarenko I. I. (2023) *Nacional'naya samoidentifikatsiya geroya-emigranta v emigrantskoy proze G. Ivanova i G. Millera. Stat'ya pervaya: utrata iskonnoego nacional'nogo mira i lyubvi [National self-identification of the emigrant hero in the emigrant prose of G. Ivanov and G. Miller. Article one: the loss of the original national peace and love]*. Text. Book. Publishing, no. 31, pp. 6-24. DOI: 10.17223/23062061/31/2 (In Russian).
- Pereyashkin V. V. (2010) *Tvorchestvo amerikanskikh pisateley vtoroy poloviny XX veka v kontekste yuzhnoy literaturnoy tradicii (Na materiale proizvedeniy K. Makkallers, U. Stajrona, K. Makkarti, L. Smit) [The Work of American writers of the second half of the Twentieth Century in the context of the Southern Literary Tradition (Based on the Works of K. McCullers, W. Styron, K. McCarthy, L. Smith)]*. Abstr. Diss. ... Dr. of Philol. Sci. Moscow State Regional University. Moscow, 48 p. (In Russian).
- Perry C. (2002) *The history of southern women's literature*. Baton Rouge, Louisiana State University Press, 689 p.
- Shalagina O. V. (2024) *Romany 9/11 v kontekste traditsii amerikanskoy literatury o detyakh [Novels 9/11 in the context of the tradition of American literature about children]*. Diss. ... Cand. Philol. Sci. Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, 198 p.
- Southern Women's Writing: Colonial to Contemporary (1995)*. Ed. by M. L. Weaks, C. Perry. Gainesville, University Press of Florida, 417 p.
- Stetsenko E. A. (1978) *Problema vremeni v "yuzhnoj shkole" sovremennogo amerikanskogo romana [The problem of time in the "Southern School" of the modern American novel]*. Abstr. Diss. ... Cand. Philol. Sci. A. M. Gorky Institute of World Literature, USSR Academy of Sciences. Moscow, 24 p. (In Russian).
- Stetsenko E. A. (1994) *Sud'by Ameriki v sovremennom romane SShA [The Fates of America in the Modern US Novel]*. Moscow, Nasledie Publ., 237 p. (In Russian).

- Tatarinova L. N. (2014) *Xudozhestvennyy tekst v paradigme katolicheskoy i protestantskoy kul'tury* (G. S. Eliot, U. Faulkner, F. Kafka, A. Kamyu, D. G. Lourens, Dzh. Dzhajs, G. Grin i dr.) [Fiction in the paradigm of Catholic and Protestant culture (G. S. Eliot, W. Faulkner, F. Kafka, A. Camus, D. H. Lawrence, J. Joyce, G. Greene, etc.)]. Moscow, Flinta Publ., 232 p. (In Russian).
- Tlostanova M. V. (2000) *Problema mul'tikul'turalizma i literatura SShA koncza XX veka* [The problem of multiculturalism and US literature of the late 20th century]. Moscow, IMLI RAS: Nasledie Publ., 396 p.
- Volkov E. M., Salov A. I. (2013) *Literatura 9/11 o tragediyakh individual'nosti i sem'i: universal'nost' i novatorstvo romana Dzh. S. Foera "Zhutko gromko i zapredel'no blizko"* [Literature of 9/11 about the tragedies of individuality and family: the universality and innovation of J. S. Foer's novel *Extremely Loud and Incredibly Close*]. *Uchenyye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnyye i social'nyye nauki – Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences*, no. 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-9-11-o-tragediyah-individualnosti-i-semi-universalnost-i-novatorstvo-romana-dzh-s-foera-zhutko-gromko-i-zapredelno-blizko> (In Russian).
- Volodina A. E. (2016) *Tvorchestvo U. Folknera i tradiciya plantatorskogo romana* [The Works of W. Faulkner and the Tradition of the Plantation Novel]. Diss. ... Cand. Philol. Sci. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 184 p. (In Russian).
- Vorotyntsev S. I., Goldovsky B. M., Potalov S. A. et al. (2011) *Fenomen Lazarya: autoresuscitaciya posle ostanovki serdca* [The Lazarus phenomenon: autoresuscitation after cardiac arrest]. *Medicina neotlozhnykh sostoyaniy – Emergency Medicine*, no. 3 (34), pp. 130–136 (In Russian).
- Yatsenko V. I. (1984) *Literatura Yuga SShA. 1865– 1900* [Literature of the Southern USA. 1865–1900]. Ivanovo, Publishing House of Ivanovo State University, 78 p. (In Russian).
- Zasursky Ya. N. (1984) *Amerikanskaya literatura XX veka* [American Literature of the 20th Century]. Moscow, Moscow State University Press, 503 p.

Информация об авторе

Ерофеева Наталья Евгеньевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и русского языка как иностранного. Российский государственный гидрометеорологический университет, г. Санкт-Петербург, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-2135-8859.
E-mail: natali-erof@yandex.ru

Autor's information

Natalia E. Erofeeva

Dr. Sc. (Philol.), Professor of the Department Russian Philology and Russian as a Foreign Language. Russian State Hydrometeorological University, Saint Petersburg, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-2135-8859.
E-mail: natali-erof@yandex.ru

Е. Н. Белая¹

✉ elena555-90@mail.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Репрезентация концепта надежды в русской языковой картине мира

Аннотация: Статья посвящена репрезентации концепта надежды в русской языковой картине мира. Целью статьи является выявление способов репрезентации концепта надежды в русском языке. Концепт надежды рассматривается как сложное культурное и фреймовое образование. В рамках статьи выделены компоненты фрейма надежды: субъект, предикат, объект. Фрейм надежды реализуется в лексико-семантических и семантико-синтаксических структурах. Предикат обозначается глаголами, существительными, прилагательными с семантикой надежды. Анализ показывает, что синонимические ряды с семантикой надежды отличаются между собой смысловыми признаками: характером, масштабом, интенсивностью ожидания. Валентность лексических единиц с семантикой надежды вступает в смысловые связи с компонентами, обозначающими субъект надежды, объект надежды, процесс ожидания. Выделены основные модели с семантикой надежды: глагольная, субстантивная, адъективная, предложно-падежная. Анализ показывает, что субъект фрейма выражается именем собственным, именем нарицательным и местоимением. Объектом фрейма надежды является любая ситуация и выражается различными частями речи.

Ключевые слова: концепт, фрейм, синоним, валентность, предикат, субъект, объект.

Дата поступления статьи: 2 июля 2024 г.

Для цитирования: Белая Е. Н. (2025) Репрезентация концепта надежды в русской языковой картине мира. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 56–65. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.5.

Scientific article

Е. N. Belaya¹

✉ elena555-90@mail.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Representation of the concept “hope” in the Russian language world picture

Abstract: The article is devoted to the representation of the concept “hope” in the Russian language world picture. The purpose of the article is to identify the ways to represent the concept “hope” in the Russian language. The concept “hope” is considered as a complex, cultural and frame unit. The article highlights the components of the “hope” frame. They are subject, predicate, object. The “hope” frame is used in lexical-semantic and semantic-syntactic structures. The predicate is indicated by verbs, nouns, adjectives with the meaning “hope”. The analysis shows that synonymous ranks with the meaning “hope” differ in their semantic features: the nature, scale, and intensity of expectation. The valence of lexical units with the meaning “hope” forms semantic connections with the components denoting the subject of hope, the object of hope, the process of expectation. The main models with the meaning “hope” are singled out. They include verbal, substantive, adjective, and case-prepositional ones. The analysis demonstrates that the subject of the frame is expressed by a proper noun, a common noun and a pronoun. The object of the hope frame is any situation and it is expressed by various parts of speech.

Keywords: concept, frame, synonym, valence, predicate, subject, object.

Paper submitted: July 2, 2024.

For citation: Belaya E. N. (2025) Representation of the concept “hope” in the Russian language world picture. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 56–65. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.5.

Введение

Образы мира, в частности человека, запечатлены в семантике языка. По мнению М. П. Одинцовой, «человек тождествен миру, всему, что входит и может войти в сферу его жизнедеятельности и сознания, что в той или иной степени зависит от него и от чего зависит сам». Исследователь утверждает, что «мир также тождествен человеку. Образы мира и человека взаимноизоморфны» (Одинцова, 2012, с. 13).

Языковой образ человека воплощен в системе семантических единиц того или иного языка. Особый интерес представляет природа человеческой души и ее репрезентация в языке.

Настоящая статья посвящена исследованию репрезентации концепта надежды в русской языковой картине мира. Материалом исследования служат лексические единицы, фразеологические единицы, паремии, высказывания с семантикой надежды, отобранных из словарей и энциклопедий.

Методы

Построение теоретических оснований заявленного исследования опирается на концепцию языковой картины мира. По мнению М. П. Одинцовой, понятие «языковая картина мира» правомерно представлять «в качестве когнитивного способа, инструмента моделирования, интерпретации той своеобразной логики, философии, поэтики, которая и делает язык воплощением “народного духа”, народного мировидения в тот или иной период истории» (Одинцова, 2006, с. 256). Предельным элементом языковой картины мира является концепт. Существует огромное количество определений понятия «концепт».

Так, например, Е. О. Опарина определяет концепт как ментальную единицу, которая находит материальное выражение в языковых знаках (Опарина, 2023, с. 8).

По мнению Т. А. Воронцовой и Е. И. Головановой, концепт – единица когнитивной деятельности, обособляющая предмет или явление окружающего мира как дискретную единицу, имеющая языковое выражение и облаченная лингвокультурным своеобразием (Воронцова, Голованова, 2021, с. 177).

Е. А. Огнева определяет концепт как знаковую структуру человеческого опыта, которая отражается в слове, речи, дискурсе (Огнева, 2013, с. 39).

Согласно «Русскому идеографическому словарю: Мир человека и человек в окружающем его мире» под ред. Н. Ю. Шведовой, концепт – исторически сложившаяся понятийно-языковая целостность, т. е. отлившееся в слово, им материализованное, в него вмещенное понятие, относящаяся к духовному, ментальному миру жизни человека либо к материальной жизнеобеспечивающей, жизнеобразующей сфере его бытия (Русский идеографический словарь, 2011, с. V).

И. А. Стернин (2009), З. Д. Попова (2009), Т. А. Воронцова (2021), Н. Н. Болдырев (2016) считают, что объем понятия «концепт» объединяет разные виды ментальных феноменов, которые упорядочивают информацию в сознании человека. К этим феноменам относятся понятия, представления, образы, фреймы, сценарии, скрипты, сцены.

Для нас наибольший интерес представляет фрейм. М. Минскому принадлежит определение фрейма как «структуры данных для представления стереотипной ситуации» (Minsky, 1980). Ученый утверждает, что фрейм можно представить себе образно как рамку или сетку из узлов и связей между ними.

Согласно теории Ч. Филлмора, фрейм – это схематизированный на концептуальном уровне опыт (структура знаний), хранящийся в человеческой памяти (Fillmore, 1976).

Т. А. ван Дейк определяет понятие фрейма как общее знание, которое организовано в концептуальные системы (Dijk, 1997). Исследователь считает, что фреймы имеют конвенциональную природу и описывают то, что в данном обществе является наиболее типичным.

Е. Чарняк рассматривает фрейм как набор инструкций, предназначенных индивиду для выполнения определенных действий (Charniak, 1978).

Все точки зрения на понятия «концепт» и «фрейм» дополняют друг друга в разных аспектах.

В настоящей статье концепт надежды есть культурно-фреймовое образование, включающее понятие, оценку, ценность, ассоциации. Концепт надежды есть фреймовое образование, которое соотносит свои элементы с конкретными реалиями культуры, ситуациями из человеческого опыта. Фрейм надежды реализуется в лексико-семантических и семантико-синтаксических структурах. Фрейм надежды включает в себя субъект, предикат, объект. Предикат является ядерным компонентом фрейма и определяется как сказуемое суждения, то, что высказывается о субъекте. Предикат надежды обозначается глаголами, прилагательными, существительными, в которых используются парадигматические и синтагматические связи.

Важными семантическими типами парадигматических отношений единиц языка являются синонимия и антонимия. По мнению Л. А. Введенской и М. Ю. Семеновой, синонимы – это слова, близкие или тождественные по своему значению, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся или оттенками значения, или стилистической окраской, или тем и другим (Введенская, Семенова, 2009, с. 327). Антонимы – это слова, имеющие противоположные значения (Введенская, Семенова, 2009, с. 297). Исследователи утверждают, что основой антонимии является наличие в значении слова качественного признака, который может возрастать или убывать и доходить до противоположного.

По синтагматическому принципу рассматриваются валентностные способности предикатов с семантикой надежды. По мнению С. Д. Кацнельсона, валентность есть «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» (Кацнельсон, 1987, с. 21).

Вторым компонентом фрейма надежды является субъект, который, согласно О. С. Ахмановой, определяется как действующее лицо. «Это тот предмет мысли, по отношению к которому определяется и выделяется предикат (Ахманова, 2005, с. 462).

Третий компонент фрейма надежды – объект, который, согласно О. С. Ахмановой, есть то же, что дополнение (Ахманова, 2005, с. 279).

Фрейм надежды может реализоваться в семантико-синтаксических структурах. Выделяются следующие модели с семантикой надежды: глагольная, наречно-предикативная, субстантивная, адъективная, предложно-падежная.

Результаты

Надежда является положительной эмоцией, которая возникает при ожидании исполнения желаемого.

Согласно Этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, слово **надежда** заимствовано из церковнославянского языка. Сравним: народн. надежа, блр надзежа, древнерусский: надежа, Из na-dedja от na и деть, děti, ст.-слав. деждж «кладу» (Фасмер, 1971, т. 3, с. 37).

Как было сказано выше, концепт надежды является фреймовым образованием. Рассмотрим один из компонентов фрейма надежды предикат, который обозначается разными частями речи, в частности глаголами. Парадигматический контекст слова **надеяться** образует его синонимы. Согласно Словарю синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, глагол имеет следующий синонимический ряд: *надеяться, уповать, рассчитывать, полагаться, ждать, ожидать, чаять, гадать*. Рассматриваемые нами синонимы отличаются между собой семантическими оттенками.

Глагол **надеяться** является доминантой данного синонимического ряда. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, глагол **надеяться** обозначает «верить, уповать, ожидать с уверенностью, считать исполнение своего желания вероятным. Например, Век живи, век надейся (Даль, 1999, с. 401). Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет глагол **надеяться** как 1) «рассчитывать на что-либо, возлагать надежду на что-либо; 2) полагаться на кого-либо, быть уверенным в ком-нибудь; 3) вводное слово в форме 1 лица ед. числа надеюсь». Например, *Я надеюсь на вашу помощь; Надеюсь, что вы меня поняли* (Ожегов, 1984). Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой определяет глагол **надеяться** как «питать

надежду на что-либо, считать вероятным осуществление чего-либо желаемого» (Словарь синонимов русского языка, 1971, с. 680). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна определяет глагол **надеяться** как ожидание того, что произойдет нечто хорошее или нужное для субъекта, что для этого ожидания есть основания (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, с. 181).

Глагол **надеяться** представляет собой состояние души, в которое включены эмоция, желание, интеллектуальная оценка. Основанием для возникновения состояния является мнение. Надеяться можно на Бога, на себя, на других людей. Глагол **надеяться** имеет разную степень уверенности в том, что желаемое сбудется. Согласно Новому объяснительному словарю синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна, «надеяться можно бескорыстно – в расчете не только на собственное благо, но и на то, что субъект считает благом для другого» (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, с. 180). Например, *Ученые мужи проникают в тайны природы, надеясь поставить эти тайны на службу своему неумелому, запуганному старинной чертовщиной народу* (А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом»).

В русском языке состояние **надеяться** локализуется в душе, обители психических состояний, в то время как ментальные процессы представляются локализованными в голове: *в глубине души он надеялся*.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна отмечает, что глагол **надеяться** является единственным синонимом, «способным обозначать радостное ожидание события, сопровождающееся подъемом общего тона человека» (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, с. 181). Например, *Но это ничуть не мешало ему надеяться, что еще будет нынче что-то необыкновенное. Ах, хорошо! Хорошо жить, но только непременно надо сделать что-нибудь удивительное!* (И. Бунин «Захар Воробьев»).

Глагол **надеяться** имеет валентность объекта ожидания, сочетается с наречиями *очень, твердо*, с наречными оборотами, указывающими на локализацию чувства, например, *тайно надеяться, в глубине души надеяться, в душе надеяться*.

Глагол **надеяться** сочетается с модальными словами: *надо надеяться, можно надеяться, смею надеяться*.

Рассмотрим синоним **рассчитывать**. Согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова, глагол **рассчитывать** обозначает 1) надеяться, считать возможным, например, *рассчитывать на внимание; Он рассчитывал прийти*; 2) возлагать надежды, полагаться. Например, *рассчитывать на старого друга* (Ожегов, 1984).

Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой определяет глагол **рассчитывать** как большую уверенность в осуществлении чего-либо, основанную не только на надежде, но и на некотором расчете, на предварительном взвешивании всех обстоятельств (Словарь синонимов русского языка, 1971, с. 680).

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна отмечает, что в основе глагола **рассчитывать** лежит рассуждение. Основой ожиданий и чувства уверенности в случае **рассчитывать** являются логические операции – предположения, умозаключения. Например, *Татьяна Толстая честно призналась, что рассчитывает пересидеть в Штатах на скудном долларовом пайке смутные времена* (С. Чупринин «Люди гибнут») (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, с. 182). Для данного синонима характерно употребление в отрицательных и вопросительных предложениях: *Я уже не рассчитываю на вашу помощь. Вы все еще рассчитываете на помощь?*

Глагол **рассчитывать** сочетается с наречием *очень*, например, *Спасибо, Матвей Сергеевич, – мы с Маляевым очень на вас рассчитываем* (А. и Б. Стругацкие «Далекая радуга»). Глагол сочетается с модальным словом *нельзя* в значении «не следует». Например, *Нельзя рассчитывать на чужую помощь*.

Глагол **рассчитывать** имеет валентность содержания ожидания и выражается предложно-именной группой на что-либо: *рассчитывать на чью-либо честность, рассчитывать на успех, рассчитывать на место директора; На большее рассчитывать не приходится.*

Согласно Словарю синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, синоним **уповать** обозначает «твердо надеяться, глубоко верить в осуществление чего-либо». Слово носит устарелый характер и употребляется редко, преимущественно в книжной речи (Словарь синонимов русского языка, 1971, с. 571).

Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет глагол **уповать** как «иметь упование, надеяться» (Ожегов, 1984, с. 725).

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля определяет глагол **уповать** как «твердо надеяться, ждать с уверенностью, полагаться, ничем не смущаясь» (Даль, т. 4, с. 515). Например, *Уповайте на Господа (Псалтирь). На Бога уповай, а без дела не бывай.*

В основе глагола **уповать** лежит вера, высшая сила, человек, чьи возможности намного превосходят возможности субъекта: *уповать на Бога, на милосердие Божие, уповать на Провидение, уповать на Промысел, уповать на царя.*

Согласно Новому объяснительному словарю синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна, в значении **уповать** основным является указание на какой-либо внешний по отношению к субъекту фактор как источник надежды. Поэтому субъект этого состояния всегда пассивен. Не говорят уповать на себя; уповать на скорое окончание работы (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, с. 181).

На высшую силу человек уповает в очень тяжелой ситуации, когда его собственные ресурсы исчерпаны. Высшая сила является последним шансом для человека: *Итак, уповаю на Высший Промысел и остаюсь в живых. Обидно, что из-за болезни полетели к черту все мои прожекты относительно летней экспедиции в Пояконду* (В. Ерофеев «Письма к сестре»).

Глагол **уповать** может быть использован, когда человек ждет помощи от социальных институтов с высоким статусом: *Инвалидам ничего не остается, как уповать на государственную помощь.*

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна отмечает, что «в современном узусе глагол **уповать** смещается в сторону глагола **надеяться**: *Может, Фаина – уже другая Фаина, не в том смысле, что изменилась (на это мы не уповаем), а просто другая* (А. Битов «Пушкинский дом») (Объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, с. 182).

Синоним **уповать** употребляется в абсолютной конструкции: *Успокойся, родная моя, не волнуйся, а жди и уповай* (А. П. Чехов, письмо О. Л. Книппер-Чеховой). Глагол имеет валентность объекта ожидания и вводится предложно-именной группой на что-либо: *уповать на милосердие Божие.*

Рассмотрим синонимический ряд существительных с семантикой **надежды**. Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой представляет следующие синонимы: *надежда, чаяние, упование* (Евгеньева, 1971, с. 681). Существительное **надежда** является доминантой синонимического ряда. Антонимами существительного надежда являются существительные **безнадежность, отчаяние**.

Согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова, существительное **надежда** обозначает «ожидание, уверенность в осуществлении чего-нибудь радостного, благоприятного: *Есть надежда на выздоровление, В надежде на благоприятный исход, Питать надежду на полную победу*» (Ожегов, 1984, с. 321). Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой определяет существительное надежда как «ожидание чего-либо желаемого, хорошего, связанного с уверенностью в возможности осуществления» (Евгеньева, 1971, с. 570).

Существительное **надежда** может сочетаться с прилагательными: *слабая надежда, добрая надежда, ложная надежда, радужная надежда, смутная надежда, последняя надежда*; с существительными: *с надеждой на победу, с надеждой в голосе, надежда спасения, надежда человечества,*

от надежды к отчаянию; с глаголами как субъект: *надежда рухнула, надежда сбылась, надежда исчезает, надежда появляется*; с глаголами как аргумент: *терять надежду, возлагать надежду, лелеять надежду, подарить надежду*.

Согласно Православной энциклопедии, надежда является одной из главных и высоких христианских добродетелей. «Христианская добродетель осуществляется усилием воли, укрепленной благодатной силой Святого Духа, приводит человека ко Христу, вселяя в него надежду на спасение» (Православная энциклопедия, т. XLVIII, с. 308). О христианской надежде в Священном Писании сказано: «... закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу (Евр. 7. 19). Объект христианской надежды остается более определенным, более близким, уже данным. По словам апостола Павла, «мы спасены в надежде. Надежда есть спасение – не в этом мире, но в ином». Надежда есть уверенность в том, что Бог никогда не оставит его. Проводя жизнь в покаянии, человек может надеяться на милость Божию и на спасение (Православная энциклопедия, т. XLVIII, с. 310).

Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет синоним **чаяние** как надежду, ожидание. *Сбылись лучшие чаяния народа* (Ожегов, 1984, с. 763). Согласно Словарю синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, синоним чаяние обозначает надежду на что-либо, обычно важное, серьезное или очень желаемое; слово имеет книжный характер (Словарь синонимов русского языка, 1971, с. 570). Например, *Все, что о будущей жизни сказали наши философы, есть чаяние*.

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля определяет **чаяние** как «полаганье, предположенье; верованье, упование, надежда, ожиданье» (Даль, 1999, т. 4, с. 585).

Слово **чаяние** обладает большим поэтическим потенциалом. Это слово часто используется в метафорах и сравнениях для передачи возвышенных чувств и духовных устремлений. Например, в стихотворении Н. А. Заболоцкого есть такие строки: *И, озарен лучом заката, Стою, глубоких дум полна, В чаяньях счастья и расплаты За все, чем жизнь моя бедна*.

Существительное **чаяние** сочетается с прилагательными: *народные чаяния, мессианские чаяния, эсхатологические чаяния*; с существительными: *чаяние народа, чаяния масс*; с глаголами: *уловить чаяния (народа), выражать чаяния, иметь чаяние*.

В православии слово **чаяние** часто ассоциируется с ожиданием Страшного суда и Царства Божьего. Лесков писал: *Чающе ангела, который снизойдет возмутить воду сию и... скажи ми, Господи, когда будет сие?* Здесь речь идет о чаяниях праведника, ожидающего пришествия Спасителя.

В Символе православной веры есть строчка: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, аминь!» Воскресение мертвых это не конечная наша цель, а переходная. Это инструмент обретения жизни будущего века или ключ к этой жизни. В православной вере конечной целью является сама жизнь будущего века (Православная энциклопедия, 2023).

Упование является символом признания, глубокой убежденности, осознанной веры человека, исполняющего открытую ему Волю Божью, в ее истинность, справедливость, неизменность, благодатность.

Упование – это знание Воли Божьей и основанная на ней уверенность, твердая надежда человека на исполнение всех Обетований Божьих. Например, *На Тебя, Господи, уповаю...* (Пс, 30: 2,4); *Господь будет упованием твоим...* (Прит. 3: 25, 26); *Возложат упование на Господа, Святаго Израилева, чистосердечно* (Ис. 10: 16-22).

Существительное **упование** сочетается с прилагательными: *с полным упованием*; с существительными (главное слово): *упование славы*; с глаголами (аргумент): *возложить упование на бога, не имеет упования*.

Словарь синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой дает синонимический ряд прилагательных с семантикой надежды: *надежный, верный*.

Синоним **надежный** является доминантой и обозначает «внушающий доверие, верный, прочный»: *надежный помощник, надежная опора* (Ожегов, 1984, с. 321).

Согласно Словарю синонимов русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, синоним **надежный** может относиться 1) к человеку: «такой, на которого можно положиться, который не подведет»; 2) к средствам, мерам, способам: «обеспечивающий достижение цели, непременно приводящий к желаемым результатам» (Словарь синонимов русского языка, 1971, с. 570). Антонимом прилагательного **надежный** являются прилагательные **ненадежный, непрочный**.

Прилагательное **надежный** сочетается с существительными: *надежное место, надежный человек, надежная охрана, надежная защита, надежный друг*; с существительными в составе конструкции: *надежная точка опоры, надежный канал связи, за надежными стенами замка*; с глаголами в составе конструкции: *казаться надежным, выглядеть надежным, считаться надежным*.

Синоним **верный** обозначает «проверенный, надёжный, неоднократно использованный в прошлом». Например, *...в огне, погибли замечательные неснашиваемые ботинки, погиб и старый верный чемодан с множеством кармашков* (В. С. Маканин «Гражданин убегающий»).

В православии слово **верный** обозначает достойный веры, истинный, искренний, правдивый (Втор. 7, 9 32, 4. Притч. 14, 5. 20, 6. 1 Макк. 14, 41. 1 Тим. 1, 15); достойный доверия, верный в служении (1 Цар 22, 14. Матф. 24, 45. 25, 21. Дан. 6, 4. Кол 4, 7. Евр 3, 2. 5); неизменный, постоянный в чувствах (Сир. 6, 14-16;. Откр. 2, 10); твердый, крепкий, прочный, долговечный (3 Цар.11, 38; Пс. 88, 29. Исаии 22, 23. 21); верующий в Бога (Иоан. 20, 27. Деян. 10, 45; 1 Тим. 5, 16).

Прилагательное **верный** сочетается с существительными: *верный друг, верный слуга, верная дорога, верное направление*; с существительными в составе конструкции: *верный сын церкви, верные чада церкви, верная линия поведения, верная точка опоры*; с глаголами в составе конструкций: *остаться верным, казаться верным, направить на верный путь, оказаться верным*.

Надежда может выражаться фразеологическими единицами: *в надежде славы и добра, льстить себя надеждой, лелеять надежду, питать надежду*.

Фразеологическая единица **в надежде славы и добра** употребляется как ироническая характеристика либеральных надежд, беспочвенных ожиданий изменений к лучшему. Цитата взята из стихотворения А. С. Пушкина «Стансы» (1828) (Русская фразеология, 2005, с. 460).

Фразеологическая единица **льстить себя надеждой** обозначает «утешать себя надеждой». Выражение является калькой с французского языка *se flatter d'espoir*. Льстить себя означает «обманывать себя» (Русская фразеология, 2005, с. 460).

Фразеологическая единица **лелеять надежду** обозначает «горячо желать чего-либо, вынашивать мечту о чем-либо». Вероятно, это калька с французского выражения *carreser un espoir*. Выражение взято из обыденной речи, где лелеять родственно со словом лелеять, что означает «нянчиться, ляля – ребенок. В основе оборота лежит сравнение: надежду нянчат в душе, как ребенка на руках (Русская фразеология, 2005, с. 460).

Согласно словарю «Русская фразеология», фразеологическая единица **питать надежду** обозначает «надеяться» и является калькой с французского или немецкого языков. Оборот в форме «питать надеждою» употребляется Фонвизиным в 1772 году (Русская фразеология, 2005, с. 460).

В русской лингвокультуре существует огромное количество паремий с семантикой надежды. Надежда является положительной эмоцией, которая может возникать при очень напряженном ожидании чего-то лучшего, светлого, доброго. Человек не может жить без надежды, он стремится достичь поставленной цели, стремится к надежде на осуществление той или иной мечты. На эту тему закреплены следующие паремии: *Без надежды – что без одежды: и в теплую погоду замерзнешь, Век живи, век надейся!, Где жизнь, там и надежда, Надежда окрыляет, обман убивает, Надеюсь, как на каменную стену, Надеждою жив человек, Счастье скоро покидает, а добрая надежда никогда*.

Много пословиц заимствовано из Библии: *Только в Боге успокаивайся, душа моя! ибо на Него надежда моя* (Псалтирь 61:6); *Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою* (Римлянам 15:13); *Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении* (Римлянам 8: 24-25).

Люди верят в предопределение жизни. Человек надеется на одно, а с ним случается другое. В связи с этим говорят: *Человек предполагает, а Бог располагает*. Пословица предостерегает от беды: *На Бога надейся, а сам не плошай*.

В русской лингвокультуре есть паремии с семантикой терпения, умения ждать: *Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать, Без надежды, что без одежды, и в теплую погоду холодно, Лучше без одежды, чем без надежды*.

Надежда содержит ассоциации, связанные с верой, с чем-то лучшим, Богом, любовью, счастьем, дружбой, лаской, успехом, жизнью, удачей, вечностью, везением (Русский ассоциативный словарь, 2002, с. 784). Надежда имеет высшую ценность.

Субъект надежды выражается именем собственным (*Григорий надеется на победу*), именем нарицательным (*Дети надеются на удачу*), местоимением (*Я надеюсь на самое лучшее*).

Объект выражается существительными: *Ребята надеются на успех, на везение, на своих друзей*.

Модели: 1) глагольная модель: *Он надеется*; 2) наречно-предикативная модель: *Он надежно защищает*; 3) субстантивная: *На вас вся надежда*; 4) адъективная модель: *Он надежный*; 5) предложно-падежная модель: *Он в надежде встретить свою любовь*.

Выводы

Итак, фрейм надежды является результатом отражения типизированной ситуации. Это понятие содержит информацию и конкретизирует ее по мере развертывания фрейма, который включает субъект, предикат, объект. Надежда обозначается разными видами предикатов. Ключевым типом парадигматических отношений, характерных для предикатов надежды, является синонимия. Синонимы с семантикой надежды различаются между собой характером, масштабом, интенсивностью ожидания. Все синонимы с семантикой надежды, относящиеся к разным частям речи, имеют широкий спектр сочетаемости с другими словами. К языковым характеристикам выделенного фрейма надежды относятся семантико-синтаксические структуры, выраженные моделями: глагольной, субстантивной, адъективной, наречно-предикативной, предложно-падежной. Надежда, как положительное явление, является многоаспектным. Мы рассмотрели только незначительную часть его. За скобками остался прагматилистический, психолингвистический подходы, которые являются безусловно перспективными.

Источники

- Болдырев Н. Н. (2016) Когнитивная лингвистика. М., Директ-Медиа, 251 с.
- Введенская Л. А., Семенова М. Ю. (2009) Русский язык: практикум. М., КНОРУС; Ростов н/Дону, Наука-Пресс, 352 с.
- Воронцова Т. А., Голованова Е. И. (2021) Мир языка и национальная культура: взгляд из современности. Челябинск, Изд-во Челябин. госуд. ун-та, 240 с.
- Даль В. И. (1984) Пословицы и поговорки русского народа. Т. 1. М., Художественная литература, 383 с.
- Даль В. И. (1999) Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., Русский язык, 779 с.
- Евсюкова Т. В., Карнась А. А. (2021) Фреймовая структура терминологии предметной области «Индустрия туризма» (на материале русского и английского языков). Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, № 2 (277), с. 36–42.
- Кацнельсон С. Д. (1987) К понятию типов валентности. Вопросы языкознания, № 3, с. 20–32.
- Огнева Е. А. (2013) Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М., Эдитус, 282 с.
- Ожегов С. И. (1984) Словарь русского языка. М., Русский язык, 797 с.
- Опарина Е. О. (2023) Концепт «миграция» как база для осознания и оценки миграционной практики в обществе и культуре. Аналитический обзор. РАН, ИНИОН, Отд. языкознания. М, 54 с.

- Попова З. Д., Стернин И. А. (2009) Когнитивная лингвистика. М., АСТ: Восток-Запад, 314 с.
- Православная энциклопедия (2017). Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси. М., Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». Т. XLVIII, 752 с.
- Русская фразеология : ист.-этимол. слов. : около 6000 фразеологизмов (2005) А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко ; С.-Петерб. гос. ун-т. М., Астрель и др., 926 с.
- Русский ассоциативный словарь (2002). Под ред. Ю. Н. Караулова М., Астрель, АСТ.
- Русский идеографический словарь: Мир человека и человека в окружающем его мире (2011). Под ред. Н. Ю. Шведовой, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., Азбуковник, 1032 с.
- Словарь синонимов русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой (2001). М., Астрель, АСТ. Т. 1, 680 с.
- Смолина Н. В. (2015) Фреймовый анализ рекламных текстов в контексте когнитивной лингвистики. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика», № 2 (15), с. 34–39.
- Трофимова Н. А., Шитова О. Г. (2022) Когнитивно-фреймовое моделирование терминосистемы предметной области «строительные материалы» в русском языке XXI века. Вестник Томского государственного педагогического университета, № 1 (219), с. 65–75.
- Charniak E. (1978) On the use of framed knowledge in language comprehension. *Artificial Intelligence*, vol. 11. DOI:10.1016/0004-3702(78)90002-4.
- Dijk T. A. (1977) Context and cognition, knowledge frames and speech act comprehension. *Journal of pragmatics*, no. 1. DOI:10.1016/0378-2166(77)90035-2.
- Langacker Ronald W. (1982) Remarks on English Aspect. In Hopper, Paul J. (ed.). *Tense-Aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/tsl.1.17lan.
- Minsky M. A. (1980) Framework for representing knowledge. *Frame conceptions and text understanding*. Cambridge, 234 p.

References

- Boldyrev N. N. (2016) *Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]*. Moscow, Direct Media Publ., 251 p. (In Russian).
- Charniak E. (1978) On the use of framed knowledge in language comprehension. *Artificial Intelligence*, vol. 11. DOI:10.1016/0004-3702(78)90002-4.
- Dal V. I. (1984) *Poslovicy i pogovorki russkogo naroda [Proverbs and sayings of the Russian people]*. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 383 p. (In Russian).
- Dal V. I. (1999) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]*. Vol. 2. Moscow, Russkij yazyk Publ., 779 p. (In Russian).
- Dijk T. A. (1977) Context and cognition, knowledge frames and speech act comprehension. *Journal of pragmatics*, no. 1. DOI:10.1016/0378-2166(77)90035-2.
- Evsyukova T. V., Karnas A. A. (2021) Frejmovaya struktura terminologii predmetnoj oblasti "Industriya turizma" (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [The frame structure of terminology in the subject area "Tourism industry" (based on the material of the Russian and English languages)]. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"*, no. 2 (277), pp. 36–42 (In Russian).
- Katsnelson S. D. (1987) *K ponyatiyu tipov valentnosti [On the concept of valence types]*. *Voprosy Jazykoznanija*, no. 3, pp. 20–32 (In Russian).
- Langacker Ronald W. (1982) Remarks on English Aspect. In Hopper, Paul J. (ed.). *Tense-Aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/tsl.1.17lan.
- Minsky M. A. (1980) Framework for representing knowledge. *Frame conceptions and text understanding*. Cambridge, 234 p.
- Ogneva E. A. (2013) *Kognitivnoe modelirovanie konceptosfery khudozhestvennogo teksta [Cognitive modeling of the conceptual sphere of a fictional text]*. Moscow, Editus Publ., 282 p. (In Russian).
- Oparina E. O. (2023) *Koncept "migraciya" kak baza dlya osoznaniya i ocenki migracionnoj praktiki v obshchestve i kul'ture. Analiticheskij obzor [The concept of "migration" as a basis for understanding and evaluating migration practices in society and culture. Analytical review]*. RAS, INION, Linguistics. Moscow, 54 p. (In Russian).
- Ozhegov S. I. (1984) *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]*. Moscow, Russkij yazyk Publ., 797 p. (In Russian).
- Popova Z. D., Sternin I. A. (2009) *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoe posobie [Cognitive linguistics: a textbook]*. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 314 p. (In Russian).
- Pravoslavnaya enciklopediya [The Orthodox Encyclopedia] (2017). Chief Editor Patriarch of Moscow and All Russia. Moscow, Pravoslavnaya enciklopediya Publ., vol. XLVIII, 750 p. (In Russian).
- Russkaya frazeologiya : ist.-etimol. slov. : okolo 6000 frazeologizmov (2005) [Russian phraseology: historical and etymological words: about 6000 phraseological units]. A. K. Birikh, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova; edited by V. M. Mokienko; St. Petersburg State University. Moscow, Astrel et al., 926 p.
- Russkij asociativnyj slovar' [Russian associative dictionary] (2002). Ed. by Y. N. Karaulov. Moscow, Astrel AST Publ. (In Russian).

- Russkij ideograficheskiy slovar': Mir cheloveka i cheloveka v okruzhayushhem ego mire [Russian ideographic dictionary: The world of man and man in the world around him] (2011). Ed. by N. Yu. Shvedova, Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Azbukovnik Publ., 1032 p. (In Russian).
- Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of synonyms of the Russian language] (2001). Edited by A. P. Evgenieva. Moscow, Astrel. AST Publ., vol. 1, 680 p. (In Russian).
- Smolina N. V. (2015) Frejmovyj analiz reklamnykh tekstov v kontekste kognitivnoj lingvistiki [Frame analysis of advertising texts in the context of cognitive linguistics]. Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics : Bulletin of the South Ural state university. Series: Linguistics, no. 2 (15), pp. 34–39 (In Russian).
- Trofimova N. A., Shchitova O. G. (2022) Kognitivno-frejmovoe modelirovanie terminosistemy predmetnoj oblasti "stroitel'nyye materialy" v russkom yazyke XXI veka [Cognitive frame modeling of the terminological system of the subject area "building materials" in the Russian language of the XXI century]. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, no. 1 (219), pp. 65–75 (In Russian).
- Vorontsova T. A., Golovanova E. I., Kovaleva O. N., Pitina S. A., Shelestyuk E. V. (2021) Mir yazyka i nacional'naya kul'tura: vzglyad iz sovremennosti [The world of language and national culture: a view from modernity]. Chelyabinsk, Chelyabinsk Publishing House of the State University, 240 p. (In Russian).
- Vvedenskaya L. A., Semenova M. Yu. (2009) Russkij yazyk: praktikum [The Russian language: practicum]. Moscow, Knorus Publ., Rostov-on-Don, Nauka-Press Publ., 352 p. (In Russian).

Информация об авторе

Белая Елена Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент.
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
E-mail: elena555-90@mail.ru

Author's information

Elena N. Belaya

Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor. Dostoevsky
Omsk State University, Omsk,
Russian Federation.
E-mail: elena555-90@mail.ru

Т. С. Хрипля¹

✉ starowoitowat@mail.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Современный медицинский дискурс КНР: актуальные вопросы и направления исследования

Аннотация: Анализ медицинского дискурса является актуальным направлением исследования, в связи с чем особый интерес представляет изучение зарубежных научных работ по данной проблематике. В рамках исследования проводится изучение научных статей на китайском языке, посвященных анализу медицинского дискурса КНР. Цель статьи – определить ключевые направления в исследовании медицинского дискурса КНР, выявить социально-культурную специфику, присущую китайскому медицинскому дискурсу. Анализ научных статей на китайском языке позволил выделить основные направления исследования медицинского дискурса в КНР: эффективная коммуникация врача и пациента; национально-культурная специфика китайского медицинского дискурса; функционирование медицинского дискурса в сети Интернет. Подробный анализ пяти публикаций, вышедших за последние пять лет, позволил составить общее представление о тенденциях изучения медицинского дискурса КНР. В первую очередь исследователей интересуют вопросы установления гармоничных отношений между врачом и пациентом, как в офлайн, так и в онлайн-общении, в связи с чем анализируется влияние современных технологий онлайн-коммуникации. В то же время наблюдаются попытки осмыслить традиционные категории китайской медицины в свете новых социальных реалий.

Ключевые слова: медицинский дискурс, дискурс врача и пациента, традиционная китайская медицина, национально-культурный компонент, гармония.

Дата поступления статьи: 16 сентября 2024 г.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00371, <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>.

Для цитирования: Хрипля Т. С. (2025) Современный медицинский дискурс КНР: актуальные вопросы и направления исследования. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 66–79. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.6.

Scientific article

T. S. Khriplia¹

✉ starowoitowat@mail.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Contemporary medical discourse in China: current issues and research directions

Abstract: Medical discourse analysis is a relevant area of research, and therefore the study of foreign scientific papers devoted to this issue is of particular interest. The study examines scientific articles in Chinese devoted to the analysis of medical discourse in China. The purpose of the article is to determine the key areas in the study of medical discourse in China, to identify the socio-cultural specifics inherent in Chinese medical discourse. The analysis of scientific articles in Chinese made it possible to identify the main areas of medical discourse research in China: study of effective communication between doctor and patient; study of national and cultural specifics of Chinese medical discourse; study of the functioning of medical discourse on the Internet. A detailed analysis of five publications published over the past five years allowed us to form a general idea of the trends in the study of medical discourse in China. First of all, researchers are interested in the issues of establishing harmonious relationships between doctor and patient, both in offline and online communication, in

connection with which the influence of modern online communication technologies is analyzed. At the same time, there are attempts to understand traditional categories of Chinese medicine in light of new social realities.

Keywords: medical discourse, doctor-patient discourse, traditional Chinese medicine, national-cultural component, harmony.

Paper submitted: September 16, 2024.

Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), Project № 24-18-00371, <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>.

For citation: Khriplia T. S. (2025) Contemporary medical discourse in China: current issues and research directions. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 19, no. 1, pp. 66–79. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.6.

Введение

В последние годы значительно вырос интерес к медицинскому дискурсу, изменения, произошедшие в социуме в период пандемии, затронули разные сферы жизни общества и оказали существенное влияние на сферу медицинских услуг. В фокусе внимания исследователей оказались вопросы, связанные с осуществлением эффективной коммуникации всех участников медицинского дискурса. Для всестороннего анализа произошедших изменений и их отражения в языке актуальным оказывается обращение к исследованиям медицинского дискурса на разных языках. В своей статье мы даем обзор современных исследований медицинского дискурса на китайском языке.

В статьях китайских лингвистов, опубликованных в последние годы, анализируются такие связанные с медицинским дискурсом вопросы, как исследование способов установления доверительных отношений и способов урегулирования конфликтных ситуаций между врачом и пациентом; эффективное взаимодействие врача и пациента в виртуальном пространстве; медицинский дискурс в новых медиа, поликодовый медицинский дискурс, дискурс традиционной китайской медицины и другие.

Анализ публикаций, посвященных китайскому медицинскому дискурсу, показал, что круг вопросов, интересующих исследователей, имеет ярко выраженную национально-культурную специфику. Вопрос выстраивания доверительных отношений между врачом и пациентом базируется на одном из ключевых понятий традиционной китайской философии – гармонии. Считается, что в древние времена в Китае общество обладало социальной сплоченностью и гармонией, основанной на моральных ценностях (Аллаберт, 2021, с. 13). В современных исследованиях гармоничные отношения между врачом и пациентом также рассматриваются как некий базис, без которого невозможно установление эффективной коммуникации в сфере медицинских услуг. Особый интерес здесь представляют традиционные социально-культурные нормы межличностного общения и те изменения, которые происходят с этими нормами в современном китайском обществе.

Другим вопросом, к которому обращаются китайские исследователи, является вопрос взаимодействия китайской (восточной) и западной культур и, как следствие, вопрос взаимодействия восточного и западного типов медицинского дискурса.

Методы

Материалом исследования послужили статьи, взятые с сайта 中国知网 (<https://en.oversea.cnki.net/index/>) (Перевод выполнен нами. – Т. Х.). Нами были выделены следующие ключевые направления исследования медицинского дискурса в КНР:

1. Эффективная коммуникация между врачом и пациентом.

Например, статья «Сравнительное изучение построения доверительных отношений в дискурсе врача и пациента в документальных фильмах о китайской и западной медицине» (中西医题材纪录片中的医患话语信任关系建构比较研究) коллектива авторов (Линь Шуанмэй, Линь Ин, Ляо Яньминь, Чжан Чэнсин, Сюй Чэньсинь, Ю Чэн). Авторы статьи исследуют сцены взаимодействия

врача и пациента в китайских и западных документальных фильмах на медицинскую тематику. Анализируют дискурсивное поведение и уровень доверия между врачом и пациентом. Исследование показало, что в Китае и на Западе по-разному расставляются акценты во взаимодействии между врачами и пациентами. Для Китая важна доброжелательность со стороны врача, в то время как на Западе на первый план выходят его моральные качества. Авторы полагают, что сравнение дискурсивных стратегий, а также исследование сходств и различий между Китаем и Западом в построении доверительных отношений между врачами и пациентами поможет китайскому медицинскому персоналу сделать общение с пациентами более эффективным (Линь и др., 2022).

В статье Цю Вэньцзе «Прагматический анализ приемов, направленных на достижение примирения, в дискурсе конфликта врача и пациента» (医患冲突性话语中缓和性回应的语用分析) в качестве материала исследования используется медицинский документальный фильм «Истории отделения неотложной помощи». Анализ показал, что в ситуации конфликта между врачом и пациентом врачи прибегают к следующим приемам, направленным на достижение примирения: намеренное искажение смысла сказанного, встречные вопросы, этикетные клише и хеджирование. Результаты этого исследования, по мнению автора, могут быть применены в построении гармоничных отношений между врачом и пациентом (Цю, 2019).

2. Национально-культурный компонент в медицинском дискурсе.

В статье Чжоу Яньсун «Мышление китайцев через призму дискурса китайской медицины» (中医思维的话语呈现方式) рассматриваются языковые проявления специфических особенностей традиционного китайского мышления, материалом исследования служат тексты китайской медицины. Например, при образовании терминов в китайской медицине часто используют образы и аналогии, связанные с человеком, что характерно для антропоцентрического мышления китайцев. Автор полагает, что из-за своей антропоцентричности дискурс традиционной китайской медицины не может рассматриваться с принятой на западе «научной» точки зрения, вместо этого необходимо учитывать особенности традиционного китайского мышления (Чжоу, 2018).

3. Медицинский дискурс в сети Интернет (онлайн-консультирование, блоги на медицинскую тематику и т. д.).

Например, статья «Исследование дискурсивных стратегий и приемов передачи эмоций на материале медицинских онлайн-консультаций» (在线医疗咨询会话的情感模式与话语策略研究) Ван Циня и Пэн Вэйцян. Авторы отмечают, что в последние годы медицинские онлайн-консультации вызвали большой интерес исследователей. В работе анализируется семантическое распределение эмоциональной лексики, проводится сравнение различных реакций врача и пациента на негативное эмоциональное воздействие, кроме того, авторы делают попытку описать процесс взаимодействия этих воздействий, проанализировать и интерпретировать то, как пациенты выражают свое негативное эмоциональное состояние и какие дискурсивные стратегии применяют врачи для того, чтобы вывести пациентов из этого состояния. Авторы полагают, что их исследование может лечь в основу рекомендаций по улучшению коммуникативной компетентности врачей, практикующих онлайн-консультации (Ван, Пэн, 2024).

В статье У Яняня «Исследование дискурсивных стратегий в научно-популярных группах социальной сети WeChat, посвященных вопросам здоровья, на примере группы “Доктор сирень”» (健康科普微信公众号话语策略研究——以“丁香医生”为例) подчеркивается, что в последние годы дискурс здоровья в социальных сетях становится все более актуальной областью исследований. Контент, связанный со знаниями о здоровье, часто представлен в интернете в популярной форме. Публичный аккаунт WeChat «Доктор сирень» направлен на популяризацию науки о здоровье, для чего в постах используются различные приемы, направленные на превращение научного дискурса в научно-популярный, например, приемы интердискурсивности, речевые модели, характерные для разговорной речи, и т. д. (У, 2022).

В своей работе мы подробно рассмотрели пять научных статей, вышедших в течение последних пяти лет. Выбор статей обусловлен тем, что в них исследуется специфика медицинского дискурса в социально-культурном контексте КНР.

Результаты

Вопрос построения гармоничных отношений актуален в том числе и в связи с необходимостью разрешения потенциальных конфликтных ситуаций, которые часто возникают между врачом и пациентом. В статье Цзян Юйбо, Чжао Сяомэй и Ся Цзюань «Исследование прагматики дискурса конфликта между врачом и пациентом» (医患冲突话语语用学研究) подчеркивается значимость изучения конфликтной коммуникации между врачом и пациентом. Целью исследования является выяснение дискурсивных причин конфликта, что в дальнейшем может быть использовано для уменьшения количества потенциальных противоречий между врачом и пациентом (Цзян, Чжао, Ся, 2020).

Под конфликтным дискурсом понимается дискурс, в котором происходит прямое столкновение разных позиций коммуникантов, или дискурс, в котором отсутствует гармония (об этом ключевом критерии успешной коммуникации в понимании китайцев речь шла выше). В качестве материала исследования используются записи реальных конфликтных ситуаций, имевших место в медицинских учреждениях провинции Аньхой. Исследователями была произведена звукозапись 36 конфликтных ситуаций. Ее анализ показал, что врачи и пациенты вступали в ожесточенную конфронтацию в 11,1 % случаев, в свою очередь в 88,9 % случаев участниками диалога были предприняты попытки смягчить конфликтный дискурс. Авторы отмечают, что пациенты не заинтересованы в конфликте с врачом, врачи также стараются выбирать коммуникативные стратегии, способные разрядить напряженную атмосферу.

По наблюдению авторов, для решения конфликтных ситуаций врачи в своей речи используют прагматическую стратегию нейтрализации конфликта, что реализуется в целом спектре коммуникативных и речевых приемов.

1. Хеджирование. Под хеджированием понимается сознательная неточность, размытость высказывания (Lakoff, 1973). Благодаря различиям в специализированных знаниях врача и пациента, первый может целенаправленно вносить в свою речь смысловую размытость. Например, в ситуации, когда врач сообщает пациенту диагноз «рак голосовых связок» и родственники пациента ставят этот диагноз под сомнение, врач говорит: *эта болезнь вовсе не такая серьезная, как вам кажется, но в то же время она отнюдь не проста, в целом болезнь развивается в соответствии с моими прогнозами, если больной будет содействовать в лечении, то ситуация не станет критической*. Маркеры отрицания негативных последствий *вовсе не, отнюдь не и не станет критической* являются примерами хеджирования, их использование позволяет снизить напряжение в диалоге (Цзян, Чжао, Ся, 2020, с. 20).

2. Изменение темы разговора. Авторы опираются на теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона, в рамках которой выделяют «позитивное лицо» и «негативное лицо». Первое связано с желанием заслужить одобрение, второе – с боязнью потерять лицо (Brown, Levinson, 1987). Заметим, что термин «лицо» оказывается очень близким для китайской лингвокультуры, где понятие «лицо» используется для обозначения репутации (Даулет, 2020).

Изменение темы разговора позволяет одному из собеседников сохранить лицо другого, обходя неудобные темы. Например, пациент, владеющий некими знаниями в области медицины, боится делать пункцию, так как опасается, что она спровоцирует метастаз раковых клеток. В это время врач говорит: *Вероятность этого минимальна. Как вероятность того, что на вас упадет метеорит. За границей никто не покупает страховку от несчастных случаев, потому что боится, что на него упадет метеорит. В Европе и Америке пункционная биопсия опухоли является стандартной процедурой, предшествующей лечению рака. Вплоть до настоящего момента еще не было сообщений о том, чтобы пункция стимулировала метастаз раковых клеток* (Цзян, Чжао, Ся, 2020,

с. 20). Исследователи называют этот прием одним из наиболее важных приемов, используемых для смягчения конфликтного дискурса.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на отечественные лингвокультурологические исследования китайской коммуникации. Так, при изучении категории лица И. Г. Нагибина и Л. В. Куликова выделяют несколько модусов, среди которых присутствует модус поддержания лица собеседника. Он характерен для институциональных типов дискурса и обычно реализуется более авторитетным участником коммуникации (Нагибина, Куликова, 2021). Это соответствует приведенному примеру, где врач, как более авторитетный участник общения, выстраивает свой контраргумент таким образом, чтобы пациент сохранил лицо.

3. Переключение кодов (с одного языка на другой). Авторы ссылаются на работы американского лингвиста К. Майерс-Скоттон (Myers-Scotton, 1997). В ситуации общения врача и пациента разница в информации, которой они владеют, приводит «к сомнениям и отчужденности» последнего, переключение кодов помогает сократить психологическую дистанцию между коммуникантами. Например, семья пациента сомневается в необходимости проведения назначенного врачом лечения. В этой ситуации врач говорит: *Мы тоже были удивлены, когда увидели, что положение пациента настолько серьезно, но мы вынуждены иметь дело с поставленным диагнозом. Будь я на вашем месте, я бы тоже сомневался, но объективные результаты (диагностики) лежат перед нами, если мы не переведем его в ICU* (используется английская аббревиатура вместо соответствующего китайского слова), *то шансов на спасение не будет. Лучше предоставить имеющееся у нас время надежным специалистам, чем препираться здесь, как вы считаете?* (Цзян, Чжао, Ся, 2020, с. 21). По мнению авторов, переключение кодов в данной речевой ситуации позволяет снизить тревожность пациента и добиться доверия его семьи.

4. Уместный юмор. Тонкий и деликатный юмор выполняет прагматическую функцию – он помогает разрядить напряженную атмосферу и устранить противоречия. Например, в ситуации, когда родственники больного боятся подписывать согласие на операцию из-за преклонного возраста пациента, хирург сравнивает происходящее с битвой с чудовищами и подчеркивает, что оставить его без подписанного согласия все равно что оставить без оружия в этой битве. По мнению авторов статьи, при помощи этого сравнения врач переключает внимание собеседников с негативной стороны ситуации на ту пользу, которую принесет медицинское вмешательство, что способствует снятию напряжения в диалоге.

Анализ материала исследования показал, что возникновение конфликтных ситуаций может оказывать серьезное негативное влияние на процесс лечения, однако врачи находят способы коммуникативного воздействия на пациента. Авторы делают вывод, что использование эффективных приемов воздействия делает возможным разрешение любой конфликтной ситуации, а сам процесс разрешения конфликтных ситуаций есть неотъемлемая часть общения врача и пациента.

Культурологический аспект в медицинском дискурсе представлен исследованиями, где рассматриваются особенности коммуникации врачей и пациентов в свете взаимодействия западной и восточной культуры. В статье Чжоу Ядуна «Об отличиях и симбиозе дискурсов традиционной и западной медицины» (论中西医话语的差异与共生) проводится сравнение дискурсов традиционно китайской и западной медицины. Как отмечает автор, в наше время в медицинской сфере большей дискурсивной силой обладает дискурс западной медицины, что сформировало идею «сильный Запад, слабый Восток». Вследствие этого возникает необходимость в определении различий между западным и традиционно китайским медицинскими дискурсами, регулировки их статуса в обществе, содействии эффективному совместному развитию двух видов дискурса (Чжоу, 2021, с. 99).

Автор сравнивает медицинские дискурсы по нескольким аспектам: пространство, время, свойства медицинского дискурса и авторитет.

Пространство. Восточный и западный дискурсы впитали в себя особенности той территории, на которой они появились и развивались, это привело к тому, что они обладают различными

категориями, концепциями. Способы выражения, присущие западному и восточному дискурсам, также отличаются, кроме того, они являются проявлением ценностных норм и склада ума, сформированного определенной культурой. Западный и восточный медицинские дискурсы являются образцовыми представителями западного и восточного типов дискурса в целом.

Дискурс традиционной китайской медицины отражает ценностные воззрения, менталитет и образ мысли китайской нации. В его основе лежит философия единства неба и человека, жизненной силы ци и генеративизма. Его теоретической системой и понятийными категориями выступают учение об Инь и Ян, о пяти первоэлементах, о сущностях Ци и Шэ и др. Язык китайской медицины – это язык догадок, намеков и особых толкований (Там же, с. 100).

В свою очередь, дискурс западной медицины отражает ценностные воззрения, менталитет и образ мысли жителей Европы и Америки. В качестве его философской основы выступают атомизм, структурализм, аналитический редукционизм, теоретическая система и понятийные категории представлены анатомией, биологией, химией, математикой и другими науками. Язык западной медицины – это язык формализации, представленный дискурсом позитивной науки. Описанные выше различия показывают, что нельзя оценивать один тип дискурса в категориях другого.

Время. Традиционная китайская медицина зародилась в Древнем Китае и до сих пор в ее дискурсе присутствуют многие элементы классического китайского языка – вэньянь. Вэньянь испытал большое влияние древних традиций, что проявляется в его архаичности. Дискурс китайской медицины использует вэньянь в качестве семантического кода: термины, понятия, категории, морфология и синтаксис – все это базируется на традиционном китайском дискурсе.

Дискурс западной медицины относится к современным дискурсам. Современный китайский язык сформировался под влиянием западных концепций и категорий, что изменило существовавшие ранее модели мышления и выражения мыслей. Таким образом, современный китайский язык и древнекитайский язык представляют собой две разные языковые системы. Это делает дискурс китайской медицины сложным для восприятия современных неподготовленных носителей китайского языка.

Свойства медицинского дискурса. В этом аспекте медицинский дискурс может быть разделен на философский и научный. Дискурс китайской медицины относится к философским и оперирует различными философскими понятиями (например, уже упомянутые Ци и Инь и Ян), значения которых могут быть расширены или, наоборот, сужены. Это ведет к многозначности, двусмысленности и семантической неопределенности терминов. Например, такие термины, как *каналы (каналы и коллатеральные сосуды)* и *6 меридианов*, не являются объективными специальными терминами, описывающими биологические феномены или признаки заболевания (Там же, с. 101). Они не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты, тем более не могут быть подсчитаны математически или систематизированы.

Дискурс западной медицины сформирован в условиях западного рационализма, это научный дискурс со своим специальным языком. Терминология, используемая в западной медицине, четкая, семантически однозначная, из нее устранена двусмысленность и неоднозначность.

При этом автор отмечает, что, хотя описанные два вида медицинского дискурса и трудно сопоставимы, но с учетом того, что в наше время в КНР эти дискурсы имеют общий исторический фон и дискурсивный контекст, между ними может быть установлено взаимодействие.

Авторитет. С позиции авторитета дискурс китайской медицины относится к дискурсу со слабой позицией, а дискурс западной медицины – к дискурсу с сильной позицией. Под влиянием дискурса западной медицины происходят изменения в дискурсе китайской медицины. Поскольку классический китайский язык вэньянь сложен для восприятия, большая часть вербальной информации в дискурсивных практиках традиционной китайской медицины начинает передаваться в соответствии с нормами современного китайского языка, встречаются и англицизмы. Слабая позиция дискурса традиционной китайской медицины проявляется и в выражениях, используемых для его критического описания: псевдонаука, отсталые суждения и т. д.

По мнению автора, по мере распространения западной культуры и науки в Китае западный научный дискурс стал ведущим, в связи с чем произошла «колонизация» дискурса китайской медицины.

Чжоу Ядун полагает, что в настоящее время общественные усилия направлены на противостояние доминированию одного типа дискурса, на построение структуры, в которой западный и китайский типы медицинского дискурса станут паритетными и будут существовать в симбиозе.

Изменения, происходящие в обществе, заставляют исследователей обратиться к вопросам национальной культуры и ее влиянию на медицинский дискурс. Автор статьи «Исследование дискурса врача и пациента в культурном аспекте» (文化话语视角下的医患话语研究) Вэн Цзе (Вэн, 2024) в исследовании медицинского дискурса опирается на подход к анализу дискурса, предложенный профессором Чжэцзянского университета Ши Сюй, который подчеркивает, что исследование дискурса в Китае до сих пор происходит в рамках теоретических концепций западной лингвистики, в то время как практические задачи требуют обращения к достижениям восточной мысли, местным реалиям, к продвижению науки, основанной на плюрализме культур, использования комплексного аналитического метода исследования дискурсивных практик с учетом культурных и исторических фактов (Ши Сюй, 2018).

Исследование коммуникации между врачом и пациентом включает в себя выявление того, каким внутренним содержанием наделены роли врача и пациента, а также поведенческих и психологических особенностей социальных типажей врача и пациента.

Материалом данного исследования послужили записи студентов-медиков, проходивших практику в одной из больниц Шанхая. Студентам было необходимо записать свою беседу с по меньшей мере тремя пациентами, страдающими хроническими заболеваниями, из которых двое находились на стационарном лечении и один – лечился дома. Также студенты должны были записывать ситуации, в которых отношения между врачом и пациентом, система медицинского обслуживания, а также социальные проблемы влияли на состояние здоровья пациента.

Для проведения исследования в контексте национального дискурса китайской культуры автор рассматривает причины, почему что-то было или не было сказано, то есть исследует имплицитную семантику молчания, для этого в работе используются аналитические методы системно-функциональной лингвистики.

Автор анализирует причины, по которым пациент решает промолчать при общении с медперсоналом, к таким причинам он относит следующие:

1. «Грусть»: пациент использует действия (например, плач) вместо слов.
2. «Радость»: пациент использует действия (например, хватает врача за руку), чтобы выразить свои чувства.
3. «Благодарность»: пациент выражает свои чувства взглядом.
4. Пациент не может описать словами, как ему плохо.
5. «Взволнованность»: пациент использует действия (например, берет жену за руку) вместо слов.
6. Пациент избегает некоторых тем, например, того, что его сын редко его навещает (Вэн, 2024, с. 97).

Студент-медик решает промолчать при общении с пациентом по следующим причинам:

1. Не знает, как ответить, понимая, что несет большую ответственность.
2. Столкнувшись с тяжелым состоянием пациента, не может найти подходящих слов.
3. Избегает необдуманной оценки состояния пациента.

Молчание пациента и врача, как правило, связано с эмоциональной сферой, или с тем, что им нужно дополнительное время для обдумывания ответа. Молчание в этих ситуациях служит для установления стабильных отношений между врачом и пациентом.

Анализ дискурса с позиции традиционной китайской культуры позволил сделать ряд интересных для перспектив исследования медицинского дискурса выводов.

Во-первых, это взаимозависимость дискурса врача и пациента. Доверительные отношения между врачом и пациентом строятся на желании первого понять состояние пациента, а пациента – почувствовать, что о нем заботятся, что ведет к взаимосвязи их дискурсов.

Динамичность. Врач должен своевременно оказывать помощь и поддержку и быстро реагировать на изменения, происходящие с пациентом.

Влияние общества. Исследование дискурса культуры акцентировано на субъектах коммуникации и том, какие общественно-практические задачи решаются через их коммуникацию.

Ситуации «молчания» и традиционная культура. Ситуации, в которых коммуникант предпочитает промолчать, непосредственно связаны с концептами традиционной культуры, здесь на первом месте оказываются такие концепты, как сыновья почтительность и уважительное отношение к пожилым людям.

Автор статьи отмечает, что в настоящее время происходит модификация китайской медицинской сферы, что требует комплексных социально-культурных исследований. Все происходящие изменения непосредственно отражаются в дискурсе, в сфере изучения медицинского дискурса необходимо больше межкультурных и междисциплинарных исследований. В свою очередь, исследование ситуаций, в которых врач и пациент предпочитают промолчать, может быть полезным для разработки рекомендаций по установлению доверительных отношений между ними.

Увеличение популярности медицинских онлайн-консультаций вынуждает всех участников медицинской коммуникации обратиться к новым формам медицинского дискурса. Изучение виртуального общения врача и пациента и отличие этой формы коммуникации от традиционного общения в рамках медицинского дискурса становится актуальным не только для китайской, но и для отечественной лингвистики. В статье Цао Жуцзе и Ван Сюэюй «Исследование способов установления доверительных отношений в дискурсе медицинских онлайн-консультаций КНР» (中国在线医疗咨询话语中的信任建构研究) рассматриваются коммуникативные приемы создания доверительных отношений между врачом и пациентом в ситуации медицинских онлайн-консультаций (Цао, Ван, 2022).

По наблюдению авторов, одной из основных коммуникативных целей врача является установление доверительных отношений с пациентом, однако исследований, посвященных тому, как добиться доверия пациента в ситуации интернет-общения, по-прежнему недостаточно. Эмпирическая база исследования сформирована на основе переписки врачей и пациентов на сайте, предоставляющем услуги медицинских онлайн-консультаций, и включает 100 диалогов.

Как отмечают исследователи, в разных коммуникативных ситуациях используются разные способы для того, чтобы вызвать доверие собеседника. В связи с этим авторы обращаются к концепции «дискурса доверия», представленной в работе профессоров Лундского университета Маттео Фуоли и Кариты Паради (Fuoli, Paradis, 2014), и теории прагматики идентичности профессора Нанькинского университета Чэнь Синьжэнь (Чэнь, 2013).

М. Фуоли и К. Паради, исходя из успешности коммуникативного акта, выделяют три показателя, вызывающих доверие собеседника: показатель способностей (то, что адресант может сделать), показатель моральных качеств (адресант искренен и надежен) и показатель добрых намерений (адресант понимает собеседника и проявляет заботу о нем). Эти критерии авторы дополняют принципом прагматики социальной идентичности, предложенным профессором Чэнь Синьжэнь, согласно которому адресант выстраивает свою идентичность исходя из конкретной коммуникативной ситуации (Чэнь, 2013). Таким образом, с учетом коммуникативной ситуации (онлайн-консультация) и цели коммуникации (добиться доверия пациента) авторы выстраивают схему, согласно которой показатель способностей формирует идентичность профессионального доктора, показатель моральных качеств формирует комплексную идентичность, показатель добрых намерений формирует идентичность располагающего к себе человека.

Материал исследования показал, что при установлении доверительных отношений большой воздействующий эффект на пациентов оказывает показатель способностей (в 51 % случаев),

показатель моральных качеств оказывает необходимый эффект в 31 % случаев, а показатель добрых намерений – в 18 %.

Показатель способностей. Для убеждения пациента в своей профессиональной компетенции врачи прибегают к приему самопрезентации. С этой целью используются такие выражения, как *заместитель главного врача, работаю в больнице третьей степени* (наивысшая категория больницы в системе медицинских учреждений КНР), *специализируюсь на наиболее распространенных заболеваниях новорожденных* (Цао, Ван, 2022, с. 46). Самопрезентация в основном включает в себя обозначение занимаемой должности, специализации и стажа. В связи с этим обращаются к медицинской терминологии: как отмечают авторы, медицинская терминология служит маркером того, что адресат (в нашем случае пациент) оказывается в языковой ситуации профессионального диагностирования заболевания, что позволяет ему преодолеть барьер дистанционного общения и почувствовать, что он общается с профессиональным врачом. Также распространенной является безусловная модальность (категоричность) высказываний (достигается за счет таких слов, как «нужно, должен»). Через совокупность этих приемов адресант демонстрирует идентичность профессионального доктора.

Показатель моральных качеств. При репрезентации критерия моральных качеств врач использует приемы, позволяющие сократить дистанцию между ним и пациентом, например, использование уважительных форм обращения к пациенту и сознательное принижение собственного авторитета. Здесь прослеживается изменение традиционных норм общения, при которых позиция врача была выше, чем позиция пациента. Современные реалии (необходимость установления доверительных отношений) требуют от врача подчеркнуть равноправное положение врача и пациента. Также используются выражения, демонстрирующие искреннюю заботу о пациенте: *лучше всего, надежнее будет, конечно если, можно попробовать*. Их воздействующий эффект особенно высок, когда они повторяются многократно. Эти приемы позволяют сформировать, по мнению авторов, «комплексную идентичность».

Показатель добрых намерений. При онлайн-консультировании изначально существует определенная степень недоверия к врачу, поэтому врачи часто акцентируют внимание на разных способах лечения, предлагая пациентам альтернативные варианты. Также для формирования идентичности располагающего к себе человека используются эмоджи и такие речевые клише, как *не стоит переживать, желаю скорейшего выздоровления, в случае возникновения вопросов – обращайтесь*. Такие фразы позволяют уменьшить напряжение пациента и формируют доброжелательную атмосферу.

В результате исследования авторы делают вывод, что наиболее эффективной и частотной стратегией является стратегия подчеркивания профессиональных способностей, однако добиться доверия пациента при онлайн-консультациях возможно только при комплексном использовании данной стратегии с показателями, обозначающими моральные качества и доброжелательность врача.

Изменение форм общения в рамках медицинского дискурса влияет и на то, как медицинская информация доносится до широкой аудитории, особую роль здесь играют новые медиа. В статье Ван Цинь «Коммуникация в новых медиа в рамках научно-популярного медицинского дискурса с позиции жанровой критики» (批评体裁分析视角下医学科普话语的新媒体传播) рассматриваются научно-популярные посты на медицинскую тематику в социальных сетях как жанр новых медиа. По сравнению с традиционными медиа посты в социальных сетях обладают такими характеристиками, как фрагментация преподносимой информации, высокий темп распространения, широкий круг читателей, высокий уровень интерактивности и т. д., что формирует особую форму коммуникации (Ван, 2020).

Материалом исследования послужили 72 научно-популярных поста, взятых из аккаунтов 5 больниц в социальной сети WeChat. Автор опирается на теорию критического анализа жанров (Critical Genre Analysis), в рамках которой жанр рассматривается как посредник при истолковании профессиональной практики, через использование явно выраженных и скрытых смыслов (Сюй, Сяо, 2016; Bhatia, 2018). Для анализа визуального компонента используются методы

анализа мультимодального дискурса (Kress, 2010). Целью исследования стало изучение структуры коммуникативных шагов (терминология британских лингвистов Синклера и Коултхарда (Sinclair, Coulthard, 1975) и стратегий распространения научно-популярного медицинского дискурса, а также комплексный анализ языковой ситуации, культурного и социального контекста.

Анализируя структуру научно-популярного поста на медицинскую тематику, автор выделяет следующие коммуникативные шаги.

1. Описание конкретного случая заболевания (чаще всего выполняется в жанрах повествования, диалога или интервью).

2. Предоставление дефиниций специальных медицинских терминов (жанр объяснения, характерно совместное использование профессиональной и непрофессиональной терминологии, а также визуального материала).

3. Разъяснение клинических симптомов и оснований для диагностики (также составляется в жанре объяснения с использованием визуального компонента).

4. Разъяснение причин болезни, предоставление информации о патологическом процессе (используются жанры, характерные для педагогического дискурса).

5. Знакомство с методами охраны здоровья и профилактики болезней (в этом шаге наблюдается разнообразие жанров – от официального документа до бытового диалога, широко используются побудительные предложения).

6. Рекомендации по методике клинического лечения (преобладает жанр совета/рекомендации).

7. Рекомендации, к каким специалистам следует обращаться (распространены жанры резюме или краткого описания).

8. Справочный материал (данный коммуникативный шаг встречается реже всего, выполнен в жанре научного библиографического описания).

Количественный анализ показал, как часто встречается тот или иной шаг в материале исследования. Были получены следующие результаты, коммуникативные шаги от самых распространенных к самым редко используемым: 4 (разъяснение причин болезни), 3 (разъяснение клинических симптомов и оснований для диагностики), 2 (предоставление дефиниций специальных медицинских терминов), 5 (знакомство с методами охраны здоровья и профилактики болезней), 7 (рекомендации, к каким специалистам следует обращаться), 1 (описание конкретного случая заболевания), 6 (рекомендации по методике клинического лечения), 8 (справочный материал). Автор подчеркивает, что коммуникативный шаг «справочный материал» (8) использовался только в двух постах, что говорит о том, что создатели подобных постов не стремятся к соблюдению норм научного дискурса.

Для того чтобы донести до аудитории, не владеющей специальными медицинскими знаниями, сведения о патологическом процессе и сформировать сознательное отношение к профилактике болезней и охране здоровья, адресант реализует дискурсивные стратегии на трех уровнях: уровень символов (визуализация), лексико-грамматический уровень и семантический уровень.

Уровень символов. В качестве визуальных компонентов используются комиксы, фотографии, схемы, таблицы, презентации и т. д. Их функция, по мнению исследователей, привлечь внимание аудитории и передать отношение адресанта к теме поста.

Лексико-грамматический уровень. К основным лексико-грамматическим средствам, используемым в научно-популярных постах, автор относит модальные частицы, смешанный код (употребление слов английского языка в китайском тексте) и обращения.

Использование модальных частиц делает текст поста менее официальным и строгим, сближая его с разговорной речью. Использование английских слов и выражений (*don't worry*) делает текст более живым и помогает сократить дистанцию между автором и читателем.

Использование бытовых обращений (в качестве таких обращений используются термины родства), которыми чаще пользуются дети (например, автор поста, говоря о враче, использует выражение «дядя врач»), позволяет уравнивать социальный статус врача и читателей, поскольку в китайском обществе врач традиционно воспринимается как человек, облада-

ющий большей властью и авторитетом, но для современного научно-популярного медицинского дискурса оказывается необходимым установление равноправных отношений между врачом и пациентом.

Семантический уровень. Автор использует когнитивные метафоры, для того чтобы донести до аудитории сложную, требующую специализированных знаний информацию. Например, метафора войны. Работа медиков сравнивается с борьбой, медицинское оборудование с оружием, медицинский персонал с воинами, в свою очередь заболевания сравниваются с чудовищами и преступниками, а методы лечения – со способами атаки. Такие метафоры зачастую носят юмористический характер, что остается в памяти аудитории и облегчает понимание текста.

Далее автор выделяет типы дискурсов, чаще всего встречающиеся в научно-популярных постах на медицинскую тематику. К ним относятся беседа врача и пациента, вопросы и ответы в формате аудиторного дискурса, академический и новостной дискурс, рекламный дискурс, директивные указания и межличностное общение. К ведущим жанрам текста автор относит: повествовательный текст, поэтический текст, прозу, пояснение, письмо, сообщение, медицинский отчет, рекламный текст. Здесь автор статьи объединяет разные категории: так, поэзия и проза – виды художественного творчества, а рекламный текст – это тип текста, характерный для рекламного дискурса.

Для достижения коммуникативной цели авторы постов прибегают к нарушению канонов традиционных жанров, смешению жанров и дискурсов (интердискурсивность). Например, в посте о глюкокортикостероидах автор текста сначала использует разговорные обращения (дядя Чжан – при обращении к третьему лицу), затем специализированные термины, кроме того, применяется прием хеджирования (в обычной ситуации, клинически), который по мнению исследователя, говорит о том, что автор поста старается быть объективным и осторожным в своих высказываниях. Также в тексте активно используются побудительные и условные предложения, при этом автор текста поста стремится к точности и объективности. В конце поста дается список источников, выдержанный в академическом стиле.

В постах наблюдается смешение разговорного и официального стиля речи, диалога и академического стиля, личного общения и массовой коммуникации. По мнению Ван Цинь, этот набор признаков и создает специфику научно-популярного медицинского дискурса в новых медиа.

Авторы постов используют визуальные компоненты, лексико-грамматические приемы, когнитивные приемы и интердискурсивность для того, чтобы обеспечить постоянное переключение между социальными ролями, в которых оказываются авторы и читатели в контексте отдельно взятого поста. Вследствие изменения жанра, типа дискурса, стиля непрерывно изменяются и отношения между автором и читателем: например, в анализируемом материале моделируются отношения между врачом и пациентом, руководителем и подчиненным, между друзьями, ведущим блога и аудиторией, учителем и учеником, рекламодателем и потребителем и т. д.

Анализ материала исследования показал, что посты могут быть ориентированы на следующие коммуникативные цели: 1) помощь в лечении болезни; 2) улучшение здоровья населения; 3) распространение и популяризация медицинских знаний, формирование сознательного отношения больных к медицине; 4) расширение сферы воздействия медицинских учреждений и форм интеракции с пациентами; 5) ознакомление с формами медицинского обслуживания, презентация передовых методик диагностики, реклама медицинских учреждений и медработников; 6) развитие исследований в области медицины и академического обмена; 7) участие в рыночной конкуренции и получение материальных благ.

В свою очередь, в социально-культурном контексте новые медиа являются воплощением мягкой силы, выполняющей функции агитации и информатизации населения об уровне медицинских услуг, из чего можно сделать вывод, что медицинским учреждениям также следует активно приобщаться к новым медиа.

Выводы

Анализ китайских научных статей, посвященных вопросам медицинского дискурса, показал интерес исследователей к его социально-культурным аспектам. В свете современных социальных явлений, таких как медицинские онлайн-консультации и посты в новых медиа (социальных сетях), происходит переосмысление традиционных взглядов на общение врача и пациента. Для китайской культуры гармония как основополагающая культурно-философская категория по-прежнему является ключевой для успешной коммуникации. В связи с этим гармония в общении между врачом и пациентом достигается за счет выстраивания доверительных отношений. Однако социальные изменения влекут за собой изменения в понимании того, что считать гармоничным общением и на основе чего формируется доверие пациента. Так, в современном обществе врач и пациент рассматриваются как равноправные участники коммуникативной ситуации, что в корне отличается от традиционного подхода, при котором врач является более авторитетным участником общения. Это напрямую влияет на речевые приемы, используемые врачом. С этим же связан и вопрос сохранения лица собеседника, который также является традиционным для китайского дискурса, но в современном обществе происходит переосмысление того, какие высказывания могут быть расценены как потенциально наносящие урон «лицу» собеседника.

Кроме этого, актуальным оказывается вопрос взаимодействия китайского и западного типов дискурса: исследователи отмечают их неравное положение и, как следствие, адаптацию китайского медицинского дискурса к нормам, принятым в западном дискурсе. Особенно остро эта проблема встает, когда речь заходит о дискурсе традиционной китайской медицины. При этом авторы статей обращают внимание на невозможность избежать влияния западного медицинского дискурса, соответственно, перспективным является комплексное изучение западного и китайского медицинских дискурсов, их взаимопроникновение и взаимовлияние в дискурсивных практиках китайской медицины.

Источники

- Аллаберт А. В. (2021) Культурные коды китайского социализма. М., Международная издательская компания «Шанс», 283 с.
- Даулет Ф. Н. (2020) Лингвокогнитивный эксперимент как ключ к китайской языковой картине мира: концепт 丢脸 «потеря лица». Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение, № 3, с. 20–36.
- Нагибина И. Г. (2021) Китайский дискурс: концепция культурологического анализа. Красноярск, Сибирский федеральный университет, 180 с.
- Bhatia A. (2017) Interdiscursive performance in digital professions: The case of YouTube tutorials. *Journal of Pragmatics*, vol. 124, pp. 106–120.
- Brown P., Levinson S.C. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 345 p.
- Fuoli M., Paradis C. (2014) A model of trust-repair discourse. *Journal of Pragmatics*, vol. 74, pp. 52–69.
- Kress G. (2010) *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London and New York, Routledge, 212 p.
- Lakoff G. (1973) Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*, no. 2, pp. 458–508.
- Myers-Scotton C. (1997) Code-Switching. Coulmas F., Ed. *The Handbook of Sociolinguistics*. Blackwell Publ., pp. 217–237.
- Sinclair J. M., Coulthard M. (1975) *Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils*. London, Oxford University Press, 163 p.
- 王琴 [Ван Цинь] (2020) 批评体裁分析视角下医学科普话语的新媒体传播[Коммуникация в новых медиа в рамках научно-популярного медицинского дискурса с позиции жанровой критики]. *北京科技大学学报* [Вестник Пекинского научно-технического университета], № 36 (05), с. 17–24.
- 王琴, 彭伟强 [Ван Цинь, Пэн Вэйцян] (2024) 在线医疗咨询会话的情感模式与话语策略研究 [Исследование дискурсивных стратегий и приемов передачи эмоций на материале медицинских онлайн-консультаций]. *山东外语教学* [Преподавание иностранных языков в Шаньдун], № 45 (02), с. 35–48.
- 翁洁 [Вэн Цзе] (2024) 文化话语视角下的医患话语研究 [Исследование дискурса врача и пациента в культурном аспекте]. *大众文艺* [Массовое искусство и литература], № 2, с. 95–99.
- 林双梅, 林盈, 廖妍敏, 张成星, 许晨欣, 游晟 [Линь Шуанмэй, Линь Ин, Ляо Яньминь, Чжан Чэнсин, Сюй Чэньсинь, Ю Чэн] (2022) 中西医疗题材纪录片中的医患话语信任关系建构比较研究 [Сравнительное изучение по-

- строения доверительных отношений в дискурсе врача и пациента в документальных фильмах о китайской и западной медицине]. *海外英语 [Английский язык за границей]*, № 9, с. 75-77.
- 徐珺, 肖海燕 [Сюй Цзюнь, Сяо Хайянь] (2016) 基于批评体裁分析(CGA)的商务翻译研究[Исследование коммерческого перевода на основании анализа критических жанров]. *中国外语 [Иностранные языки в Китае]*, № 13 (04), с. 20-28.
- 吴亚男 [У Янань] (2022) 健康科普微信公众号话语策略研究——以“丁香医生”为例 [Исследование дискурсивных стратегий в научно-популярных группах социальной сети WeChat, посвященных вопросам здоровья, на примере группы «Доктор сирень»]. *视听 [Кругозор]*, № 3, с. 159-161.
- 曹如洁, 王雪玉 [Цао Жуцзе, Ван Сюэюй] (2022) 中国在线医疗咨询话语中的信任建构研究 [Исследование способов установления доверительных отношений в дискурсе медицинских онлайн-консультаций КНР]. *文化创新比较研究 [Сравнительное изучение культурных инноваций]*, № 6 (05), с. 44-48.
- 蒋玉波, 赵小妹, 夏娟 [Цзян Юйбо, Чжао Сяомэй, Ся Цзюань] (2020) 医患冲突话语语用学研究 [Исследование прагматики дискурса конфликта между врачом и пациентом]. *锦州医科大学学报 [Вестник медицинского университета Цзиньчжоу]*, № 18 (02), с. 19-21.
- 邱文捷 [Цю Вэньцзе] (2019) 医患冲突性话语中缓和性回应的语用分析 [Прагматический анализ приемов примирения в дискурсе конфликта врача и пациента]. *文学教育 [Литературное просвещение]*, № 10, с. 164-165.
- 周亚东 [Чжоу Ядун] (2021) 论中西医话语的差异与共生 [Об отличиях и симбиозе дискурсов традиционной и западной медицины]. *锦州医科大学学报 [Вестник медицинского университета Цзиньчжоу]*, № 19 (02), с. 99-103.
- 周延松 [Чжоу Яньсун] (2018) 中医思维的话语呈现方式 [Мышление китайцев через призму дискурса китайской медицины]. *中医文献杂志 [Труды по вопросам китайской медицины]*, № 5, с. 35-38.
- 陈新仁 [Чэнь Синьжэнь] (2013) 语用身份: 动态选择与话语建构 [Прагматика социального статуса: динамичная избирательность и конструирование дискурса]. *外语研究 [Исследование иностранных языков]*, № 4, с. 27-32.
- 施旭 [Ши Сюй] (2018) 文化话语研究与中国实践 [Исследование культуры китайского языка и китайские реалии]. *中国外语 [Иностранные языки в Китае]*, № 6 (86), с. 9-15.

References

- Allabert A. V. (2021) *Kul'turnyye kody kitayskogo sotsializma [Cultural Codes of Chinese Socialism]*. Moscow, Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya "Shans" Publ., 283 p. (In Russian).
- Daulet F. N. (2020) *Lingvokognitivnyy eksperiment kak klyuch k kitayskoy yazykovoy kartine mira: kontsept ǎ 衰 - "poterya litsa" [Lingvocognitive experiment as a key to the Chinese linguistic picture of the world: the concept ǎ 衰 - "loss of face"]*. Moscow University Oriental Studies Bulletin, no. 3, pp. 20-36 (In Russian).
- Nagibina I. G. (2021) *Kitayskiy diskurs: kontseptsiya kul'turologicheskogo analiza [Chinese discourse: the concept of cultural analysis]*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publishing House, 180 p. (In Russian).
- Bhatia A. (2017) *Interdiscursive performance in digital professions: The case of YouTube tutorials*. *Journal of Pragmatics*, vol. 124, pp. 106-120.
- Brown P., Levinson S.C. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 345 p.
- Fuoli M., Paradis C. (2014) *A model of trust-repair discourse*. *Journal of Pragmatics*, vol. 74, pp. 52-69.
- Kress G. (2010) *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. London and New York, Routledge, 212 p.
- Lakoff G. (1973) *Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts*. *Journal of Philosophical Logic*, no. 2, pp. 458-508.
- Myers-Scotton C. (1997) *Code-Switching*. Coulmas F., Ed. *The Handbook of Sociolinguistics*. Blackwell Publ., pp. 217-237.
- Sinclair J. M., Coulthard M. (1975) *Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils*. London, Oxford University Press, 163 p.
- Zhōu Yàdōng (2021) *Lùn zhōng xīyī huàyǔ de chāyì yǔ gòngshēng [On the differences and symbiosis of Chinese and Western medical discourse]*. *Jīnzhōu yīkē dàxué xuébào*, no. 19 (02), pp. 99-103 (In Chinese).
- Shī Xù (2018) *Wénhuà huàyǔ yánjiū yǔ zhōngguó shíjiàn [Cultural Discourse Research and Chinese Practice]*. *Zhōngguó wàiyǔ*, no. 6 (86), pp. 9-15 (In Chinese).
- Cáo Rújié, Wáng Xuěyù (2022) *Zhōngguó zàixiàn yīliáo zixún huàyǔ zhòng de xìnren jiàngòu yánjiū [Research on the construction of trust in online medical consultation discourse in China]*. *Wénhuà chuàngxīn bijào yánjiū*, no. 6 (05), pp. 44-48 (In Chinese).
- Wáng Qín (2020) *Pínpíng tícái fēnxī shìjiào xià yīxué kēpǔ huàyǔ de xīn méiti chuánbò [New media communication of medical popular science discourse from the perspective of critical genre analysis]*. *Běijīng kējì dàxué xuébào*, no. 36 (05), pp. 17-24 (In Chinese).
- Wēng Jié (2024) *Wénhuà huàyǔ shìjiào xià de yī huàn huàyǔ yánjiū [Research on doctor-patient discourse from the perspective of cultural discourse]*. *Dàzhòng wényì*, no. 02, pp. 95-99 (In Chinese).

- Jiǎng Yùbō, Zhào Xiǎomèi, Xià Juān (2020) Yī huàn chōngtú huà yǔ yòng xué yánjiū [Pragmatics research on doctor-patient conflict discourse]. *Jinzhōu yīkē dàxué xuébào*, no. 18 (02), pp. 19–21 (In Chinese).
- Chén Xīnrén (2013) Yǔ yòng shēnfèn: Dòngtài xuǎnzé yǔ huà yǔ jiàngòu [Pragmatic identity: dynamic selection and discourse construction]. *Wàiyǔ yánjiū*, no. 4, pp. 27–32 (In Chinese).
- Lín Shuāngméi, Lín Yíng, Liào Yánmín, Zhāng Chéngxīng, Xǔ Chénxīn, Yóu Chéng (2022) Zhōngxī yīliáo tícái jìlùpiàn zhōng de yī huàn huà yǔ xìnren guānxi jiàngòu bǐjiào yánjiū [Comparative study on the construction of trust relationship between doctors and patients in western medical documentaries]. *Hǎiwài yīngyǔ*, no. 9, pp. 75–77 (In Chinese).
- Qū Wénjié (2019) Yī huàn chōngtú xìng huà yǔ zhòng huǎnhé xìng huíyīng de yǔ yòng fēnxī [Pragmatic Analysis of Mitigating Responses in Doctor-patient Conflict Discourse]. *Wénxué jiàoyù*, no. 10, pp. 164–165 (In Chinese).
- Zhōu Yánsōng (2018) Zhōngyī sīwéi de huà yǔ chéngxiàn fāngshì [Discourse presentation of traditional Chinese medicine thinking]. *Zhōngyī wénxiàn zázhi*, no. 36 (05), pp. 35–38 (In Chinese).
- Wáng Qín, Péng Wěiqiáng (2024) Zàixiàn yīliáo zìxún huìhuà de qínggǎn móshì yǔ huà yǔ cèlù yánjiū [Research on emotional patterns and discourse strategies in online medical consultation conversations]. *Shāndōng wàiyǔ jiàoxué*, no. 45 (02), pp. 35–48 (In Chinese).
- Wú Yànnán (2022) Jiànkāng kēpǔ wēixìn gōngzhòng hào huà yǔ cèlù yánjiū—yī “dīngxiāng yīshēng” wéi lì [Research on the Discourse Strategy of Health Science Popularization WeChat Public Accounts: Taking “Dingxiang Doctor” as an Example]. *Shìtīng*, no. 03, pp. 159–161 (In Chinese).
- Xú Jùn, Xiào Hǎiyàn (2016) Jīyú pīpíng tícái fēnxī (CGA) de shāngwù fānyì yánjiū [Research on business translation based on critical genre analysis (CGA)]. *Zhōngguó wàiyǔ*, no. 13 (04), pp. 20–28 (In Chinese).

Информация об авторе

Хрипля Татьяна Сергеевна

Доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0009-0008-5224-8020.
E-mail: starowoitowat@mail.ru

Author's information

Tatiana S. Khriplia

Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0009-0008-5224-8020.
E-mail: starowoitowat@mail.ru

Раздел 2. Педагогические науки
Part 2. Pedagogical Sciences

Н. О. Омарова¹

✉ n.omarova@yandex.ru

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Проблемы социализации человека в цифровом обществе

Аннотация: Ускоренное развитие цифровых технологий, интеллектуальных информационных систем и сервисов, технологий виртуальной и дополненной реальности приводят к изменениям в восприятии социальной реальности. В результате глобализации информационного пространства возникли и бурно развиваются новые социальные практики. Трансформация социума и переход к информационному обществу есть результат влияния не только информационных технологий, но и культурной, моральной, политической и институциональной составляющих. Новый уровень самоорганизации в социуме, связанный с виртуальными сетевыми сообществами, дает качественно новые возможности для развития человека и вместе с тем позволяет манипулировать сознанием участников общения. Распространение виртуальных сетевых сообществ, удовлетворяя потребности пользователей в коммуникациях, приводит к появлению проблем качества передаваемой информации и оценки последствий воздействия на общество в целом. Объектом исследования являются виртуальные сетевые сообщества и методы анализа происходящих в них процессов. В статье проведен анализ теоретических аспектов, структуры, основных элементов виртуальных сетевых сообществ, рассмотрены методы моделирования исследуемого объекта и приведена практика применения. Важность изучения и прогнозирования влияния социальных сетей на социализацию личности актуализирует исследование системы управления процессами в новой социальной среде.

Ключевые слова: цифровые технологии, социальные сети, виртуальные сетевые сообщества, структурный анализ, социальный граф, программный пакет Gephi.

Дата поступления статьи: 2 декабря 2024 г.

Для цитирования: Омарова Н. О. (2025) Проблемы социализации человека в цифровом обществе. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 83–93. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.7.

Scientific article

N. O. Omarova¹

✉ n.omarova@yandex.ru

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Problems of human socialization in a digital society

Abstract: The accelerated development of digital technologies, intelligent information systems and services, virtual and augmented reality technologies are leading to changes in the perception of social reality. As a result of the globalization of the information space, new social practices have emerged and are rapidly developing. The transformation of society and the transition to an information society are the result of the influence of not only information technology, but also cultural, moral, political and institutional components. A new level of self-organization in society, associated with virtual online communities, provides qualitatively new opportunities for human development and, at the same time, allows you to manipulate the consciousness of participants in communication. The proliferation of virtual network communities, meeting the communication needs of users, leads to problems in the quality of transmitted information and assessing the impact on society as a whole. The object of the research is virtual network communities and methods of analyzing the processes taking place in them. The article analyzes the theoretical aspects, structure, and basic elements of virtual network communities, discusses modeling methods for the object under study, and provides practical applications.

Keywords: digital technologies, social networks, virtual network communities, structural analysis, social graph, Gephi software package.

Paper submitted: December 2, 2024.

© Н. О. Омарова, 2025

For citation: Omarova N. O. (2025) Problems of human socialization in a digital society. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 83–93. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.7.

Введение

Стремительное развитие науки и технологий приводит к трансформации социально-экономической, политической и культурной сфер, усложнению структурных связей общества. Информационные технологии становятся фактором, влияющим на социализацию личности. Сетевое общество способствует формированию культуры человека, когда преобразуются духовная сфера, социальное взаимодействие, возникают новые информационные технологии. Возникновение сетевых сообществ является результатом перехода индустриального общества в постиндустриальное (Таратухина, Мальцева, 2008, с. 21), когда бюрократические взаимоотношения переходят в общение через виртуальные социальные сети. Виртуальные сетевые сообщества набирают популярность благодаря следующим особенностям: глобализации информации, мобильности передачи информации, актуальности, наглядности, эмоциональности, оперативности обратной связи, многофункциональности и т. д.

Целью исследования является изучение влияния виртуальных сетевых сообществ на социализацию человека. Обучение и воспитание личности, адаптированной в цифровом мире, является одной из актуальных задач.

Влияние технической революции на развитие общества, социальные последствия преобразований в современном мире проанализированы в исследованиях Кастельса, Бурдые (Кастельс, 2000; Бурдые, 2005). Ян ван Дейк считает, что в сетевом обществе социальные сети и медиасети формируют способ организации и основные структуры общества (van Dijk, 2011). Указанные процессы оказывают существенное влияние на формирование личности в современном цифровом мире, происходящее во взаимодействии реальной, виртуальной и дополненной реальностей. Трансформация системы ценностей вызывает возникновение противоречий в социальных, религиозных и межнациональных отношениях. Определение понятия сетевого сообщества рассматривается отечественными и зарубежными авторами.

Кончаковский под сетевым сообществом понимает социальную общность, существующую в сети Интернет и объединенную общими ценностями, разделяемыми ее участниками (Кончаковский, 2010, с. 11-12). При этом выделены два уровня функционирования сообщества: на первом, «внешнем» уровне происходит структурирование общности как культурного целого, а второй уровень связан с внутренней интеграцией и самоорганизацией, обеспечивающими смысл существования сообщества и его культурную специфичность.

Ю. В. Таратухина и С. В. Мальцева определяют сетевое сообщество как некое собрание людей, имеющих общие целевые, ценностные и пространственные ориентиры, общающихся через киберпространство. В качестве объединяющих факторов выступают общие цели, интересы, потребности и общие ресурсы, доступные всем членам, а также характерный тип дискурса и тезауруса. В качестве сетевых форм общения используются электронная почта, рассылки, онлайн-конференции, интернет-чаты, форумы и т. п. (Таратухина, Мальцева, 2008, с. 22).

В дополнение к сказанному, Е. Д. Патаракин рассматривает совместную сетевую деятельность как новый общественный институт, удовлетворяющий социальные потребности в совместном производстве знаний и обладающий регулятивной, интегративной, транслирующей и коммуникативной функциями (Патаракин, 2015, с. 31). По мнению автора, такой институт устанавливает определенные правила игры и упрощает процесс принятия решений.

В. А. Сергодеев рассматривает сетевые сообщества как особый вид социального объединения пользователей, которое базируется на основе общего дискурса в сети Интернет, а также длительной и эмоциональной вовлеченности в процесс коммуникации. Основной целью коммуникации является обеспечение социальной общности участников при сохранении их индивидуальности. При этом достигаются такие цели, как решение повседневных задач, обучение и сбор информации, профессиональный или игровой интерес, общение с другими членами сообщества (Сергодеев, 2014, с. 19).

По мнению Д. А. Харченко, сетевое сообщество представляет собой группу людей, имеющих общие интересы и находящихся в процессе информационного взаимодействия через сеть Интернет (Харченко, 2015, с. 114). Данное сообщество является виртуальным образованием, но при этом его участники как реальные люди имеют реальные интересы, потребности, предпочтения и мотивацию, которые определяются индивидуально-личностной окраской и носят социальный характер. Виртуальные сетевые сообщества, с точки зрения Харченко, отражают всю существующую в реальном обществе систему отношений и взаимодействий. Это справедливо для всех сфер общественной деятельности: экономической, политической, социальной, экологической, образовательной, культурной, развлекательной, коммерческой и т. д.

Таким образом, сетевое сообщество включает в себя группу людей, которые занимаются совместной деятельностью и взаимодействуют через сеть Интернет посредством сетевых компьютерных технологий. Развитие информационно-технических средств коммуникаций, а также накопление опыта в данной сфере приводит к изменениям в научной, профессиональной и образовательных сферах. Возникают сетевые сообщества в различных профессиональных сферах, которые обмениваются знаниями с вовлечением своих членов в совместную деятельность. В указанном контексте глобальная сеть может рассматриваться не только как совокупность программных и аппаратных средств, но и как социальная среда, которая включает в себя сетевые сообщества и их участников. Учет социального аспекта позволяет понять мотивы, которыми руководствуется человек в телекоммуникационной сфере, и учесть их при разработке соответствующих сервисов. Так, например, группа профессионалов объединяется в профессиональные сетевые сообщества, что позволяет специалистам, находящимся в различных уголках света или страны, решать через сетевое общение профессиональные проблемы и повышать свой уровень. В основе таких сообществ, как правило, лежат следующие цели (Саенко, 2014, с. 91):

- формирование единого информационного пространства, доступного всем участникам группы;
- налаживание профессионального взаимодействия по формальным и неформальным темам;
- организация сетевого взаимодействия для последующего переноса общения за пределы интернета;
- обмен опытом и популяризация успешных практик;
- согласование и поддержка различных инициатив.

Опыт общения в профессиональных сетевых сообществах позволяет приобрести следующие умения, формирующиеся при взаимодействии с другими участниками общения:

- совместное мышление, которое является результатом коллективной познавательной деятельности;
- толерантность и критичность мышления, как способность воспринимать чужую точку зрения и пересматривать свои взгляды на проблему;
- готовность к расширению спектра общения;
- освоение децентрализованных моделей, т. к. отсутствует необходимость для решения проблемы собираться в одном месте.

Под «профессиональным сетевым сообществом» можно понимать форму деятельности, предполагающую взаимный обмен знаниями между людьми с одинаковыми профессиональными интересами. Мотивом для участия в таком сообществе может быть желание улучшить навыки и умения в своей профессиональной области.

Социальные, культурные, технологические изменения, вызванные информационной революцией, актуализируют проблему существенных перемен в образовании. Ускоренные темпы развития технологий требуют повышения фундаментальности в сфере образования, изучения подходов к прогнозированию развития техники и технологий, интеграции фундаментальных научных исследований и высшего образования. Примерно для двух пятых численности населения нашей страны и для более половины населения всего мира применение тех или иных технологий информатизации при получении образования или работе в сфере образования явля-

ется привычным и естественным. Преподавание и обучение будут все больше поддерживаться применением инструментов искусственного интеллекта. Например, с помощью систем непрерывного обучения, использующих методы ИИ, которые могут сопровождать и поддерживать учащихся на протяжении всего обучения – в школе и за ее пределами; новые формы оценки, которые измеряют обучение в режиме реального времени, формируя опыт обучения (Omagova, 2024; Омарова, 2023).

Развитие современных технологий непосредственно влияет на открытость образования, ведет к построению содержания образования на основе лучших мировых практик, что влечет за собой совершенствование методов и форм обучения. Новые условия диктуют необходимость формирования у обучающихся личностных качеств, связанных с пониманием других культур, терпимостью и толерантностью. В последние годы в исследованиях по искусственному интеллекту произошел настоящий прорыв, такие задачи, как распознавание речи, компьютерное зрение, машинный перевод, оказались практически решены. На сегодняшний день качество решения подобных задач машинами сравнимо с человеческим и продолжает улучшаться. Виртуальная среда предоставляет разнообразные платформы для построения обучающих курсов с неограниченными возможностями, предполагающими создание высокоэффективных систем, отвечающих самым строгим запросам в вопросах обучения. Интерактивные виртуальные технологии способствуют повышению эффективности обучения, а современные средства сбора, хранения и анализа информации – эффективному контролю над процессом обучения. Такие формы способствуют развитию навыков самостоятельного обучения и самоконтроля, что приводит к демократизации и гуманизации учебного процесса. В настоящих условиях особое место занимает проблема обучения и воспитания личности, способной решать сложные нестандартные задачи, принимать ответственные решения в ситуации выбора, где учитываются мобильность, конструктивность, динамичность, готовность нести ответственность за принятые решения. В условиях глобализации современного мира, все возрастающей роли цифровых технологий проблемам формирования идентичности личности и влияния на этот процесс неформальных структур, профилактике социальных рисков необходимо уделять повышенное внимание (Омарова, 2024).

Методы

Для исследования виртуальных социальных сетей применяются методы анализа, связанные с использованием социологии, статистики и теории графов.

Для решения поставленных в исследовании задач была использована совокупность методов:

- метод теоретического анализа и синтеза;
- методы эмпирического исследования (анкетирование, интервью, наблюдение и др.);
- методы статистики: выборочный метод, метод анализа статистических рядов, метод построения диаграмм;
- анализ отечественного и зарубежного опыта.

Для анализа виртуальных сетевых сообществ применяются различные методы исследования: ресурсный, нормативный, динамический и структурный анализ (Батура, 2013, с. 131).

Ресурсный подход заключается в дифференциации участников по располагаемым ресурсам, что дает возможность оценить способность использовать индивидуальные и сетевые средства на достижение поставленных целей. Ресурсами в этом смысле считаются знания, материальные возможности, пол, раса и т. п. Сетевыми ресурсами считаются объем и разновидность информации, находящейся в распоряжении участника, статус и влияние. Данный подход основан на анализе контента социальных сетей, который выступает в качестве источника данных для задач кластеризации и классификации.

Правила и нормы, существующие в виртуальных сетевых сообществах и оказывающие влияние на процесс коммуникации и взаимное доверие участников, изучаются с помощью нормативного анализа. Анализируются социальные роли, соответствующие конкретному ребру, например, отношения руководителя и подчиненного, связи между друзьями или родственни-

ками. В процессе исследования изучаются изменения поведения пользователя в зависимости от изменения ситуаций, связанных с коммуникациями. Данный метод исследования, на основе анализа имеющейся информации, позволяет моделировать процессы распространения влияния участников друг на друга. В социальных сетях имеется большой массив личной информации о пользователях (контактные данные, личная жизнь, увлечения, друзья, фото, видео и др.), что несет в себе риски несанкционированного доступа и распространения в сетях. Поэтому возникает потребность создания моделей обеспечения конфиденциальности данных участников.

В зависимости от выбранной каждой функциональной роли в процессе общения определенный сегмент пользователей выступает в качестве экспертов в какой-либо области, другие могут быть брокерами (лидерами), которые являются посредниками в социальной сети, помогающими наладить взаимодействие пользователей и экспертов. Для решения сложных задач требуются коллективные усилия и сотрудничество в достижении поставленных целей.

Изменение структуры социальных сетей во времени анализируется с помощью динамического подхода, который изучает появление новых взаимодействий, прекращение существующей коммуникации, т. е. возникновение новых связей или устаревание существующих. Меняющаяся структура вполне логично порождает вопросы о долгосрочных закономерностях изменений крупных сообществ, существовании каких-либо констант конфигурации сетевых сообществ, каким образом развиваются сообщества с течением времени, какая динамика поддается прогнозированию. Важной задачей является прогноз зарождения и формирования связей в социальных сетях. Эти задачи решаются построением различных реляционных и структурных моделей.

Структурный подход рассматривает участников сети в качестве вершин графа, влияющих на конфигурацию ребер и других участников сети. Анализируется геометрическая форма сети, интенсивность взаимодействия (вес ребер) и исследуются характеристики взаимного расположения вершин, центральность, транзитивность взаимодействий. При интерпретации результатов применяются структурные теории и теории сетевого обмена. Сетевые сообщества представляют собой наиболее активные в плане взаимодействия участки социальной сети, поэтому им уделяется такое пристальное внимание (Батура, 2012, с. 19). Помимо коммуникационной функции, сервисы социальных сетей играют роль баз пользовательских данных, в которых с каждым пользователем ассоциирован набор персональной информации, составляющий его «виртуальную личность». Данные всех пользователей одного сервиса образуют его социальный граф. С позиций анализа данных социальный граф представляет собой набор разнородной и слабоструктурированной пользовательской информации. Рассмотрим основные типы данных, которые содержит социальный граф (Коршунов, 2010): профили пользователей, связи между пользователями (между пользователями и объектами), сообщества, сообщения, комментарии, мультимедийный контент и т. д.

В целом виртуальные сетевые сообщества состоят из пользователей, которые связаны между собой определенным типом связей: дружба, учеба, семья, интересы, ценности и т. п. Визуализировать социальные сети, сегменты и связи можно с использованием аппарата теории графов.

Граф представляет собой упорядоченную пару:

$$G = (V, E),$$

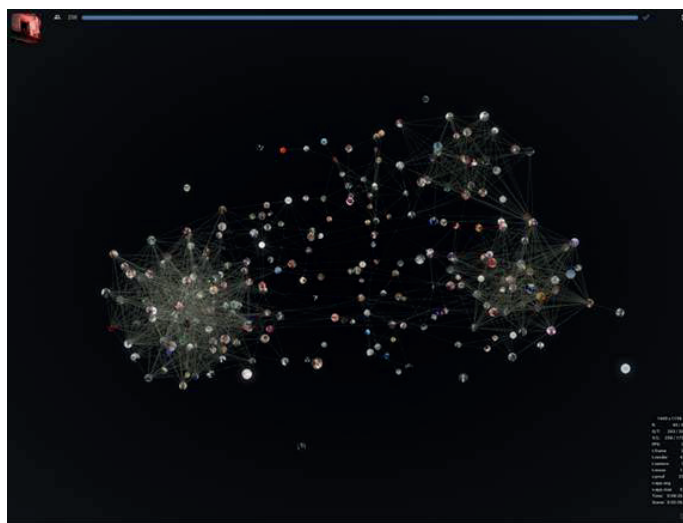
V – это множество вершин (узлов) графа,

E – это множество ребер.

Анализ социальных сетей позволяет:

- определить количество пользователей и связи между ними;
- выделить виртуальные сообщества в социальной сети на основе кластерного анализа;
- определить принадлежность вершины графа к какому-либо сообществу (кластеру или подграфу);
- изучить роль и влияние конкретных пользователей.

Для выделения сетевых сообществ (рис.) внутри сети необходимо провести анализ связей. Если при сравнении средней плотности внутри кластеров и между ними внутренняя плотность выше, то эта часть графа является сообществом.

Социальный граф пользователя «ВКонтакте»

Social graph of the VKontakte user

Существуют и другие подходы выявления сетевых сообществ с помощью разбиения графов на кластеры, например:

- алгоритмы, применяющие модулярность;
- алгоритмы разреза графов;
- эвристические алгоритмы.

Результаты

Несмотря на небольшой по историческим меркам срок существования виртуальных сетевых сообществ, наблюдается рост их влияния на все стороны жизни общества. Непрерывно увеличивается количество участников различных форумов, блогов, онлайн-форм обучения, сервисов по ведению бизнеса. Указанные факты выводят проблему изучения, анализа и прогнозирования виртуальных сетевых сообществ в одну из важных задач государства, от решения которой зависит его дальнейшая безопасность и социально-экономическое развитие. Сетевые сообщества, являясь сложными социальными и технологическими системами, требуют комплексного подхода для изучения.

Рассмотрим критерии типизации виртуальных сетевых сообществ, которые отражают их функциональные особенности и свойства. Виртуальные сетевые сообщества, как и многие относительно небольшие социальные группы, имеют свои цели, ставят перед собой определенные задачи, придерживаются некоторого этического кодекса, разрабатывают для себя нормативные требования и стремятся обособиться от других. Наиболее важными критериями типизации являются: функциональное значение, персонализация и анонимность, публичность и закрытость, масштаб, связность, иерархичность, статика и динамика (Бабушкин и др, 2013, с. 12).

Функциональное значение зависит от задач, которые ставят участники сетевых сообществ перед собой. По этому критерию можно классифицировать частные, коммерческие, культурно-развлекательные, тематические и профессиональные интернет-сообщества.

Виртуальные сетевые сообщества могут быть персонифицированными и анонимными.

Важнейшей характеристикой сетевых сообществ является масштаб распространения. К сообществам с наибольшим масштабом можно отнести национальные сегменты интернета в той или

иной стране, локализованные в принадлежащих им доменных зонах. Другим объединяющим началом может быть язык, которым могут пользоваться в различных странах.

Дополнительно к сказанному выше, классифицировать сетевые сообщества можно (Харченко, 2015, с. 128) по следующим признакам:

- по уровню и качеству сетевого администрирования (модерирования);
- структуре, т. е. способу организации сообщества, его составу;
- принципу функционирования в плане организации доступа к информации;
- форме межгруппового, локального и глобального информационного взаимодействия;
- характеру и природе, т. е. по интересам, хобби, профессии, ценностным, интеллектуальным и духовным предпочтениям;
- способам функционирования, управления и организации (организованные, управляемые и самоорганизованные и самоуправляемые).

Подробная классификация дана в работах Д. А. Харченко, который считает, что вся информационная сеть структурирована на подструктуры и отдельные сегменты (Харченко, 2015, с. 132–134).

Развитие информационных технологий приводит к превращению социальных медиа в основной канал коммуникации между различными группами пользователей. Большая часть социальных отношений, которые ранее были сформированы при непосредственном общении, перемещается в виртуальное пространство, приводя к возникновению социальных групп и порождая внутригрупповое и межгрупповое взаимодействие.

В виртуальной среде начинают проявляться эффекты, характерные ранее для очного внутригруппового и межгруппового взаимодействия: появление лидера, транслирующего свои взгляды остальным участникам; принятие определенных норм поведения; поляризация мнений (Воронин, 2019, с. 342).

Как уже говорилось выше, сетевое общество в упрощенном виде представляет собой группу людей, поддерживающих общение посредством социальных медиа.

В настоящее время участники сетевых сообществ общаются на характерном для них языке, используя доступный общий пользовательский контент, модерлируемый администрацией сайта. Сервисы социальных сетей поддерживают процесс коммуникации участников, давая возможность размещать заметки, тексты, видео- и фотоматериалы, лайки и т. п.

Определение сетевого сообщества просто как совокупности людей, общающихся через сервисы, предоставляемые интернетом, не является исчерпывающим, поскольку не вносит ясность в количественный состав пользователей и место их нахождения. Сетевые методы анализа применяются для понимания структуры сетевого сообщества, характера взаимоотношений между его участниками, определения видов активности, границ и статусных характеристик членов сообщества.

При исследовании сетевых сообществ большую роль играет изучение субъектности, под которой понимается определенный набор характеристик, присущий именно им и позволяющий отличаться от других объектов исследования.

Согласно прогнозам, 2025 год обещает стать очередным прорывным годом в цифровой сфере: стремительное развитие ИИ, изменения в экосистеме социальных сетей и расширение онлайн-поведения пользователей формируют новую цифровую реальность (Digital 2025 Global Overview).

В начале 2025 года в мире насчитывается 5,56 миллиарда интернет-пользователей, что соответствует уровню проникновения в 67,9 %. По последним данным Keriós, число зарегистрированных пользователей социальных сетей достигло 5,24 миллиарда, что составляет 63,9 % всего населения Земли. На апрель 2024 года пользователей интернета более чем в два раза больше, чем тех, кто остается офлайн. Наблюдается расширение способов применения цифровых технологий. 62,8 % взрослых пользователей называют главной причиной использования интернета поиск информации. Более 60 % интернет-пользователей ключевой целью в интернете считают поддержку связи с друзьями и семьей. Среди пользователей от 16 до 34 лет социальное взаимо-

действие стало основной причиной выхода в интернет. Молодежь ставит социальную связь на первое место среди своих цифровых потребностей, что имеет серьезные последствия для будущего цифровых сервисов и устройств. По последним данным GWI, взрослые интернет-пользователи тратят в среднем 6 часов 38 минут в день на онлайн-активности, что составляет около 40 % своего бодрствования.

Нами проведен социологический анализ аспектов сетевого общения среди молодежи в Республике Дагестан. Наибольшее продолжительное время, проводимое в среднем в социальных сетях в день (от 4 до 18 часов), затрачивают подростки от 16 до 18 лет. Наибольшему влиянию виртуальных друзей подвержены молодые люди от 20 до 25 лет, что составляет в среднем от 6 до 8 по 10-балльной шкале. При исследовании предпочтительности различных форм обучения выявлено, что почти треть опрошенных отдают предпочтение онлайн-формам, около 70 % выбирают смешанные и гибридные форматы. Современные цифровые технологии активно применяются в экономике. Согласно анализу, примерно 70 % опрошенных совершают финансовые операции в социальных сетях.

Рассматривая проблемы социализации в современном обществе, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- изменение системы ценностей;
- изменение социальной структуры общества;
- ослабление системы формального и неформального социального контроля.

На протяжении всей жизни человек формирует, корректирует ценностные системы в зависимости от опыта общения или общественных отношений. На формирование системы ценностей влияют основные социальные институты: семья, школа, профессиональный коллектив и т. д. С появлением цифровых информационных ресурсов сформировался социальный институт, который оказывает влияние на развитие, формирование и изменение ценностей. Анализ исследования показал, что количество часов, проводимых молодежью в этой новой социальной сфере, во много раз превышает время, проводимое молодежью в общении с традиционными социальными институтами. И в этой новой среде формируются ценности.

Подростковый период – это период становления ценностных систем. Фундаментализация ценностей должна сопровождаться активным общением со сверстниками, родителями и родственниками, носителями социальной и национальной культуры, которые влияют на этапы социализации личности. Тем временем подросток участвует в виртуальном общении с неизвестной ему социальной группой, перенимая через виртуальные сети ценности другой социальной группы. Широкий спектр проблем, обсуждаемых или освещаемых в интернет-ресурсах, и односторонняя система получения информации, которая не обязывает ни к моральной, ни к какой иной ответственности как при общении с людьми, вполне удовлетворяет современного человека (Щеткин, 2014; Марова, 2018).

Формирование положительных ценностей – это результат процесса успешной социализации человека. В процессе социализации человек приобретает оценочную систему, которая основывается на его опыте и опыте других людей. Чем больше людей в сфере общения, тем больше опыта, что и обеспечивает социальная сеть. Следовательно, более расширенная оценочная система позволяет молодому человеку чувствовать себя интеллектуально самоудовлетворенным (Харламенкова, 2007). Однако, в ходе социализации, именно в молодежный период, возникают некоторые деформации поведения и искажения восприятия действительности. Искажение восприятия, нравственный нигилизм, деформация приводят к асоциальному или антисоциальному поведению. Подобные явления в большей степени связаны с недостаточным уровнем сформированности или устойчивости социальных ценностей. Важную роль играет формирование устойчивых нравственных ценностей в процессе социализации молодежи.

Нравственная социализация молодого поколения – сложный и многофункциональный процесс, на формирование которого уходят годы. Процесс приобщения к социальным ценностям должен формироваться с раннего детства и контролироваться обществом. Бесконтрольное увле-

чение молодого человека социальными сетями может привести к усвоению социально отрицательных ценностей.

Выводы

В условиях цифровой трансформации современного общества сформировался социальный институт, который влияет на социализацию человека. На протяжении всей жизни человек формирует, корректирует свои ценностные системы в зависимости от опыта общения или общественных отношений. На формирование системы ценностей влияют основные социальные институты: семья, друзья, школа, профессиональный коллектив и т. д. Каждая личность стремится к реализации себя как актуального члена общества и, возможно, как активного пользователя социальных сетей. Использование виртуальных социальных сетей – один из инструментов реализации потребности человека в определении себя в обществе. Проведено исследование процесса социально-культурного развития личности в условиях формирования сетевого общества; исследование изменения методов и форм обучения и воспитания в условиях цифровой парадигмы современного периода развития образования. Человек применяет результаты технологического прогресса для расширения социальных связей, которые в его непосредственном окружении не представлены. Использует несколько социальных ролей, которые в реальности проблематично использовать, и т. д. Важность изучения и прогнозирования влияния социальных сетей на социализацию личности предполагает исследование системы управления этими процессами, от законодательного ограничения некоторых аспектов пользования до формирования позитивных жизненных установок и шире – культуры использования интернет-ресурсов.

Источники

- Бабушкин А. Г., Клименко О. А., Федоров Р. Ю. (2013) Междисциплинарные подходы к изучению типологии и связей интернет-сообществ. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 9 (56), с. 12–18.
- Батура Т. В. (2012) Методы анализа компьютерных социальных сетей. Вестник НГУ. Серия: информационные технологии, т. 10, вып.4, с. 15–28.
- Батура Т. В. (2013) Модели и методы анализа компьютерных социальных сетей. Программные продукты и системы, № 3, с. 130–137.
- Бурдые П. (2005) Социология социального пространства. Пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. М., Ин-т эксперим. социологии; Алетейя, 288 с.
- Воронин А. Н. (2019) Методологические проблемы исследования субъектности сетевых сообществ. Психология и психотехника, № 3, с. 341–358.
- Кастельс М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М., ГУ ВШЭ, 608 с.
- Кастельс М. (2016) Власть коммуникации. Пер. с англ. Н. М. Тылевич под науч. ред. А. И. Черных. М., Изд. дом Высш. шк. экономики, 568 с.
- Кончаковский Р. В. (2010) Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. НОУ ВПО «Гуманитарный университет». Екатеринбург, 175 с.
- Коршунов А. В. (2010) Исследования структуры сообществ пользователей в графах онлайн-социальных сетей. Дисс. ... канд. физ.-мат. наук. ФГБУН «Институт системного программирования РАН». Москва, 134 с.
- Марова В. А. (2018) Личностные ценности: понятия, подходы к классификации. Вопросы науки и образования, № 8 (20), с. 178–181.
- Омарова Н. О. (2023) Моделирование процесса создания электронного курса в виртуальной обучающей среде MOODLE. Педагогическая информатика, № 3, с. 307–318.
- Патаракин Е. Д. (2015) Педагогический дизайн совместной сетевой деятельности субъектов образования. Дисс. ... д-ра пед. наук. ФГБНУ «Институт педагогического образования и образования взрослых Российской Академии образования. СПб, 319 с.
- Саенко Л. А., Егоров М. В. (2014) Сетевое общество в контексте современных социальных трансформаций. Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия», № 7, с. 88–93.
- Сергодеев В. А. (2014) Коммуникативная культура в сетевых Интернет-сообществах современного российского общества. Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». Майкоп, 160 с.
- Таратухина Ю.В., Мальцева С.В. (2008) Сетевые сообщества: коммуникационные аспекты. Автоматизация и современные технологии, № 2, с. 21–25.
- Харламенкова Н. Е. (2007) Самоутверждение подростка. Монография. М., Институт психологии РАН, 384 с.

- Харченко Д. А. (2015) Социально-философские аспекты анализа сетевых сообществ интернета. Дисс. ... канд. филос. наук. Университет МВД России. Краснодар, 187 с.
- Щеткин Ю. Ю. (2014) Структура духовности личности. Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. Гуманитарные науки, № 2, раздел III, с. 223-230.
- Aggarwal Charu C. (Ed.) (2011) Social Network Data Analytics. Springer, 520 p.
- Dijk Jan A. G. M. van (2011) The Network Society. Social Aspects of New Media. London, SAGE Publications Ltd, 292 p.
- Omarova N. O. (2024) Study of Self-Organization Issues in Virtual Network Communities. In: Sakas D. P., Nasiopoulos D. K., Taratuhina Yu. (Editors) Computational and Strategic Business Modelling. IC-BIM 2021, Athens, Greece. Conference proceedings. Springer Proceedings in Business and Economics, pp. 593-609. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-41371-1?page=3#toc>.
- Omarova N. O., Osmanova A. (2024) Application of Intellectualization Methods for Educational Resources Creation. In: Sakas D. P., Nasiopoulos D. K., Taratuhina Yu. (Editors) Computational and Strategic Business Modelling. IC-BIM 2021, Athens, Greece. Conference proceedings. Springer Proceedings in Business and Economics, pp. 557-565. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-41371-1?page=3#toc>.

References

- Aggarwal Charu C. (Ed.) (2011) Social Network Data Analytics. Springer, 520 p.
- Babushkin A. G., Klimenko O. A., Fedorov R. Yu. (2013) Mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu tipologii i svyazey internet-soobshchestv [Interdisciplinary approaches to the study of typology and connections of online communities]. Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk – Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences, no. 9 (56), pp. 12-18 (In Russian).
- Batura T. V. (2012) Metody analiza komp'yuternykh sotsial'nykh setey [Methods of analysis of computer social networks]. Vestnik NSU. Series: Information Technologies, vol.10, iss. 4, pp. 15-28 (In Russian).
- Batura T. V. (2013) Modeli i metody analiza komp'yuternykh sotsial'nykh setey [Models and methods of analysis of computer social networks]. Software & Systems, no. 3, pp. 130-137 (In Russian).
- Bourdieu P. (2005) Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of social space]. Trans. from French, general ed. by N. A. Shmatko. Moscow, Institute of Experimental Sociology, Aleteya Publ., 288 p. (In Russian).
- Castells M. (2000) Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Trans. from English under scientific editorship O. I. Shkaratan. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 608 p. (In Russian).
- Castells M. (2016) Vlast' kommunikatsii [The Power of Communication]. Trans. from English by N. M. Tylevich under scientific editorship by A. I. Chernykh. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 568 p. (In Russian).
- Dijk Jan A. G. M. van (2011) The Network Society. Social Aspects of New Media. London, SAGE Publications Ltd, 292 p.
- Kharchenko D. A. (2015) Sotsial'no-filosofskie aspekty analiza setevykh soobshchestv interneta [Socio-philosophical aspects of the analysis of Internet network communities]. Diss. ... Cand. of Philos. Sci. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Krasnodar, 187 p. (In Russian).
- Kharlamenkova N. E. (2007) Samoutverzhdenie podroshka [Self-affirmation of a teenager]. Monograph. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 384 p. (In Russian).
- Konchakovskiy R. V. (2010) Setevoye internet-soobshchestvo kak sotsiokul'turnyy fenomen [Online online community as a socio-cultural phenomenon]. Abstr. Diss. ... Cand. of Social Sci. Humanitarian University. Ekaterinburg, 175 p. (In Russian).
- Korshunov A. V. (2010) Issledovaniya struktury soobshchestv pol'zovateley v grafakh onlaynovykh sotsial'nykh setey [Studies of the structure of user communities in graphs of online social networks]. Diss. ... Cand. of Physical and Mathematical Sci. Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 134 p. (In Russian).
- Marova V. A. (2018) Lichnostnye tsennosti: ponyatiya, podkhody k klassifikatsii [Personal values: concepts, approaches to classification]. Issues of Science and Education, no. 8 (20), pp. 178-181 (In Russian).
- Omarova N. O. (2023) Modelirovaniye protsessa sozdaniya elektronnoy kursa v virtual'noy obuchayushchey srede MOODLE [Modeling the process of creating an electronic course in the virtual learning environment of MOODLE]. Pedagogical Informatics, no. 3, pp. 307-318 (In Russian).
- Omarova N. O. (2024) Study of Self-Organization Issues in Virtual Network Communities. In: Sakas D. P., Nasiopoulos D. K., Taratuhina Yu. (Editors) Computational and Strategic Business Modelling. IC-BIM 2021, Athens, Greece. Conference proceedings. Springer Proceedings in Business and Economics, pp. 593-609. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-41371-1?page=3#toc>.
- Omarova N. O., Osmanova A. (2024) Application of Intellectualization Methods for Educational Resources Creation. In: Sakas D. P., Nasiopoulos D. K., Taratuhina Yu. (Editors) Computational and Strategic Business Modelling. IC-BIM 2021, Athens, Greece. Conference proceedings. Springer Proceedings in Business and Economics, pp. 557-565. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-41371-1?page=3#toc>.
- Patarakin E. D. (2015) Pedagogicheskiy dizayn sovmestnoy setevoy deyatel'nosti sub'ektov obrazovaniya [Pedagogical design of joint network activities of subjects of education]. Diss. ... Dr. of Ped. Sci. Institute

of Pedagogical Education and Adult Education of the Russian Academy of Education. St. Petersburg, 319 p. (In Russian).

Sayenko L. A., Egorov M. V. (2014) Setevoe obshchestvo v kontekste sovremennykh sotsial'nykh transformatsiy [Network society in the context of modern social transformations]. Polythematic Journal of Scientific publications "Discussion", no. 7, pp. 88–93 (In Russian).

Sergodeev V. A. (2014) Kommunikativnaya kul'tura v setevykh Internet-soobshchestvakh sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Communicative culture in online communities of modern Russian society]. Abstr. Diss. ... Cand. of Social Sci. North Caucasus Federal University. Maykop, 160 p. (In Russian).

Shchetkin Yu. Y. (2014) Struktura dukhovnosti lichnosti [The structure of personality spirituality]. Vestnik Taganrogskego instituta imeni A. P. Chekhova. Gumanitarnyye nauki – Bulletin of the Taganrog Chekhov Institute. Humanities, no. 2, section III, pp. 223–230 (In Russian).

Taratukhina Yu. V., Maltseva S. V. (2008) Setevye soobshchestva: kommunikatsionnye aspekty [Network communities: communication aspects]. Avtomatizatsiya i sovremennyye tekhnologii – Automation and Modern Technologies, no. 2, pp. 21–25 (In Russian).

Voronin A. N. (2019) Metodologicheskie problemy issledovaniya sub'ektnosti setevykh soobshchestv [Methodological problems of studying the subjectivity of online communities]. Psychology and Psychotechnics, no. 3, pp. 341–358 (In Russian).

Информация об авторе

Омарова Наида Омаровна

Член-корреспондент РАО, доктор физико-математических наук, профессор. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, РФ.

ORCID ID: 0000-0002-3914-2220.

E-mail: n.omarova@yandex.ru

Autor's information

Naida O. Omarova

Corresponding Member of The Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Physics and Mathematics), Professor. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0002-3914-2220.

E-mail: n.omarova@yandex.ru

Н. В. Герова¹

✉ nat.gerova@gmail.com

¹Рязанский институт (филиал) Московского политехнического университета, г. Рязань, Российская Федерация

Модульный подход к построению образовательных программ в аспекте подготовки студентов инженерных специальностей

Аннотация: В статье приведен анализ необходимости реформирования системы высшего образования России после присоединения к Болонскому процессу. Раскрыты причины изменений в системе высшего образования, связанные с необходимостью развития и восстановления производственно-технологического потенциала с учетом современных тенденций научно-технического прогресса и цифровой трансформации экономики; сформулированными направлениями технологического суверенитета в различных отраслях промышленности, транспорта, энергетики и т. д.; невозможностью реализации поставленных задач перед обществом без нового качества инженерного образования. Целью нашего исследования является обоснование построения образовательных программ в аспекте подготовки студентов инженерной специальности 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника» профиля «Автоматизированные системы управления производством» на примере структуры блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии». Методами исследовательской работы выступили анализ научно-методических и нормативно-правовых источников, обобщение опыта разработки программ подготовки инженерных кадров по специальностям, связанным с информатикой, вычислительной техникой и ИТ. Результаты исследования: в дополнение к общедидактическим принципам разработки содержания блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» раскрыты специфические принципы: модульное построение дисциплин, вариативность, мультиплексирование содержания учебных дисциплин, когерентность, реализация обратной связи и др.; предлагается модульная структура образовательных программ блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии»; приводится пример формирования новых дисциплин.

Ключевые слова: инженерное образование, модульный подход, программа подготовки, сквозные цифровые технологии, технологический суверенитет.

Дата поступления статьи: 11 декабря 2024 г.

Для цитирования: Герова Н. В. (2025) Модульный подход к построению образовательных программ в аспекте подготовки студентов инженерных специальностей. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 94–102. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.8.

Scientific article

N. V. Gerova¹

✉ nat.gerova@gmail.com

¹Ryazan Institute (branch) Moscow Polytechnic University, Ryazan, Russian Federation

Modular approach to the construction of educational programs in terms of engineering students training

Abstract: The article provides an analysis of the necessity to reform the Russian higher education system after joining the Bologna Process. The reasons for changes in the higher education system are revealed, including the need to develop and restore industrial and technological potential while taking into account current trends in scientific and technological progress and the digital transformation of the economy; the formulation of areas of technological sovereignty in various industries, transportation, energy, and so on; and the impossibility of achieving the tasks set for society without a new quality of engineering education. The purpose of our research is to substantiate the construction of educational programs in the aspect of training students of the engineering specialty 09.03.01 “Computer Science and Computer Engineering” profile

© Н. В. Герова, 2025

“Automated production management systems” using the example of the structure of the block of disciplines “End-to-end digital technologies”. The research methods included the analysis of scientific, methodological and regulatory sources, generalization of experience in the development of engineering training programs in specialties related to computer science, computer engineering and IT. Research results: in addition to the general didactic principles of developing the content of the “End-to-end digital Technologies” block of disciplines, specific principles are disclosed: modular discipline construction, variability, multiplexing of the content of academic disciplines, coherence, feedback implementation, etc.; a modular structure of educational programs of the “End-to-end digital technologies” block of disciplines is proposed; an example of the formation of new disciplines is given.

Keywords: engineering education, modular approach, training program, end-to-end digital technologies, technological sovereignty.

Paper submitted: December 11, 2024.

For citation: Gerova N. V. (2025) Modular approach to the construction of educational programs in terms of engineering students training. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 94–102. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.8.

Введение

Вызовы современного исторического периода определили стратегическую цель инженерного образования в России, направленную на обеспечение технологического суверенитета и независимости нашей страны от зарубежных технологий. Основу реформирования высшего образования составляет новое качество инженерного образования, позволяющее обеспечить эффективный обмен опытом и взаимодействие вузов, научно-исследовательских институтов и предприятий для решения проблем оттока специалистов из реального сектора экономики, разработки высоко-технологичной продукции и внедрения новых технологий.

Реформирование системы высшего образования России после присоединения к Болонскому процессу привело к кардинальным изменениям по организации учебного процесса, включая инженерное образование: введение уровней высшего профессионального образования – бакалавриат (четыре-пять лет обучения), магистратура (два года обучения), подготовка кадров высшей квалификации (три года обучения); введение системы образовательных кредитов (1 кредит равен 36 академическим часам) для оценки трудоемкости видов учебной деятельности по программам студенческого обмена; формирование индивидуального учебного плана для студента; по окончании вуза выдача выпускнику приложения европейского образца на английском языке, что, с одной стороны, обеспечивало его профессиональную мобильность и трудоустройство в странах Европы, а с другой – отток специалистов из России; привлечение иностранных специалистов и преподавателей в российские вузы и т. д. Однако полной интеграции высшего образования России в Болонский процесс не произошло, поскольку оказалось невозможным всем вузам России привлекать в достаточном количестве иностранных студентов и преподавателей, приложение европейского образца к диплому об окончании вуза выдавалось далеко не во всех учреждениях высшего образования, выпускников российских вузов европейские работодатели были не готовы трудоустраивать, что противоречило целям Болонского процесса. В 2022 году Россия заявила о выходе из Болонского процесса, а в Министерстве образования и науки развернулась дискуссия о необходимости реформирования системы высшего образования. Через год был представлен пилотный проект реформы высшего образования, в котором устанавливаются три уровня: базовое высшее образование, соответствующее программам бакалавриата, со сроком обучения от трех до пяти с половиной лет по некоторым специальностям; специализированное высшее образование, соответствующее программам подготовки магистров, со сроком обучения до одного года; профессиональное высшее образование, соответствующее программам аспирантуры.

Таким образом, изменения в системе высшего образования обусловлены: во-первых, необходимостью развития и восстановления производственно-технологического потенциала с учетом современных тенденций научно-технического прогресса и цифровой трансформации экономики, что требует привлечения в реальный производственный сектор высококвалифицированных

инженерных кадров; во-вторых, сформулированными руководством нашей страны направлениями технологического суверенитета в различных отраслях промышленности, транспорта, энергетики и т. д., что обусловило востребованность инженерных кадров; в-третьих, невозможностью реализации поставленных задач перед обществом без нового качества инженерного образования, которое обеспечивает подготовку специалиста, обладающего не только специальными фундаментальными знаниями и навыками, но и глубокими и объективными знаниями в гуманитарной сфере, пониманием целостной картины мира, сформированным мировоззрением. Вышеперечисленное позволяет утверждать, что обновление перечня специальностей и неизбежное обновление государственных образовательных стандартов повлечет за собой разработку и совершенствование программ подготовки инженерных кадров. Целью нашего исследования является обоснование построения образовательных программ в аспекте подготовки студентов инженерной специальности 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника» профиля «Автоматизированные системы управления производством» на примере структуры блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии».

Методы

Методологической основой исследовательской работы выступили анализ научно-методических и нормативно-правовых источников, обобщение опыта разработки программ подготовки инженерных кадров по специальностям, связанным с информатикой, вычислительной техникой и ИТ.

Определяя терминологический аппарат проблемной области, отметим, что под «сквозными цифровыми технологиями» понимается совокупность межотраслевых технологий создания, обработки, хранения, передачи и защиты данных, применение которых обеспечивает автоматизацию процессов и процедур, получение новых свойств объектов и (или) процессов, модификацию уже существующих объектов и (или) процессов, а также имеет тенденцию мультисекторального применения этих технологий в различных отраслях народного хозяйства» (Информатизация образования, 2023, с. 91).

Результаты

Современная система подготовки студентов вузов по специальности 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника» по профилю подготовки «Автоматизированные системы управления производством» опирается на интеграцию компетентного подхода к обучению и кредитно-модульной технологии организации образовательного процесса. Реализация образовательных программ подготовки бакалавров базируется на модульном принципе разработки учебных планов, содержания образовательной программы, содержания дисциплин, учебных практик и т. д.¹

<p>Выбор темпа и способа обучения</p> <p>(Гольдшмид Б., Гольдшмид М., Равен Дж. и др.)</p>	<p>Гибкость содержания обучения</p> <p>(Закорюкин В. Б., Панченко В. И., Смолянинова О. Г. и др.)</p>
<p>Коррекция учебного процесса</p> <p>(Клингстед Дж., Курх С., Лукичев Г. А. и др.)</p>	<p>Систематизация знаний и умений по учебной дисциплине</p> <p>(Миронова М. Д., Пасвянскене В. Ю.).</p>
<p>Интеграция различных методов и форм обучения</p> <p>(Гареев В. М., Куликов С. И., Оуэнс Г.)</p>	<p>Обеспечение высокого уровня подготовленности выпускников к профессиональной деятельности</p> <p>(Чошанов М. А., Юцявичене П. А.)</p>

Рис. 1. Некоторые аспекты применения модульной технологии обучения

Fig. 1. Some aspects of the application of modular learning technology

¹Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

Анализ исследований в области модульного обучения (Д. Бадарч, М. А. Чошанов, К. Кеен, W. Martin и др.) позволил выделить следующие особенности: детальная проработка содержания каждого компонента дидактической системы; структуризация содержания обучения; обеспечение учебного процесса методическими материалами и технологиями контроля и оценки усвоения знаний; выбор форм и методов активного обучения при организации самостоятельной работы студентов; гибкость (вариативность) структурных методических единиц с возможностью адаптации к учебному процессу, индивидуальным возможностям и интересам обучающихся; формирование коммуникативных навыков; мотивация студентов к познавательной деятельности, развитию и самосовершенствованию в различных предметных областях знаний. Таким образом, при разработке программ подготовки студентов по специальности 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника» профиля «Автоматизированные системы управления производством», опираясь на положительный опыт использования модульного подхода, необходимо создавать открытую и гибкую образовательную структуру государственных образовательных стандартов, обеспечивающих: адаптивное структурирование модулей некоторых дисциплин с возможностью их дополнения и изменения в соответствии с развитием технологий; интеграцию различных видов методов, средств и организационных форм обучения в зависимости от требований современного этапа развития общества, производства, технологий; получение студентами фундаментальных знаний по профессиональным дисциплинам; приобретение практико-ориентированных навыков и опыта в рамках различных практик на производстве и при выполнении проектных работ.

Целью модульной технологии обучения является обеспечение гибких образовательных программ. Анализ различных подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению понятия модуля показал, что в настоящее время не существует единого подхода к определению модуля. В контексте нашего исследования понятие «модуль» будем рассматривать с нескольких позиций: как структурную единицу в рамках одной учебной дисциплины и как междисциплинарную структурную единицу в рамках блока дисциплин. Под модулем в рамках одной учебной дисциплины будем понимать организационно-методический структурный блок учебной дисциплины, который содержит дидактические цели, логически завершенную единицу учебного материала, методические, дидактические и контрольно-измерительные материалы. Модуль как междисциплинарная структурная единица в рамках блока дисциплин представляет собой детально разработанное учебно-методическое обеспечение, имеет обособленное содержание, характеризуется вариативностью учебного материала адекватно профилю и направлению подготовки студентов. Требования к организации образовательного процесса на принципах модульности приведены на рис. 2.

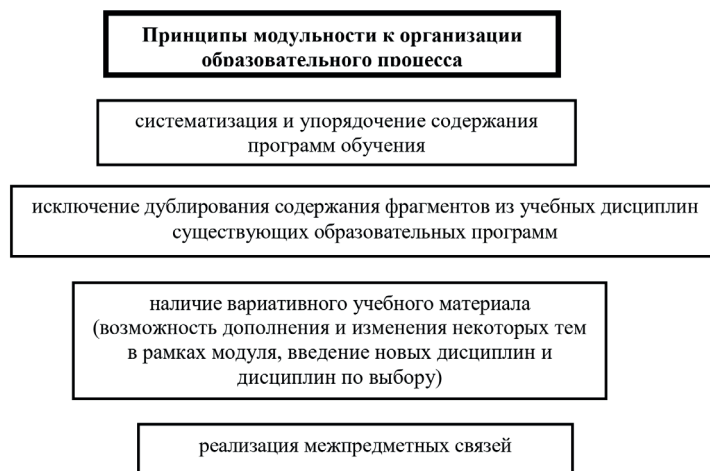

Рис. 2. Принципы модульности в организации образовательного процесса

Fig. 2. Principles of modularity in the organization of the educational process

В соответствии с современными теориями, под систематизацией и упорядочением содержания программ обучения блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» будем понимать целостное представление структуры и содержания, представляющее собой множество модулей с возможностью добавления новых дисциплин, находящихся во взаимосвязи и обеспечивающих их фундаментальную и прикладную направленность подготовки студентов, обучающихся по специальности 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника», а также использование новых методов, средств и организационных форм обучения в вузе. При разработке блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» для студентов инженерных специальностей будем использовать модульный подход к построению программ обучения, планированию и организации учебного процесса в вузе.

Основой для разработки модульной структуры образовательных программ блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» является трудоемкость освоения видов учебной деятельности студентами, соответствующая временному показателю длительности семестров в неделях (18 учебных недель). Каждый модуль как междисциплинарная структурная единица представляет собой автономную и логически законченную дисциплину и имеет тесную взаимосвязь с другими модулями блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» и частями образовательной программы. В общем виде примерная структура блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» с распределением количества модулей и трудоемкости освоения дисциплины представлена в таблице. Такая структура позволяет компоновать, дополнять и изменять дисциплины, обеспечивая гибкость и вариативность построения учебного процесса.

Структура блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии»

Structure of the block of disciplines "Cross-cutting digital technologies"

№	Название дисциплины (модуля)	Трудоемкость освоения дисциплины (примерные часы)	Количество модулей
1.	Нормативно-правовые основы применения сквозных цифровых технологий	36	2
2.	Технологии беспроводной связи	36	2
3.	Облачные технологии	36	2
4.	Дистанционные образовательные технологии	36	2
5.	Интернет вещей	36	2
6.	Технология виртуальной и дополненной реальности	36	2
7.	Робототехника и сенсорика	36	2
8.	Большие данные (Big Data)	72	4
9.	Искусственный интеллект (AI)	72	4
10.	Новые производственные технологии (IoT)	36	2
11.	Квантовые технологии	36	2
12.	Технология блокчейн	36	2
13.	Информационная безопасность	36	2
14.	Новая дисциплина	часы	часы
15.	Новая дисциплина	часы	часы

При использовании модульной технологии обучения разработка и наполнение содержанием программ учебных дисциплин представляет собой сложный процесс. При отборе содержания модулей будем придерживаться основных принципов дидактики, обеспечивающих взаимосвязь теоретической и практической подготовки студентов. В дополнение к общедидактическим принципам разработки содержания блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» опишем следующие специфические принципы: представление учебного материала в виде логически завер-

шенных структурных модулей с определенными содержательными линиями и дидактическими целями обучения студентов в зависимости от профиля подготовки по программам бакалавриата и магистратуры, обеспечивающее взаимосвязь содержания, основных методов, форм и средств обучения на разных уровнях образования, – принцип модульного построения дисциплин; организация нелинейных (вариативных) образовательных траекторий, как по содержанию, так и по организации обучения с учетом особенностей будущей профессиональной деятельности – принцип вариативности; профильная дифференциация содержания обучения с учетом многообразия дидактических форм, методов и средств обучения – принцип адаптивности; профессионально-прикладная направленность учебного материала и использование проблемных ситуаций – принцип проблемности; возможность формирования новых курсов по информатике из различных модулей различных дисциплин в зависимости от целей обучения – принцип мультиплексирования содержания учебных дисциплин; планомерное представление содержания блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» в течение всего периода обучения студентов, обеспечивающего междисциплинарные и внутриведомственные связи, – принцип когерентности; управление процессом усвоения знаний по каждому модулю с возможностью его корректирования, контроля и самоконтроля усвоения учебного материала после изучения каждого модуля – принцип реализации обратной связи.

В рамках блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» по степени обязательности и последовательности усвоения содержания можно выделить дисциплины: изучаемые обязательно и строго последовательно во времени, обеспечивающие базовую подготовку; изучаемые обязательно, но не последовательно, и дисциплины по выбору, позволяющие реализовать нелинейный учебный процесс в вузе. Содержание модуля в рамках дисциплины должно отвечать требованиям последовательности, целостности, автономности, поскольку оно является информативным руководством по усвоению учебного материала и предназначено для достижения конкретных дидактических целей. Каждая дисциплина имеет инвариантные и вариативные модули учебного материала и включает: теоретические вопросы, задания к практическим и лабораторным работам, задания и требования к самостоятельной работе, презентационные и контрольно-измерительные материалы. Инвариантная составляющая в структуре образовательных программ блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» отражает современное состояние и тенденции развития научно-технического прогресса и технологий; соответствует общим требованиям к уровню профессиональной подготовки студентов; обеспечивает опережающий характер обучения. Вариативная составляющая включает вопросы перспективных направлений развития технологий; темы, отражающие использование сквозных цифровых технологий в будущей профессиональной деятельности.

Модульная структура образовательных программ блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» на основе деления учебного материала на структурные модули с определенными содержательными и дидактическими целями обеспечивает возможность формирования новых дисциплин; вариативность образовательных форм и структурно-организационную гибкость обучения, гибкость организационных форм обучения (нелинейное обучение) (рис. 3).

Структура и содержание блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» обеспечивает получение углубленных знаний, умений и приобретение опыта по осуществлению различных видов профессиональной деятельности, включая инновационную, научно-исследовательскую, проектную, организаторскую и т. д.

Важную роль играет самостоятельная работа студентов (аудиторная и внеаудиторная), которая представляет собой планируемую учебную, учебно-исследовательскую, научно-исследовательскую работу и проектную деятельность студентов, выполняемую под методическим руководством преподавателя. Целью организации самостоятельной работы является развитие творческих способностей студентов, приобретение и накопление опыта по осуществлению будущей профессиональной деятельности.

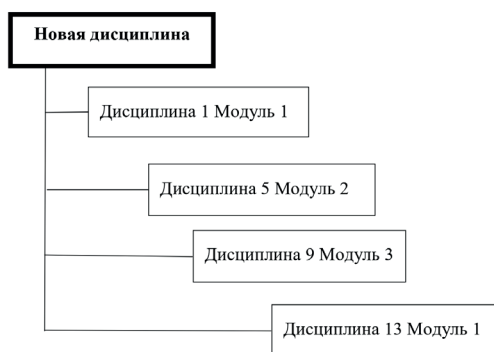

Рис. 3. Пример формирования новой дисциплины в рамках блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии»

Fig. 3. An example of the formation of a new discipline within the framework of the block of disciplines “End-to-end digital technologies”

Аудиторная самостоятельная работа студентов, как правило, осуществляется на лабораторных и практических занятиях, при выполнении контрольных работ и тестировании, при прохождении различных видов практик с организацией текущего контроля за ходом выполнения заданий, ее корректировки и стимулирования студентов за качественное выполнение. При организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов задания должны иметь практико-ориентированный характер адекватно профилю подготовки студентов и видам будущей профессиональной деятельности, опираться на знания и умения, полученные при изучении различных модулей профильных дисциплин, обеспечивая внутрипредметные и междисциплинарные связи.

Выводы

В условиях перехода российского высшего образования на принципиально новую модель пересмотру подвергаются нормативно-правовые акты в области образования, включая Закон об образовании, перечень специальностей, государственные образовательные стандарты и т. д. Устанавливаются три уровня высшего образования: базовое высшее образование, по окончании вуза выпускникам будет присваиваться квалификация; специализированное высшее образование, направленное на получение углубленных знаний для инженеров, уже имеющих практический опыт осуществления профессиональной деятельности; профессиональное высшее образование, соответствующее программам аспирантуры.

Подводя итог, отметим, что при разработке программ блока дисциплин «Сквозные цифровые технологии» подготовки студентов по специальности 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника» по профилю подготовки «Автоматизированные системы управления производством», опираясь на положительный опыт использования модульного подхода, необходимо создавать открытую и гибкую образовательную структуру государственных образовательных стандартов, обеспечивающих: адаптивное содержание дисциплин с возможностью дополнения и изменения некоторых тем, обеспечивающих гибкость содержания в соответствии с развитием технологий; интеграцию различных видов методов, средств и организационных форм обучения в зависимости от требований современного этапа развития общества, производства, технологий; получение студентами фундаментальных знаний по профессиональным дисциплинам; приобретение практико-ориентированных навыков и опыта в рамках различных практик на производстве и при выполнении проектных работ. Обеспечение технологического суверенитета и независимости нашей страны от зарубежных технологий напрямую зависит от нового качества инженерного образования, которое должно обеспечивать управляемость, гибкость и динамичность процесса обучения, мотивацию студента к познавательной деятельности и привитие ему навыков творческой, аналитической и самостоятельной деятельности, а также вовлечение в научную сферу деятельности.

Источники

- Анденко М. А. (1993) Актуальные проблемы взаимодействия специальных кафедр высшей школы при модульном обучении. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 22 с.
- Бадарч Д., Нарантсег Я. (2002) Методические рекомендации по внедрению кредит-системы и асинхронной организации учебного процесса. Улан-Батор, МГУНТ, 112 с.
- Гареев В. М., Куликов С. И., Дурко Е. М. (1987) Принципы модульного обучения. Вестник высшей школы, № 8, с. 30–33.
- Герова Н. В. (2010) Проблемы и пути совершенствования системы отечественного высшего профессионального образования. Российский научный журнал, № 1 (14), с. 91–94.
- Герова Н. В. (2023) Междисциплинарный подход к обучению студентов в аспекте воспитательного компонента в области информационных технологий. Сборник научных статей VII Международной научной конференции «Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании». Красноярск, с. 35–39.
- Закорюкин В. Б., Панченко В. М., Твердин Л. М. (1983) Модульное построение учебных пособий по специальным дисциплинам. Проблемы вузовского учебника. Вильнюс, ВГУ, с. 73–75.
- Информатизация образования: толковый словарь понятийного аппарата (2023). Сост. И. В. Роберт, В. А. Касторнова. М., Изд-во АЭО, 182 с.
- Карпов В. В., Катханов М. Н. (1992) Инвариантная модель интенсивной технологии обучения при многоступенчатой подготовке в вузе. С.-Пб., Изд-во С.-Петербургского электротехнического университета, 142 с.
- Королева В. В. (2015) Модульное обучение как один из способов повышения качества подготовки специалиста. Молодой ученый, № 3 (83), с. 787–790.
- Миронова М. Д. (2016) Индивидуальный подход и модульное обучение: проблемы теории и практики. М., Библио-Глобус, 172 с.
- Пасвянскене В. Ю. (1989) Дидактические основы модульного обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Вильнюс, 21 с.
- Чошанов М. А. (1996) Гибкая технология проблемно-модульного обучения: методическое пособие. М., Народное образование, 160 с.
- Юцявичене П. А. (1989) Теория и практика модульного обучения. Каунас, Швиеса, 272 с.
- Юцявичене П. А. (1990) Теоретические основы модульного обучения. Дисс. ... д-ра пед. наук. Вильнюс, 406 с.
- Goldschmid, B., Goldschmid, M. L. (1973) Modular instruction in higher education: A review. Higher Education, no. 2 (1), pp. 15–32. DOI: 10.1007/bf00162534.
- Keen K. (1992) Competence: What is it and how can it be developed? Instructional Design: Implementation Issues. Brussels, IBM Education Center, pp. 111–122.
- Martin W. (1995) The global informational society. London, Routledge, 256 p.
- Owens G. (1970) The Module in Universities Quarterly. Universities Quarterly. Higher education and society, vol. 25, no. 1, pp. 20–27.
- Postlethwait S. N., Novak I., Murray U. T. (1972) The audio-Tutorial Approach to Learning. Minneapolis, Burgess Publishing Company, 198 p.
- Russell J. D. (1974) Modular Instruction. A Guide to Design, Selection, Utilization and Evolution of Modular Materials. Minneapolis, Minnesota, Burgess Publishing Company, 164 p.
- The Modular approach in technical education (1989). Paris, UNESCO, 63 с.

References

- Andenko M. A. (1993) Aktual'nyye problemy vzaimodeystviya spetsial'nykh kafedr vysshey shkoly pri modul'nom obuchenii [Actual problems of interaction of specialized departments of higher education in modular training]. Abstr. Diss. ... Cand. of Ped. Sci. (Novosibirsk), 22 p. (In Russian).
- Badarch D., Narantsetseg Y. (2002) Metodicheskiye rekomendatsii po vnedreniyu kredit-sistemy i asinkhronnoy organizatsii uchebnogo protsesssa [Methodological recommendations for the implementation of the credit system and asynchronous organization of the educational process]. Ulaanbaatar, MSUNT Publ., 112 p. (In Russian).
- Choshanov M. A. (1996) Gibkaya tekhnologiya problemno-modul'nogo obucheniya: metodicheskoye posobiye [Flexible technology of problem-modular learning: a methodological manual]. Moscow, Narodnoye obrazovaniye Publ., 160 p. (In Russian).
- Gareev V. M., Kulikov S. I., Durko E. M. (1987) Printsipy modul'nogo obucheniya [Principles of modular training]. Vestnik vysshey shkoly – Bulletin of Higher School, no. 8, pp. 30–33 (In Russian).
- Gerova N. V. (2010) Problemy i puti sovershenstvovaniya sistemy otechestvennogo vysshego professional'nogo obrazovaniya [Problems and ways of improving the system of domestic higher professional education]. Russian Scientific Journal, no. 1 (14), pp. 91–94 (In Russian).
- Gerova N. V. (2023) Mezhdistsiplinarnyy podkhod k obucheniyu studentov v aspekte vospitatel'nogo komponenta v oblasti informatsionnykh tekhnologiy [Interdisciplinary approach to teaching students in the aspect of the educational component in the field of information technology]. Informatizatsiya obrazovaniya i metodika elektronnoy obucheniya: tsifrovyye tekhnologii v obrazovanii [Informatization

- of Education and Methodology of E-Learning: Digital Technologies in Education]. Collection of scientific articles of the VII International Scientific Conference. Krasnoyarsk, pp. 35–39 (In Russian).
- Goldschmid, B., Goldschmid, M. L. (1973) Modular instruction in higher education: A review. Higher Education, no. 2 (1), pp. 15–32. DOI: 10.1007/bf00162534.
- Informatizatsiya obrazovaniya: tolkovyy slovar' ponyatiynogo apparata [Informatization of education: explanatory dictionary of the conceptual apparatus] (2023). Comp. I. V. Robert, V. A. Kastornova. Moscow, Publishing house of AEO, 182 p. (In Russian).
- Karpov V. V., Katkhanov M. N. (1992) Invariantnaya model' intensivnoy tekhnologii obucheniya pri mnogostupenchatoy podgotovke v vuze [Invariant model of intensive teaching technology in multi-stage training at a university]. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg Electrotechnical University, 142 p. (In Russian).
- Keen K. (1992) Competence: What is it and how can it be developed? Instructional Design: Implementation Issues. Brussels, IBM Education Center, pp. 111–122.
- Koroleva V. V. (2015) Modul'noye obucheniye kak odin iz sposobov povysheniya kachestva podgotovki spetsialista [Modular training as one of the ways to improve the quality of specialist training]. Molodoy uchenyy – Young scientist, no. 3 (83), pp. 787–790 (In Russian).
- Mironova M. D. (2016) Individual'nyy podkhod i modul'noye obucheniye: problemy teorii i praktiki [Individual approach and modular training: problems of theory and practice]. Moscow, Biblio-Globus Publ., 172 p. (In Russian).
- Martin W. (1995) The global informational society. London, Routledge, 256 p.
- Owens G. (1970) The Module in Universities Quarterly. Universities Quarterly. Higher education and society, vol. 25, no. 1, pp. 20–27.
- Pasvyanskene V. Yu. (1989) Didakticheskiye osnovy modul'nogo obucheniya inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze [Didactic foundations of modular teaching of a foreign language in a non-linguistic university]. Abstr. Diss. ... Cand. of Ped. Sci. Vilnius, 21 p. (In Russian).
- Postlethwait S. N., Novak I., Murray U. T. (1972) The audio-Tutorial Approach to Learning. Minneapolis, Burgess Publishing Company, 198 p.
- Russell J. D. (1974) Modular Instruction. A Guide to Design, Selection, Utilization and Evolution of Modular Materials. Minneapolis, Minnesota, Burgess Publishing Company, 164 p.
- The Modular approach in technical education (1989). Paris, UNESCO, 63 c.
- Yuceviciene P. A. (1989) Teoriya i praktika modul'nogo obucheniya [Theory and Practice of Modular Teaching]. Kaunas Shvityesa Publ., 271 p. (In Russian).
- Yuceviciene P. A. (1990) Teoreticheskiye osnovy modul'nogo obucheniya [Theoretical Foundations of Modular Teaching]. Diss. ... Dr. of Ped. Sci. Vilnius, 406 p. (In Russian).
- Zakoryukin V. B., Panchenko V. M., Tverdin L. M. (1983) Modul'noye postroyeniye uchebnykh posobiy po spetsial'nyim distsiplinam. Problemy vuzovskogo uchebnika [Modular construction of teaching aids in special disciplines. Problems of a university textbook]. Vilnius, VSU Publishing House, pp. 73–75 (In Russian).

Информация об авторе

Герова Наталья Викторовна

Доктор педагогических наук, профессор кафедры информатики и информационных технологий. Рязанский институт (филиал) Московского политехнического университета, г. Рязань, РФ.

ORCID ID: 0000-0002-7946-1226.

E-mail: nat.gerova@gmail.com

Autor's information

Natalia V. Gerova

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor of the Department of Computer Science and Information Technology. Ryazan Institute (branch) Moscow Polytechnic University, Ryazan, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0002-7946-1226.

E-mail: nat.gerova@gmail.com

И. В. Куламихина¹

✉ irakula@yandex.ru

¹Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, г. Омск, Российская Федерация

Профессионально значимые ценности будущих ветеринарных врачей как фактор успешного овладения профессией

Аннотация: Актуальность проблемы изучения ценностного аспекта личности ветеринарного врача обусловлена постоянным развитием аксиологической составляющей профессии ветеринара, связанным с изменениями представлений общества о роли ветеринарного врача, задачах ветеринарной медицины. Целью работы является разработка содержания профессионально значимых ценностей ветеринарного врача. На основе аксиологического подхода, теории базовых ценностей Ш. Шварца и метода лингвосмыслового анализа текстов «Клятва ветеринарного врача» разработана система профессионально значимых ценностей, включающая ценности профессиональных знаний, коммуникации, взаимодействия, ветеринарной традиции, инноваций, благополучия и нравственности. Раскрыто смысловое содержание понятия «профессионально значимые ценности ветеринарного врача» как совокупность связанных между собой мотивационных установок, потребностей, интересов, отношений и личностных качеств, обладающих личностной значимостью и социальной направленностью, определяющих уровень профессионализма, поведение ветеринарного врача при выполнении профессиональных обязанностей, характер его коммуникации с пациентом и клиентом, взаимодействие с коллегами и вспомогательным персоналом, эмоциональный настрой в работе. Проанализирована потенциальная возможность совместимости и конфликта профессиональных ценностей ветеринара. С помощью методов анкетирования и лингвосмыслового анализа речевых произведений обучающихся по программе специалитета 36.05.01 – «Ветеринария» Омского государственного аграрного университета были установлены ценностные приоритеты, доминирующие мотивы и установки будущих ветеринарных врачей на начальном этапе профессионального становления. Результаты исследования могут быть использованы для определения аксиологических ориентиров программы подготовки будущих ветеринаров в вузе.

Ключевые слова: профессиональные ценности, ценностные приоритеты, ветеринарный врач, профессиональная деятельность, профессиональное становление.

Дата поступления статьи: 26 июня 2023 г.

Для цитирования: Куламихина И. В. (2025) Профессионально значимые ценности будущих ветеринарных врачей как фактор успешного овладения профессией. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 103–113. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.9.

Scientific article

I. V. Kulamikhina¹

✉ irakula@yandex.ru

¹Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russian Federation

Professionally significant values of future veterinarians as a factor for successful mastery of the profession

Abstract: The significance of the problem of studying the value aspect of the veterinarian's personality is due to the constant development of the axiological component of the veterinarian profession, associated with changes in people's ideas and opinions about the role of a veterinarian and the objectives of veterinary medicine. The aim of the study is to develop the content of profession-related values of a veterinarian. On the basis of the axiological approach, S. Schwartz's theory of basic values and with the use of the linguistic-semantic analysis method applied to "Veterinarian's Oath" texts, the author has developed a system of veterinarian's professionally significant values, consisting of the values of professional knowledge,

communication, interaction, veterinary tradition, innovation, well-being and morality. The concept of professional values of a veterinarian is described as a set of interconnected motivational attitudes, needs, interests, relationships and personality traits that have personal importance and social orientation, and determine the level of professional competence, influence the veterinarian's behavior, their communication with patients and clients, interaction with colleagues and staff, as well as promote positive emotional attitude to work. There is the analysis of the potential possibility of compatibility and conflict of veterinarian's professional values. Using the methods of questioning and linguistic-semantic analysis of vet students' essays at the Omsk State Agrarian University, the author has identified value priorities, dominant motives and attitudes of future veterinarians in the beginning of their professional studies. The results of the research can be used to determine the axiological guidelines for training programs in veterinary medicine at university.

Keywords: professional values, value priorities, veterinarian, professional activity, professional training.

Paper submitted: June 26, 2023.

For citation: Kulamikhina I. V. (2025) Professionally significant values of future veterinarians as a factor for successful mastery of the profession. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 103–113. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.9.

Введение

Профессия ветеринарного врача предъявляет высокие требования к его морально-нравственным качествам, диктует правила и нормы поведения и взаимодействия с владельцами животных и коллегами. Ежедневно ветеринарный врач оказывается в ситуациях ценностного выбора, когда приходится преодолевать конфликт интересов животного и его владельца; сочетать свои личные профессиональные устремления, мотивы и интересы с соблюдением стандартов и законодательства в области ветеринарной медицины; согласовывать свои собственные убеждения о самоценности жизни животного с экономической целесообразностью дорогостоящего лечения. Необходимо также отметить высокую конкуренцию в среде ветеринарных врачей, вызванную большим ростом числа специалистов на рынке труда, что обостряет проблему несоблюдения профессиональной этики, приоритетности личной материальной выгоды ветеринарного врача по отношению к здоровью животного в ряде случаев. Можно сделать вывод, что сформированные морально-нравственные качества ветеринара, его система ценностных координат говорят, прежде всего, о его профессионализме. Все это приводит к необходимости изучения личности ветеринарного врача в аксиологическом измерении.

Аксиологическому аспекту профессиональной деятельности посвящены работы А. А. Алдашевой, Н. Г. Мельниковой (2013); А. В. Махнач, Л. Г. Дикой (2018); Ю. В. Постыляковой (2013); Л. А. Шипиловой (2021). Существует большой пласт исследований вопросов формирования профессиональных ценностей педагогов (Е. В. Лапина (2016); Н. В. Чекалева, Т. Ю. Алексеева (2021); Н. А. Асташова (2018); Н. А. Попованова, В. М. Кравченко, Г. Н. Казакова, Л. А. Бартоновская (2018); А. В. Калинин, Н. В. Власова, Ю. В. Ерошенко (2016)). Существенно меньше проведено исследований, в которых разрабатывались вопросы аксиологизации ветеринарной профессии и ветеринарной подготовки. Так, аксиологические проблемы ветеринарии, а также вопросы ветеринарной этики рассмотрены в исследованиях Н. П. Пугачевой, В. А. Здоровинина (2020); Л. А. Шиловой (2019).

В работах, посвященных исследованию особенностей ветеринарного дискурса, также выделяется ценностно-смысловой аспект. В частности, в работах Е. А. Абросимовой проведена систематизация результатов научных исследований за последние 20 лет, посвященных особенностям ветеринарного дискурса, терминологии и ценностям ветеринарной медицины, а также специфике ветеринарной коммуникации, и сделан вывод о существенных расхождениях ценностей ветеринарии и медицины, большом разнообразии ценностей ветеринарии, невозможности сведения ценностей ветеринарии только к ценностям производства, обработки и потребления (Абросимова, Маджаева, 2022; Абросимова, 2022). Проблема ценностной составляющей ветеринарного дискурса поднята в исследовании О. Н. Новиковой. Автор приходит к выводу, что «ветеринария все более становится не авторитарной практикой, но практикой сотрудничества».

поэтому особенно ценными в работе ветеринарного врача являются его коммуникативные способности, благодаря которым достигается терапевтическое взаимодействие с пациентами и эффективное общение с коллегами (Новикова, 2014).

Роль ценностей и ценностных ориентаций в формировании профессиональной идентичности и профессиональной компетенции будущих ветеринаров раскрыта в исследованиях Н. Л. Коротковой (2022), И. В. Куламихиной, Е. А. Абросимовой, Я. Винья-Тальянти (2022), Л. Б. Шнейдер (2001), Е. Шольц (2019). Так, отмечается, что «условием успешного вхождения в профессию служит не только наличие определенного набора знаний и умений, но и понимание ценностей и норм профессии, а также способность соотнести с ними ценности личностные» (Короткова, 2022, с. 57).

Вместе с тем ряд вопросов остаются нерешенными. Требуется подробного изучения содержательный аспект профессионально значимых ценностей ветеринарии.

Цель исследования состоит в разработке содержания профессионально значимых ценностей ветеринарного врача.

Задачами исследования являются: 1) уточнение понятия «профессионально значимые ценности ветеринарного врача»; 2) разработка системы профессионально значимых ценностей ветеринарного врача; 3) изучение профессионально значимых ценностей будущих ветеринаров, обучающихся по программе «Ветеринария».

Методы

Исследование выполнено на основе аксиологического подхода. Основными методами исследования являются анализ научной литературы, лингвосмысловой анализ, анкетирование. Материалами исследования являются русскоязычные и англоязычные тексты «Клятва ветеринарного врача» (выборка 18 шт.), ответы обучающихся, полученные в ходе анкетирования, и речевые произведения обучающихся (студенческие эссе). В исследовании приняли участие 75 обучающихся 1 курса по программе специалитета 36.05.01 – «Ветеринария» Омского государственного аграрного университета в 2022–2023 учебном году.

Результаты

В психолого-педагогических и философских исследованиях понятие «профессиональные ценности» связано с такими понятиями, как морально-нравственные личностные установки, ценностное отношение к профессии, стратегические жизненные цели и ориентиры (Лапина, 2016); мотивационные установки, профессиональные/социальные/индивидуальные потребности, интересы (Шварц, 2016); культурные и этические ценностные представления о различных аспектах профессиональной деятельности (Короткова, 2022); ценностное профессиональное знание, ценностное сознание, ценностное поведение, толерантность, эмоциональная устойчивость, устойчивый положительный эмоциональный настрой (Попованова и др., 2018); самостоятельность, самореализация, саморазвитие, самообразование (Шипилина, 2021); этическое отношение, ответственность, профессионализм, моральность (Пугачева, Здоровинин, 2020). Профессиональные ценности рассматриваются в связи с личностными и социальными потребностями человека и выступают стимулом для его дальнейшего профессионального развития, придают смысл и направленность профессиональной деятельности, профессиональному «Я» (Лапина, 2016).

Исследователи отмечают неразрывную связь профессиональных, социальных и личностных ценностей специалиста. Их согласованность, противопоставление или даже борьба особенно выражены в работе ветеринарного врача (Абросимова, Маджаева, 2022; Пугачева, Здоровинин, 2020; Короткова, 2022). Ряд зарубежных исследователей делают вывод, что овладение ветеринарной профессией сопровождается процессом принятия профессиональных ценностей, формированием способности совмещать личные потребности, убеждения и установки с требованиями к выполнению профессиональных обязанностей, выстраивать правильные профессиональные ценностные приоритеты в зависимости от каждого конкретного клинического случая, принимая

во внимание интересы и потребности и пациентов и клиентов (Scholz, 2019; Armitage-Chan, 2020). Таким образом, профессиональное становление ветеринарного врача связано с пониманием и принятием профессиональных ценностей, формированием способности согласовывать профессиональные действия и профессиональные ценности в контексте ситуации. Еще одна специфика работы ветеринарного врача заключается в необходимости выстраивать коммуникацию и позитивное взаимодействие с владельцами животных (клиентами), коллегами и вспомогательным персоналом. Ветеринарная коммуникация, по выводам Е. А. Абросимовой, обладает рядом особенностей, к которым относятся «плоская» иерархия, эффективная обратная связь при общении с коллегами, упрощение профессионального языка при коммуникации с клиентами (Абросимова, Маджаева, 2022; Абросимова, 2022). По мнению О. Н. Новиковой, особенностью ветеринарной коммуникации является аксиологическая составляющая, обусловленная необходимостью морального выбора приоритетов – чьи интересы первичны: животного, его владельца или ветврача (Новикова, 2014). Исследователь Н. Л. Короткова также отмечает, что на профессиональную коммуникацию сильное влияние оказывает система ценностных приоритетов ветеринарного врача, его способность к эмпатии и пониманию интересов всех заинтересованных сторон (Короткова, 2022).

Для выявления содержательных характеристик профессионально значимых ценностей ветеринарного врача был проведен лингвосмысловой анализ текстов «Клятва ветеринарного врача», в которых зафиксированы морально-нравственные принципы и ценности ветеринарной профессии. Были выделены основные группы профессиональных ценностей: ценности профессиональных знаний, ценности коммуникации, ценности взаимодействия, ценности ветеринарной традиции, ценности инноваций, ценности благополучия, ценности нравственности, содержание которых представлено в табл. 1.

Таблица 1 – Профессионально значимые ценности ветеринарии, отраженные в текстах «Клятва ветеринарного врача»

Table 1 – Professionally significant values of veterinary medicine, reflected in the “Veterinarian’s Oath” texts

Группы ценностей	Профессионально значимые ценности
Ценности профессиональных знаний	Совершенствование профессиональных знаний и ветеринарного мастерства; содействие развитию ветеринарной науки и практики, престижу ветеринарной медицины; проявление уважения и благодарности учителям в профессии
Ценности коммуникации	Уважение к переживаниям владельца пациента; вежливое отношение к владельцу животного
Ценности взаимодействия	Обращение за советом и помощью к товарищам по профессии; деловые и добрые взаимоотношения с коллегами; поддержка коллег словом и делом
Ценности ветеринарной традиции	Сохранение и приумножение традиций ветеринарной медицины; соблюдение норм профессиональной этики; следование положениям закона «О ветеринарии» и ветеринарного законодательства
Ценности инноваций	Внедрение в работе достижений науки и передового опыта в области ветеринарии и животноводства
Ценности благополучия	Забота о здоровье человека; охрана окружающей среды; охрана здоровья животного, повышение продуктивности животных; гуманное и заботливое отношение ко всему живому; постоянная готовность оказать ветеринарную помощь
Ценности нравственности	Верность профессиональному долгу; безупречное поведение на работе и в быту; приоритет профессиональных интересов; ответственность перед государством и народом

Как мы видим, в «Клятве ветеринарного врача» нашли отражение только общественно значимые ценности, ориентированные на интересы государства, народа, других людей и благополучие животных. При этом собственные лично значимые ценности ветеринарного врача остались без внимания. Однако, согласно теории базовых ценностей Ш. Шварца, ценности человека должны отражать личную и социальную выгоду от результата, иметь направленность на собственное благо или благо других (Шварц, 2016). Обращение к теории ценностей Ш. Шварца

позволило нам содержательно дополнить общественно значимые ценности ветеринарии личностно значимыми профессиональными потребностями, мотивами, устремлениями и интересами самих ветеринарных врачей.

Для систематизации полученного эмпирического результата мы обратились к идее Ш. Шварца о том, что базовые ценности человека можно отнести к 4 группам метаценностей: открытость изменениям, консерватизм, самосовершенствование и самотрансценденция (Шварц, 2016; Шварц, 2021). В табл. 2 представлена система профессионально значимых ценностей ветеринарного врача, построенная на основе теории базовых ценностей Ш. Шварца и включающая ценности ветеринарной профессии, отраженные в текстах «Клятва ветеринарного врача».

Таблица 2 – Система профессионально значимых ценностей ветеринарного врача

Table 2 – The system of professionally significant values of a veterinarian

Основные группы ценностей	Типы базовых ценностей по Ш. Шварцу	Личностно значимые ценности по Ш. Шварцу	Профессионально значимые ценности ветеринарного врача
Открытость изменениям	Самостоятельность	Независимость суждений и действий; свобода выбора, творчество и исследование	Самостоятельность в принятии решений, действиях; способность к самостоятельному моральному выбору в ситуациях коллизии
	Стимуляция	Увлеченность, новизна	Интересная, разнообразная работа; стремление к внедрению в работе достижений науки и передового опыта в области ветеринарии и животноводства
	Стремление к удовольствиям	Удовольствие, развлечение	Самоудовлетворение в работе; получение удовольствия от работы
Самосовершенствование	Достижение	Личный успех как результат компетентности	Совершенствование профессиональных знаний и ветеринарного мастерства; успешность в работе; профессиональное признание и одобрение коллег
	Власть	Доминирование, контроль, личная значимость, престиж	Карьерный рост, авторитетность в профессии; руководящая должность
Консерватизм	Безопасность	Личная безопасность, гармоничность, стабильность в обществе и взаимоотношениях	Верность профессиональному долгу; приоритет профессиональных интересов; ответственность перед государством и народом; здоровьесбережение; профессиональная стабильность; деловые и добрые взаимоотношения с коллегами
	Соблюдение норм	Сдержанность в действиях, намерениях и чувствах во избежание конфликтов, нарушения социальных норм	Безупречное поведение на работе и в быту; соблюдение норм профессиональной этики; вежливость в общении с клиентами и коллегами; самодисциплина, субординация, ответственность
	Традиция	Уважение, приверженность и принятие традиций и обычаев общества	Сохранение и приумножение традиций ветеринарной медицины; содействие развитию ветеринарной науки и практики, престижу ветеринарной медицины; следование положениям закона «О ветеринарии» и ветеринарного законодательства
Самотрансценденция	Благожелательность	Сохранение и укрепление благополучия других людей; отзывчивость, дружелюбность	Готовность оказать ветеринарную помощь; благополучие животных и общества; сотрудничество и оказание поддержки в работе
	Универсализм	Понимание, толерантность, забота о других людях и природе	Уважение к переживаниям владельца пациента и вежливое отношение к нему; забота о здоровье человека и животных; охрана окружающей среды; уважение и благодарность учителям в профессии

Согласно теории Ш. Шварца перечисленные группы ценностей могут быть совместимы между собой или рождать конфликт (Шварц, 2021). Совместимые непротиворечивые ценности одного человека или группы людей обеспечивают гармоничные отношения человека с самим собой и с другими людьми, слаженную работу, позитивное взаимодействие, высокие результаты труда. При этом ценности, которые противопоставлены другим ценностям, способствуют достижению одних целей и препятствуют достижению других, и могут рождать конфликт внутри человека или между людьми одной группы. Так, например, стремление ветеринара к самостоятельности в принятии решений по вопросам лечения, готовность к использованию новейших технологий и препаратов в диагностике и лечении животных, способность к моральному выбору в ситуациях ведения пациентов с неизлечимыми болезнями находятся в конфликте с необходимостью соблюдать коллегиальность и субординацию в вопросах диагностики и лечения, придерживаться принципа «не навреди» при проведении тех или иных операций и процедур с использованием новейших технологий или при назначении новейших препаратов, побочные эффекты которых полностью неизвестны. При этом стремление ветеринара к самостоятельности и независимости в работе непосредственно связано с его желанием профессионального роста и совершенствования профессионального мастерства. Удовлетворение потребности ветеринарного врача в получении удовольствия и самоудовлетворения от работы, выполнении интересной и разнообразной работы создает позитивный эмоциональный настрой, благоприятную атмосферу на работе, что влияет на качество профессиональной коммуникации и взаимодействия и в конечном счете на профессиональный результат. Такие ценности, как профессиональная стабильность, деловые и добрые отношения с коллегами и клиентами, вежливость в общении на работе, дополняются ценностями сотрудничества и оказания поддержки в работе, благополучия животных и общества в целом.

Мы можем сделать вывод, что профессионально значимые ценности ветеринарного врача – это совокупность связанных между собой и дополняющих друг друга мотивационных установок, потребностей, интересов, отношений и личностных качеств, обладающих личностной значимостью и социальной направленностью, определяющих уровень профессионализма, поведение ветеринарного врача при выполнении профессиональных обязанностей, характер его коммуникации с пациентом и клиентом, взаимодействие с коллегами и вспомогательным персоналом, эмоциональный настрой в работе.

Для определения степени принятия профессиональных ценностей будущими ветеринарами было проведено анкетирование обучающихся. Анкета включала вопросы, описывающие мотивационные установки, стремления, интересы и потребности, которые указывали на важность той или иной профессионально значимой ценности. Обучающиеся должны дать оценку по 9-балльной шкале: «неважно для меня» (0–3), «важно для меня» (4–6), «крайне важно для меня» (7–9).

Анализ ответов обучающихся позволил нам установить, с одной стороны, ценностные приоритеты будущих ветеринаров в профессии, с другой стороны, отсутствующие или малозначимые для них мотивы, интересы, качества личности ветеринара. Так, благополучие животных, ответственность в работе и получение удовольствия от работы являются наиболее значимыми ценностями профессии для 80–90 % опрошенных. 45–60 % обучающихся считают для себя крайне важными овладение новыми знаниями и совершенствование профессионального мастерства, возможность внедрения в работе новых технологий и методик лечения животных, выполнение интересной разнообразной работы, успешность в работе, карьерный рост и высокие доходы. Также обучающимися были отмечены как достаточно важные общественное благополучие, самодисциплина, здоровьесбережение. В профессиональном общении для 50–55 % опрошенных большое значение имеют вежливость в общении с клиентами и коллегами, толерантность, сотрудничество и оказание поддержки в работе. При этом мы обратили внимание, что менее важными для будущих ветеринаров являются соблюдение норм поведения, принятых в профессиональной среде. Так, 40–50 % опрошенных отметили, что для них не важны в работе гармоничные отношения с кол-

легами и клиентами, а также одобрение коллег и профессиональное признание. Более половины анкетированных (65 %) согласились с тем, что для ветеринарного врача престиж профессии не имеет большого значения.

Ценностный аспект личности проявляется в вербальном выражении. В работах В. И. Карасика, посвященных вопросам аксиологической лингвистики, говорится, что «ценностные ориентиры личности прослеживаются в любом из типов дискурса» (Карасик, 2002, с. 28); в речевых произведениях отражаются ценностные доминанты личности, «характеризующие ее и как принадлежащей социокультурной общности, и как индивидуума» (Карасик, 2002, с. 5). Таким образом, дальнейшее изучение ценностных приоритетов, мотивационных установок будущих ветеринарных врачей было проведено при помощи метода лингвосмыслового анализа речевых произведений обучающихся – текстов эссе на тему «Моя будущая профессия». Обучающимся надо было высказаться в письменной форме по нескольким вопросам.

«Почему я выбрал(а) профессию ветеринарного врача?» В подавляющем большинстве случаев обучающие объясняют свой выбор профессии ветеринара желанием и возможностью помогать животным. «Я хочу помогать животным, защищать их». «Хочу помогать людям заботиться о животных, улучшать качество их жизни, продлевать им жизнь». Следует отметить особенное отношение обучающихся к животным: «Животные – это наши друзья, мы живем с ними на одной планете и помогаем друг другу». «Многие люди держат домашних любимцев, к которым относятся как к членам семьи». «Я хочу жить в стране, где права животных практически уравниваются с правами человека». У обучающихся прослеживается тенденция отождествления домашнего животного с человеком, или даже они отдают предпочтение животному по сравнению с человеком: «Мне нравится медицина, но я не люблю работать с людьми, поэтому я решила стать ветеринаром».

«Что является наиболее важным для меня в работе ветеринара?» В работе ветеринарного врача наибольшее значение для обучающихся имеют профессиональные знания и умения, готовность к постоянному обучению, «наживание» практического опыта, принятие сложных решений, ответственность за здоровье животного, обмен опытом и знаниями с коллегами: «Мне нужно ещё многому научиться». «Эта работа важна, потому что необходимо контролировать заболевания, которые передаются от животного к человеку». «Главное в работе ветеринара – это быть ответственным, поскольку от него зависит здоровье и жизнь животного». «Работа ветеринара является общественно полезной».

«Какими качествами должен обладать ветеринарный врач?» Используя принцип частотности, мы составили список наиболее важных профессионально значимых качеств и умений ветеринарного врача по оценке обучающихся младших курсов. Перечисленные характеристики были упомянуты в связи с разными аспектами ветеринарной работы, такими как профессионализм и профессиональное саморазвитие, коммуникация, взаимодействие, эмоциональная вовлеченность (табл. 3).

Таблица 3 – Профессионально значимые качества и умения ветеринарного врача по оценке обучающихся

Table 3 – Professionally significant qualities and skills of a veterinarian as stated by students

Аспекты ветеринарной работы	Необходимые качества и умения
Профессионализм и профессиональное саморазвитие	ответственность, субординация, самодисциплина, наблюдательность, быстрое мышление, осторожность и внимательность, стремление к саморазвитию и самообразованию, владение профессиональной терминологией
Коммуникация	высокие коммуникативные способности в общении с владельцами животных, вежливость в общении с клиентами и коллегами, доброта и коммуникабельность
Взаимодействие	умение работать в команде
Эмоциональная вовлеченность	эмоциональная устойчивость (не принимать близко к сердцу смерть пациентов), эмпатия, выдержка, самообладание, выносливость, безграничная любовь к животным

Эти качества неразрывно связаны с мотивационными установками личности, определяют ее готовность к кооперации, стремление к взаимодействию и профессиональному росту.

«Как стать успешным ветеринарным врачом?» В своих ответах обучающиеся демонстрируют глубокое понимание многоплановости ветеринарной профессии, они отмечают разные важные аспекты ветеринарной работы, каждый из которых требует определенных способностей и мотивировок со стороны практикующих ветеринаров для достижения успешности. *«Успех в профессиональной деятельности зависит от того, насколько хорошо ты владеешь коммуникативными умениями, ведь в работе множество моментов строятся на умении вести диалог».* *«В ветеринарной работе, чтобы стать успешным, необходимы профессиональные знания и высокие межличностные умения».* *«Профессия ветеринара предполагает непрерывное профессиональное развитие в течение всей жизни, овладение новыми технологиями в ветеринарной практике».*

«Какие мои качества и умения помогут мне стать хорошим ветеринарным врачом?» Обучающимися были отмечены желание постоянно учиться новому, коммуникативные умения, умения самоорганизации, стрессоустойчивость, самоконтроль, доброта, честность, терпение, физическая выносливость, вежливость. *«В процессе обучения я приобрету специфические профессиональные умения, например, накладывать швы, устанавливать причину заболеваний, делать инъекции, операции и др.»* *«Я хочу научиться быть толерантным, собранным и стрессоустойчивым в ситуациях неотложной помощи».* *«Мне необходимо стать более стрессоустойчивым, чтобы сохранить моральное здоровье».*

Обращает на себя внимание, что обучающиеся практически не использовали термин «пациент», когда говорили о животных. Для них характерно восприятие животного на личностном уровне. Частое использование слов «нужно», «должны», «необходимо» говорит об осознании ответственности, их дисциплине. Выражая свое отношение к работе ветеринарного врача, обучающиеся опираются на свое индивидуальное представление о профессии и на представления профессионального сообщества. Так, в негативном аспекте будущие ветеринары могут говорить о владельцах животных, с которыми приходится иметь дело. Негативная оценка чаще всего связана с неуравновешенным эмоциональным состоянием клиента – «нервные», «неадекватные», «проблемные». В отношении домашних животных были использованы такие выражения, как «домашние любимцы», «домашние питомцы», «члены семьи». Можно сделать вывод о высокой эмоциональности обучающихся в восприятии пациента и клиента, очевидном приоритете интересов пациента.

На основе изучения степени понимания и принятия обучающимися ценностей ветеринарной профессии мы можем сделать вывод, что на начальном этапе овладения профессией наиболее важными для обучающихся являются ценности социальной направленности, ориентированные на благополучие животных и общества, сотрудничество и оказание поддержки в работе, которые согласуются с ценностями «самодисциплина», «ответственность» и «субординация». Принятие ценности вежливого общения с клиентами и коллегами позволит будущим ветеринарам избегать конфликтов в работе с владельцами животных, подверженных неустойчивому эмоциональному поведению в трудных ситуациях. Необходимо отметить высокую значимость для обучающихся ценностей профессиональных знаний и совершенствования профессионального мастерства. Эти ценности неразрывно связаны с ценностями открытости новшествам в работе и стремлением к карьерному росту. Также следует указать, что отмеченное обучающимися желание выполнять интересную работу и получать от нее удовольствие будет способствовать формированию положительного отношения к работе ветеринарного врача.

Выводы

В работе предпринята попытка исследовать ценностную составляющую профессии ветеринарного врача в контексте изменяющихся представлений о роли ветеринара и задачах ветеринарной медицины. Исследование было направлено на разработку содержательных характеристик профессионально значимых ценностей ветеринарного врача. Результатом проведенного исследо-

вания стало создание системы профессионально значимых ценностей ветеринарного врача на основе теории базовых ценностей Ш. Шварца, включающей ценности ветеринарной профессии (ценности профессиональных знаний, коммуникации, взаимодействия, ветеринарной традиции, инноваций, благополучия и нравственности), отраженные в текстах «Клятва ветеринарного врача». В содержательном плане система профессиональных ценностей ветеринара построена на мотивационных установках, потребностях, интересах и личностных качествах, имеющих личностную значимость и социальную направленность и обладающих потенциальной возможностью совместимости и конфликта в каждом конкретном клиническом случае. На основе анализа аксиологической составляющей ветеринарной профессии было дано уточнение понятия «профессионально значимые ценности ветеринарного врача» как совокупности связанных между собой мотивационных установок, потребностей, интересов, отношений и личностных качеств, обладающих личностной значимостью и социальной направленностью, определяющих уровень профессионализма, поведение ветеринарного врача при выполнении профессиональных обязанностей, характер его коммуникации с пациентом и клиентом, взаимодействие с коллегами и вспомогательным персоналом, эмоциональный настрой в работе.

С помощью методов анкетирования и лингвосмыслового анализа речевых произведений обучающихся были установлены ценностные приоритеты, доминирующие мотивы и установки будущих ветеринарных врачей на начальном этапе профессионального становления. На основе анализа полученных данных сделаны выводы:

- 1) о доминировании у обучающихся ценностей социальной направленности, ориентированных на благополучие животных и общества, сотрудничество и оказание поддержки в работе, которые согласуются с ценностями ветеринарной традиции и соблюдения норм профессиональной этики;
- 2) постижении обучающимися значимости ценностно-волевого аспекта личности ветеринара;
- 3) осознании обучающимися важности профессиональных знаний и умений и их дальнейшего совершенствования для достижения профессиональной успешности и карьерного продвижения;
- 4) совместимости личностно значимых и социально направленных профессиональных ценностей будущих ветеринаров как фактора успешного овладения профессией.

Источники

- Абросимова Е. А. (2022) Номинации пациента в ветеринарном дискурсе: языковая рефлексия и тенденции. Филологические науки. Вопросы теории и практики, т. 15, № 11, с. 3592–3597. DOI: 10.30853/phil20220634.
- Абросимова Е. А., Маджаева С. И. (2022) Ветеринарный дискурс в зеркале современных научных исследований: систематический обзор. Филологические науки. Вопросы теории и практики, т. 15, № 3, с. 751–758. DOI: 10.30853/phil20220140.
- Алдашева А. А., Мельникова Н. Г. (2013) Ценностно-смысловое отношение личности к деятельности в ситуации конкурсного отбора кандидатов (на примере банковской сферы). В кн.: Личность профессионала в современном мире. Коллективная монография. М., Институт психологии РАН, с. 544–560.
- Асташова Н. А. (2018) Развитие аксиосферы будущего педагога в диалоговом пространстве современного образования. Образование и наука, т. 20, № 7, с. 32–67. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-32-67.
- Калинин А. В., Власова Н. В., Ерошенко Ю. В. (2016) Формирование ценностно-смысловых компетенций студентов средствами предметного содержания. Известия Воронежского государственного педагогического университета, № 4 (273), с. 68–71. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27674591>.
- Карасик В. И. (2002) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 331 с.
- Короткова Н. Л. (2022) Профессиональная идентичность ветеринарного врача как основа вузовской подготовки: анализ зарубежных концепций. Вестник ВГУ. Серия: проблемы высшего образования, № 3, с. 57–60.
- Куламина И. В., Абросимова Е. А., Винья-Тальянти Я. (2022) Структурно-содержательная модель профессионально-коммуникативной идентичности ветеринаров. Современные проблемы науки и образования, № 4. <https://science-education.ru/article/view?id=31863>.
- Лапина Е. В. (2016) Содержание и методы развития профессионально значимых ценностей педагога в системе повышения квалификации. Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, № 2, с. 222–225.
- Махнач А. В., Дикая Л. Г. (2018) Мировоззренческая направленность как компонент жизнеспособности человека в социомических профессиях. Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда, т. 3, № 1, с. 62–91.

- Новикова О. Н. (2014) Состояние и задачи изучения ветеринарного дискурса. Современные проблемы науки и образования, № 5. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14921>.
- Попованова Н. А., Кравченко В. М., Казакова Г. Н., Бартновская Л. А. (2018) Условия формирования ценностных ориентаций бакалавров педагогического вуза. Ярославский педагогический вестник, № 2, с. 32–38.
- Постылякова Ю. В. (2013) Роль ценностных ориентаций руководителя при выборе способа действий в сложной профессиональной ситуации. В кн.: Личность профессионала в современном мире. Коллективная монография. М., Институт психологии РАН, с. 610–620.
- Пугачева Н. П., Здорovinин В. А. (2020) Философские проблемы ветеринарии в аспекте этики жизни. Национальное здоровье, № 1. <https://www.national-zdorov.ru/m/products/Philosophical%20sciences/gid576>.
- Чекалева Н. В., Алексеева Т. Ю. (2021) Развитие профессиональной идентичности на основе профессионально-ценностных ориентаций будущих педагогов. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, № 3 (32), с. 159–162. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-159-162.
- Шилова Л. А. (2019) Проблема эвтаназии в ветеринарии. Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. Спецвыпуск № 6. <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/S06/00682.pdf>.
- Шипилина Л. А. (2021) К проблеме формирования ценностных ориентаций современных менеджеров образования в процессе подготовки в магистратуре. Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижневартовск, Изд-во Нижневартовского государственного университета, с. 269–275. DOI: 10.36906/KSP-2020/44.
- Шнейдер Л. Б. (2001) Профессиональная идентичность. Монография. М., Изд-во МОСУ, 272 с.
- Armitage-Chan E. (2020) Best practice in supporting professional identity formation: use of a professional reasoning framework. Journal of veterinary medical education, no. 47 (2), pp. 125–136.
- Scholz E. (2019) Professional identity development in new graduate veterinarians, Charles Sturt University, Australia, 305 p.
- Schwartz S. H. (2016) Basic individual values: sources and consequences. In: T. Brosch, D. Sander (eds.), Handbook of value: Perspective from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology Oxford University Press, Oxford, pp. 63–84.
- Schwartz S. H. (2021). A repository of Schwartz value scales with instructions and an introduction. Online Readings in Psychology and Culture, no. 2 (2). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1173>.

References

- Abrosimova E. A., Madzhaeva S. I. (2022) Veterinarnyj diskurs v zerkale sovremennyh nauchnyh issledovanij: sistematičeskij obzor [Veterinary discourse in the mirror of modern scientific research: a systematic review]. Philology. Theory & Practice, vol. 15, no. 3, pp. 751–758. DOI: 10.30853/phil20220140 (In Russian).
- Abrosimova E. A. (2022) Nominacii pacienta v veterinarnom diskurse: jazykovaja refleksija i tendencii [Patient nominations in veterinary discourse: linguistic reflection and trends]. Philology. Theory & Practice, vol. 15, no. 11, pp. 3592–3597. DOI: 10.30853/phil20220634 (In Russian).
- Aldasheva A. A., Melnikova N. G. (2013) Cennostno-smyslovoe otnoshenie lichnosti k dejatel'nosti v situacii konkursnogo otbora kandidatov (na primere bankovskoj sfery) [Value-semantic attitude of a person to activity in a situation of competitive selection of candidates (on the example of the banking sector)]. In: Lichnost' professionala v sovremennom mire [The personality of a professional in the modern world]. Collective monograph. Moscow, Institute of Psychology RAS, pp. 544–560 (In Russian).
- Armitage-Chan E. (2020) Best practice in supporting professional identity formation: use of a professional reasoning framework. Journal of veterinary medical education, no. 47 (2), pp. 125–136.
- Astashova N. A. (2018) Razvitie aksiosfery budushhego pedagoga v dialogovom prostranstve sovremennogo obrazovanija [Development of the axiosphere of the future teacher in the dialogue space of modern education]. The Education and Science Journal, vol. 20, no. 7, pp. 32–67. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-32-67 (In Russian).
- Chekaleva N. V., Alekseeva T. Ju. (2021) Razvitie professional'noj identichnosti na osnove professional'no-cennostnyh orientacij budushhih pedagogov [Development of professional identity based on professional value orientations of future teachers]. Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, no. 3 (32), pp. 159–162. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-159-162 (In Russian).
- Kalinin A. V., Vlasova N. V., Eroshenko Ju. V. (2016) Formirovanie cennostno-smyslovyh kompetencij studentov sredstvami predmetnogo soderzhaniya [Formation of value-semantic competencies of students by means of subject content]. Izvestia Voronezh State Pedagogical University, vol. 4 (273), pp. 68–71. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27674591> (In Russian).
- Karasik V. I. (2002) Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskursy [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 331 p. (In Russian).
- Korotkova N. L. (2022) Professional'naja identichnost' veterinarnogo vracha kak osnova vuzovskoj podgotovki: analiz zarubezhnyh koncepcij [Professional identity of a veterinarian as the basis of university training: analysis of foreign concepts]. Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education, no. 3, pp. 57–60 (In Russian).

- Kulamihina I. V., Abrosimova E. A., Vigna-Taglianti J. (2022) Strukturno-soderzhatel'naja model' professional'no-kommunikativnoj identichnosti veterinarov [Structural-content model of professional and communicative identity of veterinarians]. *Modern problems of science and education*, no. 4. <https://science-education.ru/article/view?id=31863> (In Russian).
- Lapina E. V. (2016) Soderzhanie i metody razvitija professional'no znachimyh cennostej pedagoga v sisteme povyshenija kvalifikacii [The content and methods of development of professionally significant values of a teacher in the system of advanced training]. *Pyatigorsk State University Bulletin*, no. 2, pp. 222–225 (In Russian).
- Mahnach A. V., Dikaja L. G. (2018) Mirovozzrencheskaja napravlenost' kak komponent zhiznesposobnosti cheloveka v socionomicheskikh professijah [World outlook as a component of human viability in socioeconomic professions]. *Scientific e-Journal Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, vol. 3, no. 1, pp. 62–91 (In Russian).
- Novikova O. N. (2014) Sostojanie i zadachi izuchenija veterinarnogo diskursa [State and tasks of studying veterinary discourse]. *Modern problems of science and education*, no. 5. <https://science-education.ru/article/view?id=14921> (In Russian).
- Popovanova N. A., Kravchenko V. M., Kazakova G. N., Bartnovskaja L. A. (2018) Uslovija formirovanija cennostnyh orientacij bakalavrov pedagogicheskogo vuza [Conditions for the formation of value orientations of bachelors of a pedagogical university]. *Jaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 2, pp. 32–38 (In Russian).
- Postyljakova Ju. V. (2013) Rol' cennostnyh orientacij rukovoditelja pri vybore sposoba dejstvij v slozhnoj professional'noj situacii [The role of the manager's value orientations in choosing a method of action in a difficult professional situation]. In: *Lichnost' professionala v sovremennom mire [The Personality of a Professional in the Modern World]*. Collective monograph. Moscow, Institute of Psychology RAS, pp. 610–620 (In Russian).
- Pugacheva N. P., Zdorovinin V. A. (2020) Filosofskie roblem veterinarii v aspekte jetiki zhizni [Philosophical problems of veterinary medicine in the aspect of life ethics]. *National Health*, no. 1. <https://www.national-zdorov.ru/m/products/Philosophical%20sciences/gid576/> (In Russian).
- Scholz E. (2019) Professional identity development in new graduate veterinarians, Charles Sturt University, Australia, 305 p.
- Schwartz S. H. (2016) Basic individual values: sources and consequences. In: T. Brosch, D. Sander (eds.), *Handbook of value: Perspective from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology* Oxford University Press, Oxford, pp. 63–84.
- Schwartz S. H. (2021). A repository of Schwartz value scales with instructions and an introduction. *Online Readings in Psychology and Culture*, no. 2 (2). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1173>.
- Shilova L. A. (2019) Problema jevtanazii v veterinarii [The problem of euthanasia in veterinary medicine]. *Jelektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU – Electronic scientific and methodical journal of the Omsk State Agrarian University*, no. 6. <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/S06/00682.pdf> (In Russian).
- Shipilina L. A. (2021) K probleme formirovanija cennostnyh orientacij sovremennyh menedzherov obrazovaniya v processe podgotovki v magistrature [On the problem of the formation of value orientations of modern education managers in the process of preparing for the magistracy]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy [Culture, science, education: problems and prospects]*. Materials of the VIII All-Russian scientific-practical conference with international participation. Nizhnevartovsk, Publ. House of Nizhnevartovsk State University, pp. 269–275. DOI: 10.36906/KSP-2020/44 (In Russian).
- Shnejder L. B. (2001) Professional'naja identichnost' [Professional Identity]. Monograph. Moscow, MOSU Publ. House, 272 p. (In Russian).

Информация об авторе

Куламихина Ирина Валентиновна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков. Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, г. Омск, РФ.

ORCID ID: 0000-0003-3900-6365.

E-mail: irakula@yandex.ru

Autor's information

Irina V. Kulamikhina

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Foreign Languages. Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0003-3900-6365.

E-mail: irakula@yandex.ru

К. А. Менлакаева¹ ✉, Н. В. Абрамовских¹

✉ m.kaa2018@yandex.ru

¹Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Российская Федерация

Методологические основания профессиональной подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста

Аннотация: Проблема исследования – процесс подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста. ФГОС ВО подчеркивает необходимость развития у студентов экономической культуры, включая финансовую грамотность. Теоретический обзор отечественных научных достижений позволил выделить спектр методологических оснований, необходимых для организации учебного процесса в высшем учебном заведении. В статье представлены результаты исследования проблемы определения методологических оснований профессиональной подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста. В качестве таких оснований раскрываются положения системного, компетентностного и аксиологического подходов, описывается их значение и потенциал для качественной подготовки студентов к профессиональной деятельности. В статье также проведен анализ принципов обучения студентов педагогических направлений, ориентированных на организацию образовательного процесса в вопросах подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста. Таким образом, соответствующая подготовка будущих педагогов к профессиональной деятельности в области формирования у обучающихся начальной школы финансовой грамотности в условиях современного образования обеспечивает овладение обучающимися широким спектром профессиональных компетенций.

Ключевые слова: финансовая грамотность, профессиональное образование, компетентностный подход, дети младшего школьного возраста, будущие педагоги.

Дата поступления статьи: 5 мая 2024 г.

Для цитирования: Менлакаева К. А., Абрамовских Н. В. (2025) Методологические основания профессиональной подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 114–122. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.10.

Scientific article

К. А. Menlakaeva¹ ✉, N. V. Abramovskikh¹

✉ m.kaa2018@yandex.ru

¹Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

Methodological grounds for the professional training of future teachers to develop financial literacy in children of primary school age

Annotation: The research problem is the process of preparing future teachers to develop financial literacy in children of primary school age. The Federal State Educational Standard for Higher Education emphasizes the need to develop students' economic culture, including financial literacy. A theoretical review of domestic scientific achievements made it possible to identify the necessary range of methodological foundations necessary for organizing the educational process in a higher educational institution. The article presents the results of a study of the problem of determining the methodological basis for the professional training of future teachers to develop financial literacy in children of primary school age. As such foundations, the provisions of the systemic, competency-based and axiological approaches are revealed, their significance

and potential for high-quality preparation of students for professional activity is described. The article also analyzes the principles of teaching students in pedagogical fields, focused on organizing the educational process in preparing future teachers for the formation of financial literacy in children of primary school age. Thus, appropriate preparation of future teachers for professional activities in the field of developing financial literacy among elementary school students in the conditions of modern education ensures that students master a wide range of professional competencies.

Keywords: financial literacy, vocational education, competency-based approach, children of primary school age, future teachers.

Paper submitted: May 5, 2024.

For citation: Menlakaeva K. A., Abramovskikh N. V. (2025) Methodological grounds for the professional training of future teachers to develop financial literacy in children of primary school age. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 19, no. 1, pp. 114–122. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.10.

Ведение

Анализ целей, поставленных государством и обществом перед современным профессиональным образованием, востребованность новых подходов к содержанию и организации процесса подготовки будущих педагогов к профессиональной деятельности в образовательных организациях, степень разработанности исследуемой проблемы позволяют говорить об ее актуальности и социальной значимости (Савченков, 2021).

Методы

Методологической основой послужили работы, опубликованные по вопросам подготовки педагогических кадров к профессиональной деятельности в системе отечественного высшего образования, в частности, в области формирования финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста, а также по методическому обеспечению повышения качества образовательного процесса. Кроме этого, использовались следующие основные методы: теоретический анализ и обобщение положений педагогической науки по проблемам профессиональной подготовки студентов в университетах; анализ федеральных государственных образовательных стандартов по педагогическим направлениям подготовки. Также был использован метод системного анализа для изучения взаимосвязи между различными аспектами профессиональной подготовки педагогических кадров и формирования финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста.

При определении совокупности методологических оснований, способствующих повышению результативности подготовки в вузах будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста, учитывалось следующее:

- социальный заказ общества и государства, выражающийся в потребности в квалифицированных специалистах, способных эффективно решать задачи формирования финансовой грамотности у обучающихся;
- положения системного, компетентностного, аксиологического подходов;
- принципы организации образовательного процесса;
- программа обучения: наличие в учебном плане специализированных курсов или модулей по финансовой грамотности, а также интеграция этой тематики в другие учебные предметы.

Раскроем более подробно каждый пункт.

Социальный заказ государства и общества, выражающийся в потребности в квалифицированных специалистах, способных эффективно решать задачи формирования финансовой грамотности у обучающихся начальной школы, подтверждается следующими положениями.

В «Национальной стратегии повышения финансовой грамотности 2017–2023 гг.» утверждается, что одной из основных причин низкого уровня финансовой грамотности населения на сегодняшний день является недостаток квалифицированных преподавателей, влекущий за собой фрагментарный характер преподавания финансовой грамотности в школах. Это влечет за собой недостаток или отсутствие навыков и компетенций, необходимых для эффективного управления личными финансами, осуществления осознанного выбора финансовых услуг, взаимодействия с

финансовыми организациями, органами и организациями, которые занимаются защитой прав потребителей финансовых услуг¹.

Данная проблема обозначилась после того, как в Приказе Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» с 1 сентября 2022 года перед общеобразовательными организациями была поставлена задача обязательной интеграции элементов финансовой грамотности в предметные области по математике и окружающему миру. Преподавание основ финансовой грамотности рекомендовано внедрять через «использование начальных математических знаний при решении учебных и практических задач и в повседневных ситуациях для описания и объяснения окружающих предметов, процессов и явлений, оценки их количественных и пространственных отношений, в том числе в сфере личных и семейных финансов», а также «формирование навыков здорового и безопасного образа жизни на основе выполнения правил безопасного поведения в окружающей среде, в том числе знаний о небезопасности разглашения личной и финансовой информации при общении с людьми вне семьи, в сети Интернет и опыта соблюдения правил безопасного поведения при использовании личных финансов»². Так, обязательное преподавание основ финансовой грамотности и неготовность практикующих педагогов к ее формированию у обучающихся начальной школы поставили перед образовательными учреждениями новую задачу на этапе получения профессионального образования – подготовка педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста.

Система профессиональной подготовки будущих педагогов в современных вузах соответствует требованиям ФГОС ВО, в основу которого заложены системно-деятельностный и компетентностный подходы. ФГОС ВО подчеркивает необходимость развития у студентов экономической культуры, включая финансовую грамотность. Это является частью универсальной компетенции УК-9: «Способность принимать обоснованные экономические решения в различных сферах жизни». Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г. № 121 (с изменениями и дополнениями) обязывает вузы создавать условия для развития этой компетенции у студентов. Это должно осуществляться в рамках преподавания различных дисциплин и организации различных видов деятельности студентов.

Данные нормативные акты подтверждают потребность общества и государства в квалифицированных специалистах, способных эффективно преподавать финансовую грамотность и формировать ее у обучающихся.

На основе анализа научно-методической литературы с учетом специфики исследуемой проблемы в качестве методологической основы построения образовательного процесса при подготовке студентов к формированию финансовой грамотности у обучающихся младшего школьного возраста были избраны системный, компетентностный, аксиологический подходы. Значимость данных подходов в решении поставленной задачи выражается в следующем:

Системный подход рассматривает процесс формирования финансовой грамотности как сложную систему со взаимосвязанными компонентами подготовки: целями, содержанием, методами, средствами, результатами. Данный подход позволяет выстроить иерархию целей и задач подготовки, определить оптимальное сочетание различных видов деятельности студентов. В рамках исследуемой проблемы важно не только формулировать цели, связанные с «приростом» профессиональных знаний и специальных умений, но и создавать ценностно-мотивационные условия, ориентированные на развитие студента как субъекта учебной деятельности (Дюмина, 2019, с. 138). Понимая структуру и элементы этой системы, преподаватели могут разрабатывать комплексные и эффективные программы обучения. Ключевые аспекты, которые следует учитывать, включают разработку учебных планов, методы преподавания, стратегии оценки и интеграцию технологий.

Аксиологический подход фокусируется на привитии студентам ценностей и этических принципов, связанных с финансовым поведением. Данный подход позволяет анализировать педагогические явления с позиций заложенных в них возможностей удовлетворения общественных

¹Проект «Национальная стратегия повышения финансовой грамотности 2017-2023 гг.».

²Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286.

и личностных потребностей (Горбунова, 2019). Аксиологический подход представлен трудами Э. Гартмана, Е. А. Казаевой (Казаева, 2009), А. В. Кирьяковой (Кирьякова, 2010), З. Г. Нигматова (Нигматова, 2015), С. И. Маслова (Маслов, 2013), В. А. Слостенина, Е. В. Яковлева (Яковлев, 2012), Е. Ю. Литвиненко (Литвиненко, 2020), Л. В. Лидак (Лидак, 2018). Авторы в своих трудах отмечают, что к формированию у обучающихся ценностного отношения к труду и ценностям, образованным в результате трудовой деятельности, следует подойти задолго до того, как обучающийся сам начнет их создавать. Так начинается финансовое становление личности и воспитание культуры взаимоотношений человека и денег (содержательное, организационное, социокультурное) (Красноперова, 2023). Данные положения подчеркивают важность ответственного принятия решений обучающимися, понимания ими последствий финансовых действий и развития чувства социальной ответственности. В процессе подготовки студентов к формированию финансовой грамотности у младших школьников акцентируется внимание на воспитании таких ценностей, как бережливость, разумное потребление, финансовая ответственность.

Современный компетентностный подход в высшем образовании предполагает разделение навыков на общие (универсальные – мягкие, гибкие, то есть *soft skills*) и специальные (профессиональные – жесткие, то есть *hard skills*) (Сорокина, 2021, с. 100). Жесткие навыки включают практические знания и технические способности, связанные с использованием финансовых инструментов и платформ (Крутых, 2022). Мягкие навыки охватывают критическое мышление, решение проблем, коммуникацию и адаптивность, которые имеют решающее значение для навигации среди постоянно меняющихся финансовых продуктов и услуг (Ильина, 2023). Среди гибких навыков можно отметить, помимо вышеназванных, такие умения, как дисциплина, ответственность, критическое мышление, эмоциональный интеллект и т. д. (Хлынов, 2020, с. 379).

Наиболее эффективный подход в процессе подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста подразумевает сочетание указанных подходов. Интегрируя системное мышление, обучение, основанное на ценностях, и развитие компетенций, университеты могут предложить студентам организацию такой системы обучения, которая будет необходима и достаточна для формирования профессиональной готовности к трудовой деятельности, выражающейся не только в методической составляющей, но и в сформированности высокого уровня финансовой грамотности у самих студентов.

Анализ принципов обучения студентов педагогических направлений, ориентированных на организацию образовательного процесса в вопросах подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста, позволил выделить фундаментальные принципы, регулирующие процесс обучения и создания эффективной профессионально-образовательной среды.

1. Связь теории и практики на основе преемственности обеспечивает фундаментальную концепцию и структурированную цель обучения. Практическая деятельность закрепляет теоретические знания, раскрывающие содержание финансовых инструментов и услуг, и углубляет понимание предмета. Моделирование реальных финансовых ситуаций способствует формированию навыков принятия эффективных финансовых решений и анализа последствий собственных действий, что гарантирует решение практических проблем финансовой направленности в жизненной ситуации. При этом интерактивный и практический характер моделирования делает обучение более мотивирующим для студентов.

Инструментами моделирования могут служить:

- Специализированное программное обеспечение: программы и онлайн-платформы, которые позволяют создавать реалистичные финансовые модели и симуляции.
- Ролевые игры: возможность принятия на себя роли в различных финансовых сценариях, например, играть роль инвестора или финансового консультанта.
- Кейс-стади: анализ реальных или вымышленных финансовых ситуаций посредством подробного исследования определенного финансового случая, проекта, продукта или услуги (Мусина, 2015).

2. Профессиональная мобильность повышает качество подготовки специалистов и их конкурентоспособность. Данный принцип ориентирует образовательные программы на потребности рынка труда (Маслиева, 2017, с. 348). Реализация принципа профессиональной мобильности предусматривает сотрудничество высшего учебного заведения с предприятиями и работодателями, способными обеспечить стажировки и практики для получения опыта ведения финансовой деятельности. Соответствующая организация учебного процесса помогает студентам адаптироваться к изменяющимся условиям рынка труда.

3. Учет возрастных, социально-этических и индивидуальных особенностей студентов предусматривает адаптацию методов обучения и форм работы в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями студентов (Карелова, 2016). Описываемый принцип учитывает социальные группы, культуры и ценностные ориентации студентов, помогает проанализировать потребности и особенности обучающихся при отборе учебного материала, а также способствует эффективному обучению, мотивации и успешным результатам обучения.

4. Индивидуализация обучения предполагает рассмотрение индивидуальных особенностей студентов, таких как уровень знаний, умений, интересов, способностей и мотивации. Данный принцип предполагает определение уровня сформированности финансовой грамотности у каждого студента с целью дальнейшей организации учебной деятельности. С учетом указанных особенностей производится адаптация учебного процесса и выбор методов обучения.

5. Непрерывность образования. Непрерывное образование взрослых представляет собой часть всей образовательной системы, включающей и непрерывное профессиональное образование (Алексеева, 2022, с. 10). Для обеспечения непрерывности образования в данной области важно создать специальные курсы, тренинги и мастер-классы, которые будут проводиться как в рамках учебного процесса, так и во внеучебное время. Необходимо, чтобы будущие педагоги имели возможность непрерывного повышения своей квалификации и обмена опытом с коллегами как в рамках подготовки к трудовой деятельности, так и в процессе ее осуществления.

6. Практическая направленность ориентирует обучение на приобретение практических навыков, необходимых для профессиональной деятельности. Это предусматривает включение в учебный процесс разных форм практической работы, проведение занятий с участием практикующих специалистов из финансовой сферы и образовательных учреждений, реализующих программы по финансовой грамотности, а также предоставление студентам возможности пройти педагогическую практику в школах и других образовательных организациях, которые реализуют программы по финансовой грамотности для обеспечения практической направленности обучения и повышения качества подготовки будущих педагогов.

Применение данных принципов способствует созданию эффективной профессионально-образовательной среды для подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста. Комплексный подход, учитывающий как теоретические знания, так и практические навыки, а также индивидуальные особенности студентов, позволяет обеспечить высокое качество подготовки специалистов и их готовность к успешной профессиональной деятельности.

Результаты

Включение в учебный план специализированных курсов или модулей по финансовой грамотности, которые будут обеспечивать студентов необходимыми знаниями и навыками в этой области, а также интеграция тем по финансовой грамотности в другие учебные предметы является важным аспектом при построении образовательного процесса в вузах. Для продуктивного внедрения в систему профессиональной подготовки будущих педагогов теоретической подготовки по финансовой грамотности необходимо в содержание утвержденного перечня учебных дисциплин интегрировать специальные модули, способствующие подготовке студентов к профессиональной деятельности в области формирования финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста. Например, в рамках курсов по экономике, менеджменту, математике

и другим дисциплинам можно включить элементы финансовой грамотности, чтобы студенты получили возможность усвоить финансовые аспекты данных предметов и применить свои знания на практике. Программу могут представлять следующие модули: «Психолого-педагогические основы формирования финансовой грамотности у младших школьников», «Современные технологии формирования финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста».

Программа носит комплексный характер и предполагает непрерывное и планомерное формирование необходимых компетенций на основе всех учебных дисциплин. Она реализуется по следующим направлениям:

- включение в содержание учебных дисциплин модулей;
- дисциплины по выбору (вариативная часть);
- разработка спецкурсов (вариативная часть);
- научно-исследовательская деятельность обучающихся;
- наполнение содержания всех видов практики.

Курсы по выбору и спецкурсы могут носить следующую направленность. Общепрофессиональные:

- Теоретические основы формирования финансовой грамотности у младших школьников.
- Психолого-педагогические основы формирования финансовой грамотности у младших школьников.
- Теория и практика формирования финансовой грамотности у младших школьников.
- Практикум по формированию финансовой грамотности у младших школьников.
- Раздел производственной практики.

Таким образом, программа обучения с наличием специализированных курсов по финансовой грамотности и интеграцией этой тематики в другие учебные предметы поможет студентам развить навыки управления финансами и принятия обоснованных финансовых решений, что важно как для личного благополучия, так и для успешной реализации трудовой деятельности.

Выводы

Теоретический анализ научно-методической литературы показал, что проблема подготовки студентов – будущих педагогов к профессиональной деятельности сегодня является особенно актуальной. Выделенные нами методологические основания подготовки будущих педагогов к формированию финансовой грамотности у детей младшего школьного возраста включают в себя следующее: социальный заказ общества и государства, выражающийся в потребности в квалифицированных специалистах, способных эффективно решать задачи формирования финансовой грамотности у обучающихся; положения системного, компетентностного, аксиологического подходов; принципы организации образовательного процесса; программа обучения: наличие в учебном плане специализированных курсов или модулей по финансовой грамотности, а также интеграция этой тематики в другие учебные предметы. Отметим, что соответствующая подготовка будущих педагогов к профессиональной деятельности в области формирования у обучающихся начальной школы финансовой грамотности в условиях современного образования обеспечивает овладение обучающимися широким спектром профессиональных компетенций, позволяя осуществлять подготовку специалиста, способного к решению сложных профессиональных задач, осознающего высокую личную ответственность за принимаемые решения.

Источники

- Алексеева П. М. (2022) Непрерывное профессиональное образование: современные подходы к определению. Современные методы и инновации в науке. Сборник избранных статей Всероссийской (национальной) научной конференции, Санкт-Петербург, 12 июня 2022 года. СПб., Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», с. 10–12.
- Горбунова Н. В. (2019) Методологические основы аксиологического подхода в профессиональном педагогическом образовании. Проблемы современного педагогического образования, № 62-1, с. 106–108.
- Дюмина С. В. (2019) Реализация системно-деятельностного подхода к обучению в системе высшего образования как условие развития профессиональной компетентности обучающихся. Известия

- ствия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика, т. 9, № 1 (30), с. 136–142.
- Ильина Л. А., Новиков О. Е. (2023) Актуальность мягких навыков в эпоху цифровизации. Интеллектуальная инженерная экономика и индустрия 5.0 (ЭКОПРОМ). Сборник трудов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2023 года. СПб., Политех-Пресс, с. 38–42.
- Казаева Е. А. (2009) Методологические положения интегративного подхода в аспекте гражданского воспитания молодежи. Высшее образование сегодня, № 3, с. 61–63.
- Карелова Р. А. (2016) Учет возрастных особенностей студентов колледжа при формировании готовности к профессиональной мобильности через субъектный опыт. Наука. Мысль: электронный периодический журнал, т. 6, № 4, с. 77–80.
- Кирьякова А. В., Ольховая Т. А. (2010) Реализация аксиологического подхода в университетском образовании. Высшее образование в России, № 5, с. 124–128.
- Красноперова И. В. (2023) Современные подходы к формированию основ финансовой грамотности детей старшего дошкольного возраста. Вестник Шадринского государственного педагогического университета, № 1 (57), с. 14–20.
- Крутых Е. В., Митринюк Д. В. (2022) «Мягкие» и «жесткие» навыки: ещё раз о терминах. Этнос и культура в эпоху глобализации. Сборник материалов V Международной научной очно-заочной конференции, Сухум, 30 июня – 01 июля 2022 года. Сухум, Издательство КубГТУ, с. 184–192.
- Лидак Л. В. (2018) Методологические основы педагогики высшей школы: аксиологический подход. Университетская наука, № 1 (5), с. 121–125.
- Литвиненко Е. Ю., Сусименко Е. В. (2020) Аксиологический подход в контексте исследования современного высшего образования. Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки, № 2, с. 75–80.
- Маслиева Е. С. (2017) Принцип профессиональной мобильности при подготовке будущих учителей-филологов. Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ялта – Симферополь, 04–05 мая 2017 года. Главный редактор А. Д. Петренко. Ялта – Симферополь, Ариал, с. 346–349.
- Маслов С. И., Маслова Т. А. (2013) Аксиологический подход в педагогике. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, № 3-2, с. 202–212.
- Мусина В. Е., Козляк Т. Н. (2015) Использование технологии кейс-стади в практико-ориентированном профессиональном обучении. Теоретические и практические вопросы психологии и педагогики. Сборник статей Международной научно-практической конференции, Челябинск, 10 декабря 2015 года. Ответственный редактор: Сукиасян А. А.. Том 2. Челябинск, Аэтерна, с. 89–97.
- Нигматов З. Г. (2015) Принципы гуманизма и аксиологии в образовании. Образование и саморазвитие, № 2 (44), с. 138–144.
- Савченков А. В. (2021) Стратегия подготовки будущих педагогов профессионального обучения к осуществлению воспитательной деятельности. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Дисс. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 586 с.
- Сорокина Е. А. (2021) Компетентностный подход для успешной интеграции студента в мир цифровой финансовой грамотности. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, № 11-1 (62), с. 99–102.
- Хлынов А. С. (2020) Преподаватель в трансформирующейся системе высшего образования: основные трудности и возможные пути их преодоления. Социологический нарратив 2020. Общество в эпоху турбулентности: поиски, угрозы и перспективы. Сборник статей по материалам XIX Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов, Москва, 15 мая 2020 года. Под общей редакцией Р. И. Анисимова. М., Российский государственный гуманитарный университет, с. 377–382.
- Яковлев Е. В. (2012) Реализация аксиологического подхода в педагогическом исследовании. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки, № 4 (263), с. 26–29.

References

- Alekseyeva P. M. (2022) Nepreryvnoye professional'noye obrazovaniye: sovremennyye podkhody k opredeleniyu [Continuous professional education: modern approaches to definition]. Sovremennyye metody i innovatsii v nauke [Modern methods and innovations in science]. Collection of selected articles of the All-Russian (national) scientific conference, St. Petersburg, June 12, 2022. St. Petersburg, Humanitarian National Research Institute "Natsrzavitie" Publishing House, pp. 10–12 (In Russian).
- Dyumina S. V. (2019) Realizatsiya sistemno-deyatelnostnogo podkhoda k obucheniyu v sisteme vysshego obrazovaniya kak usloviye razvitiya professional'noy kompetentnosti obuchayushchikhsya [Implementation of a system-activity approach to learning in the higher education system as a condition for the development of students' professional competence]. Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy, vol. 9, no. 1 (30), pp. 136–142 (In Russian).

- Gorbunova N. V. (2019) Metodologicheskiye osnovy aksiologicheskogo podkhoda v professional'nom pedagogicheskom obrazovanii [Methodological foundations of the axiological approach in professional pedagogical education]. *Problems of modern pedagogical education*, no. 62-1, pp. 106–108 (In Russian).
- Ilyina L. A., Novikov O. E. (2023) Aktual'nost' myagkikh navykov v epokhu tsifrovizatsii [Relevance of soft skills in the era of digitalization]. *Intellektual'naya inzhenernaya ekonomika i industriya 5.0 (EKOPROM) [Intelligent engineering economy and industry 5.0 (ECOPROM)]*. Collection of works of the International scientific and practical conference, St. Petersburg, November 17-18, 2023. St. Petersburg, Polytech-Press, pp. 38–42 (In Russian).
- Karelova R. A. (2016) Uchet vozrastnykh osobennostey studentov kolledzha pri formirovaniy gotovnosti k professional'noy mobil'nosti cherez sub'yektnyy opyt [Taking into account the age characteristics of college students in the formation of readiness for professional mobility through subjective experience]. *Nauka. Mysl': elektronnyy periodicheskiy zhurnal – Science. Thought: electronic periodical journal*, vol. 6, no. 4, pp. 77–80 (In Russian).
- Kazaeva E. A. (2009) Metodologicheskiye polozheniya integrativnogo podkhoda v aspekte grazhdanskogo vospitaniya molodezhi [Methodological provisions of the integrative approach in the aspect of civic education of youth]. *Higher education today*, no. 3, pp. 61–63 (In Russian).
- Khlynov A. S. (2020) Prepodavatel' v transformiruyushcheyseya sisteme vysshego obrazovaniya: osnovnyye trudnosti i vozmozhnyye puti ikh preodoleniya [A teacher in the transforming system of higher education: the main difficulties and possible ways to overcome them]. *Sotsiologicheskiy narrativ 2020. Obshchestvo v epokhu turbulentnosti: poiski, ugrozy i perspektivy [Sociological narrative 2020. Society in the era of turbulence: searches, threats and prospects]*. Collection of articles based on the materials of the XIX All-Russian scientific conference of students and postgraduates, Moscow, May 15, 2020. General editor R. I. Anisimov. Moscow, Russian State University for the Humanities, pp. 377–382 (In Russian).
- Kiryakova A. V., Olkhovaya T. A. (2010) Realizatsiya aksiologicheskogo podkhoda v universitetskom obrazovanii [Implementation of the axiological approach in university education]. *Vyssee Obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, no. 5, pp. 124–128 (In Russian).
- Krasnoperova I. V. (2023) Sovremennyye podkhody k formirovaniyu osnov finansovoy gramotnosti detey starshego doskol'nogo vozrasta [Modern approaches to the formation of the basics of financial literacy of senior preschool children]. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, no. 1 (57), pp. 14–20 (In Russian).
- Krutykh E. V., Mitrinyuk D. V. (2022) “Myagkiye” i “zhostkiye” navyki: yeshcho raz o terminakh [“Soft” and “hard” skills: once again about the terms]. *Etnos i kul'tura v epokhu globalizatsii [Ethnicity and culture in the era of globalization]*. Collection of materials of the V International scientific face-to-face and correspondence conference, Sukhum, June 30 – January 01, 2022. Sukhum, KubSTU Publishing House, pp. 184–192 (In Russian).
- Lidak L. V. (2018) Metodologicheskiye osnovy pedagogiki vysshey shkoly: aksiologicheskiy podkhod [Methodological foundations of higher education pedagogy: an axiological approach]. *Universitetskaya nauka – University Science*, no. 1 (5), pp. 121–125 (In Russian).
- Litvinenko E. Yu., Susimenko E. V. (2020) Aksiologicheskiy podkhod v kontekste issledovaniya sovremennogo vysshego obrazovaniya [Axiological approach in the context of the study of modern higher education]. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, no. 2, pp. 75–80 (In Russian).
- Maslieva E. S. (2017) Printsip professional'noy mobil'nosti pri podgotovke budushchikh uchiteley-filologov [The principle of professional mobility in the training of future teachers of philology]. *Aktual'nyye problemy sovremennoy gumanitarnoy nauki: otechestvennyye traditsii i mezhdunarodnaya praktika [Actual problems of modern humanitarian science: domestic traditions and international practice]*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Yalta – Simferopol, May 4-5, 2017. Editor-in-chief A. D. Petrenko. Yalta – Simferopol, Arial Publ., pp. 346–349 (In Russian).
- Maslov S. I., Maslova T. A. (2013) Aksiologicheskiy podkhod v pedagogike [Axiological approach in pedagogy]. *Bulletin of Tula State University. Film Humanities*, no. 3-2, pp. 202–212 (In Russian).
- Musina V. E., Kozlyak T. N. (2015) Ispol'zovaniye tekhnologii keys-stadi v praktiko-oriyentirovannom professional'nom obuchenii [Use of case study technology in practice-oriented professional training]. *Teoreticheskiye i prakticheskiye voprosy psikhologii i pedagogiki [Theoretical and practical issues of psychology and pedagogy]*. Collection of articles of the International scientific and practical conference, Chelyabinsk, December 10, 2015. Editor-in-chief: Sukiasyan A. A.. Volume 2. Chelyabinsk, Aeterna Publ., pp. 89–97 (In Russian).
- Nigmatov Z. G. (2015) Printsipy gumanizma i aksiologii v obrazovanii [Principles of humanism and axiology in education]. *Education and Self Development*, no. 2 (44), pp. 138–144 (In Russian).
- Savchenkov A. V. (2021) Strategiya podgotovki budushchikh pedagogov professional'nogo obucheniya k osushchestvleniyu vospitatel'noy deyatel'nosti [Strategy for preparing future teachers of vocational education for the implementation of educational activities]. *South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. Diss. ... Dr. of Ped. Sci. Chelyabinsk*, 586 p. (In Russian).
- Sorokina E. A. (2021) Kompetentnostnyy podkhod dlya uspezhnoy integratsii studenta v mir tsifrovoy finansovoy gramotnosti [Competence-based approach for successful integration of students into the world of digital financial literacy]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 11-1 (62), pp. 99–102 (In Russian).

Yakovlev E. V. (2012) Realizatsiya aksiologicheskogo podkhoda v pedagogicheskom issledovanii [Implementation of the axiological approach in pedagogical research]. Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences, no. 4 (263), pp. 26–29 (In Russian).

Информация об авторах

Кадрия Арсеновна Менлакаева

Аспирант, старший преподаватель. Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, РФ.

ORCID ID: 0009-0004-8160-9412.

E-mail: m.kaa2018@yandex.ru

Абрамовских Наталья Викторовна

Доктор педагогических наук, профессор. Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, РФ.

ORCID ID: 0000-0002-8869-7919.

E-mail: natali-270171@mail.ru

Autor's information

Kadriya A. Menlakaeva

Graduate student, senior Lecturer. Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation.

ORCID ID: 0009-0004-8160-9412.

E-mail: m.kaa2018@yandex.ru

Natalya V. Abramovskikh

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor. Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0002-8869-7919.

E-mail: natali-270171@mail.ru

Н. С. Ковалёва¹ ✉, **О. Н. Сметанина²**

✉ nskovaleva26@mail.ru

¹Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация²Керченский государственный морской технологический университет, г. Керчь, Российская Федерация

Развитие экологически ответственного поведения у будущих учителей начальных классов

Аннотация: Задача определения эффективных способов формирования ответственного отношения к экологическим проблемам у будущих учителей начальных классов становится все более актуальной в современных условиях. Целью исследования является анализ технологий развития экологически ответственного поведения у студентов, основанных на методах развивающейся экопсихологии (формирование личного опыта связи с природой) и экологической психопедагогике (становление субъективного отношения к природе). Для достижения цели проведен теоретический анализ проблемы экологически ответственного поведения в контексте экологического образования; предложены рекомендации по развитию экологического сознания у будущих учителей начальной школы. В нашем исследовании работы отечественных ученых Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, П. Ф. Каптерева, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина и других послужили теоретической основой изучения экологического сознания. Проведенная на начальном этапе диагностика интенсивности субъективного отношения к природе продемонстрировала низкие показатели, что подтверждает необходимость поиска путей формирования экологически ответственного поведения в образовательном процессе. В заключении отмечено, что экологически ответственное поведение проявляется в самоопределении и ориентации через переоценку системы ценностей, умении осознавать и оценивать природные закономерности, определять и решать проблемы по защите окружающей среды, в чувстве принадлежности к природе.

Ключевые слова: учитель начальной школы, экологическое образование, окружающая среда, экопсихология, субъективное отношения к природе.

Дата поступления статьи: 11 марта 2024 г.

Для цитирования: Ковалёва Н. С., Сметанина О. Н. (2025) Развитие экологически ответственного поведения у будущих учителей начальных классов. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 123–131. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.11.

Scientific article

N. S. Kovaleva¹ ✉, **O. N. Smetanina²**

✉ nskovaleva26@mail.ru

¹Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation²Kerch State Maritime Technological University, Kerch, Russian Federation

Ecological responsibility development of future primary school teachers

Abstract: The tasks of finding effective ways to develop future primary school teachers' liable attitude to the ecological issues and eco-friendly processes is becoming more urgent in modern conditions. The purpose of the study is to analyze technologies for developing students' environmentally responsible behavior, based on the methods of developmental ecopsychology (formation of personal experience of connection with nature) and environmental psychopedagogy (formation of a subjective attitude towards nature). To achieve the goal, a theoretical analysis of the problem of environmental responsibility within the framework of ecological education was carried out. Methodological recommendations have been considered for the development of future teachers' environmental responsibility. The theoretical foundation for studying environmentally responsible behavior was laid by domestic scientists L. S. Vygotsky, V. V. Davydov, A. N. Leontyev, B. G. Ananyev, P. F. Kapterev, S. L. Rubinshtein, D. B. Elkonin, and others, who identified the need for methods for developing

environmentally responsible behavior in future specialists. The results of diagnosing the intensity of subjective attitude toward nature revealed very low indicators, confirming the need for targeted work on the development of environmentally responsible behavior in the educational process. In conclusion, it is noted that environmentally responsible behavior manifests itself in self-determination and orientation through a reevaluation of the value system, a sense of belonging to nature, the ability to recognize and evaluate natural patterns, and the identification and resolution of environmental problems.

Keywords: primary school teacher, ecological education, environment, ecopsychology, subjective attitude towards nature.

Paper submitted: March 11, 2024.

For citation: Kovaleva N. S., Smetanina O. N. (2025) Ecological responsibility development of future primary school teachers. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 123–131. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.11.

Введение

Экологическая проблема цивилизации «обусловлена осознанием того, что технологические возможности человечества стали сравнимы с глобальными процессами планеты» (Панов, 2013). «Преодоление экологического кризиса не представляется возможным без экологически-ответственного поведения и изменения отношения человека к природе» (Ковалева, 2024, с. 77).

Каждый человек несет ответственность за состояние окружающей среды. Решение экологических проблем требует перестройки антропоцентрического типа экологического сознания людей на экоцентрический. «Человечеству предстоит очень трудная задача – внести фундаментальное уважение в свое сознание» (Там же).

И.-В. Гёте подчеркивал, что экологическая ответственность – знание законов природы и повиновение им. «Люди повинуются законам природы, даже когда действуют против них» (Goethe, 2015).

Как процесс обучения, воспитания и развития личности экологическое образование играет интегративную роль в системе высшего образования и связано с проблемами ответственности перед собой и миром и вопросами национальной безопасности. «Психологическим феноменом, формирование которого может помочь преодолеть экологический кризис, является экологическая ответственность» (Ковалева, 2024, с. 77). В ее структуру входят определенные компоненты: личностный, рефлексивный, функциональный и средовой в форме природоцентрического сознания. «Экопсихология – это междисциплинарная и трансдисциплинарная область, которая фокусируется на синтезе экологии и психологии и содействии устойчивому развитию».

Для развития экологически ответственного поведения у будущих учителей начальной школы целесообразно использовать методы экопсихологического взаимодействия с окружающей средой. Но существует следующее противоречие: с одной стороны, активизируется экологизация дисциплин, а с другой – будущие учителя начальной школы имеют низкий уровень сформированности экологически ответственного поведения.

Актуальными являются задачи поиска путей развития сознательного отношения учителей начальной школы к окружающей среде. Современная бизнес-среда характеризуется неопределенностью, острой глобальной конкуренцией и меняющимися потребительскими ожиданиями. Понятия «экологическая ответственность», «экологическая культура» и «экологическое образование» ученые относят к контексту устойчивого развития страны (Панов, Капцов, 2012).

Вопросами формирования экологического поведения занимались многие ученые: В. И. Панов (2013), Ю. К. Бабанский (2009), Н. А. Бирюкова (2005), Р. Чавес, М. Малик, Х. Гадери (Chavez et al., 2021). М. Абоэльмагед изучал экологическую ориентацию (Aboelmaged, 2018). Х. Гадери, Р. Чавес, М. Малик и В. Ю рассматривали экологическую ориентацию и результативность (Chavez et al., 2021). С. Н. Казакова, И. Г. Кочетков, Д. В. Мирошкин, М. М. Тхуго, А. В. Гриненко, О. В. Мизонова, Н. Г. Милорадова отмечают, что «реализация идей гуманистической педагогики и психологии служит основой ценностного отношения к природе и окружающему миру для формирования нового типа экологического сознания» (Miroshkin et al., 2019, p. 593).

И. В. Астраханцева (2016), А. В. Гагарин (2004), Н. П. Андрюшкова (2022), Л. А. Головей (2014) изучали методы формирования навыков практической экологической деятельности. Анализом

экологической ответственности также занимались И. А. Шляпникова и Е. Л. Солдатова (2015). Исследования, проведенные Б. Г. Ананьевым, позволили обнаружить, что преобразования интеллектуальной системы осуществляются под влиянием профессиональной и образовательной деятельности (Ананьев, 2010).

Анализ литературы по данной проблеме показал, что в формировании экологического сознания имеют значительный успех технологическая триада при изучении курса географии (Лощилова, Винокурова, Шеманаев, 2018), проект «Зеленый Дом» (Чернявская, 2006) и мероприятия внеурочной деятельности (Ковалева, 2024).

Проблема данного исследования следующая: каковы пути развития устойчивого экологически ответственного поведения будущих учителей начальных классов?

Целью статьи является определение методики развития экологически ответственного поведения у будущих учителей.

В соответствии с целью поставлены задачи:

- 1) провести теоретический обзор проблем развития экологически ответственного поведения в рамках направлений экологического образования;
- 2) разработать пути развития экологически ответственного поведения у будущих учителей начальной школы.

Предметом нашей работы являются пути развития экологически ответственного поведения; объектом – экологическое сознание студентов.

Методы

Исследование проводилось в течение 2023-2024 гг. в несколько этапов. Развитие представленной проблемы изучалось на теоретико-диагностическом этапе; обобщен педагогический опыт; проведен эксперимент на базе Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета (СевГУ), в результате которого получены исходные данные о понимании экологически ответственного поведения, изучены результаты отношения студентов к загрязнению окружающей среды и его последствиям. В эксперименте приняли участие 30 респондентов 2-3 курсов, направления 44.03.05 Педагогическое образование. Проведена диагностика интенсивности субъективного отношения к природе «Натурафил» (Deryabo, Yasvin, 1991) с целью обоснования необходимости реализации методов по формированию экологической ответственности будущих учителей.

Работы ученых Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, А. Маслоу, Г. Олпорта, У. Франкла, З. Фрейда, Э. Фромма, Э. Эриксона, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Элькнина и др. послужили теоретической основой изучения экологической ответственности.

Результаты

Теоретический анализ научных работ по теме развития экологического сознания, ответственности и ценностного отношения к природе позволил определить показатели сформированности экологически ответственного поведения:

- чувство принадлежности к природе;
- понимание природных закономерностей;
- умение видеть и решать экологические проблемы.

Единой классификации методов в экологическом образовании не существует. Мы принимаем во внимание тот факт, что методы обучения – это система последовательных взаимосвязанных действий учителя и ученика (И. Я. Лернер, Ю. К. Бабанский, Н. М. Скаткин и др.).

Создание методики развития экологически ответственного поведения у будущих учителей, основанной на инновационных экопсихологических средствах, сегодня особенно важно, это обеспечит качество обучения студентов, улучшение показателей их жизнеобеспечения и будущей профессиональной деятельности (Griban et al., 2022).

Наша разработка основана на методах экопсихологического взаимодействия и экологического образования:

1) экопсихологическое взаимодействие: развитие у будущих учителей начальной школы личностного опыта единства с природой и субъективного отношения к природе;

2) экологическое образование: формирование экологической грамотности, личностного опыта практической деятельности по защите окружающей среды.

Как составная экологически ответственного поведения экологическая грамотность предполагает не только владение «экологической информацией, которая входит в нашу жизнь из различных сфер человеческой деятельности (образование, медицина, промышленность, культура и др.)» (Ковалева, 2024, с. 78), но и знания о влиянии природных катаклизмов на наше здоровье. «Длительное время в большинстве образовательных учреждений уделялось недостаточное внимание экологии и экологическому образованию» (Груздева, Савватеева, 2020).

Так как метафорический образ оказывает положительное влияние на отрицательные эмоциональные состояния студентов (Козлова, Козлов, Тарасов, 2022), формирование субъективного отношения к природе и личностного опыта единства с природой может быть реализовано посредством метафорических ассоциативных карт. Применение такого метода считают полезным в контексте формирования экологической ответственности, так как он позволяет раскрыть научную категорию посредством созданных образов. Их лучше запоминают; они включают в себя личностный смысл (Bilavych et al., 2022; Hu et al., 2023; Leshem, Mashal, 2024).

С целью диагностики экологического сознания студентов применялся опросник, составленный учеными М. О. Мдивани, В. И. Пановым, Э. В. Лидской и Ш. Р. Хисамбеевым (субтест «Единение с природой») (Панов и др., 2012).

Данная методика направлена на изучение компонентов сознания респондентов, которые обуславливают экологически ответственное поведение в определенных ситуациях, имеющих «экологические последствия и потому требующих экологической ответственности в действиях и поступках» (Там же, с. 64). Результаты субтеста «Единение с природой» двух этапов показаны на рис. 1.

Рис. 1. Диагностика экологического сознания (в %)

Fig. 1. Diagnosis of the ecological consciousness (in %)

Результаты эмпирического исследования продемонстрировали несформированность показателей экологического сознания: например, только 10–14 % студентов на начальном этапе ощущают себя частью природы, результаты значительно выше в конце эксперимента (25–50 %).

Также была проведена методика диагностики интенсивности субъективного отношения к природе «Натурафил» (создатели С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин) для определения интенсивности отношения к окружающей среде (Deryabo, Yasvin, 1991). Студенты должны были ответить на вопросы об отношении к природе. Результаты обрабатывались с помощью ключа (табл. 1).

Таблица 1 – Ключ методики «Натурафил»

Table 1 – The key to the Naturafil method

Растения			Животные			Природа				Шкалы
1.-	6.+	11.-	16.+	21.-	26.+	31.-	36.-	41.-	46.-	Па
2.+	7.+	12.+	17.+	22.-	27.+	32.+	37.+	42.+	47.+	К
3.-	8.+	13.+	18.+	23.-	28.+	33.+	38.+	43.+	48.-	Пк
4.+	9.-	14.-	19.+	24.+	29.+	34.-	39.+	44.+	49.+	Пс
5.-	10.-	15.-	20.+	25.-	30.-	35.+	40.-	45.+	50.-	Пэ

Источник: Deryabo, Yasvin, 1991.

Мы определили интенсивность отношения по формуле: Па+К+Пк+Пс+Нэ.

Результаты по шкалам Па, К, Пк, Пс, и Нэ составили сумму баллов в соответствующей строке. Баллы были переведены в станаины и Т-шкалу согласно ключам (сумма 45,3). Интерпретация показателей интенсивности отношения к окружающей среде представлена в табл. 2

Таблица 2 – Интерпретация показателей интенсивности отношения к окружающей среде

Table 2 – Interpretation of indicators of intensity of attitude towards the environment

Баллы	Уровень
до 32	очень низкий уровень
33–37	низкий
38–62	средний
63–67	высокий
более 68	очень высокий

Определена динамика по уровням развития у будущих учителей начальной школы интенсивности субъективного отношения к природе (рис. 2).

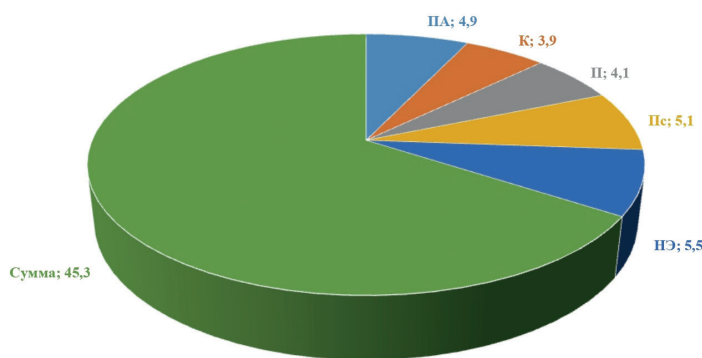

Рис. 2. Средние значения интенсивности субъективного отношения к природе «Натурофил»:

Па – перцептивно-аффективная шкала; Пр – практический масштаб;

К – когнитивная шкала; По – поведенческая шкала;

Нэ – шкала натуралистической эрудиции

Fig. 1. Average values for intensity of subjective attitude to nature “Naturophile”:

Pa – perceptual-affective scale; Pr – practical scale; K – cognitive scale; Po – behavioral scale;

Ne – scale of naturalistic erudition

Результаты показали, что студенты не владеют достаточными знаниями об экологическом кризисе и его последствиях. Необходима работа по развитию экологически ответственного поведения у студентов, экологической грамотности, личностного опыта будущих учителей начальной школы практической деятельности по защите окружающей среды, а также формированию субъективного отношения личности к природе.

Выводы

Как процесс обучения, воспитания и развития личности экологическое образование имеет большое значение в системе высшего образования и связано с проблемами ответственности перед собой и миром, национальной безопасностью. Эффективными методами экологического образования могут быть следующие: становление опыта практической деятельности по защите природы, сформированность субъективного отношения к природе, владение экологической грамотностью.

Экопсихологический (синтез экологии и психологии) аспект процесса развития экологически ответственного поведения у будущих учителей начальных классов заключается в формировании совокупности поступков и действий, направленных на взаимодействие с окружающей средой.

Готовность брать на себя ответственность за экологические последствия, чувство принадлежности к природе, способность осознавать и оценивать экологические проблемы, инициативность, активность по защите окружающей среды отражают экологически ответственное поведение.

Сочетание методов экологического образования и экопсихологического взаимодействия имеет положительные результаты в рамках развития экологически ответственного поведения у студентов.

Практический потенциал статьи заключается в возможности перспективных исследований по созданию модели формирования экологического сознания будущих учителей.

Благодарности: Авторы выражают благодарность заведующей кафедрой «Дошкольное и начальное образование» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», кандидату педагогических наук, доценту Бежановой Наталии Леонидовне за методическое обеспечение при подготовке статьи.

Источники

- Ананьев Б. Г. (2010) Человек как предмет познания, М. и др., Питер, 282 с.
- Андрюшкова Н. П. (2022) К вопросу становления личности. Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология, т. 4, с. 3–10.
- Астраханцева И. В., Назаренко А. В. (2016) Формирование навыков практической экологической деятельности как ведущий фактор приобщения к экологическому образу жизни. Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта, № 1 (38), с. 121–128.
- Бабанский Ю. К. (2009) Проблемы повышения эффективности педагогических исследований. М., Прогресс, 72 с.
- Гагарин А. В. (2004) Природоориентированная деятельность учащихся как условие формирования экологического сознания. Дисс. ... д-ра пед. наук. Московский гуманитарный университет. М., 497 с.
- Головей Л. А. (2014) Психологическая зрелость личности. Монография, Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., Скифия-принт, 240 с.
- Груздева Н. В., Саватеева О. А. (2020) Формы и методы в экологическом образовании, воспитании и просвещении разных возрастных групп. Студенческий научный форум: материалы XII Международной студенческой научной конференции. <https://scienceforum.ru/2020/article/2018020773>.
- Ковалева Н. С. (2024) Формирование экологической ответственности будущих учителей. Мир науки, культуры, образования, № 4 (107), с. 76–79.
- Козлова М. А., Козлов А. В., Тарасов А. В. (2022) Применение метафорических ассоциативных карт для нормализации тревожных и депрессивных состояний у студентов. Russian Journal of Education and Psychology, т. 13, № 6, с. 181–195.
- Локк Дж. (1988) Сочинения: В 3 т. Пер. с англ. и лат. Т. 3. Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М., Мысль, 668 с.

- Лощилова А. А., Винокурова Н. Ф., Шеманаев В. А. (2018) Технология формирования экологической ответственности учащихся при изучении курса «география России» на уроке по ФГОС. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, № 6 (129), с. 66–73.
- Панов В. И., Капцов А. В. (2012) Взаимосвязь межличностных отношений и экопсихологических типов взаимодействия. *Известия Самарского научного центра РАН*, т. 14, № 2 (5), с. 1219–1227.
- Панов В. И., Мдивани М. О., Кодеес П. Б., Лидская Э. В., Хисамбеев Ш. Р. (2012) Экологическое сознание: теория, методология, диагностика. *Психологическая диагностика*, № 1, с. 3–126.
- Солдатова Е. Л., Шляпкина И. А. (2015) Связь эго-идентичности и личностной зрелости. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, № 1, с. 29–33.
- Чернявская О. М. (2006). Формирование экологической ответственности школьников средствами экологоориентированной образовательной среды. Дисс. ... канд. пед. наук. Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 193 с.
- Aboelmaged M. (2018) Direct and indirect effects of eco-innovation, environmental orientation and supplier collaboration on hotel performance: An empirical study. *Journal of Cleaner Production*, no. 184, pp. 537–549. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.02.192.
- Bilavych H. V., Borys U. Z., Dovgij O. J., Savchuk A. B., Fedchyshyn N. O., Fedoniuk L. Y., Savchuk B. P. (2022) Training of future professionals for sustainable development. *Wiad Lek*, no. 75 (3), pp. 697–707.
- Biriukova N. A. (2005) The Formation of an Ecological Consciousness. *Russian Education & Society*, no. 47 (12), pp. 34–45. DOI: 10.1080/10609393.2005.11056938.
- Chavez R., Malik M., Ghaderi H., Yu W. (2021) Environmental orientation, external environmental information exchange and environmental performance: Examining mediation and moderation effects. *International Journal of Production Economics*, no. 240. pp. 108222. DOI: 10.1016/j.ijpe.2021.108222.
- Deryabo S. D., Yasvin V. A. (1991) Methodology for diagnosing the intensity of subjective attitude towards nature “Naturafil”. *Ecological psychodiagnosics*. Daugavpils, Daugavpils Pedagogical University, pp. 77–102.
- Goethe J.W. von (2015). *Theory of colours*. (C. L. Eastlake, trans.). Cambridge, MIT Press, 468 p.
- Golovko O., Mikhaylova A., Ley V. (2023) Physiological and psychological factors assessment in the process of professional self-determination. *E3S Web of Conferences*, no. 08008, pp. 389–395.
- Griban G. P., Okhrimenko I. M., Myroshnychenko M. S., Tomenko O. A., Matrosov S. O., Rohovenko M. M. (2022) Ecological education and its relationship with students' health. *WiadLek*, vol. 75 (2). pp. 525–532.
- Hu J., Zhang X., Li R., Zhang J. Wencai Zhang (2023) A Randomized Controlled Trial to Evaluate the Effect of Metaphors on Anxiety Symptoms Among Chinese Graduate Students: The Mediation Effect of Worry. *Applied Research in Quality of Life*, vol. 18, pp. 849–867. DOI: 10.1007/s11482-022-10107-2
- Leshem R., Mashal N. (2024) What does metaphoric language say about aggression? The relationships between metaphoric language, impulsivity, and aggression. *Acta Psychologica*, vol. 243, p. 104173. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104173.
- Meng X., Kong F., Fu H., Li S., Zhang K. (2024) Is more always better? How government ecological attention influences corporate environmental responsibility: Empirical evidence from Chinese listed companies. *Ecological Indicators*, vol. 159, p. 111686. DOI: 10.1016/j.ecolind.2024.111686.
- Mikhaylova A., Kokodey T., Kurbangalieva Ju. (2023) Environmental engineering students' motivation through foreign language learning in the context of digital teaching realization (on the example of Moodle virtual environment). *E3S Web of Conferences*, no. 431, p. 09012.
- Miroshkin D. V., Grinenko A. V., Tkhuго M. M., Mizonova O. V., Kochetkov I. G., Kazakova S. N., Miloradova N. G. (2019) Psychology of Ecological Consciousness. *Ekoloji*, no. 28 (107), pp. 593–599
- Panov V. I. (2013) Ecological Thinking, Consciousness, Responsibility. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, no. 86, pp. 379–383. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.08.583.

References

- Aboelmaged M. (2018) Direct and indirect effects of eco-innovation, environmental orientation and supplier collaboration on hotel performance: An empirical study. *Journal of Cleaner Production*, no. 184, pp. 537–549. DOI: 10.1016/j.jclepro.2018.02.192.
- Ananyev B. G. (2010) *Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an object of knowledge]*. Moscow, Piter Publ., 288 p. (In Russian).
- Andryushkova N. P. (2022) *K voprosu stanovleniya lichnosti [On the issue of personality formation]*. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya Psichologiya – The Bulletin of Irkutsk State University Series Psychology*, vol. 4, pp. 3–10 (In Russian).
- Astrakhantseva I. V. (2016) Formirovanie navykov prakticheskoy ekologicheskoy deyatel'nosti kak vedushchij faktor priobshcheniya k ekologicheskomu obrazu zhizni [Formation of skills in practical environmental activities as a leading factor in introducing an ecological lifestyle]. *Russian Journal of Physical Education and Sport*, no. 1 (38), p. 121–128 (In Russian).
- Babansky Yu. K. (2009) *Problemy povysheniya effektivnosti pedagogicheskikh issledovaniy [Problems of increasing the effectiveness of educational research]*. Moscow, Progress Publ., 72 p. (In Russian).

- Bilavych H. V., Borys U. Z., Dovgij O. J., Savchuk A. B., Fedchyshyn N. O., Fedoniuk L. Y., Savchuk B. P. (2022) Training of future professionals for sustainable development. *Wiad Lek*, no. 75 (3), pp. 697–707.
- Biriukova N. A. (2005) The Formation of an Ecological Consciousness. *Russian Education & Society*, no. 47 (12), pp. 34–45. DOI: 10.1080/10609393.2005.11056938.
- Chavez R., Malik M., Ghaderi H., Yu W. (2021) Environmental orientation, external environmental information exchange and environmental performance: Examining mediation and moderation effects. *International Journal of Production Economics*, no. 240. pp. 108222. DOI: 10.1016/j.ijpe.2021.108222.
- Chernyavskaya O. M. (2006). Formirovanie ekologicheskoy otvetstvennosti shkol'nikov sredstvami ekologoorientirovannoy obrazovatel'noj sredy [Formation of environmental responsibility of schoolchildren by means of an environmentally oriented educational environment]. Diss. ... Cand. of Ped. Sci. Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 193 p. (In Russian).
- Deryabo S. D., Yasvin V. A. (1991) Methodology for diagnosing the intensity of subjective attitude towards nature "Naturafil". *Ecological psychodiagnostics*. Daugavpils, Daugavpils Pedagogical University, pp. 77–102.
- Gagarin A. V. (2004) Prirodoorientirovannaya deyatelnost' uchashchihsya kak uslovie formirovaniya ekologicheskogo soznaniya [Nature-oriented activities of students as a condition for the formation of environmental consciousness]. Diss. ... Dr. of Ped. Sci. Moscow Humanitarian University. Moscow, 497 p. (In Russian).
- Goethe J.W. von (2015). *Theory of colours*. (C. L. Eastlake, trans.). Cambridge, MIT Press, 468 p.
- Golovey L. A. (2014) Psihologicheskaya zrelost' lichnosti [Psychological maturity of the individual]. Monograph, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Skifia-print Publ., 240 p. (In Russian).
- Golovko O., Mikhaylova A., Ley V. (2023) Physiological and psychological factors assessment in the process of professional self-determination. *E3S Web of Conferences*, no. 08008, pp. 389–395.
- Griban G. P., Okhrimenko I. M., Myroshnychenko M. S., Tomenko O. A., Matrosov S. O., Rohovenko M. M. (2022) Ecological education and its relationship with students' health. *WiadLek*, vol. 75 (2). pp. 525–532.
- Gruzdeva N. V., Savvateeva O. A. (2020) Formy i metody v ekologicheskom obrazovanii, vospitanii i prosveshchenii raznykh vozrastnykh grupp [Forms and methods in environmental education, upbringing and enlightenment of different age groups]. *Studencheskij nauchnyj forum [Student scientific forum]*. Materials of the XII International student scientific conference. <https://scienceforum.ru/2020/article/2018020773> (In Russian).
- Hu J., Zhang X., Li R., Zhang J. Wencai Zhang (2023) A Randomized Controlled Trial to Evaluate the Effect of Metaphors on Anxiety Symptoms Among Chinese Graduate Students: The Mediation Effect of Worry. *Applied Research in Quality of Life*, vol. 18, pp. 849–867. DOI: 10.1007/s11482-022-10107-2
- Kovaleva N. S. (2024) Formirovaniye ekologicheskoy otvetstvennosti budushchikh uchiteley [Formation of environmental responsibility of future teachers]. *The world of science, culture and education*, no. 4 (107), pp. 76–79 (In Russian).
- Kozlova M. A., Kozlov A. V., Tarasov A. V. (2022) Primeneniye metaforicheskikh assotsiativnykh kart dlya normalizatsii trevoznykh i depressivnykh sostoyaniy u studentov [Application of metaphorical associative cards to normalize anxiety and depressive states in students]. *Russian Journal of Education and Psychology*, vol. 13, no. 6, pp. 181–195.
- Leshem R., Mashal N. (2024) What does metaphoric language say about aggression? The relationships between metaphoric language, impulsivity, and aggression. *Acta Psychologica*, vol. 243, p. 104173. DOI: 10.1016/j.actpsy.2024.104173.
- Locke J. (1988) *Sochineniya: V 3 t.* [Works: In 3 vols]. Trans. from English and lat. T. Z. Ed. and comp., author. note A. L. Subbotin. Moscow, Mysl Publ., 668 p. (In Russian).
- Loschilova A. A., Vinokurova N. F., Shemanaev B. A. (2018) Tekhnologiya formirovaniya ekologicheskoy otvetstvennosti uchashchihsya pri izuchenii kursa "geografiya Rossii" na uroke po FGOS. [Technology for developing students' environmental responsibility when studying the course "Geography of Russia" in a lesson on the Federal State Educational Standard]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 6 (129), pp. 66–73 (In Russian).
- Meng X., Kong F., Fu H., Li S., Zhang K. (2024) Is more always better? How government ecological attention influences corporate environmental responsibility: Empirical evidence from Chinese listed companies. *Ecological Indicators*, vol. 159, p. 111686. DOI: 10.1016/j.ecolind.2024.111686.
- Mikhaylova A., Kokodey T., Kurbangalieva Ju. (2023) Environmental engineering students' motivation through foreign language learning in the context of digital teaching realization (on the example of Moodle virtual environment). *E3S Web of Conferences*, no. 431, p. 09012.
- Miroshkin D. V., Grinenko A. V., Tkhugo M. M., Mizonova O. V., Kochetkov I. G., Kazakova S. N., Miloradova N. G. (2019) Psychology of Ecological Consciousness. *Ekoloji*, no. 28 (107), pp. 593–599
- Panov V. I. (2013) Ecological Thinking, Consciousness, Responsibility. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, no. 86, pp. 379–383. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.08.583.
- Panov V. I., Kaptsov A. V. (2012) Vzaimosvyaz' mezhlichnostnykh otnoshenij i ekopsihologicheskikh tipov vzaimodejstviya [The relationship between interpersonal relationships and ecopsychological types of interaction]. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 14, no. 2 (5), pp. 1219–1227 (In Russian).

- Panov V. I., Mdivani M. O., Kodess P. B., Lidskaya E. V., Khisambeev Sh. R. (2012) *Ekologicheskoe soznanie: teoriya, metodologiya, diagnostika* [Ecological consciousness: theory, methodology, diagnostics]. *Psihologicheskaya diagnostika – Psychological diagnostics*, no. 1, pp. 3–126 (In Russian).
- Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A. (2015) *Svyaz' ego-identichnosti i lichnostnoj zrelosti* [The relationship between ego identity and personal maturity]. *Bulletin of the South Ural State University*, no. 1, pp. 29–33 (In Russian).

Информация об авторах

Наталья Сергеевна Ковалёва

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры дидактики, методик и технологий обучения.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, РФ.

ORCID ID: 0000-0002-5247-2590.

E-mail: nskovaleva26@mail.ru

Ольга Николаевна Сметанина

Кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков. Керченский государственный морской технологический университет, г. Керчь, РФ.

ORCID ID: 0009-0007-2351-1742.

E-mail: scorpion19.11@yandex.ru

Autor's information

Natalia S. Kovaleva

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor of the Didactics, Teaching Methods and Technologies

Department. Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0002-5247-2590.

E-mail: nskovaleva26@mail.ru

Olga N. Smetanina

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Foreign Languages Department. Kerch State Maritime Technological University, Kerch, Russian Federation.

ORCID ID: 0009-0007-2351-1742.

E-mail: scorpion19.11@yandex.ru

УДК 378

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.12

Научная статья

О. О. Шаламова¹

✉ kom_kp@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Модель базовых общепрофессиональных компетенций психолога

Аннотация: Компетентностный подход в образовании подразумевает пристальное внимание к формированию и развитию у студентов соответствующих их будущей профессии компетенций. Понятие компетенций использовалось уже несколько десятилетий, однако строгий ориентир на него в профессиональном обучении возник относительно недавно. В статье описан анализ компетенций психолога и обоснован выявленный перечень базовых общепрофессиональных компетенций психолога. Эти компетенции, являясь своего рода профессиональной компетентностной базой, важны для любой специфики работы будущего специалиста, для любой сферы деятельности, а значит, только при их сформированности и постоянном развитии может идти речь о возможности профессионализма и развития специалиста, дальнейшей специализации психолога. Для выявления базовых общепрофессиональных компетенций использован разносторонний анализ нормативных документов (ФГОС, профессиональные стандарты, профессиональные программы), научной литературы, опрос и контент-анализ мнений экспертов. В результате в каждом из пунктов выявлены повторяющиеся в разных вариантах компетенции – они и являются базовыми общепрофессиональными компетенциями психологов.

Ключевые слова: компетентностный подход, высшее образование, профессиональное обучение психолога, базовые общепрофессиональные компетенции, компетенция психолога, профессионально важные качества психолога.

Дата поступления статьи: 26 декабря 2024 г.

Для цитирования: Шаламова О. О. (2025) Модель базовых общепрофессиональных компетенций психолога. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 132–141. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.12.

Scientific article

О. О. Shalamova¹

✉ kom_kp@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The model of a psychologist's fundamental general professional competencies

Abstract: The competence-based approach in education implies close attention to the formation and development of students' competencies corresponding to their future profession. The concept of competencies has been used for several decades, but a strict focus on it in vocational training has emerged relatively recently. The article describes the analysis of the psychologist's competencies and substantiates the identified list of basic general professional competencies of a psychologist. These competencies, as a type of professional competence base, are important for any specifics of the future specialist's work, for any field and direction of work, which means that only through their formation and continuous development can we discuss the possibility of a psychologist's professionalism and development, as well as further specialization. To identify basic general professional competencies, a comprehensive analysis was used: analysis of normative documents (FSES, professional standards, professional programs), analysis of scientific literature, surveys and content analysis of expert opinions. As a result, in each of the points, competences that are repeated in multiple forms are discovered; these are psychologists' basic general professional competencies.

Keywords: competence approach, higher education, professional training of a psychologist, basic general professional competencies, competence of a psychologist, professionally important qualities of a psychologist.

Paper submitted: December 26, 2024.

For citation: Shalamova O. O. (2025) The model of a psychologist's fundamental general professional competencies. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 132–141. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.12.

Введение

Проблема. С приходом компетентностного подхода в образование проблема определения круга компетенций, их формирования и развития приобрела первостепенное значение. Само понятие компетенций не ново, однако такой уровень ценности в профессиональном образовании заняло только в компетентностном подходе.

В настоящее время возросли требования к профессиональным компетенциям, качественным характеристикам выпускников вузов. Одновременно с этим развитие профессиональных компетенций будущих психологов позволит им быстрее и эффективнее начать самостоятельную практическую деятельность, соответствовать растущим требованиям рынка труда.

Благодаря произошедшему в системе образования реформированию на новом уровне развития оказалась проблема профессиональной компетентности. Стратегию профессионально-образовательного процесса начинают определять понятия «компетентность» и «компетенция» (Чепурная, 2019).

Целью представленного исследования является определение базовых общепрофессиональных компетенций психолога. Для этого были поставлены задачи по выделению понятия «базовые общепрофессиональные компетенции психолога», а также по исследованию источников формулирования компетенции психолога и выявлению компетенций, которые необходимы для психолога, работающего в любой сфере, любом направлении, в любой модальности. Соответственно, именно эти компетенции являются первостепенными для развития их в период профессионального обучения.

Методы

Для выполнения поставленных задач был проведен анализ научной литературы, нормативной документации (ФГОС, профессиональные стандарты, профессиограммы), проведен опрос и контент-анализ мнения экспертов-психологов.

Результаты

Анализ литературы в области компетенций позволяет убедиться, что вопрос определения компетенций сложный и многогранный. Среди работ, посвященных проблемам компетенций, можно выделить труды зарубежных (М. Армстронг, Д. Бертрам, Р. Боятцис, К. Вудраффл, Р. Курц, Р. Лепсинг, А. Лючия, Дж. Равен, М. Лайл Спенсер – младший, М. Спенсер Сайн, С. Уиддетт, Р. Уайт, Дж. Хеджс, С. Холлифорд, Г. Читхэм, Д. Чиверс и др.) и отечественных авторов (В. Байденко, Г. Белицкая, Л. Берестова, А. Бермус, В. Болотов, В. Введенский, Н. Гришанова, Г. Голуб, А. Дахин, Э. Зеер, И. Зимняя, Н. Кузьмина, О. Лебедев, А. Маркова, Л. Петровская, Г. Селевко, Ю. Татур, А. Хуторской, О. Чуракова и др.).

Компетентностный подход отчетливо обозначен в трудах отечественных психологов В. В. Давыдова, П. Я. Гальперина, В. Д. Шадрикова, П. М. Эрдниева, И. С. Якиманской. Ориентация на усвоение обобщенных знаний, умений и способов деятельности была ведущей в их работах.

Для общего представления о термине «компетенция» интересно определение, предложенное Советом Европы, в контексте вопроса, какие компетенции должны быть у молодых европейцев:

- политические и социальные (принимать ответственность, решать конфликты ненасильственно и др.);
- компетенции, связанные с овладением устной и письменной коммуникацией;
- компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе (принятие различий людей, уважение других и их религии, взглядов и пр.);
- способность непрерывно учиться на протяжении жизни в профессиональном и социальном направлении (Hutmacher Walo, 1997, с. 63).

Анализ научной литературы позволяет выделить среди существующих определений понятия «компетенция» следующие важные элементы:

- круг вопросов, в которых кто-либо хорошо осведомлен, круг полномочий какого-либо органа или должностного лица;
- способность, необходимая для выполнения определенного действия в определенной предметной деятельности;
- обобщенные способы действий, обеспечивающих продуктивное выполнение профессиональной деятельности;
- заранее определенное социальное требование (норма) к образовательной подготовке студента;
- способность специалиста мобилизовать в профессиональной деятельности свои знания, умения, а также обобщенные способы выполнения действий.

При определении понятия базовых общепрофессиональных компетенций за основу мы взяли определение Э. Зеера, который говорит о том, что к базовым компетенциям следует относить комплекс универсальных способов профессиональных действий, комплекс универсальных знаний, отличающихся широким уровнем обобщения (общенаучные и общепрофессиональные категории, понятия, законы, принципы и закономерности функционирования науки, техники и общества), а к общепрофессиональным компетенциям – компетенции, присущие определенной группе профессий (Зеер, 2004, с. 48).

В зарубежных странах широко используется понятие «базовые навыки». Бертил Оскарсон приводит следующее определение: «Базовые навыки – это личностные и межличностные качества, способности, навыки и знания, которые выражены в различных формах в многообразных ситуациях работы и социальной жизни». При этом базовые навыки не привязаны к определенной профессии или группе профессий. Это навыки, способности и знания, которые в большей или меньшей степени востребованы всеми профессиями. Более того, они не ограничиваются сугубо профессиональными функциями, но выступают качествами, полезными для любого гражданина современного общества (Оскарсон, 2001, с. 44–46).

Э. Зеер указывает, что базовые компетенции широкого спектра использования включают основы современного научного знания, принципы и закономерности множества основных конкретных производств. Базовые компетентности многофункциональны, надпредметны и междисциплинарны. Они многомерны, так как включают познавательные, операционально-технологические, эмоционально-волевые и мотивационные компоненты. К базовым компетентностям следует отнести комплекс универсальных знаний, отличающихся широким уровнем обобщения. Эти интегральные знания включают общенаучные и общепрофессиональные категории, понятия, законы, принципы и закономерности функционирования науки, техники и общества (Зеер, 2004, с. 47–48).

Таким образом, базовые общепрофессиональные компетенции – это совокупность универсальных знаний, умений, навыков, способностей, качеств и свойств личности, которые необходимы группе профессий для реализации своей профессиональной деятельности.

Через анализ и сужение терминологии переходим к определению базовых компетенций психолога.

Базовые общепрофессиональные компетенции психолога – это совокупность универсальных знаний, умений, навыков, способностей, качеств и свойств личности, которые необходимы для осуществления профессиональной деятельности психолога в любой сфере специализации.

Важной задачей исследования является определение круга базовых общепрофессиональных компетенций психолога. Для решения этой задачи были проведены:

- 1) анализ научной литературы;
- 2) анализ ФГОС, профстандартов и профессиограмм;
- 3) опрос экспертов-психологов.

Если говорить о профессиональном обучении, где компетентностному подходу сейчас отведена главная роль, нужно отметить, что определенное влияние на успешность, эффективность

обучения и дальнейшей профессиональной деятельности оказывают особенности личности, выступающие профессионально важными качествами. Профессионально важные качества (ПВК) можно отнести к более раннему способу выделения критериев и особенностей профессий и подготовки к ним. Такая взаимосвязь подтверждается в разных сферах деятельности, и скорость, и качество профессионального обучения зависят от особенностей личности. Также В. А. Толочек в своих исследованиях описывает устойчивую связь профессионально важных качеств (ПВК) и компетенций и описывает особенности понятий (Толочек, 2019).

Анализ более двадцати авторских перечней ПВК и компетенций психологов (Е. А. Быкова (2015); В. Л. Бозаджиев (2011); Н. В. Бачманова (1985); Т. А. Верняева (1996); М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович (2003); Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк (2005); Е. А. Климов (2003); Н. Е. Есманская (2007); Ю. С. Пежемская (2006); Н. С. Пряжников (2009); Р. Мэй (Мэй, 1997); Д. Д. Ширапова (2004); И. А. Шмелева (2010) и др.) показывает необходимость иметь целый ряд важных профессиональных качеств и, соответственно, компетенций для успешной профессиональной деятельности психолога. Из перечня ПВК или компетенций психологов, которые приводят разные авторы, можно отметить наиболее часто встречающиеся в тех или иных вариациях и выделить их как базовые:

- коммуникативные способности, умение слушать (коммуникативность);
- способность или склонность к сопереживанию (эмпатия);
- способность к самоконтролю и саморазвитию, обучаемость (рефлексия).

Обратимся к нормативной базе. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), в результате освоения программы бакалавриата по направлению «Психология» должны быть сформированы универсальные и общепрофессиональные компетенции, среди которых:

- системное и критическое мышление;
- разработка и реализация проектов;
- командная работа и лидерство;
- коммуникация;
- межкультурное взаимодействие;
- самоорганизация и саморазвитие;
- психологическая диагностика;
- психологическое вмешательство;
- научное исследование и оценка и др.

К другим нормативным, хоть и не строгим, документам относятся профессиональные стандарты и профессиограммы. Они, как правило, более детально описывают работу специалиста в конкретной сфере, определенном направлении деятельности, то есть указывают на необходимые компетенции на конкретном месте работы (или в конкретной специализации). В табл. 1 кратко описаны результаты анализа профстандартов и профессиограмм.

Подводя итоги анализа компетенций по профстандартам и профессиограммам, выделим следующий блок базовых компетенций психолога, так как они встречаются в характеристиках всех направлений работы:

- интеллектуальность (наличие профессиональных знаний);
- эмпатия (способность сопереживать и безоценочно относиться);
- коммуникативные качества (способности к налаживанию, поддержанию результативного, бесконфликтного контакта);
- рефлексия (способность сознательно обращать на себя внимание, оценивать решения, поведение, результаты и пр.).

При массовых опросах психологам приписывают такие качества, как коммуникативная компетентность, интеллектуальность, наличие глубоких знаний, развитое самосознание, хорошая рефлексия. В число часто называемых качеств, составляющих психологический портрет психолога, вошли: талантливый, душевный, активный, сильный, открытый, доступный, включенный, демократичный, оптимистичный, радостный (Быкова, 2015, с. 112).

Одним из методов решения поставленной задачи по выделению списка базовых общепрофессиональных компетенций психолога был опрос экспертов-психологов на предмет компетенций (умений), необходимых практикующему психологу. С этой целью был разработан опросник и представлен экспертам в электронном виде. В опроснике указаны 24 характеристики компетенций (умений), эксперт должен был оценить их необходимость в работе психолога (необходима, желательна, необязательна). Также опросник содержал открытый вопрос: «Какие, по Вашему мнению, компетенции являются базовыми для психолога?». Экспертами выступили 25 психологов со стажем от трех лет, работающие в разных направлениях и сферах деятельности (медицинская психология, семейная психология, детский психолог, нейропсихология, индивидуальное консультирование взрослых и пр.), в различных модальностях. Итоги опроса представлены в табл. 2.

Таблица 1 – Компетенции психологов в разных направлениях деятельности

Table 1 – Competencies of psychologists in different areas of activity

Направление/ специализация	Основные необходимые компетенции и умения
Направления работы психолога	
Профилактика	Коммуникативность, ораторские способности, умение убеждать, лидерские качества, рефлексия, дисциплина, интеллектуальность
Коррекция	Эмпатия, терпение, умение понимать других людей и психологически корректно воздействовать на них, интеллектуальная подготовка, рефлексия, коммуникативный навык, эмпатия, интеллектуальность
Просвещение	Коммуникативность, ораторские способности, интеллектуальная подкованность, умение убеждать, внешняя привлекательность, системность, эмпатия, умение слушать, рефлексия, лидерские качества, дисциплина
Диагностика	Системность, способность к кропотливой монотонной работе, рефлексия, эмпатия, коммуникативность, интеллектуальность
Консультирование	Эмпатия, коммуникативные качества, рефлексия, системность, самоорганизованность, интеллектуальная развитость
Направления деятельности психолога	
Научная психология	Высокий интеллектуальный уровень, высокая степень теоретической подготовки, готовность к научной работе, проведению исследований (где потребуются системность, стрессоустойчивость, интеллектуальность, эмпатия, рефлексия, коммуникативность)
Практическая психология	Высокий уровень практической подготовки, мобильность, быстрая переключаемость, стрессоустойчивость, интеллектуальность, эмпатия, рефлексия, коммуникативность, возможное использование только нескольких направлений психологического знания
Преподавание психологии	Хорошая теоретическая подкованность, практические знания и опыт, ораторские способности, стрессоустойчивость, интеллектуальность, эмпатия, рефлексия, коммуникативность, терпение, системность, дисциплина
Область практической деятельности психолога	
Психолог в образовательном учреждении, детский психолог	Знания в сфере детской психологии, сдержанность, стрессоустойчивость, интеллектуальность, эмпатия, рефлексия, коммуникативность, владение методами работы с детьми
Психолог в исправительном учреждении	Знания в сфере психологии и юриспруденции, высокий уровень дисциплины и ответственности, стрессоустойчивость, интеллектуальность, эмпатия, рефлексия, коммуникативность
Психолог в семейном центре	Интеллектуальность, эмпатия, рефлексия, коммуникативность, владение знаниями из разных разделов психологии, владение навыками работы с детьми и взрослыми, в кризисных ситуациях
Организационный психолог	Знания в сфере организационной психологии, понимание менеджмента организации, готовность работы с людьми разного уровня интеллекта, имеющими разные психологические проблемы, коммуникативность, готовность к отбору, оценке и обучению персонала, стрессоустойчивость, интеллектуальность, эмпатия, рефлексия

Таблица 2 – Результаты опроса экспертов-психологов о необходимых профессиональных компетенциях (средний балл)**Table 2 – Results of the survey of expert psychologists on the necessary professional competencies (average score)**

Компетенции	Средний балл (min-0, max-2)
Рефлексивная компетентность	1,78
Научно-исследовательская компетенция	0,95
Эмпатийная компетентность	1,64
Психотерапевтическая компетенция (оказание психологической помощи)	1,32
Коммуникативная компетентность	1,62
Диагностическая компетентность	1,61

По итогам опроса, лидирующими компетенциями, по мнению экспертов, являются рефлексивная, эмпатийная и коммуникативная. Это же подтверждается контент-анализом ответов экспертов на открытый вопрос о том, какие компетенции они считают наиболее важными, базовыми для психолога. Психологи указывали разные стороны коммуникативной компетенции (активное слушание, умение поддерживать контакт и пр.), эмпатийной компетенции (способность сочувствовать, понимать, безоценочное отношение), рефлексивной компетентности (развитие специалиста, самоанализ), также было несколько упоминаний о необходимости наличия профессиональных знаний и базового высшего образования.

В результате проведенной работы по анализу научной литературы, нормативных документов, профстандартов и профессиограмм, опроса экспертов видим, что выделяется ряд умений, которые необходимы психологу в любом направлении его деятельности.

Вывод: можно выделить модель базовых общепрофессиональных компетенций психолога (необходимых для любого направления деятельности). Наличие и развитие именно этих компетенций у будущих психологов, в том числе в ходе их профессионального обучения, будет основополагающим для их дальнейшей работы, они станут фундаментом профессионализма и базой для формирования узкой специализации.

По собранным материалам проведено итоговое сравнение выделенных базовых компетенций, присутствие которых прослеживается на всех этапах анализа, в связи с чем предлагаем считать их базовыми общепрофессиональными компетенциями психолога:

- коммуникативная компетенция (способность к налаживанию, поддержанию результативного, бесконфликтного контакта);
- эмпатийная компетентность (способность сопереживать);
- рефлексивная компетентность (способность сознательно обращать на себя внимание, оценивать решения, поведение, результаты и пр.).

Выбор базовых общепрофессиональных компетенций психолога обосновывается их присутствием в нормативных документах (ФГОС ВПО), профессиональных стандартах, профессиограммах психологов различных направлений практики, присутствием в описании многих авторов, подтверждением опросом экспертов-психологов.

Для дальнейшего использования в работе и исследованиях, в том числе по развитию базовых общепрофессиональных компетенций психологов, приведены дополнительные обоснования выбора и описание компетенций:

1. Коммуникативная компетенция. Коммуникативные качества – способность ориентироваться в различных ситуациях общения, основанная на знаниях, умениях, навыках, чувственном и социальном опыте индивида в сфере межличностного взаимодействия (Гамезо, 2001).

Работа психолога связана с постоянной коммуникацией с людьми, налаживанием контакта, регуляцией конфликтов и т. д. Для результативного взаимодействия коммуникативные качества

психолога должны быть на высоком уровне. Коммуникативные качества – это навыки и способности, которые нужны человеку для взаимодействия с другими людьми.

Коммуникативная компетентность является профессионально значимой характеристикой для представителей профессий «человек – человек», в том числе и для психолога. В этой сфере профессиональной деятельности эффективность решения профессиональных задач зависит от коммуникативных качеств, коммуникативных способностей и умений. Поэтому развитие этих качеств, овладение знаниями, связанными с процессом общения, навыками конструктивного и бесконфликтного общения, составляет один из важнейших аспектов профессиональной подготовки (Колмогорова, 2015, с. 4).

Коммуникативная компетенция – понятие комплексное, подразумевающее способность и готовность человека осуществлять общение во всех сферах жизни: бытовой, учебной, трудовой/ профессиональной, досуговой и др. Социальный статус, социальное окружение и успешность человека во многом зависят от его умения общаться адекватно ситуации: грамотно формулировать свою мысль, убедительно отстаивать свою позицию, учитывая социальный статус партнера по общению, и т. д. По этой причине в системе общего среднего образования коммуникативная компетенция выступает в качестве основной интегративной цели образования.

К коммуникативной компетенции можно отнести следующие умения:

- слушать других людей;
- говорить и выражать свои мысли и эмоции;
- устанавливать и поддерживать контакты с людьми;
- решать конфликты и находить компромиссы;
- речевые умения (грамотная речь, большой словарный запас);
- умения взаимодействовать (владение приемами рефлексивного и активного слушания, умение найти подход к разным людям);
- желание общаться.

2. Эмпатийная компетентность. Термин «эмпатия» был введен в психологию Э. Титченером для обозначения внутренней активности, результатом которой становится интуитивное понимание ситуации другого человека. В рамках гуманистической психологии эмпатия рассматривается как основа всех позитивных межличностных отношений. Карл Роджерс, один из основных вдохновителей гуманистической психологии, определяет эмпатию как «точное восприятие внутреннего мира другого человека и связанных с ним эмоций и смыслов». В позитивной психологии эмпатия – одно из высших человеческих качеств. Психологу необходимо безоценочное отношение к клиенту, вне зависимости от каких-то его физических, психологических, жизненных особенностей, терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, что при этом не означает принятие иных мировоззрений, образа жизни и пр., и в то же время не означает безразличие (Biller, Stiegeler, 2008).

Психологу необходимо уметь принять и правильно понимать другие культуры, способы проявления человеческой индивидуальности.

Таким образом, к эмпатийной компетенции можно отнести следующие умения:

- сопереживать, сочувствовать;
- распознавать и принимать чувства, эмоции, проявления людей;
- уметь определять рамки своей эмпатии, бережно распоряжаться своими ресурсами;
- оказывать психологическую поддержку.

3. Рефлексивная компетентность. Само понятие рефлексии в дословном переводе означает «обращение назад». В отечественной психологии основы изучения рефлексии заложены в трудах Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна. Ученые рассматривают рефлексю как объяснительный принцип развития самосознания и психики в целом. Принято считать, что рефлексия – это компонент структуры деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.). Благодаря рефлексии происходит отражение во внутреннем плане осуществляемой деятельности, это дает субъекту материал, который можно наблюдать, подвергать критике и изменять. Рефлексия

делает возможным совершенствование деятельности как во внутреннем плане, так и во внешнем (Шигабетдинова, 2014).

Развитие специалиста должно быть постоянным. Этому активно способствует самоанализ, оценка собственных ресурсов, возможностей, вектора возможного развития.

К рефлексивной компетенции можно отнести следующие умения:

- анализировать свои чувства, поведение, результаты;
- запрашивать и анализировать обратную связь от клиентов и других специалистов;
- видеть аспекты для самокоррекции и пути своего дальнейшего профессионального развития.

В результате исследования все использованные методы привели к выделению трех базовых общепрофессиональных компетенций – коммуникативная компетенция, эмпатийная компетенция, рефлексивная компетенция. Исходя из всего вышесказанного выбор именно этих компетенций психолога как базовых общепрофессиональных объективно обоснован.

Выводы

На формирование и развитие обозначенных базовых общепрофессиональных компетенций стоит обращать особое внимание в профессиональном обучении будущих психологов. Как выяснено, они необходимы для работы в любой дальнейшей специализации психолога, и наличие высокого уровня компетенций позволит будущему психологу быстро войти в сферу профессиональной деятельности и быть в ней результативным.

Источники

- Бачманова Н. В., Стафурина Н. А. (1985) К вопросу о профессиональных способностях психолога. Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Межвуз. сб. ЛГУ им. А. А. Жданова. Вып. 5. Ленинград, Изд-во ЛГУ, 120 с.
- Бозаджиев В. Л. (2011) Психолог: профессия и личность. Челябинск, Печатный Двор, 424 с.
- Быкова Е. А. (2015) Особенности профессионально важных качеств психолога. Вестник Шадринского государственного педагогического университета, № 3 (27), с. 112–119.
- Верняева Т. А. (1996) Изучение индивидуально-психологических свойств личности студентов факультета психологии. Психология: итоги и перспективы (30 лет факультету психологии Санкт-Петербургского университета). Тезисы научно- практ. конф. СПб., 205 с.
- Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. (2003) Психология высшей школы. Минск, Тесей, 352 с.
- Есманская Н. Е. (2007) Развитие психологической проницательности студентов-психологов средствами художественной литературы. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Курский государственный университет. Курск, 25 с.
- Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. (2005) Компетентностный подход к модернизации профессионального образования. Высшее образование в России, № 4, с. 23–30.
- Климов Е. А. (2003) Психология профессионала : избранные психологические труды. М., Ин-т практической психологии; Воронеж, НПО МОДЭК, 456 с.
- Колмогорова Л. А. (2015) Формирование коммуникативной компетентности личности. Барнаул, АлтГПУ, 205 с.
- Мастерство психологического консультирования (2010). А. А. Бадхен и др., науч. ред. А. А. Бадхен, А. М. Родина. СПб., Речь, 228 с.
- Мэй Р. (1997) Раненый целитель. Московский психотерапевтический журнал, т. 5, № 2, с. 90–95.
- Оскарсон Б. (2001) Базовые навыки как интегрирующий фактор учебного плана. В кн: Оценка качества профессионального образования. Под общей редакцией В. И. Байденко, Дж. ван Зантворта. М., Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, с. 40–64.
- Пежемская Ю. С. (2006) Готовность студентов, обучающихся по специальности «Психология», к работе с людьми. Психологическая подготовка педагога в России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 208-й годовщине психологической подготовки педагогов и 80-летию кафедры психологии РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, с. 334–338.
- Пряжников Н. С. (2009) Страх, осторожность и ответственность в деятельности психолога. Журнал практического психолога, № 6, с. 143–146.
- Словарь-справочник по возрастной и педагогической психологии (2001). Под ред. Гамезо М. В. М., Педагогическое общество России, 127 с.
- Сорокопуд Ю. В., Абдурахманова М. А. (2020) Эффективные технологии оценки студентов магистратуры педагогических и психолого-педагогических направлений. Мир науки, культуры, образования, № 1 (80), с. 240–242.

- Теория и практика обучения иностранным языкам: традиции и инновации (2013). Сборник статей международной научно-практической конференции памяти академика РАО Инессы Львовны Бим. М., Тезаурус, 331 с.
- Толочек В. А. (2019) Компетентностный подход и ПВК-подход: возможности и ограничения. Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, т. 9, вып. 2, с. 123–137.
- Чепурная Ю. В. (2015) Основные научные подходы к понятию «Профессиональная компетентность». Вестник Московского университета МВД России, № 10, с. 344–347.
- Шигабетдинова Г. М. (2014) Феномен рефлексии: границы понятия. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, № 2-1, с. 415–422.
- Ширапова Д. Д. (2004) Изменение образа психолога в самооценках студентов. Психология XXI века. Материалы Междунар. межвузовской научно-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых специалистов 22-24 апреля 2004 года. Под ред. В. Б. Чеснокова. СПб., Изд-во С.-Петербургского университета, 379 с.
- Шмелёва И. А. (2010) Введение в профессию. Психология. М., Эксмо, 270 с.
- Biller K., Stiegeler M. de Lourdes (2008) Wörterbuch der Logotherapie und Existenzanalyse von Viktor Emil Frankl. Boehlau Verlag, 989 s.
- Hutmacher W. (1997) Key competencies for Europe. Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. A Secondary Education for Europe Project. Council for Cultural Cooperation, Strasbourg (France). <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED407717.pdf>.

References

- Biller K., Stiegeler M. de Lourdes (2008) Wörterbuch der Logotherapie und Existenzanalyse von Viktor Emil Frankl. Boehlau Verlag, 989 s. [In German].
- Hutmacher W. (1997) Key competencies for Europe. Report of the Symposium Berne, Switzerland 27–30 March, 1996. A Secondary Education for Europe Project. Council for Cultural Cooperation, Strasbourg (France). <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED407717.pdf>.
- Bachmanova N. V., Stafurina N. A. (1985) K voprosu o professional'nykh sposobnostyakh psikhologa [On the issue of professional abilities of a psychologist]. Sovremennyye psikhologo-pedagogicheskiye problemy vysshey shkoly [Modern psychological and pedagogical problems of higher education]. Interuniversity collection of papers of Leningrad State University named after A. A. Zhdanov. Issue 5. Leningrad, Leningrad State University Publishing House, 120 p. (In Russian).
- Bozadzhiev V. L. (2011) Psiholog: professiya i lichnost' [Psychologist: profession and personality]. Chelyabinsk, Pechatnyy Dvor Publ., 424 p. (In Russian).
- Bykova E. A. (2015) Osobennosti professional'no vazhnykh kachestv psikhologa [Features of professionally important qualities of a psychologist]. Journal of Shadrinsk State Pedagogical University, no. 3 (27), pp. 112–119 (In Russian).
- Vernyaeva T. A. (1996) Izucheniye individual'no-psikhologicheskikh svoystv lichnosti studentov fakul'teta psikhologii [Study of individual psychological properties of the personality of students of the Faculty of Psychology]. Psikhologiya: itogi i perspektivy (30 let fakul'tetu psikhologii Sankt-Peterburgskogo universiteta) [Psychology: results and prospects (30 years of the Faculty of Psychology of St. Petersburg University)]. Abstracts of scientific-practical. conf. St. Petersburg, 205 p. (In Russian).
- Dyachenko M. I., Kandybovich L. A. (2003) Psikhologiya vysshey shkoly [Psychology of higher education]. Minsk, Tesey Publ., 352 p. (In Russian).
- Esmanskaya N. E. (2007) Razvitiye psikhologicheskoy pronitsatel'nosti studentov-psikhologov sredstvami khudozhestvennoy literatury [Development of psychological insight of psychology students by means of fiction]. Abstr. Diss. ... Cand. of Psychol. Sci. Kursk State University. Kursk, 25 p. (In Russian).
- Zeer E. F., Symanyuk E. (2005) Kompetentnostnyy podhod k modernizatsii professional'nogo obrazovaniya [Competence-based approach to modernization of vocational education]. Higher Education in Russia, no. 4, pp. 23–30 (In Russian).
- Klimov E. A. (2003) Psikhologiya professionala: izbrannyye psikhologicheskiye trudy [Psychology of a professional: selected psychological works]. Moscow, Institute of Practical Psychology; Voronezh, NPO MODEK Publ., 456 p. (In Russian).
- Kolmogorova L. A. (2015) Formirovaniye kommunikativnoy kompetentnosti lichnosti [Formation of communicative competence of the individual]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publishing House, 205 p. (In Russian).
- Masterstvo psikhologicheskogo konsul'tirovaniya [Mastery of psychological counseling] (2010). A. A. Badkhen et al., scientific ed. A. A. Badkhen, A. M. Rodina. St. Petersburg, Rech Publ., 228 p. (In Russian).
- May R. (1997) Ranenyy tselitel' [The Wounded Healer]. Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal – Moscow Psychotherapeutic Journal, vol. 5, no. 2, pp. 90–95 (In Russian).
- Oscarson B. (2001) Bazovyye navyki kak integriruyushchiy faktor uchebnogo plana [Basic skills as an integrating factor in the curriculum]. In: Otsenka kachestva professional'nogo obrazovaniya [Assessment of the quality of vocational education]. General editors V. I. Baydenko, J. van Zantvoort. Moscow, Research Center for Problems of Quality of Specialist Training, pp. 40–64 (In Russian).
- Pezhemskaaya Yu. S. (2006) Gotovnost' studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Psikhologiya", k rabote s lyud'mi [Readiness of students majoring in Psychology to work with people. Psychological training of teachers in Russia: history and modernity]. Proceedings of the All-Russian scientific and

- practical conference dedicated to the 208th anniversary of psychological training of teachers and the 80th anniversary of the Department of Psychology of the Herzen State Pedagogical University. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publishing House, pp. 334–338 (In Russian).
- Pryazhnikov N. S. (2009) Strakh, ostorozhnost' i otvetstvennost' v deyatelnosti psikhologa [Fear, caution and responsibility in the activities of a psychologist]. Zhurnal prakticheskogo psikhologa – Journal of Practical Psychology, no. 6, pp. 143–146 (In Russian).
- Slovar'-spravochnik po vozrastnoy i pedagogicheskoy psikhologii [Dictionary and reference book on developmental and educational psychology] (2001). Ed. by Gamezo M. V. Moscow, Pedagogicheskoye obshchestvo Rossii Publ., 127 p. (In Russian).
- Sorokopud Yu. V., Abdurakhmanova M. A. (2020) Effektivnye tekhnologii ochenki studentov magistratury pedagogicheskikh i psikhologo-pedagogicheskikh napravlenij [Effective assessment technologies for master's degree students in pedagogical and psychological-pedagogical fields. The World of Science, Culture, and Education, no. 1 (80). pp. 240–242 (In Russian).
- Teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam: traditsii i innovatsii [Theory and Practice of Teaching Foreign Languages: Traditions and Innovations] (2013). Collection of articles from the international scientific and practical conference in memory of Academician of the Russian Academy of Education Inessa Lvovna Bim. Moscow, Thesaurus Publ., 331 p. (In Russian).
- Tolochek V. A. (2019) Kompetentnostnyj podhod i PVK-podhod: vozmozhnosti i ogranicheniya [Competence approach and the PVC approach: opportunities and limitations]. Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology, vol. 9, iss. 2, pp. 123–137 (In Russian).
- Chepurnaya Yu. V. (2015) Osnovnyye nauchnyye podkhody k ponyatiyu "Professional'naya kompetentnost" [The main scientific approaches to the concept of professional competence]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no. 10, pp. 344–347 (In Russian).
- Shigabetdinova G. M. (2014) Fenomen refleksii: granitsy ponyatiya [The Phenomenon of reflection: boundaries of the concept]. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, no. 2-1, pp. 415–422 (In Russian).
- Shirapova D. D. (2004) Izmeneniye obraza psikhologa v samoosenkakh studentov [Changing the image of a psychologist in students' self-assessments]. Psikhologiya XXI veka [Psychology of the 21st century]. Proceedings of the Int. interuniversity scientific-practical. conf. students, postgraduates, young specialists April 22-24, 2004. Ed. V. B. Chesnokov. St. Petersburg, Publishing house of St. Petersburg University, 379 p. (In Russian).
- Shmeleva I.A. (2010) Vvedeniye v professiyu. Psikhologiya [Introduction to the profession. Psychology]. Moscow, Eksmo Publ., 270 p. (In Russian).

Информация об авторе

Шаламова Оксана Олеговна

Аспирант. Омская гуманитарная академия,
г. Омск, РФ.

ORCID ID: 0009-0008-1317-740X.

E-mail: kom_kp@mail.ru

Autor's information

Oksana O. Shalamova

Graduate student. Omsk Humanitarian Academy,
Omsk, Russian Federation.

ORCID ID: 0009-0008-1317-740X.

E-mail: kom_kp@mail.ru

В. Г. Пинигин¹

✉ piniginvaleriy@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Мотивационный компонент в системе допустимого риска у подростков: психолого-педагогическая трактовка проблемы

Аннотация: В статье рассматривается проблема, которая неявно представлена в подростковом возрасте, но может обладать выраженной остротой: понимание допустимого риска. Для многих подростков он представляет практический интерес, поскольку данный возрастной период опасен зависимостью от мнения окружающих, незнанием специфики многих сфер жизни, стремлением казаться взрослее и опытнее. Все эти черты провоцируют подростка на «знакомство» с ситуацией риска, которая имеет разные последствия и легко перерастает в критическую. Подросток нередко воспринимает допустимый риск в качестве излишних ограничений, поэтому может обладать таким поведением, при котором формируется угроза развития негативных ситуаций. Понимание подростками допустимого риска в качестве «серой зоны», выход за пределы которой уже означает опасность и непредсказуемость последствий, может обуславливаться мотивационным компонентом в общей линии поведения. Конкретные мотивационные аспекты могут оказывать разновекторное воздействие на осмысление подростками риска и факта его допустимости. На основе теоретических рассуждений в статье проведено эмпирическое исследование взаимосвязи мотивационного компонента поведения подростков с их склонностью к риску и пониманием его допустимости. В результате было выявлено, что понимание подростками допустимости риска во многом зависит от выраженности конкретных мотивационных аспектов. С учетом полученных данных автор статьи дает рекомендации подросткам, родителям и учителям по снижению степени склонности к рисковому поведению.

Ключевые слова: подростковый возраст, риск, допустимый риск, мотивационный компонент, поведение.

Дата поступления статьи: 13 января 2025 г.

Для цитирования: Пинигин В. Г. (2025) Мотивационный компонент в системе допустимого риска у подростков: психолого-педагогическая трактовка проблемы. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 142–152. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.13.

Scientific article

V. G. Pinigin¹

✉ piniginvaleriy@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The motivational component in the system of acceptable risk in adolescents: psychological and pedagogical interpretation of the problem

Abstract: The article examines a problem that is implicitly presented in adolescence, but may have a pronounced severity: understanding the acceptable risk. For many teenagers, it is of practical interest, since this age period is dangerous due to dependence on the opinions of others, ignorance of the specifics of many spheres of life, and the desire to seem more mature and experienced. All these features provoke a teenager to “get acquainted” with a risk situation, which has different consequences and easily develops into a critical one. A teenager often perceives acceptable risk as excessive restrictions, therefore, he may have such behavior in which the threat of developing negative situations is formed. Adolescents’ understanding of acceptable risk as a “gray zone”, going beyond which already means danger and unpredictability of consequences, may be due to a motivational component in the general line of behavior. Specific motivational aspects can have a multi-vector impact on adolescents’ understanding of risk and the fact that it is acceptable. Based on theoretical considerations, the article conducted an empirical study of the relationship between the motivational component

of adolescent behavior with their risk appetite and understanding of its acceptability. As a result, it was revealed that adolescents' understanding of the acceptability of risk largely depends on the severity of specific motivational aspects. Taking into account the data obtained, the author of the article gives recommendations to adolescents, parents and teachers on reducing the degree of propensity to risky behavior.

Keywords: adolescence, risk, acceptable risk, motivational component, behavior.

Paper submitted: January 13, 2025.

For citation: Pinigin V. G. (2025) The motivational component in the system of acceptable risk in adolescents: psychological and pedagogical interpretation of the problem. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 19, no. 1, pp. 142–152. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.13.

Введение

Понятие риска в общем смысле трактуется как сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий (Ильин, 2010). Кроме того, риском является непосредственно предполагаемое событие, способное принести кому-либо ущерб или убыток. Поэтому можно сказать, что данный феномен отличается масштабностью и имеет место во всех сферах деятельности и жизни каждого человека и социума в целом. Главной чертой риска становятся возможные отрицательные последствия какого-либо планируемого мероприятия. Поэтому уже длительное время существует способ оценки уровня риска, который в основном применяется в финансовой и политической сфере. Узкий смысл риска – количественная оценка опасностей, которая определяется как частота одного события при наступлении другого (Губанов, Губанов, Волков, 2017). Риск всегда отражает проблему неопределенности и неизвестности, особенно острую в указанных областях деятельности: чем выше его степень, тем выше и вероятность падения авторитета финансовой компании или политического сообщества/лидера, и значительные материальные потери. Риск в общем понимании характеризует возможную утрату чего-либо и неудачно складывающиеся внешние обстоятельства, которые и вынуждают человека принимать опасные решения (Губанов, Губанов, 2017). При этом риск понимается и как возможность благополучного исхода дела, т. е. получение положительного результата: прибыли, приобретения авторитета или ценных знаний (информации, опыта). Существующая поговорка о риске и шампанском иллюстрирует такую сторону этого феномена.

Психологическая трактовка термина и явления риска предполагает три направления. Первое представлено пониманием риска в качестве определенной меры возможной неудачи. Многие здесь зависят от верно выбранной тактики принятия решения и осознанности действий. Второе направление определяет риск как действие, которое может причинить человеку самый разный ущерб: от денежного до эмоционального (Альгин, 1989). Здесь риск делится на мотивированный (наличие каких-либо преимуществ и обнадеживающих факторов; заранее запланированные случаи серьезных неудач, к примеру, производственных аварий и пожаров, степени облучения) и немотивированный (отсутствие обосновывающих принятие опасного решения условий; попытка противостоять законным требованиям, к примеру, нежелание работников соблюдать правила безопасности). На основе этих видов риска в психологии Е. П. Ильиным также выявлены оправданный и неоправданный риск (они по своей сути подобны предыдущим, т. е. имеют или не имеют рациональной основы), реальный и мнимый (отражают действительность опасности или, напротив, неаргументированные страхи человека). Третье направление понимания риска восходит к проблеме выбора между предполагаемыми результатами, степенью опасности процесса их достижения (Ильин, 2010). Иллюстративной здесь оказывается поговорка про журавля и синицу.

Безусловно, психологическая наука заостряет внимание на исследовании степени склонности человека к риску, и это приводит к созданию развернутой характеристики субъекта, определению его личностных черт и поведенческих особенностей, а также обращению к возрастным качествам. Кроме того, определение степени склонности к риску позволяет выявить и стремление к успеху, желание доминировать, наличие волевых ресурсов. В связи с такими исследованиями

появилось терминологическое выражение «рисковое поведение» (Бунас, 2013) – особые реакции и ценностно-мировоззренческие установки индивида, формирующиеся под влиянием внешних обстоятельств, культуры и личных жизненных условий.

Тематика исследования касается подросткового возраста и связанных с ним личностных новообразований, установок, предпочтений, поэтому важно заострить внимание на особенностях рискованного поведения именно в этом периоде. Рисковое поведение подростков отличается лабильностью – временами они могут прогнозировать возможные проблемы, а временами могут все же принимать слишком смелые решения (Реан, 2004). Кроме того, детско-родительские отношения на данном этапе могут складываться не всегда адекватным образом, что также провоцирует рискованное поведение: подросток как будто бросает вызов родителям, обнаруживая импульсивность, стремление к независимости и приобретению различного опыта (Кон, 2000). Самым простым примером рискованного поведения подростков является быстрая смена друзей, нежелание соблюдать школьные правила, отсутствие учебной мотивации и успеваемости, ранний сексуальный опыт.

По оценке привлекательности последствий риски делят на приемлемые и неприемлемые (Мадера, 2014). Приемлемый риск является синонимом допустимого, и трактуется как возможность принятия достаточно сложного решения ввиду получения весьма существенной выгоды (Wilde, 1994). Поэтому допустимый риск отличается также привлекательностью, которая зависит от этой выгоды и определяется ею. Если предполагаемая выгода оказывается несущественной, то рисковать человек не будет; если же «игра стоит свеч», то риск состоится. Что касается неприемлемого риска, то он характеризуется пониманием только негативных последствий предполагаемого решения, поэтому человек изначально не осуществляет никаких действий.

Относительно феномена риска в психологии также рассматривается вопрос о его уровнях выраженности. Ряд исследователей полагают, что приемлемый риск обладает относительно постоянным уровнем. К примеру, К. Кумбс отмечал, что каждый человек имеет собственный уровень риска, который оказывается соответствующим установкам, целям, ценностям этой личности (Coombs, 1975). Кроме того, постоянный показатель допустимого риска связан с индивидуальной степенью предрасположенности к нему. Согласно созданной Г. Уайдом гомеостатической теории риска, у каждого человека существует свой, удобный для него уровень риска, при наличии которого интересно работать (Wilde, 1988). Р. Тримпоп высказывает сомнения в существовании постоянного, индивидуально приемлемого человеком субъективного уровня риска (Trimpor, 1994). По его мнению, этот уровень может быть различен для физических, социальных и финансовых областей человеческой жизни. Проведенное им исследование показало, что принимаемый уровень риска во многом зависит от психологического и физиологического состояния индивида, от его адаптивности, конкретных личностных качеств и мировоззренческих установок.

Допустимый риск делится, в свою очередь, на виды в соответствии с критерием возможных потерь: приемлемый риск (взаимосвязан с приемлемой безопасностью и в целом не несет серьезного ущерба при провале), предельно допустимый риск (критический, т. е. тот, который при прогнозах не принесет невосполнимых потерь), чрезмерный риск (приводит часто к отрицательному результату, масштабным потерям). Практически не существует нулевого уровня риска – именно поэтому существует критерий его допустимости (Шаболтас, 2014). Для подросткового возраста, открытого кризису идентичности, эмоциональным бурям, ценностно-мировоззренческой нестабильности, допустимый риск определяется как «серая зона», выход за границы которой создаст заметные трудности и приведет к негативным последствиям.

Психологическая наука, исследуя допустимый риск, указывает на его многоаспектность и такую особенность, как оправданность-неоправданность (Башкина, Посохова, 2007). Другими словами, оправданный риск допустим изначально: он является в какой-то мере логичным итогом событий и объясняет важность конкретных действий. К примеру, для подростка оправданным допустимым риском может стать попытка участия в серьезных соревнованиях, хотя это самый позитивный пример. Негативный пример оправданного допустимого риска привести уже гораздо сложнее: в основном все эти действия могут нанести вред здоровью (физическому, эмо-

циональному), хотя нередко приобретение такого опыта учит подростка не совершать в дальнейшем таких же ошибок. Возможно, оправданным риском будет попытка курить – если она окажется неудачной, подросток может сделать правильные выводы. Неоправданный допустимый риск может привести к незначительным потерям, но совершение таких действий не является логичным или обоснованным шагом. Такой вид риска всегда связан с простым вопросом «зачем?», поскольку адекватная аргументация принятого решения отсутствует. К примеру, неоправданным, но допустимым риском может стать решение девушки пойти к своей подруге на ночной праздник, который организуется в отсутствие родителей и втайне от них. Оправданным такой риск был бы в случае организации праздника в дневное время, а здесь ситуация уже становится другой, и последствия – непредсказуемыми. Кроме того, в целом может повыситься степень риска, приближаясь к критической.

Допустимый риск определяется и как мера возможной неудачи, и как действие, за которым может последовать незначительная потеря. Интересен тот факт, что на рисковое поведение влияет также неадаптивная активность личности – эта концепция, как указывают А. П. Альгин и Е. П. Ильин, была предложена А. В. Петровским и обозначала уровень влечения человека к опасности. Другими словами, речь здесь идет об авантюрном складе личности, что нередко свойственно подросткам – с течением времени авантюризм существенно снижается, однако на данном этапе он может стать основой положительного отношения к допустимому риску (к разным его практическим примерам). С учетом степени влечения к опасности выделяется спонтанный риск (случайность, нежелание субъекта попадать в неудачную ситуацию, отсутствие влечения к опасности) и запланированный (соответствие высокому уровню влечения к опасности) (Яницкий, 2003). В связи с таким делением несложно в качестве вывода охарактеризовать причины побуждения к допустимому риску: желание эмоциональной остроты (путем преодоления опасности), ценностно-мировоззренческие установки (риск – это важный опыт), влияние семьи и близкого окружения.

Психология объясняет особенность допустимого риска индивидуальными характеристиками субъекта: ценностной иерархией, волевыми ресурсами и волевыми качествами, проблемой жизненного выбора, различными внешними обстоятельствами и жизненными условиями (Солнцева, 1999). Восприятие допустимого риска подростками, как видим, может находиться под влиянием разных факторов или условий. Одним из таких условий, на наш взгляд, является мотивационный компонент поведения личности. Как известно, мотивационная сфера исследована тщательно и детально, но в рамках нашей темы следует обратить внимание на тот факт, что мотивация (к примеру, по мнению В. Г. Асеева) теснейшим образом связана с эмоциями (Асеев, 1976). Одна из функций эмоций состоит в том, что они ориентируют человека, указывают на значимости окружающих явлений, на степени их важности, а это весьма часто фиксируется в момент принятия решения, особенно рискованного характера. С. Л. Рубинштейн также указывает на то, что «мотив человеческих действий естественно связан с их целью, поскольку мотивом является побуждение или стремление ее достигнуть. При этом создается возможность как схождения, так и расхождения между мотивом и целью. Целью является выполнение общественной деятельности, а мотивом удовлетворение личных потребностей. Единство деятельности конкретно выступает как единство тех целей, на которые она направлена, и мотивов, из которых она исходит» (Рубинштейн, 2003, с. 436). Привязывая высказывание к нашей теме, подчеркнем, что в подростковом возрасте рисковое поведение и склонность к риску обладают выраженным эмоциональным фундаментом, и мотив удовлетворения потребностей (например, в коммуникации с ровесниками, в компании которых хочется показать свою уверенность и смелость) может оказывать провоцирующее влияние. Однако понимание допустимости риска также постепенно формируется на данном возрастном этапе, и поведенческий самоконтроль, связанный с целеполаганием, стремлением достичь положительных результатов в учебе, может также повлиять на рисковое поведение, но уже в направлении снижения его уровня выраженности.

Мотивационная сфера понимается нередко в качестве стержня личности, к которому стягиваются такие ее свойства, как направленность, ценностные ориентации, установки, социальные ожидания, притязания и другие социально-психологические характеристики, к которым мы можем отнести склонность к риску, осмысление степени допустимости риска, рефлекссию над своими поступками и общей линией поведения. По представлениям А. Г. Асмолова, структура мотивации есть сфера, состоящая из трех групп определенных факторов, трактуемых также в качестве мотивационных уровней (Асмолов, 1990). Первая группа этих факторов представлена источниками деятельности, ее причинами: либидо, потребность в самоактуализации, смысл жизни, ценности, инстинкты. Важно отметить, что этот мотивационный уровень отличается высокой степенью обобщенности и устойчивости – характеристики человека относятся и к его мотивированности на конкретные поступки, и к личности в целом. Вторая группа факторов характеризуется обеспечением выбора вида деятельности. Зачастую это осуществляется неосознанно, поскольку именно на этом уровне отмечается влияние собственно мотивов – на выбор человека и его деятельность. Третья группа факторов направлена на регуляцию человеком своей деятельности как реализации мотива. Мотив в этом случае является основой в процессе начала деятельности и вместе с этим дает возможность осуществить ее завершение. Поэтому «к данной группе факторов относятся цели, установки, эмоциональные процессы – все то, что входит в понятие регуляции. Следовательно, мотивационная сфера отличается масштабностью и включает в себя самооценку, уровень притязаний, произвольность и самоконтроль, Я-концепцию и образ Я» (Асмолов, 1990). В процессе понимания подростками допустимого риска и снижения уровня рискованного поведения сформированность мотивационной сферы и наличие адекватных мотивов деятельности обладает высокой степенью референтности.

В связи с отмеченными информационными аспектами, подчеркнем, что общей целью исследования является определение особенностей воздействия мотивационного компонента на понимание допустимого риска подростками. Все испытуемые обучаются в школе, имея разную учебную успеваемость. Часть подростков имеет хобби, к которому относится весьма серьезно, предполагая далее развиваться именно в этой сфере.

Методы

Теоретическая часть исследования включает метод анализа и синтеза научных фактов, постановки проблемных вопросов. Эмпирическая часть исследования основывается на методе тестирования, количественном и качественном анализе полученных результатов (математическая обработка тестовых бланков, корреляционный анализ в программе MS Excel-2010, коэффициент Пирсона). При помощи Google-формы были протестированы 89 подростков в возрасте 13–15 лет, обучающиеся в школах г. Омска, по следующим методикам:

1. Методика «Исследование склонности к риску» А. Г. Шмелева.
2. Методика диагностики степени готовности к риску А. М. Шуберта.
3. Изучение мотивационного профиля личности (Ш. Ричи, П. Мартин).

Результаты

Исследование проводилось поэтапно:

1. Диагностический этап. Цель этого этапа – выявление особенностей мотивационного профиля испытуемых, определение готовности и склонности к риску.
 2. Рефлексивный этап. Целью этого этапа является качественный анализ полученных результатов тестирования, выявление корреляционных взаимосвязей между показателями мотивационного профиля и степенью готовности и склонности к риску. Это позволит определить особенности понимания подростками допустимости риска вкупе с влиянием мотивационного компонента в их поведении.
 3. Завершающий этап. Цель этого этапа – формулирование психолого-педагогических рекомендаций подросткам, родителям и учителям на основе полученных результатов тестирования.
- Рассмотрим результаты тестирования по методике «Исследование склонности к риску».

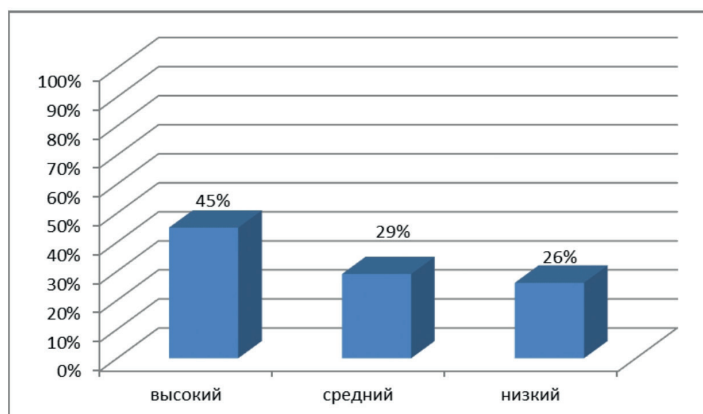

Рис. 1. Обобщенные результаты диагностики уровня склонности к риску

Fig. 1. Generalized results of the diagnosis of the level of risk appetite

Как видим на гистограмме, у 45 % подростков зафиксирован высокий уровень склонности к риску: почти половина выборки может рисковать в разных ситуациях – от положительных до отрицательных. При положительных ситуациях риск обусловлен стремлением к успеху, мотивацией достижения (на что мы обратим внимание ниже), но при отрицательных он теряет свою допустимость. Переход от «серой зоны» к угрожающим последствиям каких-либо поступков, выборов и решений уже предполагает отсутствие допустимости и наличие опасности. В отрицательных ситуациях такие подростки склонны рисковать, демонстрируя чрезмерную смелость, граничащую с безрассудством; отсутствие умения прогнозировать дальнейшее развитие событий. К таким ситуациям можно отнести попытку доказать компании, своему окружению наличие особых умений и навыков, разнообразного жизненного опыта. Привлекая к себе внимание, подросток может «на спор» принять наркотик, попытаться совершить крупную кражу в магазине без понимания того, каким будет результат таких поступков. Поэтому высокий уровень склонности к риску свидетельствует о неоднозначности данного результата: он может обуславливать как серьезные цели, так и инфантильные выходы.

Средний уровень склонности к риску отмечен у 29 % подростков. Эти респонденты находятся, по сути, в положении нормы, поскольку могут прогнозировать последствия рискованных поступков и далеко не всегда принимать необдуманные решения. В основном средняя склонность к риску у подростков нередко выражается в наличии понимания его допустимости: они могут заниматься травмоопасными видами спорта, участвовать в сложных турнирах и олимпиадах, требующих серьезной подготовки. Но демонстрировать свое кажущееся превосходство над ровесниками посредством девиантных поступков они уже не будут.

Низкая склонность к риску (26 %) может отражать разумное поведение, адекватную осторожность и постановку соответствующих возможностям целей. Также низкая склонность к риску показывает понимание его допустимости, что весьма ценно именно в подростковом возрасте, где нередко происходят разные сложные ситуации. При этом низкий уровень рискованного поведения может свидетельствовать и о неуверенности, мнительности, даже трусости, что говорит вновь о дихотомии самого феномена риска. Однако подчеркнем, что средний уровень риска – это наиболее заметное приближение подростков к пониманию допустимости такого поведения.

Рассмотрим данные по тесту на степень готовности к риску (рис. 2). Как видим, преобладает средний уровень – ситуативная готовность к риску, т. е. временами 52 % подростков могут допустить определенную сложность в своих решениях, руководствуясь конкретными обстоятельствами. К примеру, нередко подростки рискуют во время школьных потасовок, заступаясь за себя и не прогнозируя возможные последствия наносимых ударов. Однако ситуативная готовность рискнуть может предполагать и адекватные обстоятельства: решиться исполнить трюк во время соревнований, попытаться списать на экзамене, предметные знания по которому не

являются необходимыми для конкретного обучающегося. Такая готовность к риску, безусловно, может разворачиваться в обоих векторах, но здесь есть понимание допустимости соответствующих решений. Эти подростки не будут рисковать необдуманно и тем более постоянно.

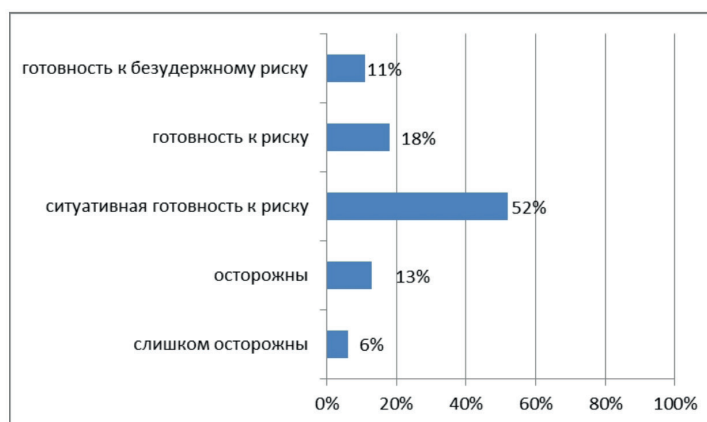

Рис. 2. Обобщенные результаты диагностики степени готовности к риску

Fig. 2. Generalized results of risk preparedness diagnostics

Готовы к риску не только в конкретных случаях, а в более широком его понимании 18 % подростков, которые нередко показывают определенные сложности в поведении, несговорчивость, упрямство. Будучи именно подростками, они основываются на установке «кто не рискует, тот не пьет шампанское», и общая дискуссионность и ментальная штампованность этой фразы их мало интересуют. Однако еще больше сложностей возникает у подростков, чья готовность к риску предполагает безудержность, – 11 % нашей выборки показали такой результат. Эти подростки не осмысливают понятие допустимого риска, и «серая зона» для них является скучным и ненужным ограничением. Они не видят ценности в правилах и законах, «живут одним днем» без попыток прогнозирования.

Напротив, осторожность проявляют 13 % подростков, которые стараются найти некий баланс между уверенностью и пониманием допустимого риска, но временами их поведение напоминает трусость и излишнюю сдержанность. При этом у них довольно редко возникают сложные ситуации – часто такие подростки стремятся прекратить коммуникацию, вызывающую опасения: «мне не нужны проблемы, я ухожу». Чрезмерную осторожность проявляют 6 % подростков, у которых такой результат может быть обусловлен разными обстоятельствами и личностными качествами: от понимания своей физической слабости до угнетенности в отношениях с родителями (к примеру, фигура отца-деспота часто влияет на формирование общей неуверенности и именно трусости у мальчиков). У чрезмерно осторожных подростков нет ни разнообразного коммуникативного опыта, ни попыток приобретения уверенности, ни понимания допустимого риска – они не готовы заявлять о себе в целом, стремясь находиться на дистанции в любых ситуациях.

Рассмотрим результаты мотивационного профиля (рис. 3). Из-за технической сложности названия 12 шкал теста на графике представлены по первым буквам: В – вознаграждение, У – условия работы, СР – структурирование работы, СК – социальные контакты, В-о – взаимоотношения, П – признание, Д – достижения, ВЛ – власть и влияние, Р – разнообразие, К – креативность, С – самосовершенствование, ИР – интересная работа.

С учетом подросткового возраста респондентов мы условно изменили названия двух шкал: под условиями работы (УР) понимается техническая оснащенность учебного процесса, под интересной работой (ИР) – соответственно, интересная учеба. Шкала «власть и влияние» прокомментирована как мотив лидерства и доминирования в школьном коллективе или группе в секции. Заметим также, что наибольший балл по данному тесту равен 120.

Как видим на графике, такие мотивационные аспекты, как социальные контакты, взаимоотношения, разнообразие и достижения, преобладают в нашей выборке. Результат соответствует особенностям подросткового возраста: многим хочется интегрироваться в сообщество ровесников, проявить себя именно там и обнаружить для себя много жизненных векторов. Также немалая часть подростков мотивирована на достижения в учебе или в выбранном хобби.

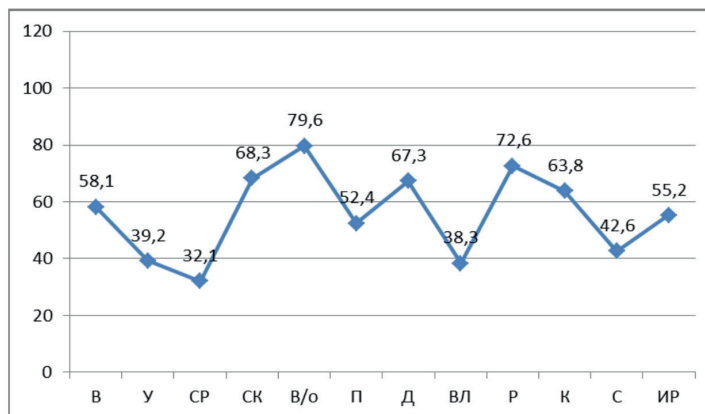

Рис. 3. Обобщенные результаты мотивационного профиля

Fig. 3. Generalized results of the motivational profile

В меньшей степени подростки мотивированы на вознаграждение, признание, интересную работу/учебу. Это средний уровень выраженности данных аспектов: подростки не всегда интересуются вознаграждением или понимают его более поверхностно: как хорошую оценку, подарок от родителей за какие-либо успехи. При этом многие могут трактовать вознаграждение как получение почетного места на конкурсе, олимпиаде, соревновании, но такой вариант мотивации свойственен более рефлексивным индивидам. Признание их также интересует на уровне нормы, как и интересная учеба – они не возражают против использования новых технологий на уроках и могут почувствовать эмоциональный подъем, когда увидят уважение со стороны сверстников. Но все это мотивирует в более конкретных ситуациях, временно и локально.

Мало мотивируют подростков такие аспекты, как условия работы/учебы, структурированность работы/учебы, власть и влияние, самосовершенствование. По сути, для подросткового возраста эти мотивационные аспекты характерны в гораздо меньшей степени, чем для последующих периодов. Поэтому мотивационный профиль нашей выборки во многом подчеркивает качества подростков, в нем не обнаружено каких-либо отклонений или неоднозначно трактуемых установок.

Теперь следует установить взаимосвязь между тестовыми показателями для определения особенностей понимания подростками допустимости риска и воздействия на это понимание мотивационных аспектов. В таблице отражены наиболее значимые из полученных взаимосвязей путем вычисления коэффициента корреляции Пирсона.

По таблице мы видим, что часть корреляций прямого и часть обратного характера. Так, прямые взаимосвязи получены между показателями таких мотивационных аспектов, как социальные контакты, взаимоотношения, достижения, разнообразие, креативность, интересная работа/учеба, и показателями склонности и ситуативной готовности к риску. Иными словами, чем выше уровень выраженности указанных мотивационных аспектов, тем выше и уровень склонности к риску у подростков. Также данные аспекты коррелируют не только с общей склонностью к риску, но и с ситуативной готовностью к нему: к примеру, мотивация достижений может обуславливать желание рискнуть в конкретных обстоятельствах. Подчеркнем, что показатели интересной работы/учебы коррелируют напрямую с осторожностью: чем выше мотивация на интересную учебу, тем выше и степень осторожности в системе риска. Эти подростки не стремятся рисковать, у них нацеленность на обретение знаний, учебную успеваемость.

Значимые корреляционные взаимосвязи между диагностическими показателями (n = 89)**Significant correlations between diagnostic indicators (n = 89)**

Показатель	Показатель	Значение коэффициента корреляции Пирсона, r
Социальные контакты	Склонность к риску	0,2*
Взаимоотношения	Ситуативная готовность к риску	0,33**
Достижения	Склонность к риску	0,32**
Разнообразиие	Ситуативная готовность к риску	0,41***
Креативность	Склонность к риску	0,2*
Интересная работа / учеба	Склонность к риску	-0,34**
Интересная работа / учеба	Готовность к риску	-0,33**
Интересная работа / учеба	Осторожность	0,23*

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

Обратные взаимосвязи получены между показателями интересной учебы и общей склонностью к риску, а также готовностью к риску (более высокий уровень по сравнению с ситуативной готовностью). Данный мотивационный аспект представлен в нашей выборке на среднем уровне, и те подростки, которые показали заинтересованность в учебе, не готовы рисковать в принципе. Иными словами, чем выше мотивация интереса к учебе, тем ниже склонность и готовность к риску.

Таким образом, мы видим, что мотивационный компонент в личности подростка оказывает влияние на его поведенческие особенности – в частности, на склонность и готовность к риску. Понимание подростками допустимости риска также во многом зависит от выраженности конкретных мотивационных аспектов: так, достижения и интересная учеба влияют на умение прогнозировать последствия своих поступков и решений. При этом другие мотивационные аспекты (взаимоотношения, разнообразие) могут провоцировать подростка на превышение меры риска.

Базируясь на полученных результатах, нам хотелось бы дать конкретные рекомендации подросткам, родителям и учителям.

Рекомендации подросткам:

1. Понимать последствия негативных экспериментов – нужно осознать, что происходит с человеком в процессе взросления.
2. Развивать психологическую грамотность – это поможет конструктивно и своевременно решать проблемы и конфликты.
3. Обучаться основным социальным навыкам, например, разрешению конфликтных ситуаций, преодолению стресса, принятию решений, планированию будущего, управлению своим поведением на основе самосознания.
4. Вовлекаться в позитивную деятельность. Организация досуга, вовлечение в творческую и полезную деятельность помогут снизить риски в подростковой среде.
5. Максимизировать свободное время позитивными занятиями: чтением, самообразованием, музыкой, спортом.

Рекомендации учителям и школьной администрации:

1. Создавать на уроках благоприятную коммуникативную обстановку, не провоцировать конфликты.
2. Проводить уроки с использованием интерактивных технологий, цифровых образовательных ресурсов, что может положительно повлиять на учебную мотивацию.
3. Своевременно выявлять потенциально склонных к риску подростков (формирование «группы риска»).
4. Организовывать проведение профилактических мероприятий и коммуникативных тренингов или тренингов личностного роста, самопознания.

Рекомендации родителям:

1. Поддерживать дружеские взаимоотношения с ребенком.
2. Сохранять благоприятную семейную атмосферу, супружеское взаимопонимание.
3. Не оказывать коммуникативного, или тем более мировоззренческого, давления на ребенка, обходиться без критики и излишних замечаний.
4. Больше общаться с ребенком, предлагать проведение совместного досуга, подчеркивать положительные качества подростка, акцентировать внимание на его успехах в учебе или хобби.

Выводы

Допустимый риск интерпретируется в соответствии с критерием возможных потерь: приемлемый риск (взаимосвязан с приемлемой безопасностью и в целом не несет серьезного ущерба при провале), предельно допустимый риск (критический, т. е. тот, который при прогнозах не принесет невозможных потерь), чрезмерный риск (приводит часто к отрицательному результату, масштабным потерям). Кроме того, психологическая наука, исследуя допустимый риск, указывает на его многоаспектность и такую особенность, как оправданность-неоправданность, которая оказывается весьма значимой в подростковом возрасте. Рассмотрение понимания подростками оправданности и допустимости риска в рамках нашего исследования осуществлено с учетом мотивационного компонента поведения. Этот поворот в анализе весьма неявной проблемы – осмысление допустимости риска подростками – заострил внимание на специфике взаимосвязи конкретных мотивационных аспектов со склонностью и готовностью к такому поведению. Выявленные нами особенности позволяют еще раз подчеркнуть сложность и разноректорность феномена допустимого риска: одни мотивационные компоненты могут обуславливать четкое понимание подростками последствий своих решений и, следовательно, умение своевременно остановиться, а другие – напротив, провоцировать на стремление к полной свободе действий без прогнозирования.

Источники

- Альгин А. П. (1989) Риск и его роль в общественной жизни. М., Мысль, 188 с.
- Асеев В. Г. (1976) Мотивация учебной деятельности и формирование личности. М., Мысль, 158 с.
- Асмолов А. Г. (1990) Психология личности. М., МГУ, 367 с.
- Башкина Ю. Д., Посохова С. Т. (2007) Личностный смысл чувства риска у подростков. Ананьевские чтения – 2007. Материалы научно-практической конференции 23-25 октября 2007 года. СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, с. 63–65.
- Бунас А. А. (2013) Личностно-психологические предикторы склонности к рискованному поведению. Азимут научных исследований: педагогика и психология, № 2, с. 5–8.
- Губанов Н. Н., Губанов Н. И. (2017) Сущность риска и его виды. Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии, № 4, с. 79–85.
- Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Волков А. Э. (2017) Наука о детерминации рисков и ментальных ответах на их возникновение. Гуманитарный вестник, № 12 (62), с. 1–17.
- Ильин Е. П. (2008) Мотивация и мотивы. СПб, Питер, 512 с.
- Ильин Е. П. (2010) Психология риска. <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/46468/ogl.shtml>.
- Кон И. С. (2000) Психология ранней юности. М., Наука, 273 с.
- Корнилова Т. В. (1997) Диагностика мотивации и готовности к риску. М., Институт психологии РАН, 232 с.
- Мадера А. Г. (2014) Риски и шансы: неопределенность, прогнозирование и оценка. М., УРСС, 448 с.
- Реан А. А. (2004) Психология подростка. СПб., Прайм-еврознак, 480 с.
- Рубинштейн С. Л. (2003) Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., Речь, 530 с.
- Солнцева Г. Н. (1999) О психологическом содержании понятия «риск». Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, № 2, с. 14–21.
- Шаболтас А. В. (2014) Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований. Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, № 3, с. 5–16.
- Яницкий О. Н. (2003) Социология риска. М., LVS, 192 с.
- Trimpp R. M. (1994) The psychology of risk taking behavior. Amsterdam, Elsevier, 416 p.
- Wilde G. (1994) Target Risk: dealing with the danger of death, disease and damage in everyday decisions. Ontario, Canada, 234 p.
- Coombs C. H. (1975) Portfolio Theory and the Measurement of Risk. Human Judgment and Decision Processes. New York, Academic Press, pp. 63–85.

References

- Algin A. P. (1989) Risk i ego rol' v obshchestvennoj zhizni [Risk and its role in public life]. Moscow, Mysl Publ., 188 p. (In Russian).
- Aseev V. G. (1976) Motivaciya uchebnoj deyatel'nosti i formirovanie lichnosti [Motivation of educational activities and personality formation]. Moscow, Mysl Publ., 158 p. (In Russian).
- Asmolov A. G. (1990) Psihologiya lichnosti [Personality Psychology]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 367 p. (In Russian).
- Bashkina Yu. D., Posohova S. T. (2007) Lichnostnyj smysl chuvstva riska u podrostkov [The personal meaning of a sense of risk in adolescents]. Anan'yevskiye chteniya – 2007 – Ananyev Readings – 2007. Materials of the scientific and practical conference. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, pp. 63–65 (In Russian).
- Bunas A. A. (2013) Lichnostno-psihologicheskie prediktory sklonnosti k riskovannomu povedeniyu. [Personality-psychological predictors of risk-taking behavior]. Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology, no. 2, pp. 5–8 (In Russian).
- Coombs C. H. (1975) Portfolio Theory and the Measurement of Risk. Human Judgment and Decision Processes. New York, Academic Press, pp. 63–85.
- Gubanov N. N., Gubanov N. I. (2017) Sushhnost' riska i ego vidy [The essence of risk and its types]. Scientific Research and Development. Socio-Humanitarian Research and Technology, no. 4, pp. 79–85 (In Russian).
- Gubanov N. N., Gubanov N. I., Volkov A. E. (2017) Nauka o determinacii riskov i mental'nykh otvetakh na ikh vozniknovenie [The science of risk determination and mental responses to their occurrence]. Humanities Bulletin, no. 12 (62), pp. 1–17 (In Russian).
- Ilyin E. P. (2008) Motivaciya i motivy [Motivation and motives]. St. Petersburg, Piter Publ., 512 p. (In Russian).
- Ilyin E. P. (2010) Psikhologiya riska [Psychology of risk]. <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/46468/ogl.shtml> (In Russian).
- Kon I. S. (2000) Psikhologiya rannej yunosti [Psychology of early youth]. Moscow, Nauka Publ., 273 p. (In Russian).
- Kornilova T. V. (1997) Diagnostika motivacii i gotovnosti k risku [Diagnosis of motivation and risk tolerance]. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 232 p. (In Russian).
- Madera A. G. (2014) Riski i shansy: neopredelennost', prognozirovaniye i ocenka [Risks and chances: uncertainty, forecasting and evaluation]. Moscow, URSS Publ., 448 p. (In Russian).
- Rean A. A. (2004) Psikhologiya podrostka. Osobennosti Ya-koncepcii podrostka [Adolescent psychology. Features of the Adolescent Self-concept]. St. Petersburg, Prime-Euroznak Publ., 480 p. (In Russian).
- Rubinshtejn S. L. (2003) Bytie i soznanie. Chelovek i mir [Being and consciousness. Man and the world]. St. Petersburg, Rech Publ., 530 p. (In Russian).
- Shaboltas A.V. (2014) Risk i riskovannoe povedenie kak predmet psihologicheskikh issledovanij [Risk and risky behavior as a subject of psychological research]. Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology, no. 3, pp. 5–16 (In Russian).
- Solnceva G. N. (1999) O psikhologicheskom sodержanii ponyatiya "risk" [About the psychological content of the concept of risk]. Lomonosov Psychology Journal, no. 2, pp. 14–21 (In Russian).
- Trimpop R. M. (1994) The psychology of risk taking behavior. Amsterdam, Elsevier, 416 p.
- Wilde G. (1994) Target Risk: dealing with the danger of death, disease and damage in everyday decisions. Ontario, Canada, 234 p.
- Yanitsky O. N. (2003) Sociologiya riska [Sociology of risk]. Moscow, LVS Publ., 192 p. (In Russian).

Информация об авторе

Пинигин Валерий Геннадьевич

Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.

ORCID ID: 0000-0003-2620-5664.

E-mail: piniginvaleriy@mail.ru

Autor's information

Valery G. Pinigin

Cand. Sc. (Psychol.), Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0003-2620-5664.

E-mail: piniginvaleriy@mail.ru

Ю. В. Мурзин¹, А. А. Фоменко¹ ✉, М. С. Расин²

✉ fom7@mail.ru

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

²Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск, Российская Федерация

Оценка деятельности спортивного клуба в высшем учебном заведении на этапе становления

Аннотация: В статье детально изложены результаты анкетирования студентов университета по вопросам оценки деятельности спортивного клуба, функционирующего в структуре вуза, на этапе становления. Сравнительный анализ аналогичного исследования на этапе создания спортивного клуба подчеркнул значительное повышение активности студентов в спортивной жизни университета. Было определено увеличение количества девушек, заинтересованных в физической активности, ввиду стабильной и быстрорастущей деятельности клуба; прирост по этому показателю составил 280 студенток. Также было отмечено, что в спортивную жизнь университета включены студенты младших курсов в рамках стратегии адаптации в новой и уникальной образовательной среде. Изучена доля студентов с разных факультетов, которые регулярно задействованы в деятельности клуба. Наибольшее число отмечено на юридическом факультете (50 %) и факультете экономики, психологии, менеджмента (25 %). Было выявлено увеличение числа студентов, регулярно занимающихся физической культурой и спортом в стенах университета, – 73 %. Результаты анализа мотивации на спортивных занятиях подчеркнули доминирующие критерии: укрепление здоровья, совершенствование силовых характеристик и эстетический компонент. Обратная связь со студентами указала на необходимость открытия дополнительных секций: большой теннис, спортивная гимнастика, спортивная стрельба, велоспорт, танцевальные виды, биатлон, скалолазание и водное поло. Становление спортивного клуба, позитивное отношение к спорту у администрации университета и среди профессорско-преподавательского состава позволило обучающимся эффективно совмещать тренировочный и академический процесс.

Ключевые слова: спортивный клуб, этап становления, студенческий спорт.

Дата поступления статьи: 25 ноября 2024 г.

Для цитирования: Мурзин Ю. В., Фоменко А. А., Расин М. С. (2025) Оценка деятельности спортивного клуба в высшем учебном заведении на этапе становления. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 153–160. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.14.

Scientific article

Yu. V. Murzin¹, A. A. Fomenko¹ ✉, M. S. Rasin²

✉ fom7@mail.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

²Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk, Russian Federation

Evaluation of the sports club activities in a higher educational institution at the formation stage

Abstract: The article describes in detail the results of a survey of university students on the issues of assessing the activities of a sports club operating within the structure of the university at the formation stage. A comparative analysis of a similar study at the stage of a sports club establishment emphasized a significant increase in students activity in the sports life of the university. The stable and swiftly expanding activities of the club were responsible for the identification of a rise in the number of girls interested in physical activity. This indicator increased by 280 female students. It was also noted that junior students are included in the sports life of the university as part of the strategy of adaptation to a new and unique educational environment. The proportion of students from different faculties who are regularly involved in the activities of the club was

studied. The highest percentages were found in the Faculty of Law (50%) and the Faculty of Economics, Psychology, and Management (25%). The number of students who participate in physical education and sports at university on their own has increased by 73%. The results of the analysis of motivation in sports activities emphasized the dominant criteria: health promotion, power characteristics development and the aesthetic component. Feedback from students indicated that more clubs should be established, including tennis, artistic gymnastics, shooting sports, cycling, dance, sports, biathlon, rock climbing, and water polo. The formation of a sports club, a positive attitude towards sports among the university administration and among the teaching staff, enabled the university students to effectively combine training and academic processes.

Keywords: sports club, formation stage, student sports.

Paper submitted: November 25, 2024.

For citation: Murzin Yu. V., Fomenko A. A., Rasin M. S. (2025) Evaluation of the sports club activities in a higher educational institution at the formation stage. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 153–160. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.14.

Введение

В современной геополитической ситуации на первый план выходит интеллектуальный, оборонительный и трудовой потенциал молодежи, формирующийся через физкультурно-спортивное и патриотическое воспитание студентов. Наиболее эффективным механизмом совершенствования спортивной деятельности в высших учебных заведениях представляется функционирование спортивного клуба как структурного подразделения вуза (Алексеева, Яшкина, 2024; Глотов, Мандария, 2024). При этом систематическое вовлечение студентов в деятельность спортивного клуба требует определенных организационно-управленческих и личностно-мотивационных решений, адекватной синхронизации нормативно-правовых актов с реалиями образовательной среды и применения специальных педагогических технологий (Ибрагимов, Асаева, 2024; Котуранова, 2024; Су, Линь, Мазгялите, Сидоренко, 2024).

Помимо этого необходим строгий подбор трудового персонала, тренерского состава и координаторов спортивной и внеучебной деятельности с целью адаптации обучающихся младших курсов при интеграции в новую академическую сферу, условия жизнедеятельности и совершенствования спортивного мастерства студентов на старших курсах с акцентом на реализацию будущей профессиональной функции (Бортникова, 2024; Волкова, Сайкина, Кузьмина 2024; Жданович, Картавий, Остен, Романов, Филиппева, 2024).

Вышеперечисленное достижимо при наличии отдельного структурного подразделения вуза, которое находится на этапе становления и обладает сильной обратной связью внутри коллектива сотрудников и студентов, а также регулярно производит мониторинг основных и альтернативных показателей собственной деятельности.

Ввиду новых приоритетов молодежной политики Российской Федерации в настоящее время важное место занимает развитие физической культуры и массового спорта, поэтому на пути к устойчивому развитию нашей страны целесообразно совершенствовать спортивную и физкультурно-оздоровительную деятельность вузов через функционирование студенческих спортивных клубов.

Методы

Детальное изучение характеристик становления спортивного клуба в высшем учебном заведении следует проводить на основе результатов сравнительного анализа отечественной и зарубежной литературы с последующим внедрением созданных педагогических технологий социальной адаптации обучающихся вуза, разнообразия физкультурно-спортивных практик и здоровьесбережения в условиях академической среды (Реди, Попова, 2024; Скобликова, Андреева, Скриплева, 2024; Черкасов, Хизбуллина, 2024). Организационно-управленческая структура спортивного клуба должна включать компоненты как современного менеджмента, так и гибкого взаимодействия со СМИ, результаты параметров проактивности студентов, а также регулярный диалог с финансовыми партнерами и спонсорами (Бельчич 2024; Гаджиев, Гореликов, Братков,

2024; Гоберник, Дмитрюк, Павлова, 2024; Салмаев, 2024; Сафонов, Ржанова, 2024). Кроме того, наличие научно-аналитического отдела в структуре спортивного клуба позволит успешно реализовывать проекты с грантовой поддержкой и осуществлять те задачи устойчивого развития в условиях глобальных вызовов, решение которых возможно с применением передовых методов анализа данных (Максимова, Мицулина, Калиновская, Садовая, 2024; Ольховский, Пушкарёва, Никитина, 2024).

Результаты

На основе результатов анкетирования было выявлено мнение студентов университета по оценке деятельности созданного спортивного клуба «Достоевский». В данном опросе участвовало 502 респондента, что подчеркивает повышение активности обучающихся в спортивной жизни вуза в сравнении с первым исследованием (Расин, Фоменко, Мурзин, 2024), где опрос прошли 144 человека.

Стоит отметить, что значительно изменилось процентное соотношение респондентов по гендерному признаку в сторону увеличения заинтересованных в физической активности студентов женского пола. Этот факт объясняется тем, что стабильная и быстрорастущая деятельность спортивного клуба привлекла интерес к занятиям физической культурой и спортом не только юношей, которые и ранее были вовлечены в спортивное движение вуза, но и новых студентов, где большее число составили девушки. Если на этапе создания СК «Достоевский» в спортивную деятельность было вовлечено 42 студентки, то на этапе становления уже 322 девушки. Соответственно, прирост количества девушек составил 280 обучающихся, а юношей – 78 человек (102 на этапе создания, 180 на этапе становления СК «Достоевский»).

При детализации результатов исследования на основе учета курса обучения выявлено, что в спортивную деятельность вуза максимально активно включены обучающиеся младших курсов. Это объясняется тем, что СК «Достоевский» успешно помогает адаптироваться студентам в новой образовательной среде. За период становления спортивного клуба число студентов младших курсов, систематически занимающихся спортом, возросло на 1 курсе в 3 раза (с 62 до 189 человек), на 2 курсе – в 9 раз (с 20 до 174 обучающихся). При этом студенты старших курсов участвуют в жизни спортивного клуба более качественно, чем на этапе его создания, так как являются лидерами и основой сборных команд СК «Достоевский» по различным видам спорта. Это позволило нашим спортсменам уверенно выступать не только на областных соревнованиях, но и на всероссийских. В качестве примера мы можем отметить хоккейную команду «Достоевский», участвующую во Всероссийской студенческой хоккейной лиге. Данный факт подчеркивает, что становление СК «Достоевский» позволило развивать не только массовый спорт, но и студенческий спорт всероссийского уровня. При этом многие выпускники университета остаются в спортивных командах СК «Достоевский». Мы предполагаем, что привлечение выпускников к деятельности спортивного клуба может потенциально расширить финансовые возможности университета за счет их инвестиций.

Дополнительным вопросом ко второму анкетированию явилось уточнение факультета систематически занимающихся в СК «Достоевский» студентов.

Наибольшее количество студентов, включенных в деятельность спортивного клуба, у юридического факультета (ЮФ, 50 %); следом за ним – обучающиеся факультета экономики, психологии, менеджмента (ФЭПМ, 25 %). Этот факт объясняется большим числом студентов на данных факультетах и особенностями их будущей профессиональной пригодности. Как показывает практический опыт нашего университета, именно в этих профессиональных направлениях обращают повышенное внимание на физическую, волевую и мотивационную подготовленность выпускников, специальные физические навыки и кондиции, которые мы формируем в разных секциях СК «Достоевский». Результаты на факультете филологии, переводоведения и медиакоммуникаций (ФФПМ) – 7 %, факультете цифровых технологий и кибербезопасности (ФЦТК) – 7 %, а также факультете истории, теологии и международных отношений (ФИТМО) – 5 %.

Указанные студенты менее активны в спортивном компоненте, поскольку это направление не является фактором их успешности. Однако спортивный клуб проводит организационную работу по вовлечению обучающихся в здоровьесберегающую деятельность на основе индивидуальной двигательной активности, такой как: аквааэробика, скандинавская ходьба, йога и другие. Кроме того, СК «Достоевский» для студентов данных факультетов развивает интеллектуальные виды спорта: фиджитал-спорт, киберспорт и шахматы.

С учетом низкой численности контингента на факультете культуры и искусств (ФКИ, 2 %), на физическом и химическом факультетах (ФФ, 2 % и ХФ, 2 % соответственно) оценка вовлеченности студентов в спортивно-оздоровительную деятельность вуза может быть субъективной.

На основе сравнения результатов анкетирования определен прирост положительного отношения обучающихся к спортивной деятельности университета (88 %), что предполагает понимание студентами важности двигательной активности на протяжении жизненного пути.

Стоит отметить, что своей деятельностью и вовлечением студентов в мероприятия СК «Достоевский» снизил отрицательное отношение обучающихся к физической культуре и спорту на 3 %, что весомо ввиду существенного повышения количественного состава респондентов, участвующих в исследовании.

Анализ ответов на пятый вопрос показал, что на этапе становления СК «Достоевский» значительно увеличилось число студентов, регулярно занимающихся физической культурой и спортом самостоятельно в стенах университета (73 %), за счет лиц, которые вновь были вовлечены в спортивное движение, вследствие систематического проведения спортивно-массовых мероприятий, соревнований в рамках «Кубка ректора», а также открытия секций по разным спортивным направлениям.

Результаты сравнительного анализа мотивации на спортивно-физкультурных занятиях показали, что доминирующими критериями являются укрепление здоровья, эстетический компонент и совершенствование силовых характеристик. Отрадно осознавать единую позицию СК «Достоевский» и студентов университета по вопросу важности влияния двигательной активности и спорта на формирование здорового профиля человека. Этот факт подчеркивает наличие устойчивой мотивации и необходимости развития спортивной организации в структуре вуза, что легло в основу корпоративной культуры СК «Достоевский».

Основными причинами, которые препятствуют регулярным занятиям двигательной активностью на этапе создания СК «Достоевский», ранее выявлены следующие: никто в университете не вовлекал (31 %), нет секции по видам спорта (28 %), занимаюсь другими делами (15 %), нет свободного времени (12 %) и лень (12 %). Вполне очевидно, что ранее тренеры-преподаватели не вели работу по привлечению студентов к занятиям спортом. В течение года была проведена большая организационная работа, и на этапе становления уже 49 % респондентов не видели препятствий для регулярных спортивных занятий.

Известно, что для популяризации спорта и его устойчивого развития необходимо учитывать ряд факторов, таких как формирование мотивации студентов, заинтересованность руководства вуза в развитии студенческого спортивного движения, создание условий и секций по видам спорта, которые отвечают требованиям и потребностям обучающихся в высшем учебном заведении. В связи с чем результаты первого исследования были изучены, проанализированы и учтены на этапе становления спортивного клуба.

На этапе создания СК «Достоевский» нами было выявлено, что многие студенты слабо заинтересованы в посещении спортивных секций на регулярной основе. Мы пришли к выводу о необходимости создания дополнительных условий эффективной деятельности в совершенствовании проведения физкультурно-спортивных мероприятий и соревнований, что очевидно стимулирует повышение привлекательности, популярности и массовости студенческого спорта. Это выразилось в открытии дополнительных спортивных секций с тренерами высокой квалификации, таких как кроссфит, кикбоксинг, бокс, плавание, фитнес, лыжный спорт, самооборона, скандинавская ходьба, йога, бадминтон и настольный теннис.

До создания СК «Достоевский» студенты-спортсмены не имели возможности активно продолжать спортивную карьеру из-за отсутствия необходимых условий для полноценной спортивной деятельности и систематических тренировок в стенах вуза. Становление СК «Достоевский», позитивное отношение к спорту у администрации университета и среди профессорско-преподавательского состава позволило обучающимся эффективно совмещать тренировочный и академический процесс. Появление вышеописанных условий дало нам возможность привлекать в университет абитуриентов с высокой спортивной квалификацией.

Активность выступлений обучающихся на студенческих спортивных соревнованиях за время становления СК «Достоевский» возросло на 13 %. При этом оптимальным числом выступлений явилось от 1 до 4 раз в год (28 %), что свидетельствует о целенаправленном выборе вида спорта и, конечно же, подготовке к нему в специализированных секциях вуза. Кроме того, сократилось количество студентов, участвующих в соревнованиях более 5 раз в год, что подчеркивает высокую конкуренцию в спортивных мероприятиях и повышение уровня внутривузовских соревнований.

Оценка предпочтений мест занятий физической культурой и спортом показала значительное увеличение числа студентов (26 %), занимающихся в спортивных секциях университета, что указывает на профессиональный подход квалифицированных тренеров и управленческого персонала СК «Достоевский», усиление позитивного имиджа спортивного движения в вузе. Этот факт привел многих студентов к дополнительным самостоятельным занятиям спортом в фитнес-клубах (44 %) для удовлетворения их потребностей в более современном оборудовании и тренажерах. Не занимаются спортивной деятельностью 24 % студентов, что указывает на предстоящий объем работы спортивного клуба в ближайшее время с целью привлечения всего академического контингента. Это является опорной точкой потенциального роста на следующем этапе устойчивого развития спортивного клуба.

На этапе создания СК «Достоевский» было выявлено мнение студентов о желании его создания (59 %). Повторное анкетирование выявило положительное отношение обучающихся к работе СК «Достоевский» (60 %), что свидетельствует о правильном векторе развития спортивного клуба. Руководство СК осуществляет обратную связь и учитывает не только индивидуальные пожелания обучающихся относительно процесса их физкультурно-оздоровительной деятельности, но и особенности самореализации в избранном спортивном направлении.

СК «Достоевский» совместно с кафедрой адаптивной и физической культуры ОмГУ им. Ф. М. Достоевского заключил договор с центром здоровья Врачебно-физкультурного диспансера Омской области для осуществления мониторинга функционального состояния студентов. На основании результатов медицинского консультирования обучающиеся могли дать более объективную оценку состоянию здоровья.

На этапе становления спортивного клуба отмечено укрепление показателей здоровья студентов (58 %), поскольку вовлечение в спортивную деятельность университета стало мотивировать студентов к здоровьесбережению на основе полученной теоретической базы и доступности спортивных секций.

Стоит отметить, что студенты уверены в важности регулярных занятий спортом и физических упражнений, как способствующих успехам в повседневной и академической сфере. Также улучшилось регулярное посещение занятий по дисциплине «Прикладная физическая культура и спорт» благодаря вовлечению студентов в систематические занятия в спортивных секциях СК «Достоевский».

Таким образом, мы считаем, что внеучебная спортивная деятельность благоприятно влияет на мотивацию к освоению основных образовательных программ, в том числе и по физической культуре.

Один из вопросов анкетирования был направлен на выявление мнения студентов о необходимости открытия новых секций по различным видам спорта. Наиболее популярными ответами явились: большой теннис, спортивная гимнастика, спортивная стрельба, велоспорт, танцевальные виды, биатлон, скалолазание и водное поло. Это мнение студентов учтено, и для неко-

торых спортивных дисциплин планируется открытие специализированных секций с учетом возможности инфраструктуры, материальной базы и ресурсного обеспечения.

Большинство респондентов отметили, что и на этапе создания, и на этапе становления СК «Достоевский» оказывает значительное влияние (70 %) на престиж и развитие имиджа университета. Спортивная инфраструктура, современное спортивное оборудование, а также сильные спортивные команды являются рекламой вуза. Известно, что они привлекают не только спортсменов, но и новых абитуриентов в высшее учебное заведение.

Выводы

Реализация этапа становления спортивного клуба «Достоевский» позволила определить вектор стабильного развития и ближайшие точки роста по основополагающим содержательным компонентам структурной модели, а также скорректировать деятельность в аспекте взаимодействия между сотрудниками и обучающимися университета.

Оценка деятельности клуба указала на необходимость разнообразия физкультурно-спортивной программы мероприятий для девушек, применения педагогических технологий адаптации студентов младших курсов, интеграции в академическую среду и новых условий проживания, делегирования управленческих полномочий старшекурсникам, учета будущей профессиональной деятельности при подборе спортивных секций, а также углубленного медицинского обследования для сохранения функционального резерва организма студентов.

Источники

- Алексеева Т. Н., Яшкина Е. М. (2024) К вопросу о реализации государственной молодежной политики Российской Федерации в области физической культуры и спорта. Экономика и предпринимательство, № 1, с. 209–212.
- Бельчич А. Ю. (2024) Спонсорство как форма партнерства между спортивными организациями. Экономика и предпринимательство, № 2 (163), с. 1170–1172.
- Бортникова Л. В. (2024) Значение тренера-преподавателя спортивного клуба на базе университета в формировании эмоционального развития студента спортсмена. Казанская наука, № 6, с. 72–74.
- Волкова Н. Л., Сайкина Е. Г., Кузьмина С. В. (2024) Внеучебная деятельность как средство повышения профессиональных навыков студентов. Человеческий капитал, № 9, с. 171–181.
- Гаджиев К. А., Гореликов В. А., Братков К. И. (2024) Менеджмент в индустрии смешанных единоборств. Москва, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 124 с.
- Глотов С. В., Мандария Ю. Т. (2024) Студенческий спорт: состояние и тенденции развития. Тенденции развития науки и образования, № 111-5, с. 77–79.
- Гоберник Е. Е., Дмитриук В. Е., Павлова О. В. (2024) Вовлеченность студентов во внеучебную деятельность как критерий их проактивности. Инновационное развитие профессионального образования, № 2, с. 116–124.
- Жданович Д. О., Картавый С. В., Остен В. А., Романов С. С., Филиппьева Д. Д. (2024) Повышение уровня адаптированности студенческой молодежи за счет вовлечения в деятельность студенческого спортивного клуба. Физическое воспитание и студенческий спорт, т. 3, № 1, с. 64–72.
- Жданович Д. О., Пельменев В. К. (2024) Студенческий спортивный клуб как форма социальной адаптации обучающихся: теория и практика. Барнаул, Алтайский государственный университет, 231 с.
- Ибрагимов И. Ф., Асаева А. А. (2024) Нормативно-правовые акты, регулирующие студенческие спортивные клубы. Тенденции развития науки и образования, № 111-5, с. 117–123.
- Котуранова И. Д. (2024) Проблемы и перспективы развития студенческих спортивных клубов в Калужской области. Вестник Калужского университета, № 1 (62), с. 95–98.
- Максимова С. Ю., Мицулина М. П., Калиновская Т. Н., Садовая С. С. (2024) К вопросу об осуществлении научной деятельности студенческого спортивного клуба. Наука и спорт: современные тенденции, т. 12, № S2, с. 230–235.
- Ольховский Р. М., Пушкарева Н. Н., Никитина В. А. (2024) Аналитический обзор социологического исследования «Студенческий спорт: возможности и перспективы». Физическое воспитание и студенческий спорт, т. 3, № 1, с. 35–47.
- Расин М. С., Фоменко А. А., Мурзин Ю. В. (2024) Становление спортивного клуба в высшем учебном заведении – фактор развития привлекательности образовательного учреждения. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 2, с. 180–187. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.2.17.
- Реди Е. В., Попова Е. Д. (2024) Развитие студенческого спорта на базе спортивного клуба СИБГУ. Образование и право, № 3, с. 428–431.

- Салмаев Б. С. (2024) Влияние студенческого спортивного клуба на развитие массового спорта в профильном вузе. *Физическая культура: воспитание, образование, тренировка*, № 3, с. 47–49.
- Сафонов Е. А., Ржанова С. А. (2024) Рекламная кампания в системе студенческих спортивных СМИ (на примере пресс-служб университетских клубов Республики Мордовия). *Динамика медиасистем*, т. 4, № 1, с. 124–130.
- Скобликова Т. В., Андреева В. Ю., Скриплева Е. В. (2024) Новые виды спорта в практике студенческих спортивных клубов: реальность и перспективы. *Теория и практика физической культуры*, № 9, с. 95.
- Су В., Линь Х., Мазгялите С., Сидоренко Т. (2024) Физическая культура в системе высшего образования в нефизкультурных вузах США, Европейского союза, России и Китая: сравнительный анализ. *Успехи гуманитарных наук*, № 8, с. 197–203.
- Черкасов Г. Ф., Хизбуллина Р. Р. (2024) Здоровьесберегающее поведение студенческой молодежи в условиях развития спортивной инфраструктуры города. *Управление устойчивым развитием*, № 1 (50), с. 70–75.

References

- Alekseeva T. N., Yashkina E. M. (2024) K voprosu o realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta [On the issue of implementing the state youth policy of the Russian Federation in the field of physical culture and sports]. *Journal of Economy and entrepreneurship*, no. 1, pp. 209–212 (In Russian).
- Belchich A. Yu. (2024) Sponsorstvo kak forma partnerstva mezhdu sportivnymi organizatsiyami [Sponsorship as a form of partnership between sports organizations]. *Journal of Economy and entrepreneurship*, no. 2 (163), pp. 1170–1172 (In Russian).
- Bortnikova L. V. (2024) Znachenije trenera-prepodavatelya sportivnogo kluba na baze universiteta v formirovanii emotsional'nogo razvitiya studenta sportsmena [The importance of a coach-teacher of a university-based sports club in the formation of the emotional development of a student athlete]. *Kazan Science*, no. 6, pp. 72–74 (In Russian).
- Cherkasov G. F., Khizbullina R. R. (2024) Zdorov'yesberegayushcheye povedeniye studencheskoy molodezhi v usloviyakh razvitiya sportivnoy infrastruktury goroda [Health-saving behavior of student youth in the context of the development of the city's sports infrastructure]. *Upravleniye ustoychivym razvitiyem – Sustainable Development Management*, no. 1 (50), pp. 70–75 (In Russian).
- Gadzhiev K. A., Gorelikov V. A., Bratkov K. I. (2024) Menedzhment v industrii smeshannykh yedinoborstv [Management in the mixed martial arts industry]. Moscow, Moscow Financial and Industrial University “Synergy”, 124 p. (In Russian).
- Glotov S. V., Mandaria Yu. T. (2024) Studencheskiy sport: sostoyaniye i tendentsii razvitiya [Student sports: status and development trends]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya – Trends in the development of science and education*, no. 111-5, pp. 77–79 (In Russian).
- Gobernik E. E., Dmitryuk V. E., Pavlova O. V. (2024) Vovlechenost' studentov vo vneuchebnuyu deyatel'nost' kak kriteriy ikh proaktivnosti [Students' involvement in extracurricular activities as a criterion of their proactivity]. *Innovative Development of Vocational Education*, no. 2, pp. 116–124 (In Russian).
- Ibragimov I. F., Asaeva A. A. (2024) Normativno-pravovyye akty, reguliruyushchiye studencheskiye sportivnyye kluby [Normative legal acts governing student sports clubs]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya – Trends in the development of science and education*, no. 111-5, pp. 117–123 (In Russian).
- Koturanova I. D. (2024) Problemy i perspektivy razvitiya studencheskikh sportivnykh klubov v Kaluzhskoy oblasti [Problems and prospects for the development of student sports clubs in the Kaluga region]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta – Bulletin of Kaluga University*, no. 1 (62), pp. 95–98 (In Russian).
- Maksimova S. Yu., Mitsulina M. P., Kalinovskaya T. N., Sadovaya S. S. (2024) K voprosu ob osushchestvlenii nauchnoy deyatel'nosti studencheskogo sportivnogo kluba [On the issue of implementing scientific activities of a student sports club]. *Science and Sport: current trends*, vol. 12, no. S2, pp. 230–235 (In Russian).
- Olkhovskiy R. M., Pushkareva N. N., Nikitina V. A. (2024) Analiticheskiy obzor sotsiologicheskogo issledovaniya “Studencheskiy sport: vozmozhnosti i perspektivy” [Analytical review of the sociological study “Student sports: opportunities and prospects”]. *Physical Education and University Sport*, vol. 3, no. 1, pp. 35–47 (In Russian).
- Rasin M. S., Fomenko A. A., Murzin Yu. V. (2024) Stanovleniye sportivnogo kluba v vysshem uchebnom zavedenii – faktor razvitiya privlekatel'nosti obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [A University sports club development as a factor in improving the attractiveness of the educational institution]. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 18, no. 2, pp. 180–187. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.2.17 (In Russian).
- Redi E. V., Popova E. D. (2024) Razvitiye studencheskogo sporta na baze sportivnogo kluba SIBGU [Development of student sports on the basis of the SIBSU sports club]. *Education and Law*, no. 3, pp. 428–431 (In Russian).
- Republic of Mordovia]. *Dinamika mediasistem – Dynamics of media systems*, vol. 4, no. 1, pp. 124–130 (In Russian).

- Safonov E. A., Rzhanova S. A. (2024) Reklamnaya kampaniya v sisteme studencheskikh sportivnykh SMI (na primere press-sluzhb universitetskikh klubov Respubliki Mordoviya) [Advertising campaign in the system of student sports media (on the example of the press services of university clubs in the system of student sports media)]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*, no. 3, pp. 47-49 (In Russian).
- Salmaev B. S. (2024) Vliyaniye studencheskogo sportivnogo kluba na razvitiye massovogo sporta v profil'nom vuze – The influence of a student sports club on the development of mass sports in a specialized university. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*, no. 3, pp. 47-49 (In Russian).
- Skoblikova T. V., Andreeva V. Yu., Skripleva E. V. (2024) Novyye vidy sporta v praktike studencheskikh sportivnykh klubov: real'nost' i perspektivy [New sports in the practice of student sports clubs: reality and prospects]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury – Theory and practice of physical education*, no. 9, p. 95 (In Russian).
- Su W., Lin H., Mazgylite S., Sidorenko T. (2024) Fizicheskaya kul'tura v sisteme vysshego obrazovaniya v nefizkul'turnykh vuzakh SSHA, Yevropeyskogo soyuza, Rossii i Kitaya: sravnitel'nyy analiz [Physical education in the higher education system in non-physical education universities of the USA, European Union, Russia and China: a comparative analysis]. *Modern Humanities Success*, no. 8, pp. 197-203 (In Russian).
- Volkova N. L., Saykina E. G., Kuzmina S. V. (2024) Vneuchebnaya deyatel'nost' kak sredstvo povysheniya professional'nykh navykov studentov [Extracurricular activities as a means of improving students' professional skills]. *Human capital*, no. 9, pp. 171-181 (In Russian).
- Zhdanovich D. O., Kartavyi S. V., Osten V. A., Romanov S. S., Filipeva D. D. (2024) Povysheniye urovnya adaptirovannosti studencheskoy molodezhi za schet vovlecheniya v deyatel'nost' studencheskogo sportivnogo kluba [Increasing the level of adaptation of student youth through involvement in the activities of a student sports club]. *Physical Education and University Sport*, vol. 3, no. 1, pp. 64-72 (In Russian).
- Zhdanovich D. O., Pelmenev V. K. (2024) Studencheskiy sportivnyy klub kak forma sotsial'noy adaptatsii obuchayushchikhsya: teoriya i praktika [Student sports club as a form of social adaptation of students: theory and practice]. Barnaul, Altai State University, 231 p.

Информация об авторах

Мурзин Юрий Валерьевич

Директор спортивного клуба «Достоевский».
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
E-mail: murzin_10@mail.ru

Фоменко Анатолий Александрович

И. о. зав. кафедрой адаптивной и физической культуры. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-2613-2995.
E-mail: fom7@mail.ru

Расин Михаил Семенович

Кандидат педагогических наук, профессор. Сибирский государственный университет физической культуры и спорта, г. Омск, РФ.
E-mail: rasinm51@mail.ru

Author's information

Yuri V. Murzin

Director of the Dostoevsky sports club. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
E-mail: murzin_10@mail.ru

Anatoly A. Fomenko

Acting head Department of Adaptive and Physical Culture. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-2613-2995.
E-mail: fom7@mail.ru

Mikhail S. Racin

Cand. Sc. (Ped.), Professor. Siberian State University of Physical Culture and Sports, Omsk, Russian Federation.
E-mail: rasinm51@mail.ru

Раздел 3. Экономические науки
Part 3. Economic Sciences

УДК 330.1
JEL A10, B00, D46, D 510, E00, P.100

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.15

Научная статья

В. В. Бирюков¹

✉ sciencebv@gmail.com

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Основной вопрос экономической теории и изучение протосистемы экономических систем

Аннотация. В статье освещены вопросы, связанные с переосмыслением традиционных подходов к изучению экономики как сложной системы с точки зрения особенностей конструирования ее протосистемы. Цель статьи – на основе решения главного вопроса экономической теории дать описание протосистемы как базовой логической схемы изучения экономических систем и общих закономерностей их функционирования и развития. Автором доказывается, что для адекватного ответа на основной вопрос экономической теории необходим пересмотр традиционной парадигмы в русле идей классической школы о двойственной природе человека и его экономических интересов. На данной основе представлено описание протосистемы, конструирование которой определяется тем, что экономические формы взаимодействия субъектов характеризуют особенности использования общественного времени; а экономические законы выражают устойчивые причинно-следственные связи, возникающие в экономике вследствие наличия у ее субъектов соответствующих общих интересов. В работе показано, что общественное время выступает уникальным регулятором и измерителем экономических результатов и затрат. Специфика формирования структурных пропорций в экономике в аграрный и индустриальный период определяется отличительными особенностями конструирования субъектами временных оценок результатов и затрат общественного труда. Предлагаемая перспектива ориентирует на разработку более справедливых и адекватных реалиям методов регулирования экономики, которые основываются на использовании всего общественного труда, выраженного в нематериальных и материальных ресурсах экономики.

Ключевые слова: протосистема, экономические интересы, экономические законы, общественное время, стоимость, цена.

Дата поступления статьи: 17 сентября 2024 г.

Для цитирования: Бирюков В. В. (2025) Основной вопрос экономической теории и изучение протосистемы экономических систем. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 163–172. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.15.

Scientific article

V. V. Biryukov¹

✉ sciencebv@gmail.com

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

The main issue of economic theory and the study of the protosystem of economic systems

Annotation. The article highlights issues related to the rethinking of traditional approaches to the study of the economy as a complex system in relation to the design features of its proto-system. The purpose of the article is to provide a description of the protosystem as a basic logical scheme for studying economic systems and the general patterns of their functioning and development based on the answer to the main question of economic theory. The author proves that in order to adequately answer the main question of economic theory, it is necessary to revise the traditional paradigm in line with the ideas of the classical school about the dual nature of man and his economic interests. Consequently, a description of the protosystem is provided, with its design influenced by the notion that economic forms of interaction among entities reflect the specificities of public time utilization; furthermore, economic laws articulate consistent cause-and-effect relationships

that emerge in the economy due to the existence of pertinent common interests among its participants. The work shows that public time acts as a unique regulator and measure of economic results and costs. The specifics of the formation of structural proportions in the economy in the agricultural and industrial periods are determined by the distinctive features of the subjects' construction of temporary assessments of the results and costs of social labor. The proposed perspective focuses on the development of more fair and realistic methods of regulating the economy, which are based on the use of all social labor expressed in the intangible and material resources of the economy.

Keywords: basic question, protosystem, economic interests, economic laws, public time, cost, price.

Paper submitted: September 17, 2024.

For citation: Biryukov V. V. (2025) The main issue of economic theory and the study of the protosystem of economic systems. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 163–172. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.15.

Введение

Современные фундаментальные изменения в мироустройстве усиливают потребность разработки нового видения экономики, адекватного усложняющейся реальности. В связи с этим сегодня формируется новая волна переосмысления сложившихся исследовательских подходов, которая связана с обсуждением направления трансформации экономического образования, предложенного А. Аузаном и его коллегами в рамках идей экономического мейнстрима и альтернативного направления, сформулированного А. Бузгалиным и А. Колгановым (Аузан, Мальцев, Курдин, 2023; Бузгалин, Колганов, 2023). Обсуждение данной проблемы сегодня продолжается в публикациях Л. С. Гребнева, Л. М. Григорьева, А. Е. Шаститко и других (Гребнев, 2024; Григорьев, 2024; Шаститко, 2024).

Отечественные экономисты в советский период поиск ответа на основной вопрос экономической теории при всех его недостатках осуществляли в рамках парадигмы, позволяющей изучать систему эндогенных по своей природе экономических связей с учетом наличия исходного, основного и производных отношений (Елисеев, 2024). В конкурирующих сегодня экономических школах и концептуальных описаниях вне внимания остается фундаментальная методологическая проблема, связанная с тем, что фактически используемые исследовательские подходы исходят из общей парадигмы, возникшей почти двести лет назад, и искаженного видения проблемного поля. В результате формирование концептуального разнообразия в рамках сложившейся парадигмы не позволяет выйти из исследовательского тупика, обуславливающего необходимость привлечения экзогенных по своей природе коллективных феноменов, что приводит к построению фрагментированных и эклектичных теоретических интерпретаций (Бирюков, 2024). Важно учитывать, как подчеркивает В. Т. Рязанов, что проблемное поле современной политической экономики, как альтернативы доминирующей парадигме, обладает важным преимуществом, поскольку позволяет изучать всеобщие и особенные формы экономической деятельности людей. Всеобщие экономические формы представляют собой совпадающие предпосылки, свойства и факторы развития, экономические институты и хозяйственные инструменты, присущие различным экономическим системам (Рязанов, 2012).

В современных условиях усложнение экономической реальности, сопровождающееся ростом разнообразия моделей развития национальных экономик, актуализирует значимость исследования особенностей построения исходной модели конструирования различных экономических систем в контексте решения основного вопроса экономической теории – вопроса обоснованного выбора «жесткого ядра» познавательной парадигмы. В связи с этим цель статьи – на основе решения основного вопроса экономической теории дать описание протосистемы как базовой логической схемы изучения экономических систем и общих закономерностей их функционирования и развития.

Методы

Методология исследования определяется тем, что экономика является разновидностью сложных социальных систем. Для выхода из сложившегося в экономической науке исследо-

вательского тупика предлагается использовать методологию конструктивизма, которая за последние два десятилетия превратилась в ключевую парадигму изучения социальной реальности. Конструктивистские подходы при всех особенностях исходят из интересубъективной природы социальной реальности и взаимного конституирования агентов и структур, что позволяет создавать эндогенные теоретические описания на основе преодоления ограниченности методологического индивидуализма и методологического холизма (Finnemore, Sikkink, 2001; Jung, 2019; Алексеева, 2022). Кроме того, описание исходной модели анализа экономики (протосистемы) обуславливается тем, что оно должно соответствовать реальному процессу экономико-исторического развития.

Результаты

Распространенные мейнстримовские и неортодоксальные стратегии исследования современной экономики сложились во многом под влиянием идей Гегеля, который утверждал, что в гражданском обществе господствует борьба частных интересов и слепые экономические законы, поэтому требуется политическая деятельность государства в интересах поддержания органического целого (Гегель, 1990, с. 228, 286). В утвердившейся в русле этих идей эклектико-дуалистической парадигме используется в качестве «жесткого ядра» эгоистическая трактовка интересов субъектов экономики; поскольку у них отсутствуют общие экономические интересы, то для теоретических описаний становится необходимым привлечение экзогенных (фоновых) по своему статусу коллективных феноменов (Бирюков, 2024).

Сторонники исследовательской парадигмы, опирающейся на методологический индивидуализм, считают, что действия совершают не общество, а индивиды; поэтому понятие «общество» можно применять как удобный термин (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 56). Однако К. Х. Момджян в русле идей конструктивистской методологии доказывает, что общество выступает институциональной формой социальной реальности и реальным актором, который характеризуется потребностями, интересами и целями, присущими всем его членам (Момджян, 2023). В классической политической экономии описание экономической деятельности людей базируется на учете двойственной природы человека и этической традиции Аристотеля. Для смены доминирующей парадигмы следует отказаться от понимания человека как *homo economicus* и исходить из двойственной природы человека как «*homo economicus dual*». Требуется рассматривать общество экономическим актором, а субъектов как носителей индивидуальных и общих черт экономической культуры общества, частных и общих экономических интересов.

Сегодня в ходе обсуждения направлений обновления сложившейся системы экономических знаний и экономического образования отмечается важность переосмысления содержания вводного курса. При этом обращается внимание на необходимость комплексного представления базовых понятий, отражающих реалии хозяйствования: принятие решений в условиях ограниченности ресурсов и неопределенности; издержки упущенной выгоды; затраты и результаты в реальном времени; интересы; мировая экономика. В вводных учебниках по экономике требуется также учитывать мировоззренческий аспект предлагаемого для изучения материала (Гребнев, 2024). Вместе с тем сформировавшиеся представления о содержании вводного курса не выходят за рамки традиционной исследовательской парадигмы.

Для разработки реалистичного содержания вводного курса экономической теории важно отказаться от традиционной парадигмы и учитывать то обстоятельство, что протосистема как исходная модель изучения различных экономических систем возникает в связи с тем, что экономическая деятельность людей выступает как основанная на разделении труда совместная (коллективная) по своей природе деятельность, предусматривающая сочетание частных и общих интересов. Появление в экономической деятельности людей причинно-следственных связей в виде фундаментальных законов обусловлено существованием соответствующих общих фундаментальных интересов, возникающих в процессе эволюции экономических систем. Универсальной общей целью экономической деятельности людей является создание пропорций раз-

деления труда, способствующих достижению максимального выпуска совокупного продукта на основе эффективного использования совокупного времени. Поэтому категория общественного времени выступает фундаментальным понятием, которое обладает эндогенным по своей природе статусом и выполняет роль универсального измерителя и регулятора экономической деятельности и взаимодействий людей (Бирюков, 2021).

Феномен разделения труда являлся исходным пунктом исследования А. Смита, поскольку экономика рассматривалась им как сложная система связей, складывающихся на основе разделения труда. В контексте разделения труда он анализирует данную систему, описывая действие «невидимой руки». Сегодня при анализе современных экономических систем указывается на фундаментальную значимость законов разделения общественного труда и его пропорционального распределения. Как пишет К. А. Хубиев, исторически разделение труда и обмен связывает соседей, регионы и страны и является универсальным законом экономики, который базируется на мотивирующей силе абсолютных и сравнительных преимуществ, обеспечивающих выгоду для всех участников (Хубиев, 2024). В различных экономических системах в разных формах, как показывают Чен Эньфу и Гао Цзянькунь, действует закон пропорционального распределения общественного труда (закон пропорциональности) – это закон взаимодействия общественного производства и общественных потребностей, а также гармоничного развития национальной экономики в целом (Чен Эньфу, Гао Цзянькунь, 2021).

Обсуждение вопроса об исходных предпосылках изучения экономических систем имеет давнюю историю. Фактически в качестве исходной логической схемы исследования экономики обычно рассматриваются особенности принятия решений и поведения человека в изолированном хозяйстве (модель Робинзона). Как писал Л. Роббинс, «поведение людей как в пределах, так и за пределами рыночной экономики обусловлено одним и тем же ограничением средств относительно целей и может быть описано в одних и тех же основных категориях» (Роббинс, 1993, с. 20). Вместе с тем в зависимости от методологии применяются разные интерпретации модели Робинзона. Мейнстримовская стратегия исследований связана с использованием субъективной (индивидуалистической) концепции ценности (полезности). Сторонники немецкой школы и неортодоксальной теории считают возможным рассмотрение модели Робинзона в качестве логической схемы для облегчения системного анализа экономики. Так, В. Ойкен утверждал, что в данном случае человек один решает все хозяйственные вопросы; это способствует познанию хитросплетения экономического процесса, поскольку основная проблема предстает ясно и четко (Ойкен, 1996, с. 196–197).

Сегодня академик А. Некипелов обращает внимание на то, что модель изолированного индивида может стать первой ступенью создания целостной экономической теории; при выходе за рамки рыночных отношений становится возможным анализ связи полезности и издержек в очищенном от «денежных наслоений» виде. Это позволяет установить силы, которые порождают у производителей стремление развивать общественное разделение труда и формировать отношения обмена (Некипелов, 2017, с. 32).

Важно учитывать, что классики политической экономии при разработке системы категорий рыночной экономики исходили из того, в этой системе проявляются общеэкономические связи универсальных категорий. С учетом этого, указывая на содержательный смысл фундаментальной связи, возникающей в экономике, М. И. Туган-Барановский писал, что затраты труда – средство, а ценность – цель. «Цель хозяйственной деятельности – удовлетворение потребностей – не может быть достигнута без затрат хозяйственного труда, а потому ценность, так же как и трудовая стоимость, должны быть признаны основными и неустранимыми категориями всякой хозяйственной деятельности, какова бы она не была» (Туган-Барановский, 1994, с. 224). В силу того, что данная связь выражает общие экономические интересы субъектов, в классической теории она изучается с позиции общества как экономического актора, стремящегося рационально использовать затраты совокупного труда. Уже Смит указал на наличие универсальной зависимости выпуска совокупного продукта (Y) от производительности труда (A) и затрат времени общества (T), т. е.

$Y = A \times T$. На данной основе в классической теории было обращено внимание на важность использования базовых категорий производительности труда ($A = Y / T$) и затрат общественного времени (труда) на единицу (часть) совокупного полезного результата – создаваемого общественного продукта ($t = T / Y$).

Действующий в рыночной экономике закон стоимости, как отмечал Маркс, выступает проявлением универсального закона пропорционального распределения общественного труда. Так, он писал, что Робинзон распределяет свое совокупное время для изготовления различных продуктов с учетом затрат труда на единицу продукта и полезного эффекта. Все отношения между Робинзоном и вещами заключают все значимые определения стоимости. Все определения робинзонского труда в нерыночных экономиках повторяются, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе (Маркс, 1988, с. 86–89).

Таким образом, в соответствии с интеллектуальной традицией классической школы в качестве исходной и всеобщей модели целесообразно рассматривать модель экономической деятельности субъектов, которая связана с действием закона пропорционального распределения их труда и использованием субъектами временных измерителей затрат и результатов производства. Общество, выражая общие экономические интересы, исходит из того, что, с одной стороны, совокупный продукт был произведен за счет затрат совокупного времени (T) и затрат труда на единицу продукта (tis); с другой стороны, исходя из сложившейся ситуации совокупное время (T) требуется распределять с учетом соотношения затрат труда и оценок полезности продуктов. Если на производство продукта направляется недостаточно общественного времени, то временная оценка полезности продукта (tiu) будет больше затрат общественного труда (tis), т. е. $tiu > tis$. Обратное соотношение будет в противоположном случае $tiu < tis$. При формировании пропорционального распределения труда возникает равенство оценок результатов и затрат труда, сбалансированная структура экономики и максимальный уровень производительности труда.

Важным аспектом познания общих закономерностей развития экономики является их рассмотрение через призму процесса воспроизводства условия жизни общества как процесса, связанного с применением инноваций и повышением производительности труда. Простое воспроизводство общественного продукта предполагает, что данный процесс позволяет осуществлять воспроизводство использованных средств производства и потребленных обществом жизненных средств за счет направления на эти цели затрат времени всех субъектов экономики. В связи с этим Маркс писал, что во всех способах производства, в которых производитель является «владельцем» средств производства, продукта его труда должно быть достаточно для возмещения не только средств его существования, но и условий его труда (Маркс, 1986, с. 859). Следовательно, в условиях простого воспроизводства затраты времени (t) непосредственного производителя должны включать в себя затраты времени, необходимые для возмещения средств производства (ta) и приобретения жизненных средств (tc). Повышение производительности труда приводит к экономии времени и созданию прибавочного продукта за счет использования прибавочного времени (Δt) и соответствующих общеэкономических категорий, связанных с организацией затрат времени субъекта экономики, т. е. $t = ta + tc + \Delta t$. В свою очередь затраты совокупного времени (T) на создание общественного продукта выражают затраты времени, необходимые для простого воспроизводства инвестиционных благ (Ta) и жизненных средств (Tc), а также прибавочного времени (ΔT), т. е. $T = Ta + Tc + \Delta T$. Как подчеркивает В. Маевский, амортизационные расходы, связанные с возмещением основного капитала, являются затратами труда текущего периода, а не прошлого периода (Маевский, 2012).

Общеэкономические феномены прибавочного времени и прибавочного продукта в теории Маркса являются следствием действия общего закона повышения производительности труда. Они проявляются в специфических формах в разных общественно-экономических формациях, характеризуя их отличительные признаки (Маркс, 1988, с. 229). Прогрессивное хозяйственное развитие, как подчеркивал М. И. Туган-Барановский, всегда приводит к росту производительности общественного труда, а благодаря созданию избыточного продукта могут расти все обще-

ственные доходы (Туган-Барановский, 1994, с. 235–241). Актуализация вопросов реалистичного видения процессов развития экономических систем способствует повышению значимости понимания того, что прибавочный продукт, создаваемый за счет экономии времени, в свою очередь, является важнейшим фактором повышения производительности труда.

Сегодня обращается внимание на то, что сохраняется важность устранения белых пятен, связанных с отсутствием развернутого и обоснованного изложения трудовой теории стоимости, хотя теоретико-методологический метод Маркса и его воплощение в системе научных категорий «Капитала» содержат все необходимые предпосылки (Колганов, 2024). Сложившиеся на основе индивидуалистической парадигмы теория предельной полезности и распространенные современные концепции не способны теоретически объяснить взаимодействие спроса и предложения на рынке, поскольку на основе хаоса сугубо субъективных оценок производителей и покупателей не может складываться воспроизводственный процесс в рамках национальной и мировой экономики, включающий в себя поддержания пропорций между различными звеньями общественного разделения труда.

В отличие от неоклассики в классической теории учитывается то обстоятельство, что в условиях разделения труда частные работы экономически обособленных производителей на основе рыночного обмена становятся звеньями труда совокупного работника общества труда (Маркс, 1988, с. 82–83). В условиях системной связанности труд товаропроизводителей обладает не только индивидуальными, но и общими чертами, поэтому абстрактный (одинаковый) человеческий труд выступает в качестве субстанции стоимости товаров, а общепринятым (институциональным) измерителем затрат различных видов труда становятся затраты времени среднего работника. Представления о затратах труда среднего работника как измерителя затрат общественно необходимого времени складываются на основе достижения экономико-ценностного согласия в ходе коммуникативно-экономических практик. В результате простой средний труд, отражающий культурно-исторические особенности общества, выступает как нечто, данное для людей (Маркс, 1988, с. 52).

В классической теории феномен стоимости выступает не микроэкономической, а макроэкономической категорией, которая характеризует экономические отношения и связи, возникающие в рыночной экономике по поводу производства общественного продукта в соответствии с общими экономическими интересами в связи с двойным характером затрат общественного труда ($t = T / Y$). «Стоимость вещи включает в себя оба фактора, насильственно... разъединяемые спорящими сторонами. Стоимость есть отношение издержек производства к полезности» (Энгельс, 1955, с. 552). Поскольку производство общественного продукта осуществляется на основе затрат общественного времени, последнее становится регулятором взаимодействия платежеспособных потребностей общества и совокупного предложения, измерителем как затрат труда товаропроизводителей, так и их результатов.

Еще А. Смит и Д. Рикардо писали, что труд является основой определения стоимости товаров и их меновой стоимости, так как все предметы, которые покупаются за деньги, приобретаются трудом. Развивая идеи классической теории, Маркс, исходя из общественной природы стоимости товаров, показал, что закон стоимости является не микро-, а макроэкономическим законом, регулирующим пропорции распределения общественного труда с учетом взаимодействия спроса и предложения (Бирюков, 2021). При этом совокупное предложение, характеризующее отраслевое распределение затрат общественного труда, формируется под влиянием совокупного спроса, который выражает величину общественного времени, направляемую обществом на покупку товаров. «Общество оплачивает эти товары тем, что употребляет на их производство часть находящегося в его распоряжении рабочего времени, следовательно, оно покупает их при помощи определенного количества рабочего времени, которым оно – это данное общество – может располагать» (Маркс, 1985, с. 204).

Таким образом, стоимость товара (P_s) определяется затратами общественно необходимого времени (ts) и величиной денежной оценки его единицы (M), а цена (P_u) характеризует

величину времени общества (tu), направляемого на приобретение товара с учетом оценки его общественной полезности, сложившейся в рамках данной рыночной ситуации, или $Ps = M \times ts$, $Pu = M \times tu$. В связи с этим совокупное предложение выступает как затраченное товаропроизводителями время (прошлый труд), а совокупный спрос выражает ожидания покупателей относительно распределения общественного труда при производстве товаров, потенциальную структуру распределенного будущего времени, необходимого для сбалансированного удовлетворения платежеспособных потребностей. Колебания цен происходят вокруг стоимости товаров; при этом обесценение одних товаров сопровождается удорожанием других. «Складывается впечатление, – как отмечает Ю. Князев, – что в рыночной экономике действует закон сохранения труда подобно закону сохранения энергии (или материи) в природе и что абстрактный (отнюдь не виртуальный) труд лишь “перетекает” из одних товаров в другие в зависимости от изменения соотношения между их предложением и платежеспособным спросом на них» (Князев, 2004, с. 145). В условиях равновесия возникает баланс экономических интересов субъектов рынка, наибольший уровень производительности труда и благосостояния общества.

В аграрной экономике не было значительных отраслевых различий в капиталоемкости производства, поэтому основой обмена являлся простой средний труд. В индустриальной экономике усложняется механизм формирования пропорций из-за отраслевых различий в капиталовооруженности труда. В этих условиях для поддержания межотраслевых пропорций, обеспечивающих устойчивый успешный рост производительности труда и общественного продукта, возникает необходимость участия каждого работника в формировании инвестиций общества на основе затрат его труда (ti), включающих затраты на воспроизводство основных средств (ta) и их расширенное воспроизводство (Δti), т. е. $ti = ta + \Delta ti$.

В индустриальной экономике, как показал Маркс, складываются цикло-причинные процессы, обусловленные необходимостью периодического обновления основного капитала. При этом межотраслевая конкуренция, основанная на стремлении владельцев бизнеса получить наибольшую прибыль на вложенный капитал, приводит к появлению диспропорций в экономике, вызванных перенакоплением капитала, что сдерживает рост производительности труда и нормы прибыли. В условиях углубления структурных диспропорций в экономике формируется тенденция снижения темпов роста производительности труда и нормы прибыли, что становится причиной циклических кризисов. В соответствии с логикой Маркса в современной теории длинных волн показано, что исчерпание потенциала технико-экономической парадигмы развития страны приводит к ухудшению экономической ситуации, динамики показателя производительности труда и появлению тенденции снижения средней нормы прибыли, что сопровождается распространением псевдоинноваций и финансовой пузырей.

Важно учитывать, что реализация интересов общества в реальной экономике как сложной институциональной системе осуществляется государством, которое выступает высшим субъектом экономики и создает институциональные формы взаимодействий субъектов, соответствующие общим экономическим ценностям и интересам. При этом степень реализации интересов общества и потенциала развития экономики определяется балансом частных и общих интересов. В настоящее время в условиях радикальной трансформации глобальной экономики и создания качественно новых контуров организации экономической жизни и использования общественного времени значительно усложняются процессы реализации общеэкономических законов. С одной стороны, формируются пострыночные и посткапиталистические отношения; с другой стороны, наблюдается исчерпание потенциала развития сложившейся глобальной версии неолиберальной модели, что проявляется в распространении стагнационных процессов, увеличении глобальной ренты и рентных доходов собственников, неравномерности распределения доходов между странами и между слоями населения (Бузгалин, Барашкова, 2023; Лемещенко, 2024). Предлагаемая трактовка протосистемы и общих закономерностей развития экономических систем ориентирует на переформатирование глобалистской модели экономики на основе построения суверенных экономик в соответствии с национальными экономическими интересами.

Выводы

Поиск адекватного ответа на основной вопрос экономической теории предполагает пересмотр традиционной исследовательской парадигмы в русле идей классической школы о двойственной природе человека и его экономических интересов, что способствует формированию реалистичных представлений о конструировании протосистемы экономики как сложной саморазвивающейся системы. В связи с этим появляется возможность создания категориальной матрицы, выступающей основой построения системы научных категорий.

При рассмотрении категориальной матрицы важно учитывать, что складывающиеся в экономике формы взаимодействия субъектов характеризуют различные аспекты использования общественного времени; а механизм действия экономических законов выражает устойчивые причинно-следственные связи, возникающие в экономике вследствие наличия у ее субъектов соответствующих общих интересов в использовании общественного труда. В связи с этим общественное время выполняет роль универсального регулятора экономической деятельности людей, которая в различных экономических системах реализуется по-разному. Формирование структурных пропорций в аграрных и индустриальных экономиках обусловливается особенностями конструирования субъектами временных оценок результатов и затрат общественного труда. Предлагаемая перспектива ориентирует на конструирование в общенациональных интересах адекватных современным реалиям методов регулирования экономики, связанных с использованием общественного труда, воплощенного в нематериальных и материальных ресурсах экономики.

Источники

- Алексеева Т. А. (2022) Агент-структурные отношения: методология конструктивизма. Полис. Политические исследования, № 4, с. 77–93. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.07.
- Аузан А. А., Мальцев А. А., Курдин А. А. (2023) Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего. Вопросы экономики, № 10, с. 5–26. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-5-26.
- Бирюков В. В. (2021) Дуалистическая теория стоимости и особенности изучения экономики как сложной системы. Общество и экономика, № 10, с. 20–40. DOI: 10.31857/S020736760015969-4.
- Бирюков В. В. (2024) Развитие национальной экономики как сложной системы: переосмысление роли государства. AlterEconomics, № 21(2), с. 230–252. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4.
- Бузгалин А. В., Барашкова О. В. (2023) После рынка: рождение новой [пост]экономики. AlterEconomics, № 20(4), с. 731–750. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. (2023) Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно. Вопросы экономики, № 11, с. 141–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-141-160.
- Гегель Г. В. Ф. (1990) Философия права. М., Мысль, 524 с.
- Гребнев Л. С. (2024) Что первично: определенность целей или ограниченность средств? Вопросы экономики, № 8, с. 140–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-8-140-158.
- Григорьев Л. М. (2024) Таланты и их профессора: чему и как учить? Вопросы экономики, № 8, с. 111–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-8-111-126.
- Елисеев В. Н. (2024) Основной вопрос политической экономии как составной части марксизма в его системной логически завершенной целостности. Journal of Economic Regulation, № 15 (1), с. 6–43. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.1.006-043.
- Князев Ю. (2004) О трудовой теории стоимости. Общество и экономика, № 3, с. 137–148.
- Лемещенко П. С. (2024). Посткапитализм: реальность или очередная мифология. Вопросы политической экономии, № 1 (37), с. 63–85. DOI: 10.5281/zenodo.11065305.
- Маевский В. (2010) Воспроизводство основного капитала и экономическая теория. Вопросы экономики, № 3, с. 65–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-3-65-85.
- Маркс К. (1985) Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Ч. 1. М., Издательство политической литературы, 508 с.
- Маркс К. (1986). Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. Кн. 3. Ч. 2. М., Издательство политической литературы, 1080 с.
- Маркс К. (1988) Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. М., Издательство политической литературы, 891 с.
- Момджян К. Х. (2023) Общество как институциональная форма существования социальной реальности. Вопросы философии, № 4, с. 18–28. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-4-18-28.
- Некипелов А. Д. (2017) «Новый прагматизм» профессора Г. Колодко: альтернатива или дополнение чистой экономической теории? Вопросы теоретической экономики, № 1, с. 22–39.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., Изд. Института Гайдара, 480 с.

- Ойкен В. (1996). Основы национальной экономики. М., Экономика, 351 с.
- Роббинс Л. (1993) Предмет экономической науки. THESIS, вып. 1, с. 10–23.
- Рязанов В. Т. (2012) Политическая экономия: из прошлого в будущее. Часть 2. Проблемы современной экономики, № 3 (43), с. 27–31.
- Туган-Барановский М. И. (1994) Социализм как положительное учение. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века: Избранные произведения. М., Республика, с. 202–250.
- Хубиев К. А. (2024) Генетические истоки посткапитализма. Вопросы политической экономики, № 1 (37), с. 105–115. DOI: 10.5281/zenodo.11065323 <https://zenodo.org/record/11065323>.
- Чен Эньфу, Гао Цзянькунь (2021) Об отношении между законом пропорциональности, законом рыночного регулирования и законом государственного регулирования: различие ролей в плановой и рыночной экономиках. Вопросы политической экономики, № 2 (26), с. 57–72. DOI: 10.5281/zenodo.5040292.
- Шаститко А. Е. (2024) Экономическое образование как зеркало внутридисциплинарного дискурса. Вопросы экономики, № 1, с. 137–153. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-137-153.
- Энгельс Ф. (1955) Наброски к критике политической экономики. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М., Государственное издательство политической литературы, с. 544–576.
- Finnemore M., Sikkink K. (2001) Taking stock: The constructivist research program in international relations and comparative politics. *Annual Review of Political Science*, vol. 4, pp. 391–416.
- Jung H. (2019) *The Evolution of Social Constructivism in Political Science: Past to Present*. SAGE Open, vol. 9, no. 1, pp. 1–10. DOI: 10.1177/2158244019832703.

References

- Alekseeva, T. A. (2022) Agent-strukturnye otnoshenija: metodologija konstruktivizma [Agent-structural relations: constructivist methodology]. *Polis. Political Studies*, 4, 77–93. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.07 (In Russian).
- Auzan A. A., Mal'cev A. A., Kurdin A. A. (2023) Rossijskoe jekonomicheskoe obrazovanie: obraz blizhajshego budushhego [Russian economic education: Image of the near future]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 10, pp. 5–26. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-10-5-26 (In Russian).
- Birjukov V. (2021) Dualisticheskaja teorija stoimosti i osobnosti izuchenija jekonomiki kak slozhnoj sistemy [Dualistic theory of value and features of studying economics as a complex system]. *Society and economy*, no. 10, pp. 20–40. DOI: 10.31857/S020736760015969-4 (In Russian).
- Birjukov V. V. (2024) Razvitie nacional'noj jekonomiki kak slozhnoj sistemy: pereosmyslenie roli gosudarstva [Development of the national economy as a complex system: rethinking the role of the state]. *AlterEconomics*, no. 21(2), pp. 230–252. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.4 (In Russian).
- Buzgalin A. V., Barashkova O. V. (2023) Posle rynka: rozhdenie novoj [post]jekonomiki [After the market: the birth of a new [post]economy]. *AlterEconomics*, no. 20(4), pp. 731–750. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2023.20-4 (In Russian).
- Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2023) Jekonomicheskoe obrazovanie: kachestvennoe obnovenie neobhodimo i vozmozhno [Economic education: A qualitative renewal is necessary and possible]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 11, pp. 141–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-11-141-160 (In Russian).
- Chen Jen'fu, Gao Czjan'kun' (2021) Ob otnoshenii mezhdru zakonom proporcional'nosti, zakonom rynochnogo regulirovanija i zakonom gosudarstvennogo regulirovanija: razlichie rolej v planovoj i rynochnoj jekonomikah [On the relationship between the law of proportionality, the law of market regulation and the law of state regulation: the difference in roles in planned and market economies]. *Problems in Political Economy*, no. 2 (26), pp. 57–72. DOI: 10.5281/zenodo.5040292 (In Russian).
- Eliseev V. N. (2024) Osnovnoj vopros politicheskoj jekonomii kak sostavnoj chasti marksizma v ego sistemnoj logicheski zavershennoj celostnosti [The main issue of political economy as an integral part of Marxism]. *Journal of Economic Regulation*, no 15(1), pp. 6–43 DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.1.006-043 (In Russian).
- Engels F. (1955) Nabroski k kritike politicheskoj jekonomii [Sketches for a critique of political economy]. Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, pp. 544–576. (In Russian).
- Finnemore M., Sikkink K. (2001) Taking stock: The constructivist research program in international relations and comparative politics. *Annual Review of Political Science*, vol. 4, pp. 391–416.
- Gegel' G. V. F. (1990) *Filosofija prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl' Publ., 524 p. (In Russian).
- Grebnev L. S. (2024) Chto pervichno: opredelennost' celej ili ogranichenost' sredstv? [What comes first: Certainty of goals or scarcity of means?]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 140–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-8-140-158 (In Russian).
- Grigor'ev L. M. (2024) Talanty i ih professora: chemu i kak učit'? [Talents and their professors: What and how to teach?]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, s.111–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-8-111-126 (In Russian).
- Hubiev K. A. (2024). Geneticheskie istoki postkapitalizma [Genetic origins of post-capitalism]. *Problems in Political Economy*, no. 1(37), pp. 105–115. DOI: 10.5281/zenodo.11065323 (In Russian).
- Jung H. (2019) *The Evolution of Social Constructivism in Political Science: Past to Present*. SAGE Open, vol. 9, no. 1, pp. 1–10. DOI: 10.1177/2158244019832703.

- Knjazev Ju. (2004) O trudovoj teorii stoimosti [On the labor theory of value]. Society and economy, no. 3, pp. 137–148. (In Russian).
- Lemeshhenko P. S. (2024) Postkapitalizm: real'nost' ili ocherednaja mifologema [Post-capitalism: reality or another mythologeme]. Problems in Political Economy, no. 1(37), pp. 63–85. DOI: 10.5281/zenodo.11065305 (In Russian).
- Maevskij V. (2010) Vosproizvodstvo osnovnogo kapitala i jekonomicheskaja teorija [Reproduction of fixed capital and economic theory]. Voprosy Ekonomiki, no. 3, pp. 65–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-3-65-85 (In Russian).
- Marx K. (1985) Kapital. Kritika politicheskoy jekonomii [Capital. Criticism of political economy]. Vol. 3. Book 3. Part 1. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 508 p. (In Russian).
- Marx K. (1986) Kapital. Kritika politicheskoy jekonomii [Capital. Criticism of political economy]. Vol. 3. Book 3. Part 2. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1080 p. (In Russian).
- Marx K. (1988) Kapital. Kritika politicheskoy jekonomii [Capital. Criticism of political economy]. Vol. 1. Book 1. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 891 p. (In Russian).
- Momdzhjan K. H. (2023) Obshhestvo kak institucional'naja forma sushhestvovaniya social'noj real'nosti [Society as an institutional form of existence of social reality]. Voprosy Filosofii, no 4, s. 18–28. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-4-18-28. (In Russian).
- Nekipelov A.D. (2017). «Novyj pragmatizm» professora G. Kolodko: al'ternativa ili dopolnenie chistoy jekonomicheskoy teorii? [“New Pragmatism” by Professor G. Kolodko: an alternative or addition to pure economic theory?]. Issues of economic theory, no. 1, pp. 22–39 (In Russian).
- Nort D., Uollis Dzh., Vajngast B. (2011). Nasilie i social'nye porjadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva [Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history]. Moscow, Instituta Gajdara Publ., 480 p. (In Russian).
- Ojken V. (1996) Osnovy nacional'noj jekonomii [Fundamentals of National Economy]. Moscow, Jekonomika, 351 p. (In Russian).
- Rjazanov V. T. (2012). Politicheskaja jekonomija: iz proshlogo v budushhee. Chast' 2 [Political economy: from the past to the future. Part 2]. Problemy Eurasian International scholarly analytical journal “Problems of modern economics”, no. 3(43), pp. 27–31 (In Russian).
- Robbins L. (1993) Predmet jekonomicheskoy nauki [Subject of economic science]. THESIS, vol. 1, pp. 10–23. (In Russian).
- Shastitko A. E. (2024). Jekonomicheskoe obrazovanie kak zerkalo vnutridisciplinarnogo diskursa [Economic education as a mirror of interdisciplinary discourse]. Voprosy Ekonomiki, no. 1, pp. 137–153. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-1-137-153. (In Russian).
- Tugan-Baranovskij M. I. (1994) Socializm kak polozhitel'noe uchenie [Socialism as a positive doctrine]. Obraz budushhego v russkoj social'no-jekonomicheskoy mysli konca XIX – nachala XX veka: Izbrannye proizvedeniya. Moscow., Respublika, pp. 202–250 (In Russian).

Информация об авторе

Бирюков Виталий Васильевич

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-3385-3603.
E-mail: sciencebv@gmail.com

Autor's information

Vitaly V. Biryukov

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the Department of Economics and Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-3385-3603.
E-mail: sciencebv@gmail.com

УДК 332.1
JEL R11, R23

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.16

Научная статья

Л. А. Чижова¹✉, М. Г. Губайдуллин¹

✉ chijova.mila@yandex.ru

¹Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н. П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, г. Архангельск, Российская Федерация

Экономические, экологические и социокультурные особенности жизнедеятельности в Российской Арктике

Аннотация: Арктическая зона Российской Федерации представляет собой макрорегион с важным геополитическим, стратегическим и социально-экономическим значением для национального хозяйства. Обладая высоким ресурсным потенциалом и значительной сырьевой базой, Российская Арктика характеризуется противоречивыми особенностями своего развития социального, социокультурного, экономического и экологического характера. В работе представлена краткая характеристика социально-экономического развития Арктической зоны России, уделено внимание проблемам демографии, высокой ресурсоемкости хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения, акцентировано внимание на необходимости укрепления транспортно-логистического каркаса территории. Освоение природных ресурсов в Арктике связано с целым рядом экологических рисков и угроз, обусловленных системой используемых хозяйствующими субъектами технологий добычи и транспортировки с образованием значительного количества твердых, жидких и газообразных отходов. Основными экологическими проблемами АЗРФ в местах интенсивной хозяйственной деятельности являются загрязнение окружающей среды, деградация земель, негативные последствия глобальных изменений климата, ухудшение среды обитания местного населения. На примере вторичных социологических данных авторами показана трансформация экологического сознания и поведенческих практик как элементов социокультурной среды арктических территорий. Подробно рассмотрен кейс ярких протестных настроений социальных групп арктических территорий, связанных со строительством мусорного полигона в Шиесе Архангельской области.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, экономика региона, развитие территории, экологические факторы, социокультурное пространство, трансформация, экологическое сознание, поведенческие практики.

Дата поступления статьи: 25 ноября 2024 г.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках государственного задания по теме НИР «Теоретико-методологические основы комплексного управления ресурсами развития территорий в современных условиях (на примере западной части Арктической зоны Российской Федерации)».

Для цитирования: Чижова Л. А., Губайдуллин М. Г. (2025) Экономические, экологические и социокультурные особенности жизнедеятельности в Российской Арктике. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 173–186. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.16.

Scientific article

L. A. Chizhova¹✉, M. G. Gubaidullin¹

✉ chijova.mila@yandex.ru

¹N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russian Federation

Economic, environmental and socio-cultural features of life in the Russian Arctic

Abstract: The Arctic zone of the Russian Federation is a macro-region with important geopolitical, strategic and socio-economic importance for the national economy. Having a high resource potential and a significant raw material

© Л. А. Чижова, М. Г. Губайдуллин, 2025

base, the Russian Arctic is characterized by contradictory features of its social, socio-cultural, economic and environmental development. The paper presents a brief description of the socio-economic development of the Arctic zone of Russia, pays attention to the problems of demography, high resource intensity of economic activity and life support of the population, focuses on the need to strengthen the transport and logistics framework of the territory. The development of natural resources in the Arctic is associated with a number of environmental risks and threats caused by the system of extraction and transportation technologies used by economic entities with the formation of a significant amount of solid, liquid and gaseous waste. The main environmental problems of the Russian Arctic in areas of intensive economic activity are environmental pollution, land degradation, the negative effects of global climate change, and the deterioration of the habitat of the local population. Using the example of secondary sociological data, the authors show the transformation of ecological consciousness and behavioral practices as elements of the socio-cultural environment of the Arctic territories. The case of vivid protest sentiments of social groups of the Arctic territories associated with the construction of a landfill in the Shies of the Arkhangelsk region is considered in detail.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, regional economy, territorial development, environmental factors, socio-cultural space, transformation, environmental awareness, behavioral practices.

Paper submitted: November 25, 2024.

Funding: The article was prepared within the framework of the state assignment on the topic of research “Theoretical and methodological foundations of integrated management of territorial development resources in modern conditions (using the example of the western part of the Arctic zone of the Russian Federation)”.

For citation: Chizhova L. A., Gubaidullin M. G. (2025) Economic, environmental and socio-cultural features of life in the Russian Arctic. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 173–186. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.16.

Введение

Арктическая зона Российской Федерации (далее АЗРФ) имеет важное геополитическое и стратегическое значение для нашей страны. АЗРФ определена Указом Президента № 296 от 02 мая 2014 года¹, при этом ее сухопутные границы являются подвижными, поскольку в 2017 году она приросла еще тремя муниципалитетами Республики Карелия², в 2019 году в ее состав вошли дополнительно восемь муниципальных районов Республики Саха (Якутия)³, в 2020 году были добавлены два муниципалитета Архангельской области и по три муниципальных образования из Республик Коми и Карелия⁴, а в 2024 году – впервые включены два муниципальных района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры⁵.

Социально-экономическое развитие арктической территории России в значительной мере определяется освоением минерально-сырьевых ресурсов, которое связано с добычей, переработкой и вывозом нефти, газа, алмазов, бокситов и других видов полезных ископаемых. Одновременно возникают серьезные экологические проблемы, последствия которых беспокоят широкую общественность и ученых. Перед добывающими предприятиями государством ставится задача минимизировать возможное негативное техногенное влияние на окружающую среду. Для ее успешного решения требуются совместные усилия органов власти, специалистов компаний, представителей научно-исследовательских, образовательных учреждений, ответственности и природоохранных организаций. Кроме того, Российская Арктика характеризуется историко-культурными особенностями и окраинным экономико-географическим положением, что способствует более явному проявлению трансформаций социокультурной сферы (Социокультурное пространство арктического макрорегиона, 2023, с. 5).

¹Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38377>

²Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2017 г. № 287 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»». <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201706270043.pdf>

³Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 г. № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»». <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201905130027>

⁴Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45677>

⁵Федеральный закон от 23.03.2024 г. № 56-ФЗ «О внесении изменений в статью 7–1 Федерального закона “Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области” и статью 2 Федерального закона “О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации”». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50412>

Нельзя не учитывать тот факт, что в связи с событиями 2022 года и противостоянием России странам Запада произошел обрыв многих экономических трендов (Кошуняева, Тутьгин, 2022), а санкционное давление привело к снижению экономической активности, заморозке ряда арктических инвестиционных проектов, трансформации транспортно-логистических схем и потребительского рынка, изменениям в промышленной и социальной политике (Риски и возможности развития, 2022; Криворотов, 2022; Матвиенко, Чижова, 2024). Таким образом, жизнедеятельность в Российской Арктике в современных условиях обусловлена целым спектром экономических, экологических и социокультурных факторов и условий, которые, в свою очередь, приводят к изменениям ожиданий населения, социального самочувствия и поведенческих паттернов.

Цель работы – на основе информации из открытых источников и с использованием данных социологических опросов определить экономические, экологические и социокультурные особенности развития арктических территорий России в современных условиях, выявить тренды трансформации поведенческих практик населения Российской Арктики.

Методы

В работе использованы системный подход, методы логического, компаративного, экономического анализа, методы обработки данных. Информационную основу исследования составили нормативно-правовые акты, научные труды отечественных авторов по вопросам социально-экономического развития арктических территорий, экологической составляющей освоения Севера и Арктики России, а также влияния социокультурной среды на особенности жизнедеятельности в суровых природно-климатических условиях с учетом современных экономических реалий. Для определения трансформации трендов и поведенческих практик в работе использованы вторичные социологические данные и некоторые результаты опроса жителей такого арктического региона России, как Архангельская область.

Результаты

Краткая характеристика социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации

Экономическое пространство Российской Арктики имеет достаточно специфическую структуру. Текущее состояние отечественного промышленного производства достаточно далеко от желаемого, основу экспорта формируют продукты низких переделов – нефть, газ, уголь, металлы. Напротив, внутренний рынок высокотехнологичных товаров характеризуется высокой зависимостью от импорта оборудования и комплектующих, реализация которого крайне затруднена действующими пакетами санкционных мер. При этом главными целями экономических санкций является давление на нефтегазовую отрасль Российской Федерации для сокращения объемов производства углеводородов, а также снижение уровня технологического развития и военного потенциала России. Это отрицательно сказалось на деятельности добывающих компаний и реализации крупных инвестиционных проектов в Арктике, ряд из которых был приостановлен, включая разработку Павловского свинцово-цинкового месторождения.

Согласно данным Росстата¹, численность постоянного населения сухопутных территорий АЗРФ по состоянию на 1 января 2023 года составила 2,37 млн человек, из которых 87 % проживают в городах, а 13 % – в сельской местности. Наибольший удельный вес в структуре всего населения АЗРФ занимает население Мурманской области (28 %), на втором месте – Архангельская область (24%), третье место принадлежит Ямало-Ненецкому автономному округу (22%), что наглядно отображено на рис. 1. Отметим, что при построении диаграмм (рис. 1 и 2) и таблицы использовались данные о демографии не регионов в целом, а только тех их муниципалитетов, территории которых по состоянию на 2023 год входили в состав АЗРФ.

Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения в АЗРФ на 2023 год составила 70 лет. Это ниже, чем в среднем по стране, при этом у женщин разрыв со среднероссийским

¹Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/arc_zona.html

уровнем составил 2,3 года, у мужчин – 3 года. В Российской Арктике наблюдается отрицательная динамика численности населения (сокращение численности населения в период с 2021 по 2024 год составило около 245 тыс. чел.), а в большинстве арктических регионов смертность превышает рождаемость, о чем свидетельствует отрицательное значение коэффициента естественного прироста (рис. 2).

По данным официальной статистики, с 2018 по 2022 год в арктических регионах России наблюдался отрицательный миграционный прирост населения, то есть число выбывших превышает число прибывших. В таблице приведены коэффициенты миграционного прироста¹, значения которых подтверждают факт оттока населения, обусловленный рядом причин и условий экономического, природного и иного характера.

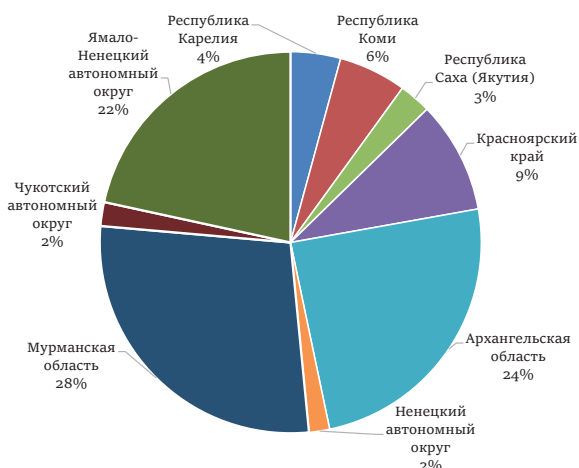

Рис. 1. Структура населения Арктической зоны РФ в 2023 году

Fig. 1. Population structure of the Arctic zone of the Russian Federation in 2023

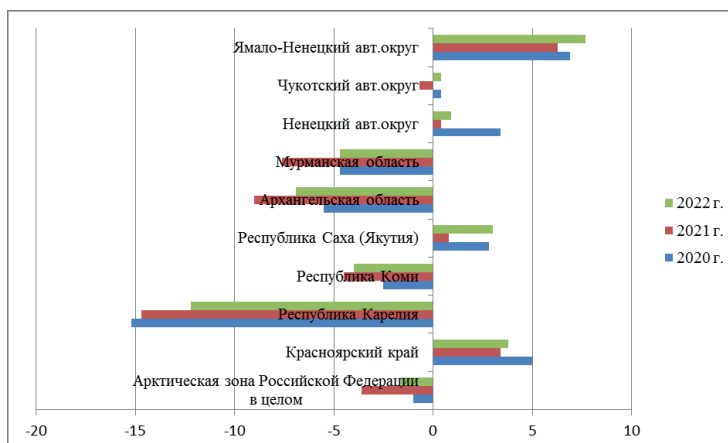

Рис. 2. Коэффициент естественного прироста населения по АЗРФ (на 1000 чел.)

Fig. 2. The coefficient of natural population growth in the Russian Arctic (per 1000 people)

Основной причиной быстрого снижения численности населения АЗРФ является большой миграционный отток (Торцев, Студенов, 2021). В целом же современная социально-экономическая ситуация в арктических регионах России характеризуется сырьевой направленностью экономики, неравномерностью промышленно-хозяйственного освоения территорий, высокой ресурсоемкостью хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения, низким уровнем

¹Коэффициент миграционного прироста населения Арктической зоны РФ (на 1000 человек). https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/calendar2_2023.htm

развития социальной и транспортной инфраструктуры, низкой плотностью населения, оттоком трудоспособного населения и молодежи и т. д. (Социально-экономическое развитие, 2022, с. 68). Следует отметить, что в текущих условиях одним из экономических факторов, влияющих на современный и будущий облик Российской Арктики, выступает развитие опорных городов и городских агломераций, которые в первую очередь ориентированы на бесперебойное обеспечение важных промышленных производств (в том числе военно-промышленных комплексов), являются местами дислокации воинских частей, имеют развитую транспортно-логистическую систему и выступают основой для реализации крупных инвестиционных (инфраструктурных) проектов (Журавель, 2024, с. 98).

Коэффициенты миграционного прироста населения по АЗРФ (на 1000 чел. населения)

Coefficient of migration population growth in the Russian Arctic (per 1 thousand people) population

	годы				
	2018	2019	2020	2021	2022
Арктическая зона РФ	-5,1	-3,8	-3,2	-1,0	-4,5
Республика Карелия	-15,4	-13,8	-1,4	-3,0	-4,9
Республика Коми	-34,3	-20,9	-4,4	-5,4	-9,4
Ненецкий автономный округ	-8,9	1,8	2,9	3,1	-2,0
Архангельская область	-3,4	-0,9	-1,3	-0,2	-2,0
Мурманская область	-5,9	-6,5	-6,0	-3,9	-5,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	-3,2	-2,4	-2,0	3,0	-5,4
Красноярский край	-2,1	-3,9	-1,8	-0,4	-7,0
Республика Саха (Якутия)	-5,4	-3,4	-0,6	-10,8	1,4
Чукотский автономный округ	4,8	11,1	-15,2	11,1	-1,8

Не будет преувеличением сказать, что основу «арктической экономики» составляют крупные инфраструктурные проекты. Для АЗРФ одним из ключевых инфраструктурных проектов в настоящее время является развитие Северного морского пути (СМП), цифровизация маршрутов по которому возложена на госкорпорацию Росатом. В связи с новыми геополитическими условиями, усиливающимся санкционным давлением, переориентацией транспортно-логистических потоков с Запада на Восток наблюдается устойчивый тренд контейнеризации грузоперевозок (Метёлкин, Лобачёв, Голышкова, 2023, с. 12). Помимо СМП важную роль в обеспечении национальной безопасности, а также в развитии транспортной системы Севера и Арктики играет «сухопутный» проект «Северный широтный ход» (СШХ). Однако у перечисленных проектов сегодня существует ряд проблем. Так, например, у СМП недостаточно обеспечена грузовая база, которая требует больших инвестиционных вложений в строительство и модернизацию портовой, авиа- и железнодорожной инфраструктуры. А реализация проекта СШХ была приостановлена в пользу перенаправления финансовых ресурсов на проект высокоскоростной железнодорожной магистрали Санкт-Петербург – Москва (Коль, 2023, с. 50).

Решение ряда проблем социально-экономического характера Севера и Арктики России возможно лишь при комплексном развитии транспортно-логистической системы и транспортной инфраструктуры (Чижова, Тутыгин, 2021), что позволит, с одной стороны, обеспечить функционирование добывающих предприятий, а с другой – повысить транспортную доступность населенных пунктов и максимально задействовать транзитный потенциал территории (Sergeev, Ilin, Fadeev, 2021, p. 943).

Экологические особенности, факторы и проблемы жизнедеятельности в Российской Арктике

В настоящее время практически все страны мира переживают экологическую дисгармонию. Общее состояние окружающей среды продолжает ухудшаться, не перестают деградировать и

природные системы жизнеобеспечения, помимо этого, наблюдаются негативные закономерности экономического развития, что, в свою очередь, подкрепляется вполне обоснованной опасностью экологической катастрофы в результате крайне медленных действий общества в ответ на перечисленные выше факторы. В России экологическое состояние окружающей среды вызывает тревогу у общественности, особенно это заметно в наиболее уязвимых северных и арктических регионах страны. Экстремальные климатогеографические условия северной среды, которая составляет 64 % всей площади страны, усугубляют воздействие неблагоприятных факторов антропогенного характера (Юдахин, Губайдуллин, Коробов, 2002; Макаров, Степанов, 2015).

Отношения в социоприродной сфере России регулируются природоохранным законодательством, в частности федеральными законами «Об охране окружающей природной среды»¹ и «Об экологической экспертизе»². Статья 42 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»³.

Реализация в полном объеме прав и обязанностей, предусмотренных законом, тесно связана с уровнем экологического сознания граждан, которое является первоочередным регулятором поведения людей в экологической сфере (Соломкина, 2000).

Освоение арктического шельфа связано с очень серьезными экологическими рисками и угрозами, при этом характер и масштабы экологического ущерба во многом обусловлены системой используемых технологий и организацией добычи и транспортировки природных ресурсов. Развитие Северного морского пути может изменить среду обитания морских животных, несет дополнительные риски разливов нефти и нефтепродуктов. Процессы хозяйственного освоения региона, фактор климатических изменений, а также особая чувствительность экосистем к внешним воздействиям обуславливают растущую озабоченность общественности экологическими проблемами Арктики (Котова, Коробов, Шевченко, 2024; Матвиенко, 2023).

Еще со времен советской эпохи освоения Севера и Арктики функционирование большинства предприятий по добыче и разработке природных ресурсов сопровождалось образованием значительного количества твердых, жидких и газообразных отходов. Естественные экосистемы этих экологических «зон бедствий» нарушены или уничтожены, что причинило и продолжает наносить ущерб здоровью местного населения и традиционному образу жизни коренных малочисленных народов. Основными экологическими проблемами сухопутных прибрежных территорий АЗРФ в местах интенсивной хозяйственной деятельности являются загрязнение окружающей среды, деградация земель, негативные последствия глобальных изменений климата, ухудшение среды обитания местного (коренного) населения и условий их традиционного природопользования. Планы по разработке месторождений на арктическом шельфе России требуют корректировки с учетом экологических опасностей. Недопустимо продолжать исторически сложившийся подход к освоению северных территорий без реализации мер по ликвидации ранее нанесенного экологического ущерба (Седова, Кочемасова, 2017). Необходимы масштабные работы по утилизации промышленных отходов, накапливающихся в больших объемах вокруг предприятий. Следует продолжить поиск баланса между освоением ресурсов и сохранением уникальной арктической экосистемы, что потребует консолидации интеллектуальных, технологических и технических возможностей (Ноговицын, Васильева, 2018).

Оценка возможного уровня экологических последствий, обусловленных добычей полезных ископаемых, а также обоснования соответствующих мероприятий, направленных на снижение техногенной нагрузки в условиях высокой чувствительности арктических экосистем, может быть представлена в следующем виде (рис. 3).

¹Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823

²Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/

³Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2b65ae24cc8141d4720fb749fb0c5583f8395048/

Economic Sciences

Рис. 3. Блок-схема оценки воздействия освоения минерально-сырьевых ресурсов на окружающую среду

Fig. 3. Flowchart for assessing the impact of the development of mineral resources on the environment

Отметим, что существует как минимум три группы факторов, влияющих на экологическую ситуацию на арктической территории при освоении ее минерально-сырьевых ресурсов. В первую входят факторы, непосредственно характеризующие качество среды обитания людей, флоры и фауны. Вторая включает факторы, способствующие распространению загрязнителей от источников загрязнения. К третьей относят факторы, повышающие вероятность отрицательного влияния на окружающую среду, – источники техногенного и антропогенного воздействия (Юдахин, Губайдуллин, Коробов, 2002). Прогнозировать состояние окружающей среды при освоении ресурсов арктических недр в условиях неполной информации помогают экспертно-аналитические технологии, которые с помощью классификации факторов, системы показателей и критериев позволяют находить количественные значения индикаторов состояния экосистем. К примеру, на основе системы зонирования и универсальной оценочной шкалы одним из авторов данной работы было проведено районирование прибрежно-шельфовой зоны Печорского моря, а также юго-восточной части Большеземельской тундры с выделением участков повышенного и допустимого экологического риска, что позволило прирастить практические знания для компаний топливно-энергетического комплекса, работающих в данном регионе (Колосов, Калашников, Губайдуллин, 2014).

Трансформация экологического сознания и поведенческих практик как элементов социокультурной среды арктических территорий

Ряд социологических исследований показывает, что социокультурные установки россиян существенно изменились (трансформировались) за последние два десятилетия, что, безусловно, касается и экологической сферы – например, обращения с отходами и отдельным сбором мусора. Согласно данным Всемирного банка, в 2008 году для большинства жителей России экологические проблемы были не столь важны и практически не оказывали влияния на их действия и привычки, связанные с экологией и сохранением окружающей среды (Ермолаева, 2021, с. 104). Однако уже в 2019 году каждый четвертый россиянин (по данным ВЦИОМ) сортировал бытовой мусор¹, а в 2021 году среди экологических практик каждого третьего гражданина РФ присутствовали как уборка и вывоз мусора за собой при проведении времени на природе, так и отдельный сбор отходов в домашних условиях².

¹ВЦИОМ: каждый четвертый россиянин сортирует бытовой мусор. 2019. <https://tass.ru/obschestvo/5984181> (дата обращения: 12.09.2024).

²Экологические практики в жизни россиян. 2021. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/ehkologichnye-praktiki-v-zhizni-rossijan> (дата обращения: 12.08.2024).

Среди экологических проблем, волнующих жителей РФ на текущий момент, тройку лидеров занимают: 1) обращение с отходами; 2) состояние водных объектов (их загрязнение); 3) высокая степень загазованности атмосферы (воздуха), что особенно характерно для крупных городов и промышленных центров¹.

Ухудшение экологической ситуации в регионах России обычно связывают не только с растущим количеством мусорных полигонов, несанкционированных свалок отходов и недостаточной степенью переработки и утилизации отходов с личной экологической ответственностью и экологическим сознанием граждан, но и с деятельностью крупных промышленных предприятий, что подтверждается рядом социологических опросов².

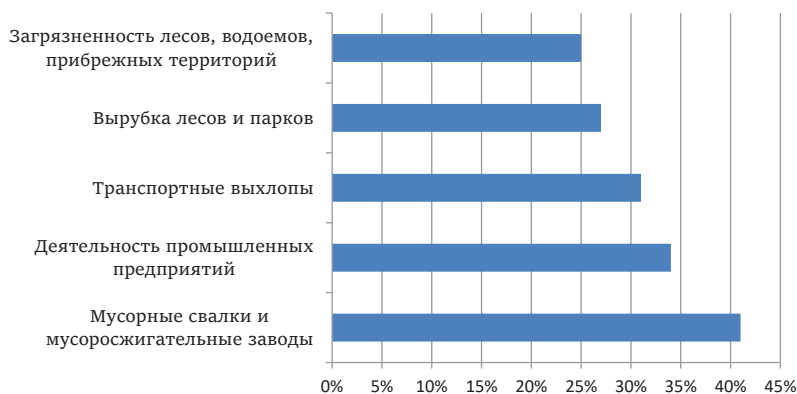

Рис. 4. Наиболее значимые факторы, негативно влияющие на экологию в регионах РФ (по данным соцопросов)

Fig. 4. The most significant factors negatively affecting the environment in the regions of the Russian Federation (according to opinion polls)

Если обратиться к северным и арктическим регионам России (которые по праву считаются кладовой природных запасов нашей страны), то ситуация с экологической обстановкой, соответствующими рисками и факторами здесь накладывает серьезный отпечаток на элементы социокультурного пространства и социально-экономическое развитие территории. Так, например, социальные, культурные и экономические процессы в арктических регионах осложнены экстремальными условиями жизни и производственной деятельности (Воронина, 2023). Территории Севера и Арктики при активизации добычи природных ресурсов и наращении транзитного (транспортного) потенциала попадают в зону повышенной экологической уязвимости, что приводит к необходимости учета особых экологических рисков и формирования соответствующей системы экологической безопасности на федеральном и региональном уровне (Болсуновская, Боярко, 2014, с. 2725).

К основным экологическим рискам освоения северных и арктических территорий традиционно относят: изменение (потепление) климата, загрязнение водных систем в связи с разливами нефти и нефтепродуктов, химических соединений, деградацию экосистем, вызванную активной индустриализацией и проведением ядерных испытаний еще в советское время (Макаров, Степанов, 2015, с. 120–122).

В настоящее время регионы Арктической зоны Российской Федерации разработали и реализуют особую региональную политику в сфере экологической безопасности, приоритетами которой выступают: охрана окружающей среды, рациональное природопользование, ликвидация имеющегося и предотвращение новых видов загрязнений природных объектов (Самарина, Скуфьина, 2021, с. 269).

¹ВЦИОМ: большинство россиян считают экологическую обстановку в своих городах благополучной. 2024. <https://tass.ru/obschestvo/21483779> (дата обращения: 12.09.2024).

²32 % россиян отметили ухудшение экологической ситуации в своем регионе. <https://asi.org.ru/news/2023/03/10/rossiyane-stali-chashhe-ocenivat-ekologicheskuyu-situacziyu-v-svoem-regione-kak-horoshuyu/> (дата обращения: 12.09.2024).

Отметим, что «...в силу своих историко-культурных особенностей и периферийного экономико-географического положения Арктическая зона РФ является таким пространством, где происходящие трансформации социокультурной сферы проявляются особенно остро...», при этом претерпевают изменения такие компоненты социокультурного пространства, как: социальный и человеческий капитал; ценности, нормы, установки и поведение; субъективное благополучие населения и пр. (Социокультурное пространство..., 2023, с. 5). В данной связи уже не исключением, а правилом таких трансформаций является изменяющееся экологическое поведение населения. С учетом развития современных (в том числе и цифровых) технологий, решение проблем экологического характера в промышленной и производственной сфере приводит к формированию нового пула повседневных экологических практик в жизнедеятельности населения Российской Арктики (Ефанова и др., 2020, с. 27).

Интересен факт, что, по международным данным, в 2022 году из всех социально-экологических конфликтов мировой Арктики около 40 % приходилось на территорию России. Здесь имеются в виду противоречия между интересами коренных малочисленных народов и представителей бизнеса, власти. Причем согласно статистике наибольшую часть протестных настроений, связанных с угрозой высокого антропогенного воздействия реализации проектов крупных компаний на северные и арктические экосистемы, выражают именно коренные народы и жители этих территорий (Новицкая, 2024, с. 37).

Экологическая активность прочно вошла в жизнь современного человека, примером тому могут послужить яркие протестные настроения социальных групп арктических территорий. Среди них особое место занимает ситуация со строительством мусорного полигона в Шиесе Архангельской области. Ключевым эпизодом в данном случае стали массовые протесты населения против строительства мусорного полигона в районе станции Шиес (Ленский район) в соответствии с обновленной территориальной схемой обращения с отходами, утвержденной в декабре 2017 г. постановлением Правительства области¹. Планируемый к строительству объект был включен в число приоритетных инвестиционных проектов Архангельской области.

Согласно данным опроса *Левада-Центра** (*признан иностранным агентом в РФ) (август 2019 г.), большинство жителей Архангельской области знали о планах строительства полигона (официально именуемого «экотехнопарк Шиес»). Так, 61 % респондентов ответили, что «были хорошо осведомлены об этом», «что-то слышали о данном проекте» еще 33 % опрошенных. При этом подавляющее большинство (94,6 %) высказалось однозначно против строительства полигона в Шиесе².

Такие же данные были получены в ходе опроса, проведенного примерно в это же время независимым Центром социальных измерений «Фокус» (г. Северодвинск). Согласно результатам этого опроса, в той или иной степени не приветствовали планы правительства по строительству экотехнопарка в Шиесе в общей сложности 98,3 % опрошенных³.

Важным источником недовольства со стороны населения выступало то обстоятельство, что мусорный полигон на станции Шиес планировался для утилизации коммунальных отходов из Москвы и Московской области. Одновременно наблюдалось и негативное отношение к проектам строительства подобных объектов в случае их предназначения для утилизации местных коммунальных отходов. Так, против создания мусорного полигона в пос. Катунино (Приморский район Архангельской области) высказалось 75 % опрошенных *Левада-Центром**, а планы создания аналогичного объекта рядом с пос. Рикасиха (Приморский район) спровоцировали массовые акции протеста.

¹Постановление Правительства Архангельской области от 12 декабря 2017 г. № 556-пп «Об утверждении региональной программы в области обращения с отходами производства и потребления, в том числе с твердыми коммунальными отходами, в Архангельской области». <https://portal.dvinaland.ru/upload/iblock/10a/P-556-pp%20ot%2012122017.pdf>

²Отношение жителей Архангельской области к проекту строительства экотехнопарка Шиес. Пресс-выпуск от 26.08.2019 // Аналитический Центр Юрия Левады (АНО *Левада-Центр**). 2019. <https://www.levada.ru/2019/08/26/otnoshenie-zhitelej-arhangelskoj-oblasti-k-proektu-stroitelstva-ekotehnoparka-shies/>

³Мусорный рейтинг // Газета «Ведомости». 2019. <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/27/809788-musornii-reiting>

Причины недовольства этими проектами – близость дачного поселка к месту предполагаемого полигона (Рикасиха), санатория (Катунино) и, не в последнюю очередь, риски заражения болотных вод, что представляло опасность для жителей не только близлежащих деревень, но и крупного промышленного центра – Северодвинска¹.

Ситуация с Шиесом и другими подобными проектами на фоне неэффективной коммуникации региональных властей с населением привела к усилению гражданской активности жителей области протестной направленности. Как следствие, произошла выраженная политизация экоактивистского движения и соответствующего дискурса в регионе, что выразилось в организационном оформлении несистемных оппозиционных групп экологической направленности («Поморье – не помойка», «Чистый Север 29») и вышедших из «антимусорного протеста» публичных политиков.

К осени 2019 года в Архангельской области сохранялись как протестная активность, так и тенденция роста протестных настроений в массах. Результаты опросов общественного мнения демонстрировали высокие показатели протестного потенциала. По данным опроса Центра «Фокус», в «антимусорных» митингах были готовы участвовать 77,4 % опрошенных. Фактически протестная волна спала только после смены регионального руководства. Новый глава региона А. В. Цыбульский в рамках своей предвыборной кампании летом-осенью 2020 года сумел перехватить экологическую повестку, пообещав свернуть непопулярный среди населения региона проект и «обнулить» решение своего предшественника. В немалой степени снижению публичной активности групп экопротеста поспособствовали ограничительные мероприятия, введенные в Архангельской области в связи с пандемией COVID-19. Важным следствием описанных событий стало усиление региональной идентичности жителей области через противопоставление себя федеральному центру.

В формировании обыденного экологического сознания, выражающегося, в частности, в отношении людей к конкретной экологической проблеме, огромную роль играют средства массовой информации. Поэтому очень важно, чтобы среди журналистов были компетентные специалисты, профессионально разбирающиеся в экологической проблематике, а освещение ими сложившейся экологической ситуации адекватно отвечало реальности.

Выводы

Жизнедеятельность человека в Арктике сопряжена с суровыми природно-климатическими условиями, а также с рядом особенностей экономического, экологического и социокультурного характера. В текущей ситуации санкционного давления происходит снижение экономической активности, остановка и заморозка ряда крупных инвестиционных проектов по добыче полезных ископаемых и развитию инфраструктуры, переориентация транспортно-логистических потоков. При этом наблюдаются проблемы демографического характера, связанные со снижением численности населения арктических территорий России и оттоком молодежи и других лиц трудоспособной возрастной категории.

Деятельность промышленных компаний и комплексов в АЗРФ оказывает влияние на окружающую среду, приводя в ряде случаев к неизбежным экологическим последствиям, проявляющимся в образовании больших количеств отходов разных классов опасности, в деградации земель, ухудшении экологических условий проживания местного населения. Существенную роль в формировании отношения населения к новым проектам по разработке природных ресурсов играют уровень и направленность экологического сознания. При этом важно отметить, что уровень экологического сознания пропорционален степени социально-экологической напряженности и экологического риска. Чем ближе к месту проживания людей находится потенциально опасный для экологии территории объект, тем большее число жителей занимают активную позицию по отношению к данному субъекту формирования экологических факторов антропогенного характера. Оценка населением экологиче-

¹Место свалки: что спровоцировало антимусорные протесты в Архангельской области // Сетевое издание RT. 2019. <https://russian.rt.com/russia/article/636728-protesty-musornye-poligony-arhangelsk>

ского риска зависит от совокупности объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов относятся климат, географическое положение территории, технические характеристики источника опасности и т. п. Субъективным фактором выступает чаще всего личностное восприятие населением уровня экологической опасности того или иного промышленного объекта. В суровых природных условиях и при длительном периоде восстановления северных и арктических экосистем действие негативных антропогенных факторов обостряется, что способствует формированию специфической направленности экосознания личности. В частности, жители российской Арктики отличаются повышенным чувством экологического риска и высокой степенью экологической озабоченности (особенно состоянием воздушной и водной сред).

Практика показывает, что зачастую предшествующая проекту информация (о содержании планируемой деятельности, технологиях, рисках, экологической опасности и т. д.) доносится до населения не в полном объеме. Это может формировать у жителей неадекватное представление о ситуации, создавать дополнительные трудности для экономических акторов и хозяйственной деятельности.

В то же время одновременно с ростом уровня экологической озабоченности и экологического сознания у жителей Российской Арктики появился ряд экологических практик, связанный с раздельным сбором мусора и очисткой природы от скоплений отходов, что, в свою очередь, положительно влияет на элементы социокультурной среды арктических территорий.

Источники

- Болсуновская Ю. А., Боярко Г. Ю. (2014) Особые экологические риски в системе обеспечения экологической безопасности арктического региона РФ. *Фундаментальные исследования*, № 9, с. 2725–2728.
- Воронина Е. П. (2023) Стратегические приоритеты и концептуальные подходы к освоению арктических территорий Российской Федерации в свете идеологии экологизации. *Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения*, № 2 (14). <https://arctic2035.ru/n14-p84>.
- Ермолаева Ю. В. (2021) Трансформация социально-экологических практик обращения с отходами в менталитете граждан России. *Научный результат. Социология и управление*, т. 7, № 1, с. 104–117. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8.
- Ефанова О. А., Пискалова-Паркер М. П., Чернова А. П. (2020) Экологический гендер в повседневной жизнедеятельности как фактор формирования новых социальных норм. *Colloquium-Journal*, № 10-6 (62), с. 26–38.
- Журавель В. П. (2024) Арктика в 2023 г.: международный и российский аспекты. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 1, с. 90–105. DOI: 10.15211/vestnikieran1202490105.
- Кошуняева Н. В., Тутьгин А. Г. (2022) Трансформация инфляционных ожиданий в январе-марте 2022 года. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, № 6-1, с. 94–99. DOI: 10.17513/vaael.2251.
- Криворотов А. К. (2022) Арктика под ударом антироссийских санкций. *Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения*, № 3 (11), с. 35–40. DOI: 10.51823/74670_2022_3_35.
- Коль О. Д. (2023) Развитие проектов транспортно-логистической инфраструктуры в регионах Арктической зоны Российской Федерации в новых геополитических условиях. *Вестник факультета управления СПбГЭУ*, № 15, с. 45–57.
- Котова Е. И., Коробов В. Б., Шевченко В. П. (2024) Экологические проблемы Российской Арктики. *Рос. акад. наук, Ин-т океанологии им. П. П. Ширшова. Архангельск, КИРА*, 228 с.
- Макаров И. А., Степанов И. А. (2015) Экологический фактор экономического развития Российской Арктики. *ЭКО*, № 11, с. 120–138.
- Матвиенко И. И. (2023) Современные проблемы коренных малочисленных народов российской Арктики в условиях климатических изменений. *Арктика и Север*, № 52, с. 153–166. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.52.153.
- Матвиенко И. И., Чижова Л. А. (2024) Региональные меры поддержки социально-экономической сферы в Российской Арктике в условиях санкционных ограничений. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, т. 17, № 4, с. 93–108. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.5.
- Метёлкин П. В., Лобачёв В. В., Голышкова И. Н. (2023) Современные тренды развития транспортно-логистической системы России. *Транспортное дело России*, № 1, с. 11–13. DOI: 10.52375/20728689_2023_1_11.
- Ноговицын Р. Р., Васильева А. М. (2018) Обеспечение экологической безопасности в Арктической зоне Российской Федерации. *Проблемы современной экономики*, № 4 (68), с. 203–205.

- Новицкая А. А. (2024) Компенсационные фонды как решение социально-экологических конфликтов в Арктике. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*, № 1 (56), с. 37–40.
- Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления (2022) Монография под ред. д-ра экон. наук Ю. Г. Лавриковой, Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург, Институт экономики Уро РАН, 644 с.
- Самарина В. П., Скуфьина Т. П. (2021) Экологическая безопасность в Арктике: региональный аспект. *Арктика: инновационные технологии, кадры, туризм*, № 1 (3), с. 269–274.
- Седова И. Б., Кочемасова Е. Ю. (2017) Экологические проблемы Арктики и их социально-экономические последствия. *ЭКО*, № 5, с. 160–171.
- Соломкина М. М. (2000) Экологическое сознание личности в условиях экстремальной среды: на материалах Архангельской области. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 25 с.
- Социально-экономическое развитие арктического макрорегиона: комплексный подход (2022). Монография. Чижова Л. А., Тutyгин А. Г., Подоплёкин А. О. и др. Архангельск, КИРА, 292 с.
- Социокультурное пространство арктического макрорегиона России в современных экономических условиях (2023). Монография. Чижова Л. А., Тutyгин А. Г., Подоплёкин А. О. и др. Архангельск: КИРА, 310 с.
- Торцев А. М., Студенов И. И. (2021) Инструменты стимулирования рождаемости в арктических регионах России. *Региональная экономика: теория и практика*, т. 19, № 7 (490), с. 1382–1402. DOI: 10.24891/re.19.7.1382.
- Чижова Л. А., Тutyгин А. Г. (2021) Концептуальная основа управления сбалансированным развитием территорий Арктической зоны Российской Федерации. *Фундаментальные исследования*, № 12, с. 209–214. DOI: 10.17513/fr.43178.
- Юдахин Ф. Н., Губайдуллин М. Г., Коробов В. Б. (2002) Экологические проблемы освоения нефтяных месторождений севера Тимано-Печорской провинции. Монография. Екатеринбург, Уро РАН, 314 с.
- Sergeev V., Ilin I., Fadeev A. (2021) Transport and Logistics Infrastructure of the Arctic Zone of Russia. *Transportation Research Procedia*, no. 54, pp. 936–944. DOI:10.1016/j.trpro.2021.02.148.

References

- Bolsunovskaya Yu. A., Boyarko G. Yu. (2014) Osobyie ekologicheskie riski v sisteme obespecheniya ekologicheskoy bezopasnosti arkticheskogo regiona RF [Special environmental risks in the environmental safety system of the Arctic region of the Russian Federation]. *Fundamental research*, no. 9, pp. 2725–2728 (In Russian).
- Chizhova L. A., Tutygin A. G. (2021) Konceptual'naya osnova upravleniya sbalansirovannym razvitiem territorij Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [The conceptual framework for managing the balanced development of the territories of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Fundamental research*, no. 12, pp. 209–214. DOI: 10.17513/fr.43178 (In Russian).
- Efanova O. A., Pisklakova-Parker M. P., Chernova A. P. (2020) Ekologicheskij gender v povsednevnoj zhiznedeyatel'nosti kak faktor formirovaniya novyh social'nyh norm [Environmental gender in everyday life as a factor in the formation of new social norms]. *Colloquium-Journal*, no. 10-6 (62), pp. 26–38 (In Russian).
- Ermolaeva Yu. V. (2021) Transformaciya social'no-ekologicheskikh praktik obrashcheniya s othodami v mentalitete grazhdan Rossii [Transformation of socio-ecological waste management practices in the mentality of Russian citizens]. *Research result. Sociology and Management*, vol. 7, no. 1, pp. 104–117. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8 (In Russian).
- Kol' O. D. (2023) Razvitie proektov transportno-logisticheskoy infrastruktury v regionah Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii v novyh geopoliticheskikh usloviyah [Development of transport and logistics infrastructure projects in the regions of the Arctic zone of the Russian Federation in new geopolitical conditions]. *Bulletin of the Faculty of Management of Saint-Petersburg State University of Economics*, no. 15, pp. 45–57 (In Russian).
- Kotova E. I., Korobov V. B., Shevchenko V. P. (2024) Ekologicheskie problemy Rossijskoj Arktiki [Environmental problems of the Russian Arctic]. *Russian Academy of Sciences, P. P. Shirshov Institute of Oceanology. Arkhangelsk, KIRA Publ.*, 228 p. (In Russian).
- Krivorotov A. K. (2022) Arktika pod udarom antirossijskikh sankcij [The Arctic is under attack from anti-Russian sanctions]. *Arctic 2025: current issues, problems, solutions*, no. 3 (11), pp. 35–40. DOI: 10.51823/74670_2022_3_35 (In Russian).
- Koshunyaeva N. V., Tutygin A. G. (2022) Transformaciya inflyacionnyh ozhidaniy v yanvare-marte 2022 goda [Transformation of inflation expectations in January-March 2022]. *Journal of Altai academy of economics and law*, no. 6-1, pp. 94–99. DOI: 10.17513/vaael.2251 (In Russian).
- Makarov I. A., Stepanov I. A. (2015) Ekologicheskij faktor ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Arktiki [The ecological factor of the economic development of the Russian Arctic]. *ECO Journal*, no. 11, pp. 120–138 (In Russian).

- Matvienko I. I. (2023) Sovremennye problemy korennyh malochislennyh narodov rossijskoj Arktiki v usloviyah klimaticheskikh izmenenij [Modern problems of the indigenous peoples of the Russian Arctic in the context of climate change]. *Arctic and North*, no. 52, pp. 153–166. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.52.153 (In Russian).
- Matvienko I. I., Chizhova L. A. (2024) Regional'nye mery podderzhki social'no-ekonomicheskoy sfery v rossijskoj Arktike v usloviyah sankcionnyh ogranichenij [Regional measures to support the socio-economic sphere in the Russian Arctic in the context of sanctions restrictions]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 17, no. 4, pp. 93–108. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.5 (In Russian).
- Metyolkina P. V., Lobachyov V. V., Golyshkova I. N. (2023) Sovremennye trendy razvitiya transportno-logisticheskoy sistemy Rossii [Modern trends in the development of the Russian transport and logistics system]. *Transport business of Russia*, no. 1, pp. 11–13. DOI 10.52375/20728689_2023_1_11 (In Russian).
- Nogovicyn R. R., Vasil'eva A. M. (2018) Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v Arkticheskoy zone Rossijskoj Federacii [Ensuring environmental safety in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Problems of modern economics*, no. 4 (68), pp. 203–205 (In Russian).
- Novickaya A. A. (2024) Kompensacionnye fondy kak reshenie social'no-ekologicheskikh konfliktov v Arktike [Compensation funds as a solution to socio-environmental conflicts in the Arctic]. *Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy – Russian science and education today: problems and prospects*, no. 1 (56), pp. 37–40 (In Russian).
- Riski i vozmozhnosti razvitiya regionov Rossii v usloviyah sankcionnogo davleniya [Risks and opportunities for the development of Russian regions under the conditions of sanctions pressure] (2022). Monograph, edited by Dr. of Economics Yu. G. Lavrikova, Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute of Economics. Ekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 644 p. (In Russian).
- Samarina V. P., Skuf'ina T. P. (2021) Ekologicheskaya bezopasnost' v Arktike: regional'nyj aspekt [Environmental safety in the Arctic: a regional aspect]. *Arktika: innovacionnye tekhnologii, kadry, turizm – Arctic: innovative technologies, personnel, tourism*, no. 1 (3), pp. 269–274 (In Russian).
- Sedova I. B., Kochemasova E. Yu. (2017) Ekologicheskie problemy Arktiki i ih social'no-ekonomicheskie posledstviya [Environmental problems of the Arctic and their socio-economic consequences]. *ECO Journal*, no. 5, pp. 160–171 (In Russian).
- Sergeev V., Ilin I., Fadeev A. (2021) Transport and Logistics Infrastructure of the Arctic Zone of Russia. *Transportation Research Procedia*, no. 54, pp. 936–944. DOI:10.1016/j.trpro.2021.02.148.
- Social'no-ekonomicheskoe razvitie arkticheskogo makroregiona: kompleksnyj podhod [Socio-economic development of the Arctic macroregion: an integrated approach] (2022). Monograph. Chizhova L. A., Tutygin A. G., Podoplekin A. O. et al. Arkhangelsk, KIRA Publ., 292 p., 292 p. (In Russian).
- Sociokul'turnoe prostranstvo arkticheskogo makroregiona Rossii v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyah [Socio-cultural space of the Arctic macro-region of Russia in modern economic conditions] (2023) Monograph. Chizhova L. A., Tutygin A. G., Podoplekin A. O. et al. Arkhangelsk, KIRA Publ., 310 p. (In Russian).
- Solomkina M. M. (2000) Ekologicheskoe soznanie lichnosti v usloviyah ekstremal'noj sredy: na materialah Arhangel'skoj oblasti [Ecological consciousness of a person in an extreme environment: based on the materials of the Arkhangelsk region]. *Abstr. Dis. ... Cand. of Philos. Sci. M. V. Lomonosov Pomor State University, Arkhangelsk*, 25 p. (In Russian).
- Torcev A. M., Studenov I. I. (2021) Instrumenty stimulirovaniya rozhdanosti v arkticheskikh regionah Rossii [Instruments for stimulating fertility in the Arctic regions of Russia]. *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 19, no. 7 (490), pp. 1382–1402. DOI: 10.24891/re.19.7.1382 (In Russian).
- Voronina E. P. (2023) Strategicheskie priority i konceptual'nye podhody k osvoeniyu arkticheskikh territorij Rossijskoj Federacii v svete ideologii ekologizacii [Strategic priorities and conceptual approaches to the development of the Arctic territories of the Russian Federation in the light of the ideology of greening]. *Arctic 2035: current issues, problems, solutions*, vol. 2 (14). <https://arctic2035.ru/n14-p84> (In Russian).
- Yudahin F. N., Gubajdullin M. G., Korobov V. B. (2002) Ekologicheskie problemy osvoeniya neftnykh mestorozhdenij severa Timano-Pechorskoj provincii [Environmental problems of oil field development in the north of the Timan-Pechora province]. Monograph. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 314 p. (In Russian).
- Zhuravel V. P. (2024) Arktika v 2023 g.: mezhdunarodnyj i rossijskij aspekty [The Arctic in 2023: international and Russian aspects]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1, pp. 90–105. DOI: 10.15211/vestnikieran1202490105 (In Russian).

Информация об авторах

Чижова Людмила Александровна

Кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник лаборатории
проблем развития территорий. ФГБУН
Федеральный исследовательский центр
комплексного изучения Арктики им. академика
Н. П. Лавёрова Уральского отделения
Российской академии наук, г. Архангельск, РФ.
ORCID ID: 0000-0003-0298-5248.
E-mail: chijova.mila@yandex.ru

Губайдуллин Марсель Галиуллович

Доктор геолого-минералогических наук,
профессор, главный научный сотрудник
лаборатории проблем развития территорий.
ФГБУН Федеральный исследовательский центр
комплексного изучения Арктики им. академика
Н. П. Лавёрова Уральского отделения
Российской академии наук, г. Архангельск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-4413-4807.
E-mail: m.gubaidulin@narfu.ru

Autor's information

Lyudmila A. Chizhova

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading
Researcher at the Laboratory of problems of ter-
ritorial development. N. Laverov Federal Center
for Integrated Arctic Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk,
Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0003-0298-5248.
E-mail: chijova.mila@yandex.ru

Marcel G. Gubaidullin

Dr. Sc. (Geological and Mineralogical), Professor,
Chief Researcher at the Laboratory of problems of
territorial development. N. Laverov Federal Center
for Integrated Arctic Research of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk,
Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0002-4413-4807.
E-mail: m.gubaidulin@narfu.ru

УДК 339.138
JEL A12, M21

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.17

Научная статья

И. Н. Моргачева¹

✉ i-s-kas@mail.ru

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Контент как предмет социально-экономических отношений

Аннотация: Современная экономика характеризуется высокой степенью цифровизации и глобализации, что способствует изменению условий функционирования хозяйствующих субъектов, обострению конкуренции и появлению новых активов и товаров. Одним из таких активов является контент – осмысленная с точки зрения человека информация, представленная в цифровой среде в различных форматах (текстовом, графическом, аудиовизуальном). В статье рассматривается контент как предмет экономических отношений и его роль в современных рыночных процессах. Использовались материалы теории и практики в области экономики знаний, цифровой экономики, контент-маркетинга и результаты предыдущих авторских исследований. Экономическая ценность контента, по мнению автора, определяется признаками (знаниевыми, цифровыми, коммуникационными и товарными) и функциональными проявлениями (хозяйственным, отраслевым, публично-правовым, образовательным, общественным, информационным, коммуникационным, историко-эволюционным, культурно-просветительским). В статье раскрывается содержание перечисленных признаков и функциональных проявлений с точки зрения различных экономических теорий. Сформулированы атрибуты качественного контента: информационная достоверность, достаточность, доступность, динамичность и дифференцированность. Представлена авторская концепция 5D-контента, способствующая улучшению информационной среды и развитию более интеллектуального и устойчивого общества. Автор подчеркивает, что понимание контента как предмета экономических отношений позволяет эффективно использовать его преимуществ в коммерческих целях. Область теоретического и практического применения результатов исследования располагается в сфере управления сбытом и маркетинговых коммуникаций.

Ключевые слова: контент, экономические отношения, концепция, цифровая среда, маркетинговые коммуникации, экономика знаний, пользователи.

Дата поступления статьи: 24 декабря 2024 г.

Для цитирования: Моргачева И. Н. (2025) Контент как предмет социально-экономических отношений. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 187–196. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.17.

Scientific article

I. N. Morgacheva¹

✉ i-s-kas@mail.ru

¹St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Content as a subject of socio-economic relations

Abstract: The modern economy is characterized by a high degree of digitalization and globalization, which contributes to changing the conditions of functioning of business entities, increased competition and the emergence of new assets and goods. One of these assets is content – information that is significant from a human point of view, presented in a digital environment in various formats (text, graphic, audiovisual). The economic resource of content and its function in contemporary market interactions are examined in this article. The following signs (knowledge, digital, communication, and commodity) and functional manifestations (economic, sectoral, public law, educational, public, information, communication, historical and evolutionary, cultural and educational) are what determine the economic worth of content, according to the author. The article reveals the content of the listed features and functional manifestations from the point of view of various economic theories. The attributes of high-quality content are formulated: information reliability, sufficiency, accessibility, dynamism and differentiation. The author's concept of 5D content is presented, which contributes to the improvement of the information

© И. Н. Моргачева, 2025

environment and the development of a more intelligent and sustainable society. The author emphasizes that understanding content as a subject of economic relations makes it possible to effectively use its advantages for commercial purposes.

Keywords: content, economic relations, concept, digital environment, marketing communications, knowledge economy, users.

Paper submitted: December 24, 2024.

For citation: Morgacheva I. N. (2025) Content as a subject of socio-economic relations. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 187–196. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.17.

Введение

Под влиянием политических и общественных процессов, технологических инноваций в различных секторах экономики трансформируется характер социальных взаимодействий. Появляются новые коммуникативные пространства и механизмы. В последнее время бизнес-процессы, протекающие в цифровой среде, претерпевают качественные изменения, что влечет за собой смену тактики взаимодействия с потребителями. Одной из ключевых тенденций является переход от одностороннего информационного потока к двустороннему. Компании активно используют социальные сети, мессенджеры и другие каналы коммуникации для прямого общения с клиентами. Это позволяет не только оперативно реагировать на запросы потребителей, но и получать обратную связь, что способствует улучшению качества предоставляемых услуг и продуктов. В этих условиях одним из основных инструментов привлечения и удержания аудитории становится контент.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью развития существующей методологической платформы информационного обеспечения социально-экономических процессов в части определения контента как предмета экономических отношений в связи с возрастающей ролью контента в бизнес-процессах.

Целью настоящей статьи является анализ применимости контента в экономической деятельности и рассмотрение данного феномена как предмета социально-экономических отношений. Поставленные задачи формулируются следующим образом: 1) выявить признаки и функциональные проявления контента, 2) определить его качественные атрибуты в контексте социально-экономического развития и раскрыть их содержание.

Вначале следует определить, что понимается под термином «контент». Данный вопрос освещается как в научных, так и в профессионально направленных литературных источниках. Ряд авторов считают, что это «осмысленная с точки зрения человека информация» (Тазова, Стоянов, 2016), в то же время технические специалисты полагают, что контент – это «информационное наполнение сервера (например, тексты, графика, мультимедиа), представленное в виде страниц средствами гипертекстовой разметки» (Справочник технического переводчика, 2007). Нельзя отрицать и тот факт, что контент в интернет-среде выступает инструментом коммуникации, в ходе которой пользователи Сети реализуют потребность в обмене интересами, настроениями, творчеством, смыслами, внутренними установками. Стремление выявить и удовлетворить данную потребность является одним из условий установления доверительных отношений между хозяйствующими субъектами. Данное обстоятельство позволяет вовлекать целевую аудиторию в экономический процесс не только в качестве пассивного потребителя, но и в качестве активного участника, формирующего лояльность к бренду.

Роль контента в экономике определяется двумя параллельными процессами, действие которых разворачивается на современном этапе развития общества. С одной стороны, это мощный рост объема и скорости информационных потоков и цифровых источников информации. С другой стороны, расширение и углубление возможностей практики применения контента различными экономическими субъектами.

Методы

Исследование фокусируется на вопросах о месте контента в современной системе хозяйствования, о необходимости рассматривать контент в качестве предмета экономических отношений.

В ходе решения задач исследования применялись общенаучные методы: наблюдение, анализ, обобщение, систематизации статистических сведений и признанных научным сообществом положений, а также графический и табличный методы для более четкого визуального представления данных. Использовались материалы теории и практики в области экономики знаний, цифровой экономики, контент-маркетинга российских и зарубежных ученых, результаты предыдущих авторских исследований. Это дало возможность выделить существенные признаки контента с точки зрения современных экономических реалий и обосновать необходимость определять контент в качестве предмета социально-экономических отношений.

Результаты

Предметом экономических отношений традиционно считают явления и процессы, связанные с производственными процессами. Однако современная экономика выходит за рамки традиционного понимания производственных отношений и охватывает широкий спектр человеческой деятельности. Одним из видов деятельности является создание, сохранение и распространение контента. Он представляет собой совокупность информационных материалов, создаваемых и распространяемых в рамках разнообразных средств массовой коммуникации, включая традиционные СМИ, цифровые платформы и социальные сети. В контексте современной экономики контент выступает как «самостоятельный интеллектуальный ресурс» (Моргачева, 2024) и важный элемент товарного оборота, приобретающий особую значимость в условиях информационного общества.

В табл. 1 представлены основные показатели деятельности организаций сектора контента за период с 2018 по 2022 г. Анализ табл. 1 показывает, что по всем показателям деятельности организаций сектора контента наблюдается заметный рост (валовая добавленная стоимость увеличилась на 28,2 %, объем выполненных работ – на 57,2 %, инвестирование в основной капитал – на 69,3 %) при незначительном снижении численности занятых работников (на 4,6 %). Это говорит о существующем спросе на услуги по созданию и распространению контента со стороны населения и коммерческих структур, что обеспечивает дополнительный потенциал развития соответствующих видов деятельности на современном этапе, приводит к появлению новых инновационных проектов в этой сфере и подтверждает актуальность рассматриваемой проблематики.

Таблица 1 – Основные показатели деятельности организаций сектора контента

Table 1 – Key performance indicators of organizations in the content and media sector

	Всего				
	2018	2019	2020	2021	2022
Валовая добавленная стоимость, млрд руб.	335,6	350,5	326,1	413,0	430,3
Выполнено работ собственными силами, млрд руб.	485,0	488,8	493,6	727,7	762,6
Среднесписочная численность работников, тыс. чел.	191,1	187,0	183,4	185,7	182,2
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	58,6	68,3	79,1	96,3	99,2

Источник: Индикаторы цифровой экономики: Статистический сборник, 2024

Любые хозяйственные отношения начинаются с идеализации объекта, что означает процессы осмысления и представления объекта или явления в абстрактной форме до того, как они будут вовлечены в реальную экономическую деятельность. В ряде источников подчеркивается, что именно идеализация дала возможность сформироваться теории экономики знаний (Глухов, 2003; Макаров, 2003; Махлуп, 1966), которая применяет знания как экономический ресурс. Экономика знаний отличается тем, что ценность создается за счет использования интеллектуального капитала, а не материальных ресурсов. В этой связи контент возможно определить как элемент экономики, обладающий признаками знаниевой сущности (рис. 1). Эти признаки подчеркивают важность контента в экономике знаний, где знание и информация становятся основными факторами производства и конкурентоспособности.

Рис. 1 – Признаки знаниевой сущности контента

Fig. 1 – Signs of knowledge of the content essence

Теория экономики знаний выявляет новый вид деятельности – деятельность по сбору, накоплению, обработке информации, значимость которой возросла с появлением в середине 1990-х гг. и последующим бурным развитием рынка информационных продуктов (Hodrab, Maitah, Smutka, 2016). Все это рассматривается в качестве основы для создания добавленной стоимости и конкурентных преимуществ. Сформировалась система социально-экономических отношений, основанных на использовании цифровых коммуникационных технологий – цифровая экономика (Negroponte, 1995). По мнению Х. Бесады, цифровая экономика предусматривает значительное доминирование нематериальных ресурсов и интеллектуального капитала в создании добавленной стоимости продукта (Besada, 2018). При этом контент является одним из ключевых элементов системы ценностей в цифровой экономике, поскольку он не только привлекает внимание пользователей цифровых устройств, но и способствует развитию бизнеса через маркетинговую коммуникацию, интернет-продажи, онлайн-образование, виртуальные продукты, основанные на концепции маркетинга вовлечения.

В данном контексте контент, как нематериальный ресурс в виде информационного наполнения цифровых каналов коммуникации, обладает рядом существенных признаков (рис. 2), способствующих созданию новых бизнес-моделей.

Цифровая экономика глубоко трансформирует сферу контента, делая его более доступным, масштабируемым и гибким. Современные технологии, такие как искусственный интеллект, блокчейн и интернет вещей, открывают новые возможности для создания и потребления контента. Д. Тапскотт отмечал, что информационные технологии создают новое общество, основанное не только на знаниях, но и на системе электронной коммуникации (Тапскотт, 1999). Способ связи между субъектами социально-экономических отношений через сети и цифровые платформы регулирует интересы предприятий и общества (Varefoot, 2018). Доступность интернета обусловила продвижение этих интересов посредством контента. Дж. Кэннон утверждал, что контент создается для предоставления аудитории той информации, которую она ищет (Cannon, 1999).

По мнению консультационной и исследовательской компании Contently, 72 % маркетологов считают, что брендированный контент более эффективен, чем традиционная реклама (Content Marketing Statistics, Facts & Predictions in 2024. <https://review42.com/resources/content-marketing-statistics>). По этим причинам контент можно определять как продукт, обладающий признаками маркетинговых коммуникаций (рис. 3).

Рис. 2 – Признаки цифровой сущности контента**Fig. 2 – Signs of the digital essence of content****Рис. 3 – Признаки коммуникационной сущности контента****Fig. 3 – Signs of the communication essence of the content**

Дж. Пулицци и Р. Роуз полагают, что любой элемент контента следует воспринимать как «самостоятельный продукт» (Роуз, Пулицци, 2014). Таким образом, являясь продуктом, контент имеет стоимость. Это означает, что он «может распределяться в обществе путем обмена, купли-продажи, что определяет его как предмет торговли» (Ожегов, 1964). Следовательно, выступая предметом торговли, контент имеет товарные признаки (рис. 4).

Рис. 4 – Признаки товарной сущности контента

Fig. 4 – Signs of the commodity essence of the content

Учитывая, что контент распространяется во всех средах контактирования с людьми, обязательным является условие соблюдения согласованности разнообразных видов коммуникаций как между собой, так и по отношению к различным контекстам рассмотрения, а также учет меняющейся внешней среды (Моргачева, Кастрицын, 2022). Соответственно, и контент, как один из коммуникативных инструментов, имеет определенные функции и значение в зависимости от контекста. В этой связи роль контента, по мнению автора, распределяется следующим образом (табл. 2).

Использование контента как предмета экономических отношений дает возможность учесть тренд на смену парадигм – от парадигмы позиционирования и конкурентоспособности компании в борьбе за целевую аудиторию к парадигме коммуницирования с ней. Однако ежедневно в мире производится около 46 миллиардов единиц контента (Livia Ilie, 2021). В условиях такой конкуренции сложно эффективно реализовать целевую коммуникационную установку – стимулировать аудиторию к ответным шагам (Jorgensen, Zuiker, Manikowske, LeNew, 2022). Учитывая, что «модели потребительского поведения и модели потребления не могут рассматриваться без учета таких созданных человеком нематериальных конструкторов, как культура, этика, мораль, духовность» (Юлдашева, 2024), соответствующие требования предъявляются и к контенту. Только такой подход позволит обеспечить устойчивое развитие экономики и укрепление социальных связей. В этой связи необходимым условием выступают атрибуты качества контента: информационная достоверность, достаточность, доступность, динамичность и дифференцированность (рис. 5).

Таблица 2 – Матрица функциональных проявлений контента**Table 2 – Matrix of functional manifestations of content**

Контекст рассмотрения	Функция контента	Значение контента
Экономический	Усиливает конкурентные преимущества	Повышение добавленной стоимости товара, услуги
Отраслевой	Определяет принадлежность к определённому виду деятельности	Подтверждение уникальности и качества продукта
Публично-правовой	Реализует авторское право на идеи и смыслы компании	Защита концептуальных идей компании от конкурирующих организаций
Образовательный	Закрывает потребность в получении достоверных сведений о продукте	Передача совокупности знаний
Общественный	Формирует основу для повышенной потребительской лояльности	Укрепление ценностных свойств продукта и его предпочтение
Информационный	Информирует о продукции и событиях, связанных с ней	Обеспечение повышенной осведомленности действующих и потенциальных клиентов
Коммуникационный	Включает потребителей в активное взаимодействие с компанией	Установление прочной обратной связи с клиентами
Историко-эволюционный	Является маркером в плане глобального развития предприятия	Сохранение доминирующего положения на рынке
Культурно-просветительский	Выражает общественные традиции, нормы, образцы	Укрепление общественно-культурных ценностей

Рис. 5 – Атрибуты качества контента в цифровой среде**Fig. 5 – Attributes of content quality in a digital environment**

Концепция 5Д-контента – это авторский способ понимания, трактовки контента, распространяемого в цифровой среде. Акцент делается на важности качества контента, который предоставляется пользователю. Предлагается рассматривать контент как самостоятельный интеллектуальный продукт, наделенный пятью существенными характеристиками: достоверность, достаточность, доступность, динамичность, дифференцированность (табл. 3).

Гипотеза концепции 5Д-контента предполагает, что обеспечение достоверности, достаточности, доступности, динамичности и дифференцированности контента в цифровом мире способствует улучшению информационной среды и развитию более интеллектуального и устойчивого общества. Главная цель – создание коммуникационного пространства, ориентированного на принятие умных решений и инноваций, а также на повышение образования и доверия в обществе.

Основные положения концепции 5Д-контента. Достоверность, достаточность и доступность, динамичность и дифференцированность контента являются важными аспектами формирования информационной среды, которая обеспечивает устойчивое развитие общества, экономики и науки. Концепция актуальна во всех областях, включая образование, здравоохранение, деловую среду, медиа, общественную политику, государственное и коммерческое управление, различные отрасли хозяйствования.

Таблица 3 – Содержание атрибутов 5Д-контента

Table 3 – Content of 5D content attributes

Признаки	Содержание
Достоверность	Соответствие контента фактам и реальности. Включает в себя правдивость и объективность сведений, а также их способность быть подтверждёнными и проверенными. С учётом быстрого распространения фейк-новостей и дезинформации, обеспечение достоверности контента становится всё более критическим аспектом в обществе
Достаточность	Полнота и обширность предоставленных сведений. Контент должен быть достаточным для того, чтобы позволить получателю образовать обоснованное мнение или принять оптимальное решение на основе представленных фактов. Отсутствие достаточности может создать пробелы в понимании ситуации и привести к ошибочным решениям
Доступность	Лёгкость в получении и использовании контента потребителем. Включает простоту поиска, доступность различных источников, а также открытость сведений для различных пользователей и групп
Динамичность	Способность меняться и обновляться в зависимости от изменений в окружающей среде, интересах аудитории или тенденциях. Это помогает поддерживать актуальность и интерес к контенту
Дифференцированность	Адаптированность под разные группы аудитории, учитывая их потребности, интересы и уровень подготовки. Такой подход позволяет сделать контент более релевантным и полезным для каждого отдельного сегмента аудитории

Важнейшая аксиома концепции 5Д-контента заключается в необходимости повышения степени управляемости процессами производства и дистрибуции контента в цифровом мире. При этом контент определяется как сознательная деятельность людей, направленная на создание новых ценностей, которые выступают главным стабилизатором экономики в цифровом пространстве.

Обеспечение достоверности, достаточности, доступности, динамичности и дифференцированности контента требует совместных усилий со стороны всех участников экосистемы контента – от его создателей до пользователей и регуляторов. Возникает потребность в диалоге для выработки единых механизмов правового и этического регулирования цифрового контента, для установления баланса общественных и коммерческих интересов общества. Необходимо развивать стандарты и практики, которые способствуют поддержанию высокого уровня качества контента, так как создание и поддержание экосистемы, основанной на концепции 5Д-контента, является ключевым аспектом обеспечения устойчивого и здорового информационного общества.

Обсуждения

Предложенный в статье подход базируется на признании необходимости отдельного научного направления, изучающего проблемы экономики контента, так как связь контента с коммерческими вопросами и его влияние на социум всё больше очевидны. Технологии на основе искусственного интеллекта и виртуальной реальности открывают новые горизонты для реализации практик применения контента, что также оказывает влияние на бизнес-процессы и экономическую структуру общества. Этим обуславливается необходимость рассматривать контент как предмет экономики.

В завершение данной статьи представляется важным обозначить перспективы развития контентной концепции в рамках современных хозяйственных процессов. Контент как предмет современных экономических отношений, безусловно, требует развития собственной методологической базы и формирования научных подходов к анализу его форм и видов, механизмов его производства и распространения, к осмыслению его роли в различных секторах экономики. Важен поиск критериев качества и эффективности контента, а также возможной изменчивости этих критериев в зависимости от целевых установок, задач, технологических решений и социального контекста.

Выводы

Исследование контента как предмета современных экономических отношений позволяет выделить ряд факторов, которые определяют его как феномен экономической реальности. Во-первых,

в современном мире контент занимает центральное место в хозяйственной деятельности и становится полноценным экономическим активом, обладающим собственной стоимостью и способствующим созданию добавленной ценности. Во-вторых, к данным факторам целесообразно отнести имеющийся разрыв между научными исследованиями специфики экономической деятельности, связанной с контентом, и практикой его применения в реальных секторах экономики. Определение контента как предмета экономических отношений позволит привлекать к его изучению экономические методы исследования. Это откроет новые возможности для понимания механизмов функционирования контентного рынка и принятия более обоснованных решений в области производства, распространения и потребления контента.

В заключение следует отметить, что как предмет экономических отношений контент представляет собой сложную и динамично развивающуюся сферу деятельности, в которой сочетаются знаниевые, цифровые, коммуникационные и торговые сущности, а также творческие процессы, технологические инновации и рыночные механизмы. Понимание контента как предмета экономических отношений позволяет эффективно использовать его преимущества в коммерческих целях. При этом необходимым условием выступают атрибуты качества контента: достоверность, достаточность, доступность, динамичность и дифференцированность. Эти компоненты направлены на создание гибкой и жизнеспособной экосистемы, способствующей поддержанию устойчивого экономического роста в различных секторах хозяйственной деятельности. Предложенная концепция предполагает создание сбалансированной модели производства и распространения контента, учитывающей интересы как производителей, так и потребителей, что в конечном итоге способствует достижению долгосрочного коммерческого успеха и социальной стабильности.

Источники

- Глухов В. В. (2003) Экономика знаний. СПб., Питер, 528 с.
- Индикаторы цифровой экономики: Статистический сборник (2024). М., НИУ ВШЭ, 275 с.
- Макаров В. Л. (2003) Экономика знаний: уроки для России. Вестник Российской академии наук, т. 73, № 5, с. 450.
- Махлуп Ф. (1966) Производство и распространение знаний в США. М., Прогресс, 464 с.
- Моргачева И. Н. (2024) Разработка определения понятия «контент-маркетинг». Прогрессивная экономика, № 5, с. 56–66.
- Моргачева И. Н., Кастрицын М. И. (2022) Современный подход к учету внешней среды при разработке контент-стратегии. Первый экономический журнал, № 10 (328), с. 18–24.
- Ожегов С. И. (1964) Словарь русского языка. М., Советская энциклопедия, 900 с.
- Роуз Р., Пулицци Д. (2014) Управление контент-маркетингом. М., Манн, Иванов и Фербер, 229 с.
- Справочник технического переводчика (2007) Словари и энциклопедии на Академике. https://technical_translator_dictionary.academic.ru/95857/контент.
- Тазова В. Д., Стоянов И. А. (2016) Контент-маркетинг, как инструмент продвижения компании в интернете. Социально-экономические науки и гуманитарные исследования, № 10, с. 32–36.
- Тапскотт Д. (1999) Электронно-цифровое общество. Киев, INT Пресс, 432 с.
- Юлдашева О. У. (2024) Модель этичного потребления в России: результаты эмпирического исследования. В кн.: Зеленая экономика: наука, образование и инновации. Монография. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, с. 157–164.
- Barefoot K. Curtis D., Jolliff W., Nicholson J. R., Omohundro R. (2018) Defining and Measuring the Digital Economy. BEA Working Paper, <https://www.bea.gov/system/files/papers/WP2018-4.pdf>.
- Besada H. (2018). Digital Economy and the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations Office For South-South Cooperation (UNASSC). <https://unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2018/12/Digital-Economy-and-the-Implementation-of-the-2030-Agenda-Hany-Besada.pdf>.
- Cannon J. (1999) Make your website work for you. New York, McGrawHill, 208 p.
- Hodrab R., Maitah M., Smutka L. (2016) The Effect of Information and Communication Technology on Economic Growth: Arab World Case. International Journal of Economics and Financial Issues, no. 6 (2), pp. 765–775.
- Jorgensen J. J., Zuiker V. S., Manikowske L., LeHew M. (2022). Impact of Communication Technologies on Small Business Success. Journal of Small Business Strategy, no. 32 (3). pp. 142–157.
- Livia Ilie (2021) How to Use Visual Storytelling to Better Reach Your Audience. <https://mediamodifier.com/blog/visual-storytelling-guide>.
- Negroponte N. (1995) Being Digital. New York, Knopf, 243 p.

References

- Barefoot K. Curtis D., Jolliff W., Nicholson J. R., Omohundro R. (2018) Defining and Measuring the Digital Economy. BEA Working Paper, <https://www.bea.gov/system/files/papers/WP2018-4.pdf>.
- Besada H. (2018). Digital Economy and the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. United Nations Office For South-South Cooperation (UNASSC). <https://unsouthsouth.org/wp-content/uploads/2018/12/Digital-Economy-and-the-Implementation-of-the-2030-Agenda-Hany-Besada.pdf>.
- Cannon J. (1999) Make your website work for you. New York, McGrawHill, 208 p.
- Glukhov V. V. (2003) *Ekonomika znaniy [Economics of knowledge]*. St. Petersburg, Peter Publ., 528 p. (In Russian).
- Hodrab R., Maitah M., Smutka L. (2016) The Effect of Information and Communication Technology on Economic Growth: Arab World Case. *International Journal of Economics and Financial Issues*, no. 6 (2), pp. 765-775.
- Indikatoriy cifrovoj ekonomiki: Statisticheskij sbornik [Indicators of the digital economy: Statistical Collection] (2024). Moscow, Higher School of Economics, 275 p. (In Russian).
- Jorgensen J. J., Zuiker V. S., Manikowske L., LeHew M. (2022). Impact of Communication Technologies on Small Business Success. *Journal of Small Business Strategy*, no. 32 (3). pp. 142-157.
- Livia Ilie (2021) How to Use Visual Storytelling to Better Reach Your Audience. <https://mediamodifier.com/blog/visual-storytelling-guide>.
- Makarov V. L. (2003) *Ekonomika znaniy: uroki dlya Rossii [Economics of knowledge: lessons for Russia]*. Herald of the Russian Academy of Sciences, vol. 73, no. 5, p. 450 (In Russian).
- Makhloop F. (1996) *Proizvodstvo i rasprostranenie znaniy v SShA [Production and dissemination of knowledge in the USA]*. Moscow, Progress Publ., 464 p. (In Russian).
- Morgacheva I. N. (2024) *Razrabotka opredeleniya ponyatiya "kontent-marketing" [Development of the definition of the concept of "content marketing"]*. *Progressive Economy*, no. 5, pp. 56-66 (In Russian).
- Morgacheva I. N., Kastritsyn M. I. (2022) *Sovremennyj podhod k uchetu vneshnej sredy pri razrabotke kontent-strategii [Modern approach to the consideration of the external environment in the development of content strategy]*. *Pervyj ekonomicheskij zhurnal – The First Economic Journal*, no. 10 (328), pp. 18-24 (In Russian).
- Negroponte N. (1995) *Being Digital*. New York, Knopf, 243 p.
- Ozhegov S. I. (1964) *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]*. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 900 p. (In Russian).
- Rose R., Pulizzi D. (2014) *Upravlenie kontent-marketingom [Content marketing management]*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 229 p. (In Russian).
- Spravochnik tekhnicheskogo perevodchika [Technical Translator's Handbook] (2007) Slovari i enciklopedii na Akademike [Dictionaries and encyclopedias in Russian]*. https://technical_translator_dictionary.academic.ru/95857/контент (In Russian).
- Tapscott D. (1999) *Elektronno-cifrovoe obshchestvo [Electronic Digital Society]*. Translated from English by I. Dubinsky. Kiev, INT Press, 432 p. (In Russian).
- Tazova V. D., Stoyanov I. A. (2016) *Kontent-marketing, kak instrument prodvizheniya kompanii v internete [Content marketing as a tool for promoting a company on the Internet]*. *Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki i gumanitarnyye issledovaniya – Social and Economic Sciences and Humanitarian Research*, no. 10, pp. 32-36 (In Russian).
- Yuldasheva O. U. (2024) *Model' etichnogo potrebleniya v Rossii: rezul'taty empiricheskogo issledovaniya [The model of ethical consumption in Russia: the results of an empirical study]*. In: *Zelenaya ekonomika: nauka, obrazovanie i innovacii [Green Economy: Science, Education and innovation]*. Monograph. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics, pp. 157-164 (In Russian).

Информация об авторе

Моргачева Ирина Николаевна

Аспирант кафедры маркетинга. Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, РФ.
E-mail: i-s-kas@mail.ru

Author's information

Irina N. Morgacheva

Graduate student of the Marketing Department. Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation.
E-mail: i-s-kas@mail.ru

УДК 351/354
JEL G38, H70DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.18
Научная статья**Д. З. Адильбеков¹ ✉, А. М. Аюлов²**

✉ adilbekovdauren08@gmail.com

¹Институт парламентаризма, г. Астана, Республика Казахстан²Гуманитарно-техническая академия, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Эволюция системы государственного управления: анализ международного опыта успешных практик

Аннотация: Статья посвящена анализу международного опыта успешных практик реформирования системы государственного управления и изучению возможности имплементации этих практик в систему государственного управления в Республике Казахстан. Для проведения исследования авторами использованы общенаучные методы анализа, сравнения и аналогии, что позволило собрать, систематизировать и структурировать информацию, провести логический анализ собранных фактов, сделать выводы. Проведен анализ перспективных практик государственного управления в мире с целью выявления их особенностей и универсальных характеристик, оценки их преимуществ и недостатков, а также определена возможность их адаптации для Казахстана. На основе анализа международного опыта выделен ряд основных условий и факторы, определяющие успешность реформирования государственной службы. Обобщены концептуальные предпосылки реформирования системы государственного управления тех государств, которые выбрали в качестве базовой модели «новый государственный менеджмент». Установлено, что в настоящее время реформирование государственной службы во многом опирается на опыт трансформации систем государственного управления в разных странах мира. Показано, что эффективность государственного управления оказывает влияние на успех других общественно-экономических реформ. Сделан вывод о целесообразности дальнейшего изучения международного опыта реформирования системы государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, эффективность, Казахстан, новый государственный менеджмент, управление по результатам, реформирование государственного сектора.

Дата поступления статьи: 9 января 2025 г.

Для цитирования: Адильбеков Д. З., Аюлов А. М. (2025) Эволюция системы государственного управления: анализ международного опыта успешных практик. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 197–206. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.18.

Scientific article

D. Z. Adilbekov¹ ✉, A. M. Ayulov²

✉ adilbekovdauren08@gmail.com

¹Institute of Parliamentarism, Astana, Republic of Kazakhstan²Humanitarian and Technical Academy, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

The evolution of the public administration system: the analysis of the successful international experience

Abstract: The article analyzes the international experience of successful practices in reforming the public administration system and exploring the possibility of implementing these practices into the public administration system in the Republic of Kazakhstan. To conduct the research, the authors used general scientific methods of analysis, comparison and analogy, which allowed them to collect, systematize and structure information, conduct a logical analysis of the collected facts, and draw conclusions. The analysis of promising public administration practices in the global context has been carried out in order to identify their features and universal characteristics, assess their advantages and disadvantages, and identify the possibilities of their adaptation for Kazakhstan. A number of fundamental requirements and elements influencing the effectiveness of civil service reform have been established based on the examination of global experience. Here is a summary of the conceptual requirements for changing the public administration systems

of the states that have selected the “new public management” as their foundational paradigm. It has been determined that the experience of changing public administration systems in various nations around the world serves as a major foundation for contemporary civil service reform. It has been demonstrated that the success of other socioeconomic reforms is influenced by the efficiency of public administration. The conclusion is made about the expediency of further studying the international experience of reforming the public administration system.

Keywords: public administration, efficiency, Kazakhstan, new public management, results management, public sector reform.

Paper submitted: January 9, 2025.

For citation: Adilbekov D. Z., Ayulov A. M. (2025) The evolution of the public administration system: the analysis of the successful international experience. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 197–206. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.18.

Введение

Государственное управление является ключевым направлением экономического и социального развития, которое оказывает непосредственное влияние на систему управления и на улучшение качества жизни граждан (Marius, Luminița, Zizi, Elena, Corina-Cristiana, 2021).

Пути, ведущие к эффективному государственному управлению, могут отличаться в разных странах. В странах Запада были разработаны модели реформирования государственного управления, предполагающие универсальность и широкое применение: New Public Management и Good Governance. Эти две концепции лежат в основе современных административных реформ Запада и заимствуются другими странами.

В 80–90-е годы XX века в международной практике начался переход к «новому государственному управлению» (New Public Management), что означало внедрение управленческих технологий из бизнеса в государственный сектор. Одним из наиболее привлекательных элементов этих бизнес-технологий стало управление по результатам, в том числе бюджетирование, ориентированное на результаты (Бриль, 2020).

В последние два десятилетия в мировой практике в связи с изменением методов и подходов в управлении произошел переход от традиционного государственного управления к новому государственному менеджменту (New Public Management – NPM). Основной акцент сместился на улучшение качества государственных услуг, а также повышение ответственности и подотчетности государственных органов. Эти преобразования были направлены на повышение конкурентоспособности страны и приближение государственных органов к гражданам (Бекбосынова, 2019).

Никто не может отрицать центральную роль политики и государственного управления в истории любой страны. Правительство всегда располагает большими ресурсами, чтобы сделать возможным любой акт управления и инициировать изменения или реформы в обществе (Wong, 2022).

Экономика претерпевает кардинальные изменения во всех структурах, что полностью меняет подходы к управлению. Эти преобразования происходят на глобальном уровне благодаря внедрению цифровых технологий. Переосмысливается роль государства и исполнительных органов: они трансформируются в «цифровые правительства», создаются IT-платформы и развиваются цифровые структуры, предоставляя населению необходимые услуги (Khalimon, Sycheva, Obradović, 2022).

Административные реформы, направленные на улучшение политической системы, становятся более актуальными, поскольку эффективное государственное управление является одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности страны. Эффективность государственного управления оказывает влияние на общественно-экономические реформы (Аубакирова, Исатаева, 2021).

Цель данной статьи заключается в анализе перспективных мировых практик государственного управления для выявления особенностей и универсальных характеристик, оценки преимуществ и недостатков, а также возможности их адаптации для Казахстана.

Методы

Теоретической и методологической основой исследования послужили положения, представленные в работах ведущих ученых по вопросам развития государственной управленческой системы. Материалом для исследования стали труды ученых-исследователей эволюции процесса государственного управления, а также научные публикации, в которых представлен анализ международного опыта успешных практик развития государственного управления. Применение общенаучных методов анализа, сравнения и аналогии позволило собрать, систематизировать и структурировать информацию, провести логический анализ собранных фактов, выработать теоретическое обобщение и сделать обоснованные выводы.

Результаты

В Концепции развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года отмечается, что при разработке новой модели государственного управления, направленной на улучшение качества жизни граждан, был проведен анализ лучших практик таких стран, как Сингапур, США, Великобритания, Канада, Франция, Финляндия, ОАЭ, и других¹.

Мировая практика показывает стремление правительств всех стран повысить эффективность государственного управления. Это объясняется тем, что повышение уровня жизни граждан и решение ключевых социально-экономических задач зависит в первую очередь от степени эффективности функционирования власти.

По мнению А. Г. Барабашева, А. А. Киндрася (Барабашев, Киндрась, 2014), «эффективность реформирования государственной службы можно оценить только в том случае, если реформы проводятся с помощью программно-целевого метода».

В менеджериальной модели эффективность понимается как то, что отличает государственный менеджмент от более традиционного «государственного управления» с точки зрения принципов и практики (Красильников, Сивинцева, Троицкая, 2014). Сторонники нового государственного менеджмента признавали, что оценка деятельности государственных органов невозможна при помощи только одного критерия. Они предполагали, что поиск таких критериев может оказать благоприятное воздействие на состояние государственного управления.

В целом функции государственного управления во многих странах схожи, однако их содержание и способы реализации могут существенно различаться (Кокорин, Лебедева, 2019).

Концепция «нового менеджериализма» возникла в русле ситуационного подхода (Баранов, 2012). Модель NPM в своей завершенной форме оформилась в середине 1980-х годов прошлого века. В настоящее время также выделяются две ее основные модификации: англосаксонская и континентальная (Охотский, 2014).

Американские ученые Т. Питерс и Р. Уотермен первыми описали данную модель и предложили научное толкование ее принципов и задач в научном труде «В поисках эффективного управления» (Питерс, Уотерман, 1986), который был написан на основании исследований деятельности таких крупных корпораций, как «Боинг», IBM и «Макдональдс».

Данные авторы выделили общие характеристики систем управления производством этих корпораций, которые, по их мнению, могут быть применены в системе государственного управления (Котов, 2020).

Основной целью реформ было повышение инновационности государственного управления, устранение недостатков, свойственных традиционной бюрократии и максимально возможное сокращение затрат на содержание государственного аппарата (Morisson, Doussineau, 2019).

Незначительное число научных публикаций, посвященных изучению зарубежного опыта в области административных реформ, частично было компенсировано исследованиями, проведенными Всемирным банком (Мэннинг, Парисон, 2003).

¹Концепция развития государственного управления в Республике Казахстан до 2030 года: построение «человекоцентричной» модели – «Люди прежде всего». Указ Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года № 522. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000522>

С 1980-х годов реформы системы государственного управления, основанные на концепции NPM, были реализованы в Великобритании, Новой Зеландии и Австралии, а затем распространились на другие страны мира (Губачёв, 2021). Реформы в Новой Зеландии опирались на четыре отличительных принципа (рисунок).

Отличительные принципы реформ в Новой Зеландии

Distinctive principles of reforms in New Zealand

Составлено авторами на основе данных (Мэннинг, Парисон, 2003).

Повышение гибкости в назначении на должность на основе заслуг и вознаграждение в зависимости от результатов работы было основной целью реформы государственной службы в Новой Зеландии, направленной на изменение статуса государственных служащих. В результате множество сотрудников было переведено в органы исполнительной власти и на государственные предприятия. Данное решение позволило увеличить их зарплаты до уровня, соответствующего уровню заработной платы в частном секторе (Мэннинг, Парисон, 2003).

С конца 80-х годов прошлого века в Новой Зеландии руководителям отраслевых министерств предоставили свободу выбора ресурсов, необходимых для достижения установленных результатов, что позволило добиться существенной экономии средств (Добролюбова, Александров, Южаков, 2014).

Реформа государственного сектора в Австралии проводилась в два этапа (табл. 1).

В ходе первого этапа реформ в Австралии различные статьи бюджета, связанные с операционными расходами, были объединены. Финансовая децентрализация помогла избежать практики нецелевого расходования средств в конце года и способствовала развитию ресурсного управления, ориентированного на проактивный подход и достижение конкретных результатов.

Суть второго этапа заключалась в предоставлении учреждениям большей свободы в управлении, что привело к установлению более простых и прямых отношений между работодателем и работником.

Анализ реформ показал, что бюджетный процесс, фокусирующийся на улучшении программных и политических условий, способствует большему росту благосостояния, чем процесс, ориентированный исключительно на соблюдение нормативных требований и финансовый контроль.

Таблица 1 – Этапы реформирования государственного сектора в Австралии

Table 1 – Stages of public sector reform in Australia

Этап	Содержание	Результат
Первый (конец 1980-х годов)	Основное внимание было акцентировано на улучшении финансовой гибкости ведомств, отвечающих за выполнение конкретных программ, а также на конечных результатах деятельности	Каждое министерство самостоятельно определяло программные цели и результаты, включая подготовку ежегодных отчетов о достижении целей и сравнение с поставленными задачами
		Улучшение оперативной гибкости министерств, что было возможным в результате регулярного укрупнения статей их бюджетов. Этот шаг позволил министерствам более эффективно и экономно распоряжаться бюджетными средствами
		Внедрение методов составления бюджета с основой на регулярно пересматриваемые сметы
		Внедрение коммерческих принципов деятельности в государственный сектор
Второй (1990-е годы)	Были поставлены задачи, направленные на достижение аналогичной гибкости в управлении человеческими ресурсами	Принятие новых законов о государственной службе, что предоставило большую свободу министерствам в управлении человеческими ресурсами
		Усиление ответственности руководителей министерств за достижение
		Расширение практики заключения контрактов с внешними подрядчиками, а также создание автономных организаций для предоставления услуг
		Активное внедрение практики составления бюджетов по методу начисления, что позволит обеспечить полный учет ресурсов, используемых при потреблении товаров и услуг госсектора

Составлено авторами на основе данных (Мэннинг, Парисон, 2003).

В австралийском законодательстве правовой формой, в которой прописываются критерии результативности работы государственных служащих, являются соглашения об обеспечении определенных результатов деятельности. В контрактах, заключаемых с руководителями органов власти, прописывается ответственность за неэффективную работу (Еремина, 2012).

Административные реформы 1980-х и начала 1990-х годов способствовали усилению фокуса государственного сектора Великобритании на достижение конечных результатов и повысили техническую эффективность нововведений. Таким образом, в 1980-е годы сформировалась модель государственного управления, ориентированная на эффективность деловых процессов, разделение политики и практики, а также на рост производственных показателей. Эта модель обеспечила определенные успехи и продолжает оставаться основой для дальнейшего совершенствования.

Для Дании характерно отсутствие законодательного закрепления регулирования. Каждым органом государственной власти самостоятельно в рамках коллективных соглашений устанавливается размер оплаты государственных служащих, правила, касающиеся оценки результативности их работы, обеспечение связи между целями государственных органов и критериями эффективности их сотрудников (Lotte, 1998).

При помощи этих контрактов (соглашений), которые приобретают достаточно серьезную юридическую силу, возможно внедрение действенного механизма ответственности органов государственной власти за низкие результаты их деятельности. Изучение зарубежного опыта показывает, что гибкость и эффективность государственного управления повышается при заключении как коллективных, так и индивидуальных соглашений.

Определенный научный интерес в контексте растущей пространственной неравномерности социально-экономического развития России представляют эмпирические исследования деятель-

ности государственного сектора на региональном уровне. Так, методология оценки PSP (Public Sector Performance) была модифицирована авторами (Tarasova, Sedipkova, 2024) путем увеличения числа рассматриваемых показателей и изменения способа стандартизации с учетом особенностей набора данных.

Полученные результаты органы власти могут использовать для выявления слабых сторон регионов, отраслевых дисбалансов, разработки направлений корректировки государственных программ, а также для формирования пула межрегиональных взаимодействий с целью трансфера успешных управленческих кейсов, проектов и практик из лидирующих регионов по соответствующим направлениям (Tarasova, Sedipkova, 2024).

Новый государственный менеджмент является отличным инструментом для повышения качества и эффективности государственных услуг. Его появление совпало с экономической политикой, продвигаемой Всемирным банком и МВФ в 1980-е годы. Этот подход, нацеленный на широкую приватизацию и развитие конкуренции, получил поддержку Организации экономического сотрудничества и развития и был принят консультантами Всемирного банка (Баранов, 2012).

Инструменты нового государственного менеджмента включали активное заимствование опыта частного сектора, в особенности методов, направленных на повышение экономической эффективности использования бюджетных средств.

Можно выделить ряд ключевых элементов нового государственного менеджмента, внедряемых в практику деятельности государственных органов: управление по результатам; бюджетирование, ориентированное на результат; подотчетность на разных уровнях (государственных агентств перед законодателями; законодателей перед гражданами; менеджеров низшего звена перед высшим и т. д.); принципы проектного финансирования; механизмы конкуренции, как реальной, так и квазиконкуренции; философия «служения обществу» (принципы сервисного государства) (Капогузов, 2023).

Такой подход, при котором государство служит народу, а госслужащие фактически выполняют роль работников сферы «государственных услуг», представляет собой важное изменение в культуре общественных отношений. Ранее государственное управление было отделено от экономической системы и подчинялось политической, основной задачей которого было исправление ошибок экономического развития. Новый государственный менеджмент, сохраняя правовой аспект в управлении, дополнительно включает предпринимательские критерии эффективности при оценке работы государственного аппарата (Капогузов, 2007).

Таким образом, главная цель NPM состоит во внедрении рыночных механизмов в государственный сектор и использовании методов управления, разработанных для частных компаний. Это выражается прежде всего в сокращении масштабов и ресурсов управления, а также в улучшении инструментов управления финансами и бюджетом государства (Череева, 2019).

Резюмируя вышеизложенное о NPM, можно заключить, что эта модель госуправления ориентирована на повышение гибкости в процессе принятия управленческих решений в государственном секторе, снижение уровня иерархии, передачу полномочий на более низкие уровни управления, а также укрепление взаимодействия государства и граждан (Котов, 2020).

Опыт зарубежных стран может быть полезным для современных изменений в системе публичного управления (Гайдарева, 2008).

Как свидетельствует мировая практика, трансформация системы государственной деятельности представляет собой непрерывный процесс (Аубакирова, Исатаева, 2021).

Анализ международного опыта позволяет выделить ряд основных условий и факторы, определяющие успешность реформирования государственной службы (табл. 2).

Применение системы оценки эффективности деятельности государственных органов стало неотъемлемой частью масштабной административной реформы, ориентированной на совершенствование государственного управления в Республике Казахстан (Адилбеков, 2024).

Таблица 2 – Основные условия и факторы успешности реформирования государственной службы**Table 2 – The main conditions and success factors of public service reform**

№	Условия и факторы успешности реформирования государственной службы
1	Наличие единой научно обоснованной долгосрочной стратегии модернизации отрасли, ориентированной на универсальные цели, с четко определенными задачами и измеримыми результатами
2	Ключевым условием успешности реформирования государственной службы является правильный выбор метода ее реализации. Существуют два универсальных метода реформирования государственной службы: – метод постепенного эволюционного улучшения отдельных направлений, секторов или форматов госслужбы; – метод радикальной модернизации всей системы государственной службы, который включает в себя быстрое и последовательное внедрение комплексной программы реформ
3	Основной целью реформы является внедрение концепции Good Governance (Надлежащего управления), которая отражает степень соответствия деятельности государственных служащих основным ценностям современного государственного управления
4	Использование подходов, признанных мировым сообществом, в качестве методологической основы политики международных организаций в области модернизации государственной службы
5	Одним из ключевых факторов, оказывающих значительное влияние на процесс модернизации государственной службы, является уровень коррупции
6	Реформы в государственном секторе должны проводиться в рамках стратегических социально-политических преобразований, а ее задачи должны быть согласованы с интересами экономического развития
7	К ключевым факторам модернизации отрасли следует отнести культуру государственной службы
8	Ключевое значение имеет выбор правильной стратегии заимствования передовых международных практик в области развития государственной службы

Составлено авторами на основе данных (Агубаев, 2024).

Современные исследователи в области государственного управления фокусируют свое внимание на изучении коммуникаций, связей и взаимодействий между менеджерами государственных, частных и общественных организаций, что объясняется тем, что принятие реальных решений и выполнение управленческих функций происходит именно в этой сфере (Ювица, 2015).

В условиях ускоренной глобализации увеличивается роль человеческого капитала, который становится ключевым фактором для развития и повышения конкурентоспособности системы государственной службы (Есберген, Шамишева, 2020).

По мнению Е. А. Капогузова, положительная динамика Казахстана в международных индексах во многом обусловлена попытками переноса успешных практик Сингапура, который в последние годы возглавляет рейтинг WGI. Это включает, среди прочего, привлечение сингапурских преподавателей в Назарбаев-университет, а также использование сингапурских моделей в стратегических документах и реализацию других инициатив (Капогузов, 2023).

Выводы

Результаты исследования показывают, что нет универсальной и абсолютно эффективной модели государственного управления. Теории, основанные на опыте западных стран, не могут быть внедрены без учета особенностей местной среды, которая не только изменяет структурные элементы и механизмы модели, но и трансформирует принципы ее функционирования.

Таким образом, условия проведения административной реформы в каждой стране уникальны, поэтому решения, принятые в зарубежных странах, не следует просто копировать. Для Казахстана важнейшей задачей является формирование государственного аппарата, соответствующего общественным ожиданиям, а также воспитание у государственных служащих стойкой непримиримости к коррупции.

Источники

Агубаев Н. (2024) Опыт реформирования государственной службы в странах ОЭСР и Казахстане: итоги и перспективы. Астана, Центр исследований, анализа и оценки эффективности, 210 с.

- Адилбеков Д. З. (2024) Оценка эффективности деятельности местных исполнительных органов Республики Казахстан. Вестник Казахского университета экономики, финансов и международной торговли, № 3 (56), с. 214–223. DOI: 10.52260/2304-7216.2024.3(56).23.
- Аубакирова Г. М., Исатаева Ф. М. (2021) Модернизация системы государственного управления Республики Казахстан. Экономика, предпринимательство и право, том 11, № 4, с. 827–844. DOI: 10.18334/errp.11.4.112003.
- Барабашев А. Г., Киндрась А. А. (2014) Об эффективности программно-целевого метода реформирования государственной службы: опыт России. Вопросы государственного и муниципального управления, № 2, с. 7–27.
- Баранов И. Н. (2012) Новый государственный менеджмент: эволюция теории и практики применения. Russian journal of management, том 10, № 1, с. 51–64.
- Бекбосынова Ж. А. (2019) Международный опыт совершенствования деятельности государственных органов и его адаптация в системе государственной службы Казахстана. Central Asian Economic Review, № 5 (128), с. 16–27.
- Бриль Д. В. (2020) Система государственного управления: история развития теории и совершенствования практики управления эффективностью исполнительных органов государственной власти Российской Федерации. Управление большими системами, вып. 85, с. 6–22. DOI: 10.25728/ubs.2020.85.1.
- Гайдарева И. Н. (2008) Основные направления административной реформы на современном этапе (опыт зарубежных государств). Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, № 8, с. 331–341.
- Губачёв М. Н. (2021) Концептуальные предпосылки «нового государственного менеджмента». Международный научно-исследовательский журнал, № 6 (108), часть 5, с. 117–121. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.160>.
- Добролюбова Е. И., Александров О. В., Южаков В. Н. (2014) Международный опыт внедрения управления по результатам: основные тенденции. Государственная служба, № 1 (87), с. 84–92.
- Есберген Р. А., Шамишева Н. К. (2020) Трансформация системы государственного управления в регионах Республики Казахстан. Экономическая серия Вестника ЕНУ имени Л. Н. Гумилева, № 1, с. 63–72. DOI: 10.32523/2079-620X-2020-1-63-72.
- Еремина О. Ю. (2012) Правовые критерии результативности деятельности органов исполнительной власти в зарубежных странах. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, № 6, с. 179–187.
- Капогузов Е. А. (2023) Новый государственный менеджмент: эволюция и уроки для России. ЭКО, № 3, с. 124–139. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-3-124-139.
- Капогузов Е. А. (2007) Предпосылки и ключевые характеристики реформы государственного управления в зарубежных странах. Экономический вестник Ростовского государственного университета, том 5, № 4, с. 31–37.
- Кокорин И. С., Лебедева Е. А. (2019) Сравнительный анализ государственного управления в России и в зарубежных странах. Актуальные проблемы науки и практики, № 3, с. 17–21.
- Котов Е. В. (2020) Государственное управление: эволюция и перспективы в условиях становления государственности. Менеджер, № 3 (93), с. 56–66.
- Красильников Д., Сивинцева О., Троицкая Е. (2014) Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance. Ars Administrandi, № 2, с. 45–62.
- Мэннинг Н., Парисон Н. (2003) Реформа государственного управления: Международный опыт; пер. с англ. Москва, Издательство «Весь мир», 496 с.
- Питерс Т., Уотерман Р. (1986) В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний). Москва, Прогресс, 418 с.
- Охотский Е. В. (2014) Государственное управление: на пути к современной модели государственного менеджмента. Вестник МГИМО-Университета, № 3 (36), с. 115–127. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-3-36-115-127.
- Череева Б. Т. (2019) Современные концепции государственного управления: теория и практика. Central Asian Economic Review, № 2, с. 102–112.
- Ювица Н. В. (2015) Традиционные и новые модели государственного управления экономикой в современных условиях. Национальная ассоциация ученых (НАУ), № IV (9), с. 31–34
- Khalimon E. A., Sycheva S. M., Obradović V. (2022). Current Development Trends of the System of Public Administration. In: Ashmarina, S.I., Mantulenko, V.V., Vochozka, M. (eds) Proceedings of the International Scientific Conference “Smart Nations: Global Trends In The Digital Economy”. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 397. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-94873-3_14.
- Lotte J. (1998) Interpreting New Public Management: The Case of Denmark. Australian Journal of Public Administration. Vol. 57.
- Marius P. C., Luminița C.D., Zizi G., Elena I. T., Corina-Cristiana, N. (2021). Public Administration and Regional Development. In: Dima, A.M., Anghel, I., Dobreă, R.C. (eds) Economic Recovery After COVID-19. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-86641-9_4.
- Morisson A., Doussineau M. (2019) Regional innovation governance and place-based policies: design, implementation and implications. Regional Studies, Regional Science, № 6 (1), pp. 101–116.

- Tarasova, O. V., Sedipkova, S. V. (2024) Assessing Public Sector Performance in Regions of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, no. 14, pp. 296–305. DOI: 10.1134/S2079970524600185
- Wong M. K. (2022) Politics and Public Administration. In: Wong M. K., Kwong C. M. (eds) *Hong Kong History. Hong Kong Studies Reader Series*. Palgrave Macmillan, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-16-2806-1_1.

References

- Adil'bekov D. Z. (2024) Ocenka jeffektivnosti dejatel'nosti mestnyh ispolnitel'nyh organov Respubliki Kazahstan [Assessment of the effectiveness of local executive bodies of the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Kazahskogo universiteta jekonomiki, finansov i mezhdunarodnoj trgovli – Herald of the Kazakh University of Economics, Finance and International Trade*, no. 3 (56), pp. 214–223. DOI: 10.52260/2304-7216.2024.3(56).23 (In Russian).
- Agubaev N. (2024) Opyt reformirovanija gosudarstvennoj sluzhby v stranah OJeSR i Kazahstane: itogi i perspektivy [Experience of civil service reform in the OECD countries and Kazakhstan: results and prospects]. Astana, Centr issledovaniy, analiza i ocenki jeffektivnosti, 210 p. (In Russian).
- Aubakirova G. M., Isataeva F. M. (2021) Modernizacija sistemy gosudarstvennogo upravlenija Respubliki Kazahstan [Modernization of the public administration system of the Republic of Kazakhstan]. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 11. no. 4, pp. 827–844. DOI: 10.18334/epp.11.4.112003 (In Russian).
- Barabashev A. G., Kindras' A. A. (2014) Ob jeffektivnosti programmno-celevogo metoda reformirovanija gosudarstvennoj sluzhby: opyt Rossii [On the effectiveness of the program-targeted method of reforming the civil service: the experience of Russia]. *Public administration issues*, no. 2, pp. 7–27 (In Russian).
- Baranov I. N. (2012) Novyj gosudarstvennyj menedzhment: Jevoljucija teorii i praktiki primenenija [New public management: The evolution of theory and practice of application]. *Russian journal of management*, vol. 10, no. 1, pp. 51–64 (In Russian).
- Bekbosynova Zh. A. (2019) Mezhdunarodnyj opyt sovershenstvovanija dejatel'nosti gosudarstvennyh organov i ego adaptacija v sisteme gosudarstvennoj sluzhby Kazahstana [International experience in improving the activities of government agencies and its adaptation to the civil service system of Kazakhstan]. *Central Asian Economic Review*, no. 5 (128), pp. 16–27 (In Russian).
- Bril' D. V. (2020) Sistema gosudarstvennogo upravlenija: istorija razvitija teorii i sovershenstvovanija praktiki upravlenija jeffektivnost'ju ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii [The system of public administration: the history of the theory development and improvement of the practice of efficiency management of the executive bodies of state power of the Russian Federation]. *Large-Scale Systems Control*, vol. 85, pp. 6–22. DOI: 10.25728/ubs.2020.85.1 (In Russian).
- Chereeva B. T. (2019) Sovremennye koncepcii gosudarstvennogo upravlenija: teorija i praktika [Modern concepts of public administration: theory and practice]. *Central Asian Economic Review*, no. 2, pp. 102–112. (In Russian).
- Dobroljubova E. I., Aleksandrov O. V., Juzhakov V. N. (2014) Mezhdunarodnyj opyt vnedrenija upravlenija po rezul'tatam: osnovnye tendencii [International experience in implementing results management: key trends]. *Public Administration*, no. (87), pp. 84–92 (In Russian).
- Eremina O. Ju. (2012) Pravovye kriterii rezul'tativnosti dejatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti v zarubezhnyh stranah [Legal criteria for the effectiveness of executive authorities in foreign countries]. *Journal of foreign legislation and comparative law. Journal of foreign legislation and comparative law*, no. 6, pp. 179–187 (In Russian).
- Esbergen R. A., Shamisheva N. K. (2020) Transformacija sistemy gosudarstvennogo upravlenija v regionah Respubliki Kazahstan [Transformation of the public administration system in the regions of the Republic of Kazakhstan]. *Jekonomicheskaja serija Vestnika ENU imeni L.N. Gumileva – Economic series of the Bulletin of the L. N. Gumilyov ENU*, no. 1, pp. 63–72, DOI: 10.32523/2079-620X-2020-1-63-72 (In Russian).
- Gajdareva I. N. (2008) Osnovnye napravlenija administrativnoj reformy na sovremennom jetape (opyt zarubezhnyh gosudarstv) [The main directions of administrative reform at the present stage (experience of foreign countries)]. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”*, no. 8, pp. 331–341 (In Russian).
- Gubachjov M. N. (2021) Konceptual'nye predposylki «novogo gosudarstvennogo menedzhmenta» [Conceptual prerequisites of the “new state management”]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International Research Journal*, vol. 6 (108), no. 5, pp. 117–121, DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.160 (In Russian).
- Juvica N. V. (2015) Tradicionnye i novye modeli gosudarstvennogo upravlenija jekonomikoj v sovremennyh uslovijah [Traditional and new models of state management of the economy in modern conditions]. *Nacional'naja asociacija uchenyh – National Association of Scientists*, no. IV (9), pp. 31–34 (In Russian).
- Kapoguzov E. A. (2007) Predposylki i ključevye harakteristiki reformy gosudarstvennogo upravlenija v zarubezhnyh stranah [Prerequisites and key characteristics of public administration reform in foreign

- countries]. *Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Rostov state University (RINH)*, vol. 5, no. 4, pp. 31–37 (In Russian).
- Kapoguzov E. A. (2023) *Novyj gosudarstvennyj menedzhment: jevoljucija i uroki dlja Rossii* [New State Management: Evolution and Lessons for Russia]. *ECO*, no. 3, pp. 124–139. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-3-124-139 (In Russian).
- Khalimon E. A., Sycheva S. M., Obradović V. (2022). Current Development Trends of the System of Public Administration. In: Ashmarina, S.I., Mantulenko, V.V., Vochozka, M. (eds) *Proceedings of the International Scientific Conference “Smart Nations: Global Trends In The Digital Economy”*. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 397. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-94873-3_14.
- Kokorin I.S., Lebedeva E.A. (2019) *Sravnitel'nyj analiz gosudarstvennogo upravlenija v Rossii i v zarubezhnyh stranah* [Comparative analysis of public administration in Russia and abroad. Actual problems of science and practice, no. 3, pp. 17–21 (In Russian).
- Kotov E. V. (2020) *Gosudarstvennoe upravlenie: jevoljucija i perspektivy v uslovijah stanovlenija gosudarstvennosti* [Public administration: evolution and prospects in the context of statehood formation]. *Menedzher*, no. 3 (93), pp. 56–66 (In Russian).
- Krasil'nikov D., Svinceva O., Troickaja E. (2014) *Sovremennyye zapadnyye upravlencheskiye modeli: sintez New Public Management i Good Governance* [Modern Western Management Models: Synthesis of New Public Management and Good Governance]. *Ars Administrandi*, vol. 2, pp. 45–62 (In Russian).
- Lotte J. (1998) *Interpreting New Public Management: The Case of Denmark*. *Australian Journal of Public Administration*. Vol. 57.
- Marius P. C., Luminița C. D., Zizi G., Elena I. T., Corina-Cristiana N. (2021). *Public Administration and Regional Development*. In: Dima, A.M., Anghel, I., Dobra, R.C. (eds) *Economic Recovery After COVID-19*. Springer Proceedings in Business and Economics. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-86641-9_4.
- Mjening N., Parison N. (2003) *Reforma gosudarstvennogo upravlenija: Mezhdunarodnyj opyt* [Public administration reform: International experience]; Moscow, Publ. Ves' mir, 496 p. (In Russian).
- Morisson A., Doussineau M. (2019) *Regional innovation governance and place-based policies: design, implementation and implications*. *Regional Studies, Regional Science*, no. 6 (1), pp. 101–116.
- Ohotskij E.V. (2014) *Gosudarstvennoe upravlenie: na puti k sovremennoj modeli gosudarstvennogo menedzhmenta* [Public administration: towards a modern model of public management]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 3(36), pp. 115–127. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-3-36-115-127 (In Russian).
- Piters T., Uoterman R. (1986) *V poiskah jeffektivnogo upravlenija (opyt luchshih kompanij)* [In search of effective management (the experience of the best companies)]. Moscow, Publ. Progress, 418 p. (In Russian).
- Tarasova O. V., Sedipkova S. V. (2024) *Assessing Public Sector Performance in Regions of the Russian Federation*. *Regional Research of Russia*, no. 14, pp. 296–305. DOI: 10.1134/S2079970524600185.
- Wong M. K. (2022) *Politics and Public Administration*. In: Wong M. K., Kwong C. M. (eds) *Hong Kong History*. Hong Kong Studies Reader Series. Palgrave Macmillan, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-16-2806-1_1.

Информация об авторах

Адилбеков Даурен Зекенович

Доктор экономических наук, профессор.
Республиканское государственное предприятие
на праве хозяйственного ведения «Институт
парламентаризма», г. Астана, Республика
Казахстан.
ORCID ID: 0009-0009-8936-0160.
E-mail: adilbekovdauren08@gmail.com

Аюлов Абилямжип Мусаипович

Доктор экономических наук, профессор.
Гуманитарно-техническая академия,
г. Кокшетау, Республика Казахстан.
ORCID ID: 0009-0002-6590-4855.
E-mail: rector@gta.kz

Autor's information

Dauren Z. Adilbekov

Dr. Sc. (Econ.), Professor.
RSE on REM “Institute of Parliamentarism”
of the Department of Material and Technical
Support, Astana, Republic of Kazakhstan.
ORCID ID: 0009-0009-8936-0160.
E-mail: adilbekovdauren08@gmail.com

Abilmazhin M. Ayulov

Dr. Sc. (Econ.), Professor.
Humanitarian and Technical Academy,
Kokshetau, Republic of Kazakhstan.
ORCID ID: 0009-0002-6590-4855.
E-mail: rector@gta.kz

УДК 330
JEL M00

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.19

Научная статья

Р. Р. Нейман¹

✉ nerudolf@mail.ru

¹Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Матрица эффективности технологий корпоративного обучения персонала

Аннотация: Инвестиции в человеческий, интеллектуальный и организационный капитал корпораций приобретают решающее значение для развития, достижения и укрепления конкурентных преимуществ на современных рынках. Однако их природа, способы стоимостного измерения и рыночной оценки всё ещё остаются проблемными. В статье обобщается многолетний опыт проведения организационно-деятельностных игр и бизнес-тренингов, оказания консалтинговых услуг в крупных корпорациях, на предприятиях малого и среднего бизнеса. Цель работы – обоснование необходимости соорганизации различных технологий обучения персонала от традиционных форм (наставничества, лекционных и семинарских занятий) до современных методов проведения тренингов и электронного обучения. Для этого в работе предлагается использовать матрицу эффективности в виде изокванты расходов и изокванты доходов. Матрица помогает решить задачи учёта расходов и доходов на образование. Определение эффективности отдельной образовательной деятельности отражается на стоимости человеческого капитала, составной части нематериальных активов корпорации, и в конечном итоге определяет рыночную стоимость всей корпорации. Основное внимание уделяется проблеме определения эффективности инвестиций в интеллектуальный, человеческий капитал компании, методам оценки нематериальных активов.

Ключевые слова: бизнес-тренинги, оргдеятельностные игры, изокванта затрат и доходов, интеллектуальный капитал.

Дата поступления статьи: 20 ноября 2024 г.

Для цитирования: Нейман Р. Р. (2025) Матрица эффективности технологий корпоративного обучения персонала. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 19, № 1, с. 207–215. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.19.

Scientific article

R. R. Neyman¹

✉ nerudolf@mail.ru

¹Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Efficiency matrix of corporate personnel training technologies

Abstract: Corporate human capital investments are becoming more and more important for the development, achievement and strengthening of competitive advantage. Their nature, cost-measurement techniques, and market assessment, however, continue to provide challenges. The presented article summarizes years of expertise in conducting organizational and activity games and business trainings, providing consulting services in large corporations and small and medium-sized businesses. The purpose of the work is to substantiate the need for co-organization of various personnel training technologies from traditional forms (mentoring, lectures and seminars) to modern methods of conducting business training and e-learning, as well as ways to allocate personnel training costs from total costs and determine their economic efficiency. The work suggests using an efficiency matrix in the form of an income isoquant and a cost isoquant to accomplish this. The matrix helps solve problems of accounting for expenses and income for education. In the end, determining the effectiveness of individual activities ultimately focuses on the cost of human capital, an integral part of the corporation's intangible assets.

Keywords: business training, organizational activity games, cost isoquant, revenue isoquant, intellectual capital.

Paper submitted: November 20, 2024.

© Р. Р. Нейман, 2025

For citation: Neyman R. R. (2025) Efficiency matrix of corporate personnel training technologies. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 19, no. 1, pp. 207–215. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2025.19.1.19.

Введение

Человеческий капитал в организации требует постоянных инвестиций, потому что играет ключевую роль в развитии и достижении конкурентных преимуществ на отечественном и международном рынках. Практика их учета и оценки эффективности все еще остаются недостаточно исследованными. Цель статьи – анализ проблем методов учета затрат на различные методы и технологии обучения персонала и определение эффективности их соорганизации.

Корпоративное обучение работникам необходимо, потому что приходится постоянно адаптироваться к меняющимся условиям работы: новому оборудованию, компьютерным цифровым программам. Это позволяет удерживать и развивать конкурентные преимущества на современных рынках. Проблемы обучения привлекают внимание ученых и практических работников (Бирюков, 2024; Волох, 2023; Герова, Мерецков, Клочков, 2023; Епанчинцев, Шумакова, 2022; Нейман, 2004; Нейман, 2007).

В ходе обучения не только осваиваются приобретаемые технологии, но и неизбежно создаются ноу-хау. Так, принятие решения о выходе на рынок нового продукта будет означать, что вслед за изобретателем на всех участках единого бизнес-процесса придется «изобретать» ноу-хау, связанные с заготовкой сырья, производством, оформлением и продвижением продукта на внутренних и внешних рынках.

В научной литературе среди задач маркетинга персонала выделяется блок производственного обучения и повышение квалификации. Маркетинг персонала можно также трактовать и как вид управленческой деятельности, направленный на привлечение, удержание, обучение и мотивацию высокопрофессиональных специалистов, умеющих и желающих оказывать качественные услуги клиентам организации (Патласов, 2023).

Сложная структура корпоративного обучения персонала нуждается в анализе как отдельных составляющих, так и их взаимодействия. Существующая практика учета затрат на обучение не позволяет всесторонне выявлять актуальные потребности. Для обоснования затрат на обучение важно оценивать их влияние на величину интеллектуального капитала корпорации, его долю в общей стоимости компании. Такие многосторонние взаимосвязанные направления образовательной, производственной и коммерческой деятельности нуждаются в систематизации и моделировании (Абакумова, Бажутин, 2021; Анисимов, 2005; Кларин, 2023; Осадчук, Рыбакова, 2024; Разумов, 2005; Хруцкий, Толмачев, Хруцкий, 2025; Щедровицкий, 2021).

Методы

В статье используется аналитическое исследование как процедура сбора, анализа, обработки информации и интерпретации различного вида и характеристик, а также незаменимыми становятся методы моделирования, структуризации, ранжирования.

Результаты

Если в инженерных областях человеческой деятельности методы моделирования давно утвердились и обрели непротиворечивую теоретическую базу, то в социальной сфере сложились разные школы, развивающиеся независимо друг от друга и часто приводящие к неадекватным результатам, что объясняется спецификой и сложностью социальных объектов, многофакторностью экономических явлений и процессов, сложным характером взаимосвязей между элементами, наличием субъективного фактора. Целенаправленность их применения и развития обычно исходит из мировоззренческих и политических предпочтений. В научных публикациях уделяется внимание необходимости объективности и непредвзятости в оценке общественно-экономических явлений, что оставляет свободу выбора в принятии решений работниками в конкретной ситуации (Колесникова, 2019; Леонтьев, Мамаджанов, 2007; Лучко, Маренко, 2023).

Исследование и систематизация многолетнего опыта организации обучения персонала на предприятии исходит из концепции централизованного на обучающихся образования (Rogers, 1995). Она имеет место и в высшей школе, и тем более при организации обучения персонала действующих предприятий. Прежде чем приступить к обучению, необходимо вникнуть в цели и задачи, формулируемые в миссии компании, обстоятельства, сложившиеся на рынках снабжения и реализации продукции, условия работы занятого персонала, не только социально-производственной, но и социально-бытовой инфраструктуры.

Развитие новых знаний обусловлено не стремлением к изобретательству как таковому, а потребностью в формировании интеллектуальных инструментов адекватных развитию технологий. Организация образовательного процесса как составная часть производственного не менее (если не более) важна, нежели сам технологический процесс производства, ибо от него зависит совершенствование технологии, ее переход на более высокий и качественный уровень, темпы роста продаж, качество продукции. А отсюда исключительное значение приобретает организация различных традиционных методов обучения (наставничество, менторинг, мастер-классы, лекционные и семинарские занятия) и нетрадиционных методов проведения бизнес-тренингов, других форм активного вовлечения сотрудников компании в творческие формы освоения приобретаемых и создаваемых ноу-хау (Абакумова, Бажутин, 2021; Анисимов, 2005; Кларин, 2023; Осадчук, Рыбакова, 2024; Разумов, 2005; Хруцкий, Толмачев, Хруцкий, 2025, Щедровицкий, 2021).

Таблица 1 – Характеристика различных методов корпоративного обучения

Table 1 – Characteristics of various corporate training methods

Наименование	Основные достоинства	Основные недостатки
Менторинг: наставник может показать	Эффект подражания опыту прошлого, эмпирические кривые опыта и обучения	Ограниченные возможности освоения нового
Лекции, семинары: преподаватель знает, как надо	Задаёт нормативы, вытекающие из опыта прошлого и законодательства	Ограничивает творческие возможности обучающихся
Кружки качества (КК)	Выявление в рабочих группах проблем, их оперативное решение и внедрение	Эффективные в производстве, не всегда применимы в бизнесе
Обучение действием (ОД)	Периодическое проведение конференций позволяет решать те же проблемы, что и в КК, с привлечением специалистов сторонних организаций	Большие затраты времени и средств, отвлекающих от основного производства
Организационно-деятельностные игры (ОДИ)	Позволяет решать трудноразрешимые проблемы, особенно в период реорганизаций, реинжиниринга, с использованием методологии коллективной мыследеятельности (МКМД)	Еще больше затрат, чем в ОД, высокие требования к профессиональной подготовленности команды игротехников
Электронное обучение (e-learning)	Использование возможностей интернета, краудсорсинга	Необходимы навыки использования современных цифровых технологий
Дистанционное обучение	Вебинары дают дополнительный эффект в обучении и использовании цифровых технологий	Отсутствие эмоциональной визуализации, эффекта группового взаимодействия
Смешанное обучение (b-learning)	По мере необходимости возможно использование различных приемов из перечисленного	Нередко возникающая эклектичность при смешении различных методов

Различные цели и задачи, которые стоят перед организацией, побуждают выбирать разное сочетание образовательных технологий, отличающихся как по образовательным основаниям, так и по финансовым и интеллектуальным временным и трудовым затратам. Выбор зависит не только от педагогических соображений целесообразности применения тех или других технологий, но и от окупаемости затрат, их рентабельности. Математически мы можем представить это как выбор между различными векторами, образующими изокванту затрат и доходов. Для формализации выбора воспользуемся их наглядной демонстрацией в матрице (табл. 2).

Таблица 2 – Матрица затрат и доходов корпоративного обучения

Table 2 – Corporate Training Cost/Benefit Matrix

Вектор доходов	ИК	ОК	РК	ПОС	НМ
Вектор видов образовательной деятельности					
Лекции, семинары	X			X	X
Менторинг, наставничество, мастер-классы	X				
Кружки качества	X	X		X	
Обучение действием	X	X		X	X
Организационно-деятельностные игры	X	X	X	X	X
Электронное обучение, вебинары	X	X	X	X	X
Консалтинг, коучинг	X	X	X		
Дистанционное обучение ОД	X			X	
Фасилитатор, модератор, коуч	X	X	X		

Примечание.

ИК – интеллектуальный капитал. Для его определения можно использовать методики оценки интеллектуальной собственности.

ОК – организационный капитал: формирование команды, корпоративного духа. Эффективность определяется комплексом показателей, среди которых ведущим является снижение транзакционных издержек, внутренних и внешних, на всем протяжении бизнес-процессов, от изобретения продукта до его реализации конечному потребителю.

РК – рыночный капитал, отражающий имидж торговой марки компании, ее брендов, определяемых показателями оборачиваемости и рентабельности продаж.

ПОС – переоценка основных средств. Комплекс показателей эффективности использования основных средств за счет рационализации структуры, загрузки, фондоотдачи и т. п.

НМ – новые материалы, методы работы с которыми осваивает персонал в ходе обучения. Эффективность отражается логистическими показателями управления запасами.

X – выбор вида образовательной деятельности, который может сочетаться в зависимости от имеющихся возможностей. Отсутствие одних видов может компенсироваться другими. Задача практических работников – расширять возможности, совершенствуя традиционные методы, а также привлекать новые прогрессивные технологии.

В образовательной деятельности не только конструируются новые продукты и технологии производства, логистики и продаж, но и создается интеллектуальный капитал, носителем которого является персонал компании, состоящий из отдельных личностей. Их объединение в команду определяет необходимость налаживания коммуникаций, формирующих организационный капитал предприятия.

В бизнес-тренингах во время игровых форм проведения занятий, ОДИ, задача по налаживанию коммуникаций ложится на модератора. В практической деятельности все более необходимой становится позиция фасилитатора. На многих предприятиях такую функцию выполняет диспетчерская служба. Формально не обладая полномочиями, она фактически управляет процессами поддержки оперативных связей между подразделениями компании, включая поставщиков и потребителей. В какой-то мере роль фасилитатора выполняет секретарь, в крупных организациях – секретарит при руководителе (офис президента корпорации). Введение позиции фасилитатора особенно актуально в высокотехнологичных компаниях с высоким уровнем интеллектуализации производственных отношений. От него не требуется непосредственного участия в принятии решений. Важно вовлечение всего человеческого капитала организации в коллективную мыслительную деятельность. От профессионального фасилитатора требуется владение инструментами методологии коллективной мыслительности МКМД (Щедровицкий, 2021), акмеологии (Анисимов,

2005), психологии, методов обучения, центрированного на обучающихся (Rogers, 1995) и других наук, что для большой корпорации не всегда доступно. Поскольку постоянного присутствия фасилитатора не требуется, достаточно его включения в критические моменты, которые возможны на основе отношений аутстаффинга, постоянных договоров с аутсорсинговыми консалтинговыми компаниями. На основе таких договоров, например, возможно участие фасилитатора в технических совещаниях и планерках на период отработки новых технологий, освоения нового оборудования, реорганизации, реинжиниринга бизнеса.

На рынке консалтинговых услуг все большее распространение получают предложения и по образовательному консалтингу (проведение бизнес-тренингов и др.), и по коучингу. Коуч как персональный тренер при ведущих топ-менеджерах входит практически во все образовательные процессы, включая решение психологических проблем в социально-производственных и социально-бытовых конфликтах.

В настоящее время все большее распространение получают новые формы образовательной деятельности, связанные с цифровыми технологиями, ИИ, электронным обучением. Особое значение они приобретают при дистанционном образовании, где проведение вебинаров становится основной формой обучения. В обучении участвуют сотрудники корпораций самого различного уровня, порою географически рассредоточенные по разным городам, странам и континентам. В этой связи соорганизация различных форм обучения, общения в чатах и краудсорсинг приобретают особое значение, роль модератора отдельных мероприятий и фасилитатора в более широком смысле становится исключительно ответственной.

В практической реализации инвестиционных проектов в корпоративное обучение возникают две проблемы: какие затраты отнести к изокванте расходов и что можно включить в вектор доходов.

Практика бухгалтерского учета не всегда благоприятствует выделению затрат на обучение из общих расходов на производство и реализацию, которые напрямую снижают налогооблагаемую базу предприятия. Большую часть расходов поглощают эмпирические кривые опыта и обучения. Их природа объясняется тем, что простое увеличение объемов производства ведет к снижению удельных расходов на единицу продукции за счет массы мелких улучшений, приспособлений, совершенствования используемых инструментов и приборов. С точки зрения бухгалтерского учета нет никакого смысла выделять их в самостоятельную статью расходов. Выделить эти затраты можно только проводя специальные исследования. На этот счет существует справедливое замечание: интересно узнать, во что это обошлось, но еще интересней определить, во что такое узнавание обойдется. Практически выделить эти расходы не так уж сложно методами опросов или экспертных оценок, но все это носит приблизительный оценочный характер.

Не менее сложно выделить доходы. Легче определить часть цены реализованных товаров и услуг, полученных за счет проведенных улучшений. Однако большая часть расходов на образование влияет на стоимость гудвилла компании, ноу-хау, эквивалентных приобретаемым на стороне производственным технологиям, составной части нематериальных активов. И здесь существующая практика приводит к тому, что в финансовой отчетности по строке нематериальные активы указывается символическая цифра в одну тысячу рублей или 1 доллар в западных компаниях. Практически эту цифру можно определить только для компаний при их продаже или IPO акций на финансовых рынках. Опять-таки, если это почему-то становится кому-то нужным. В результате расходы на корпоративное обучение целиком зависят от воли руководства компаний, их интуиции и мировоззренческих позиций. Что не так просто. Доходы от инвестиций в образование обладают не только высокой эффективностью, но и являются одними из самых высококорисковых в силу примитивной возможности не только увольнения или смерти высококвалифицированного сотрудника, но и его переманивания конкурентами. Широкое распространение фирм прямого поиска (Executive search), специализирующихся на хедхантинге, свидетельствует тому.

Риск потерять сотрудника в результате переманивания приводит к двум положительным для будущего компании и его сотрудников эффектам. Это достойная оплата квалифицированного

труда, сопоставимая с оплатой конкурентами. Хотя в современных условиях это ничего не гарантирует. Конкуренция переносится в то, что получило название компенсационного пакета, состоящего не только из стационарного социального пакета (медицинского страхования семьи и др.), но и условий проживания, компенсаций транспортных расходов, обучения в лучших тренинговых центрах страны и за рубежом, стипендии обучающимся в колледжах и университетах). Компании заинтересованы в том, чтобы все больше своих потребностей работник удовлетворял внутри корпорации, например, через клубы по интересам, дачные товарищества и т. п. Внутренняя мотивация позволяет сильнее привязать работника к компании, в отличие от внешней, когда рост оплаты через денежное вознаграждение делает работника более независимым. Это относится и к образованию, к целесообразности организации собственных учебных центров в корпорациях.

Нематериальные активы потому и называются нематериальными, что их нельзя представить в некоей осязаемой оболочке. Но у них есть одно существенное свойство, роднящее их с активами, а именно: способность генерировать денежные потоки.

Они продаются и покупаются, разница между покупкой – оттоком денежных средств и продажей – притоком денежных средств ничем не отличается от покупки и продажи трактора, хлеба или здания.

Обычно выявляется это в отчете о движении денежных средств.

Результативная строка отчета – сальдо или остаток на соответствующий период: год, месяц, каждый день. Это наши свободные денежные средства – кеш-флоу (CF).

По своей природе CF не всегда прибыль. Чаще всего это высвобождаемая при поступлении денежных средств амортизация. Разница в них только в том, что на прибыль нужно заплатить налог на прибыль, а амортизация относится к затратам, с которых налог не взимается.

Важно, что амортизация, а с ней и свободные деньги CF возникают и в отрицательных денежных потоках, в периоды освоения новых проектов, когда они еще не окупались. Они присутствуют в себестоимости каждой единицы реализованной продукции. Это снижает потребность в кредитах на период окупаемости инвестиционных проектов, нередко позволяет предприятию обходиться собственными средствами.

Для оценки высвобождаемых денежных средств CF при их прогнозировании можно использовать коэффициенты амортизации нематериальных активов.

$$Ka = АНМА / ПСНМА$$

где АНМА – сумма накопленной амортизации нематериальных активов;

ПСНМА – первоначальная стоимость всех нематериальных активов.

И коэффициент годности Kg – доля остаточной стоимости ОСНМА в первоначальной (недоамортизированной части):

$$Kg = 1 - Ka.$$

Интенсивность обновления нематериальных активов определяется коэффициентом их обновления Ko :

$$Kob = PCвведНМА / ПСкНМА,$$

где $PCвведНМА$ – рыночная стоимость введенных нематериальных активов;

$ПСкНМА$ – полная стоимость нематериальных активов на конец периода.

Патенты, ноу-хау и др. нематериальные активы – не картины, и не подвержены в той же степени капризам моды и вкуса. Однако и они могут резко дорожать или дешеветь в зависимости от конъюнктуры рынка.

Нельзя забывать об эмпирических кривых опыта и обучения. По мере использования, эффективность ноу-хау повышается за счет лучшего освоения операций, множества мелких совершенствований, приспособлений к условиям применения и т. д.

Амортизация, начисляемая на них, накапливается, но сами патенты не изнашиваются и могут как внезапно стать бесполезными, так и многократно вырасти в стоимости.

Ключевым для роста эффективности затрат на образование является определение параметров, по которым можно предпринимать корректирующие действия, характеризующие:

- уровень образования основных категорий занятых;
- процентное соотношение работников с разными категориями, классами, степенями;
- уровень производительности труда, трудоемкости, фондовооруженности;
- расширение зон обслуживания, совмещение профессий;
- количество рацпредложений на одного работника и др.
- коэффициент обогащения труда $K_{от}$: отношение взвешенных порядковыми множителями категорий работников a, b, c к базисной численности.

$$K_{от} = (Pa + Pb \cdot 10 + Pc \cdot 100) / (Pa + Pb + Pc)$$

где Pa х 1 – объектно ориентированные – рабочие, служащие, выполняющие элементарные функции;

$Pb \cdot 10$ – процессно-ориентированные – высоко квалифицированные рабочие и служащие, мастера, самостоятельно выполняющие функции входного и выходного контроля;

Pc х 100 – диспозитивные работники – менеджеры, выполняющие функции организации и управления (диспозиции), основанные на прогнозировании, предвидении, опережении, прокрастинации.

Ранжирование связано не со служебной иерархией, а с содержательным обогащением труда. Так, на одном и том же рабочем месте может работать продавец (sales) и менеджер по продажам (sales manager), не просто продающий, но и управляющий процессом продаж.

Поэтому ступени носят порядковый характер: как по содержанию, так и по эффективности. Обычно от диспозитивных работников рост объема реализации фирмы в денежном выражении – 2–3 % и более. К сожалению, в показателе текущей реализации не отражается работа с клиентами на будущее, имидж компании, позиции на конкурентном рынке. Оценка не может в количественном отношении быть точно измеренной, носит больше символический характер.

Выводы

Соединение образовательных и производственных процессов образует основу самообучающейся организации с высоким потенциалом развития, когда каждый член команды и команда в целом не только приобретают новые знания, навыки, умения и компетенции, но и ноу-хау, имеющие денежное выражение, в конечном счете увеличивающее оценку человеческого капитала и рыночную стоимость корпорации в целом.

У всех методов есть свои достоинства и недостатки. Нельзя делать выбор в пользу одних в ущерб другим. Задача заключается в том, чтобы выстроить модель соорганизации методов так, чтобы полностью использовать потенциал квалифицированных работников внутри компании с привлечением внештатных консультантов (аутстаффинг) и аутсорсинговых консалтинговых фирм.

В современных условиях центральной проблемой образования является не только освоение новых технологий, но и инвестиции в формирование командного духа, закрепление квалифи-

цированных специалистов через предоставление полного социального пакета, решение проблем социально-бытовой инфраструктуры, включающее и создание условий по непрерывному обучению с использованием активных форм, направление работников в отечественные и международные центры бизнес-тренингов.

В условиях острой конкуренции, необходимости постоянно осваивать новые технологии и промышленное оборудование, цифровые приложения возрастает роль межличностных коммуникаций, что требует, особенно в периоды реорганизаций и реинжиниринга бизнеса, использование фасилитатора. Проведение ими своего рода мастер-классов возвращает нас к основам самой древней формы образования – к наставничеству.

В учебном процессе, особенно с использованием активных форм, затраты окупаются не только за счет новых продуктов и повышения их качества, но и роста интеллектуального, организационного и в целом человеческого капитала, повышения гудвилла компании, ее рыночной стоимости.

Источники

- Абакумова Н. Н., Бажутин И. С. (2021) Социально-экономический аудит персонала. Москва, Ай Пи Ар Медиа, 175 с.
- Анисимов О. С. (2005) Теоретическая акмеология: предмет, структура, содержание, тренинг. Москва, 382 с.
- Бирюков В. В. (2024) Внутридисциплинарный дискурс и обновление экономического образования. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 3, с. 195–202. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.18.
- Волох О. В., Волох Т. С. (2023) Изменения системы высшего образования как регулятор потребностей в развитии профессиональных навыков студентов. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 3, с. 105–113. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.11.
- Герова Н. В., Мерецков О. В., Ключков А. В. (2023) Анализ возможностей применения сквозной цифровой технологии «искусственный интеллект» в контексте учебной деятельности. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 3, с. 122–130. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.13.
- Епанчинцев В. Ю., Шумакова О. В. (2022) Перспективные направления информационно-консультационной поддержки фермерских хозяйств (на материалах Омской области). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 2, с. 210–219. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.22
- Кларин М. В. (2023) Корпоративный тренинг, наставничество, коучинг. Москва, Юрайт, 288 с.
- Колесникова Т. Ю., Семенов П. В. (2019) Аудит и анализ эффективности управления персоналом. Управление человеческими ресурсами, № 7, с. 78–84.
- Леонтьев Б. Б., Мамаджанов Х. А. (2007) Основы оценки интеллектуальной собственности в России. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 175 с.
- Лучко О. Н., Маренко В. А. (2023) Когнитивный подход в исследовании социально-экономических систем. Омск, Изд-во ОмГА, 100 с.
- Нейман Р. Р. (2004) Дидактика самообучающихся организаций. Омск, Изд-во ОмГА, 144 с.
- Нейман Р. Р. (2007) Проблемы аудита и контроллинга персонала: (управленческий подход). Омск, Изд-во ОмГА, 314 с.
- Осадчук О. Л., Рыбакова Н. Н. (2024) Опыт разработки и внедрения программы наставничества «педагог – педагог» в автомобильном университете. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 3, с. 137–146. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.13.
- Патласов О. Ю. (2023) Маркетинг персонала. Москва, Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 384 с.
- Разумов В. И., Сизиков В. П. (2005) Основы теории динамических информационных систем. Монография. Омск, Изд-во ОмГУ, 212 с.
- Хруцкий В. Е., Толмачев Р. А., Хруцкий Р. В. (2025) Оценка персонала. Сбалансированная система показателей : практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. Москва, Издательство Юрайт, 203 с.
- Щедровицкий П. Г. (2021) Материалы к программе разработки «Технологий мышления». Выпуск 3. Москва, Буки Веди, 280 с.
- Rogers Carl R. (1995) A Way of Being. Houghton Mifflin Harcourt, Boston, New York, 395 p.

References

- Abakumova N. N., Bazhutin I. S. (2021) Sotsial'no-ekonomicheskiiy audit personala [Socio-economic Audit of Personnel]. Moscow, IP R Media Publ., 175 p. (In Russian).
- Anisimov O. S. (2005) Teoreticheskaya akmeologiya: predmet, struktura, sodержaniye, trening [Theoretical acmeology: subject, structure, content, training]. Moscow, 382 p. (In Russian).
- Biryukov V. V. (2024) Intradisciplinary discourse and renewal of economic education. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 3, pp. 195–202. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.18

- (In Russian).
- Epanchintsev V. Yu., Shumakova O. V. (2022). Promising areas of advisory support for farms (case study of the Omsk Region). *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 16, no. 2, pp. 210–219. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.22 (In Russian).
- Gerova N. V., Meretskov O. V., Klochkov A. V. (2023) Formation of future teachers of professional training readiness for implementation inclusive education. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 17, no. 3, pp. 122–130. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.13 (In Russian).
- Khrutsky V. E., Tolmachev R. A., Khrutsky R. V. (2025) Otsenka personala. Sbalansirovannaya sistema pokazateley [Personnel Assessment. Balanced Scorecard: A Practical Guide]. 3rd ed., corrected. and additional. Moscow, Yurait Publ., 203 p. (In Russian).
- Klarin M. V. (2023) Korporativnyy trening, nastavnichestvo, kouching [Corporate training, mentoring, coaching]. Moscow, Yurait Publ., 288 p. (In Russian).
- Kolesnikova T. Yu., Semenov P. V. (2019) Audit i analiz effektivnosti upravleniya personalom [Audit and analysis of personnel management efficiency]. *Upravleniye chelovecheskimi resursami – Human Resource Management*, no. 7, pp. 78–84 (In Russian).
- Leont'iev B. B., Mamadzhanov H. A. (2007) Osnovy otsenki intellektual'noy sobstvennosti v Rossii [Fundamentals of intellectual property assessment in Russia]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow, 175 p. (In Russian).
- Luchko O. N., Marenko V. A. (2023) Kognitivnyy podkhod v issledovanii sotsial'no-ekonomicheskikh sistem [Cognitive approach in the study of socio-economic systems]. Omsk, OmGA Publ., 100 p. (In Russian).
- Neyman R. R. (2004) Didaktika samoobuchayushchikhsya organizatsiy [Didactics of Self-Learning Organizations]. Omsk, OmGA Publ., 144 p. (In Russian).
- Neyman R. R. (2007) Didaktika samoobuchayushchikhsya organizatsiy [Problems of Personnel Audit and Controlling: (Managerial Approach)]. Omsk, OmGA Publ., 314 p. (In Russian).
- Osadchuk O. L., Rybakova N. N. (2024) Experience in the development and implementation of the teacher-teacher mentoring program at the Automobile and Highway University. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 18, no. 3, pp. 137–146. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.3.13 (In Russian).
- Patlasov O. Yu. (2023) Marketing personala [Personnel Marketing]. Moscow, Publishing and Trading Corporation “Dashkov i K”, 384 p. (In Russian).
- Razumov V. I., Sizikov V. P. (2005) Osnovy teorii dinamicheskikh informatsionnykh sistem [Fundamentals of the Theory of Dynamic Information Systems]. Monograph. Omsk, OmGU Publ., 212 p. (In Russian).
- Rogers Carl R. (1995) A Way of Being. Houghton Mifflin Harcourt, Boston, New York, 395 p.
- Shchedrovitsky P. G. (2021) Materialy k programme razrabotki “Tekhnologiy myshleniya”. [Materials for the development program of “Thinking Technologies”]. Issue 3. Moscow, Buki Vedi Publ., 280 p. (In Russian).
- Volokh O. V., Volokh T. S. (2022) Changes in the system of higher education as a regulator of the needs for the development of professional skills of students. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 17, no. 3, pp. 105–113. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.11 (In Russian).

Информация об авторе

Нейман Рудольф Рудольфович

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления персоналом. Омская гуманитарная академия, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0009-0000-2888-9698.
E-mail: nerudolf@mail.ru

Author's information

Rudolf R. Neyman

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of the Department of Economics and Personnel Management. Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0009-0000-2888-9698.
E-mail: nerudolf@mail.ru